

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ПУБЛИЧНОМ И ЧАСТНОМ ПРАВЕ

*Материалы Международной научной конференции
(Омск, 29 марта 2024 г.)*

© ФГАОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2024

ISBN 978-5-7779-2693-7

2024

УДК 340
ББК 67я43
П685

Рецензенты:

д-р юрид. наук, доц. *К.В. Маслов*;
канд. юрид. наук, доц. *Г.Н. Обухова*

Ответственный редактор:

канд. юрид. наук, *А.В. Трутаева*

П685 **Правоприменение в публичном и частном праве:** материалы Международной научной конференции (Омск, 29 марта 2024 г.) / ответственный редактор А.В. Трутаева. – Омск : Издательство Омского государственного университета, 2024. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-7779-2693-7

В сборнике представлены статьи участников научной конференции «Правоприменение в публичном и частном праве», прошедшей в рамках Восьмой Омской юридической недели.

Адресуется широкому кругу специалистов в области различных отраслей права, профессорско-преподавательскому составу, аспирантам и адъюнктам, студентам и курсантам образовательных учреждений юридического профиля.

УДК 340
ББК 67я43

*Материалы конференции печатаются
в авторской редакции, орфографии и пунктуации*

*Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание*

Минимальные системные требования:
процессор с частотой 1,3 ГГц или выше ; ОЗУ 512 Мб ;
Microsoft Windows XP/Vista/7/8/10 ;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше ; CD-ROM; мышь

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

- Ящук Т.Ф.** Кодификация законодательства: актуализация отечественного историко-правового опыта..... 7-13
- Сенокосова Е.К.** Нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, обеспечивающие безопасность личности в сферах медицины и фармацевтики: современное состояние и перспективы развития..... 13-18

Теоретико-исторические правовые науки

- Иванов Р.Л.** Общеобязательность и государственная гарантированность как признаки норм права 19-24
- Кожевников В.В.** Процессуальная юридическая ответственность как комплексный правовой институт..... 24-29
- Курасов С.С.** Правоприменение и правореализация в трудовой сфере Советской России и СССР 1917–1941 годов 29-33
- Рыбаков В.А.** Правотворчество в период становления советского государства 34-37
- Смоленчук М.М.** Судебные обычаи рассмотрения гражданских дел судами общей юрисдикции 38-45
- Соколова Е.С.** «Маленькая административная реформа» Екатерины II: политико-юридические векторы..... 45-49
- Юрицин А.А.** Нормативные проблемы квалификации тоталитарных политических режимов..... 49-54

Публично-правовые, государственно-правовые науки, уголовно-правовые и международно-правовые науки

- Баландин А.Л.** Экономическая служебная преступность, связанная с подлогами..... 55-59
- Бобков О.Б., Абушаев Т.Н.** Преступления с применением искусственного интеллекта..... 60-63
- Бухтоярова О.А.** Судебная защита трудовых прав государственных служащих 64-69
- Васеловская А.В.** Анализ практики привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере медицинской деятельности.... 70-75
- Данилов П.С.** Уголовная ответственность за незаконный или преступный приказ..... 75-80
- Дмитрикова Е.А.** Усмотрение в выборе процессуальной формы выявления нарушения обязательного требования: практика применения законодательства об административных правонарушениях..... 80-83
- Калашников В.С.** Проблемные вопросы, возникающие при применении ст. 435 УПК РФ в стадии предварительного расследования . 84-87

Киселёва Т.М. Право граждан на правовые инициативы в Республике Беларусь.....	88-92
Климович Е.В. Основание административной ответственности собственников транспортных средств.....	93-95
Ковальчук Н.И. Проблемы формирования концепции земельного законодательства	96-100
Кузнецов А.А. Допрос потерпевшего при расследовании умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.....	101-107
Курносов А.А. Особенности оказания компетентными судами содействия в получении доказательств по запросу третейского суда ...	107-113
Мороз О.В. Правовые подходы к экологическому аудиту в контексте обязательности его проведения.....	114-119
Мурашкинцева А.Н. К вопросу о структуре механизма современного российского государства.....	120-125
Никульченкова Е.В. Причинностные факторы киберпреступности.....	125-129
Пономарева К.А. Новые правила международного налогообложения с позиции налоговой безопасности государства	130-133
Ревенко Н.И. Криминалистическая характеристика личности потерпевшего по делам о мошенничестве, совершённом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	134-137
Рехачева Т.В. Формы и методы преодоления конституционного нигилизма в рамках организационно-правового механизма.....	138-141
Решетник М.Д. Криминологическая характеристика преступлений против компьютерной безопасности и меры по её предупреждению	141-147
Розе М.А. Активная роль суда в контексте реализации принципа доступности правосудия	148-153
Русаков А.Н. Критерии применения аналогии процессуального закона при рассмотрении дел об административных правонарушениях во внесудебном порядке	153-159
Самарин В.И. Признание и исполнение иностранного судебного решения по уголовному делу: расширение предмета	160-164
Седелник Е.Д. Сравнение методов борьбы с посягательствами на персональные данные в Республике Беларусь, Российской Федерации, иностранных государствах и среди мирового сообщества в целом	165-170
Селиверстова М.А. Практика применения специального основания освобождения от уголовной ответственности за неуплату алиментов.....	170-175
Симонов В.А. Источники конституционно-правового регулирования деятельности депутатов законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их помощников	175-179
Сопин И.О. Целители и медиумы как субъекты	

мошенничества.....	179-182
Степашин В.М. Социальные издержки уголовной репрессии	182-187
Сторожук Д.А. Проактивные процедуры в обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.....	187-193
Тарасова К.В. Определение судьбы имущества, принадлежащего третьим лицам, в уголовном судопроизводстве: некоторые проблемы.....	194-196
Тарасова Ю.А., Абрамова Е.Д. Фальшивомонетничество в России: уголовно-правовой аспект.....	197-201
Толочко О.Н. Правовые аспекты зеленого финансирования энергетических проектов в ЕАЭС.....	202-207
Урусов А.А. Принцип пропорциональности при злостном уклонении от отбывания уголовного наказания	207-213
Хотько О.А. Правовые аспекты регулирования транспортной деятельности в контексте решения задач декарбонизации транспорта на уровне региональных межгосударственных объединений	213-218
Черепанцева Ю.С. Судебная практика и её роль в совершенствовании законодательства о социальной защите пострадавших от радиации граждан	219-224
Шайкова М.В. Безопасность несовершеннолетних в цифровой среде	225-228
Шаронов А.В. Концептуальные основания уголовно-правовой политики	228-233
Яковлев В.И. Рейтингование как фактор мягкой силы в регулировании экономических отношений.....	233-237

Частноправовые (цивилистические) науки

Андриенко А.И. Актуальные тенденции развития социально ориентированных некоммерческих организаций: правовой аспект	238-242
Баканов К.И. Ближайшие перспективы института судебного представительства.....	242-245
Горупа Т.А. Правовое регулирование индивидуальных трудовых отношений в Республике Беларусь и Российской Федерации: общее и особенное.....	246-251
Белецкая А.А. Роль судебной экспертизы в арбитражном процессе Российской Федерации.....	251-253
Белецкий Д.А. Разграничение конструкций договоров авторского надзора и возмездного оказания услуг	254-258
Белова Ю.Н. Правовые механизмы осуществления закупки у единственного поставщика: от доктрины защиты слабой стороны до понуждения к заключению договора	258-263

Бобровницкая Э.Б. Возмездное оказание медицинских услуг в Республике Беларусь: историко-правовой анализ.....	264-268
Гладкая Е.Н. Пределы правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций	269-274
Гончарова В.А. Проблемы обеспечения прав лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную экономическую деятельность, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.....	274-279
Грибанова С.В. Недействительная сделка и незаключенный договор: проблема разграничения и её разрешение в судебной практике	280-285
Дигмар Ю. Защита интересов бенефициаров многоуровневой корпоративной структуры хозяйственных обществ	285-290
Киселев Н.С. Проблемы определения правовой природы компенсационных отношений по законодательству Российской Федерации	290-295
Кукарцева А.Н. Суперсервис «правосудие онлайн»: перезагрузка	295-301
Куницкая О.М. Приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности как способ осуществления инвестиций	302-306
Курова Н.Н., Андриющенко А.С. Специфика трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в Россию из стран Евразийского экономического союза.....	307-311
Белицина Е.В., Протопопова О.В. Место условия об ответственности среди иных условий договора на выполнение опытно-конструкторских работ в сфере государственного оборонного заказа.....	312-319
Рабина С.Д. Право членов семьи умершего должника на жилое помещение, являющееся единственным пригодным для постоянного проживания	319-322
Рябусова А.В. Обжалование отдельных категорий определений суда первой инстанции в гражданском и арбитражном процессе.....	323-328
Садетдинов Т.Р. Правовая природа договора возмездного оказания образовательных услуг	328-333
Скобелев В.П. О реализации отдельных принципов правосудия в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь.....	334-338
Трезубов Е.С. Критерии эффективности первичного встречного обеспечения в арбитражном процессе.....	339-345
Трофимов А.А. Способы индивидуализации субъектов частного права, взаимодействующих посредством цифровых платформ	345-349

Пленарное заседание

УДК 340

Т.Ф. Ящук

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 5320-8909

T.F. Yashchuk

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ОПЫТА

CODIFICATION OF LEGISLATION: ACTUALIZATION OF DOMESTIC HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ,
проект № 24-28- 01257 «Кодификация общесоюзного
законодательства в советский период: проекты, акты, последствия»***

Указано место кодификации в систематизации законодательства и правотворческой деятельности. Выделены основные периоды кодификации законодательства во всеобщей истории государства и права. Обоснованы хронологические рамки этапов кодификации российского законодательства. Дана характеристика каждого этапа. Определены основные направления изучения кодификации в юридической науке. Показана актуальность исторического опыта кодификации, необходимость его учета при планировании кодификационных работ.

Ключевые слова: история государства и право, советское право, законодательство, советское законодательство, кодификация.

The place of codification in the systematization of legislation and legislative activity is indicated. The main periods of codification of legislation in the general history of state and law are highlighted. The chronological framework of the stages of codification of Russian legislation is substantiated. The characteristics of each stage are given. The main directions of studying codification in legal science are identified. The relevance of the historical experience of codification and the need to take it into account when planning codification work are shown.

Keywords: history of state and law, Soviet law, legislation, Soviet legislation, codification.

В теории государства и права кодификацию рассматривают в контексте проблем систематизации законодательства как высшую форму его упорядочения, а также в контексте правотворчества как способ развития права.

Многозначен термин «кодификация», считается, что он: 1) включает деятельностный аспект, т. е. отражает процесс организованной деятельности, которая, как правило, инициирована государством, и осуществляется его уполномоченными структурами; 2) отражает результат такой деятельности, заключающийся в создании кодекса. В отечественной юридической науке термином «кодификация» долго обозначали все виды упорядочения законодательства, т. е. распространяли его на консолидацию и инкорпорацию. Только в конце 1950-х гг., когда возникла необходимость скорейшей переработки накопленного законодательного массива, ученые обратились к теории кодификации. В итоге общее смысловое значение стало придаваться термину «систематизация», а кодификация указывала только на определенный вид систематизации законодательства.

В историческом плане кодификация оценивается как циклическое, т. е. неоднократно повторяющееся явление, своеобразная реакция на кризисы источников права, сопровождавшаяся «появлением разного рода «частных кодексов» и попытками государственно-властной кодификации» [1]. Известный французский юрист Р. Кабриак, выводы которого обобщила современный российский ученый Е.Н. Трикоз, выделял пять основных кризисов источников права: «1) кризис источников древнеримского права; 2) кризис источников, поразивший системы религиозного права; 3) кризис системы обычного права позднего Средневековья; 4) кризис источников королевского законодательства в XVII–XVIII вв.; 5) современный кризис источников, характеризующийся законодательной инфляцией в государствах и "нормативным гигантизмом" на международном уровне» [2].

Кризисы источников права могут носить не глобальный, а национальный, т. е. относительно локальный характер. Рассматривая кодификацию как историко-правовое явление, необходимо указать, что такие кризисы отражают объективный процесс развития государства и права, продуцирующий запрос на упорядочение законодательства.

Отечественный историко-правовой опыт кодификации охватывает период нового и новейшего времени, т. е. XIX – XX вв., в течение которого именно кодификация законодательства позволила выстроить систему источников позитивного права, адекватную реально складывающимся общественным отношениям в экономической, политической и социальной сферах.

Первые подступы к кодификации намечаются в начале XIX в. и связаны с деятельностью М.М. Сперанского. Однако подготовленный М.М. Сперанским проект Гражданского уложения не получил одобрения царствующего Александра I. В императиве власти кодификация

рассматривалась не как быстрый и удобный способ создания новых актов, а как логическое продолжение переработки и совершенствования действующего законодательства. Поэтому к составлению новых кодексов надлежало приступать только в тех случаях, если использование иных приемом работы с имеющимся законодательством окажется недостаточным для его актуализации и структурирования по предметным областям. Поэтому Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., считающееся первым российским кодексом, было составлено после издания Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи 1832 г., т. е. к кодификации перешли после применения консолидации и инкорпорации.

Историко-правовой опыт отечественной кодификации можно исследовать в разных ракурсах: хронологическом; отраслевом, в рамках иерархической системы и т. д.

Основываясь на хронологическом подходе, выделяются этапы кодификации законодательства, которые в целом синхронизированы с основными периодами истории государства и права России. Заметные кодификационные проекты относятся к периоду Российской империи, советского государства и права, современной Российской Федерации. К кодификационным отраслям Российской империи относят, прежде всего, уголовное право. В процессе применения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выявились его недостатки, которые старались преодолеть путем переработки в улучшенные редакции, но в итоге было принято решение о его замене новым кодексом. Им должно было стать Уголовное уложение. Оно разрабатывалось в течение более 20 лет и было завершено в 1903 г. В полном объеме Уложение в действие не вводилось. В 1904 г. вступила в силу глава о государственных преступлениях, в 1906 г. – глава о религиозных преступлениях. В значительном объеме Уложение вошло в уголовное законодательство Временного правительства.

Кодифицированными актами можно считать ряд документов судебной реформы 1864 г.: Устав уголовного судопроизводства; Устав гражданского судопроизводства, называя их первыми процессуальными кодексами. Отсутствовали официальные кодификации в области частного права. Очевидный законодательный вакуум пытались заполнить неофициальные издания Гражданского уложения, которые представляли собой компиляции т. X Свода законов Российской империи, дополненные включением судебной практики, исходящей от Сената, и собственными авторскими комментариями.

В рамках советского периода выделяются три периода кодификационной активности. Непосредственно после революции, а именно в 1918 г., были приняты первые кодексы КЗАГС РСФСР и КЗоТ РСФСР, скорее демократического, а не социалистического содержания. Комплексная кодификация законодательства была проведена в условиях перехода к

новой экономической политике, когда за короткий срок удалось разработать и утвердить российские республиканские кодексы – ГК, УК, ГПК, УПК, КЗоТ, ЗК, ЛК, ИТК и чуть позднее, в 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО), которые взятые в совокупности сформировали основы системы советского законодательства и оставались действующими до следующей кодификации. Она развернулась в конце 1950—начале 1960-х гг. и продолжалась фактически до конца советского периода.

В период утверждения современной российской государственности кодексы РСФСР сохраняли значение базовых нормативных правовых актов в определенных отраслях. Принятие Конституции РФ 1993 г. ускорило создание новых кодексов на основе конституционных принципов и норм. Темп обновления систематизированных актов отличался как применительно к разным отраслям, так и в рамках одной отрасли. Так, отдельные части ГК РФ вводились в действие в разное время, начиная с 1994 г. УПК РСФСР 1961 г. и КЗоТ РСФСР 1971 г. утратили силу в конце 2001 г. Обобщая результаты российской кодификации, можно считать её в целом состоявшейся в начале 2000-х гг.

Историко-правовой опыт кодификации законодательства можно изучать в отраслевом ракурсе. Он свидетельствует о приоритетном значении кодификации основных отраслей публичного и частного права. В публичном праве первоочередной кодификации на всех исторических этапах подлежало уголовное и процессуальное законодательство, в частном праве – гражданское законодательство. Отметим, что Российское государство имеет устойчивую конституционную традицию: начиная с первой советской Конституции 1918 г. все значительные социально-экономические и политические сдвиги требовали легального закрепления в основном законе, что влекло принятие новой конституции. Из публичных отраслей наиболее сложным оказалась систематизация норм, относящихся к административному праву, хотя первые попытки и подготовленные проекты появляются ещё в 1920-е гг. Основные препятствия были обусловлены незавершенностью процесса отграничения предмета административного права от государственного права, где главным источником являлась конституция, и уголовного право, которое в российской историко-правовой традиции включало ответственность за административные правонарушения.

Отдельный ракурс изучения кодификации связан с уровнями организации публичной власти. В условиях советского государства кодификация осуществлялась на союзном и республиканском уровнях. Общесоюзное происхождение имели акты, за которыми закрепилось собирательное название Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы определяли предмет и метод правового регулирования отдельной отрасли, формировали понятийный аппарат, характеризовали наиболее важные правовые институты. Конкретизация содержащихся в Основах положений достигалась в республиканских кодексах. Как правило,

Основы с большей или меньшей полнотой включались в общую часть кодексов или аналогичный по назначению раздел кодексов. Наличие единого источника общей части обуславливало её содержательное сходство в кодексах союзных республик. Разделы, которые относились к особенной части, могли иметь заметные отличия, отражающие специфику правовых отношений в отдельных республиках. Наиболее заметные отличия наблюдались в отраслях частного права. По общему объему нормативного материала Основы явно уступали кодексам.

Некоторые ученые усматривают в двухуровневой системе кодифицированных актов удачный прием структурирования нормативного материала в рамках одной отрасли, который может использоваться в современных условиях, т. е. в отрыве от исторического контекста. Предлагается разграничивать всю совокупность отраслевых норм на две части. В первую часть включить нормы, имеющие фундаментальный характер, характеризующиеся высоким уровнем абстракции, и мало меняющиеся в зависимости от конкретных ситуаций. Вторая часть, которую условно можно назвать особенной частью, отличалась бы большей гибкостью, подвижностью, т. е. допускала корректировку в зависимости от меняющейся ситуации. В целом возможно провести правовой эксперимент на примере какой-либо особенно динамичной отрасли законодательства. Заметим, что при этом должны неукоснительно соблюдаться права граждан и иных субъектов правоотношений. Необходимо учитывать исторический опыт. В 1920-е гг. после состоявшейся кодификации законодательства отношения в области уголовного судопроизводства регулировались Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и УПК РСФСР 1922 г. В конце 1920-х гг. наркомат юстиции РСФСР стал продвигаться проект, предусматривавший отказ от УПК как целостного акта. Предлагалось оставить непосредственно в УПК только 83 статьи, которые большей частью повторяли положения Основ уголовного судопроизводства. Отметим для сравнения, что действовавший УПК РСФСР 1922 г. насчитывал 481 статью. По замыслу реформаторов к УПК в виде его неотъемлемой части следовало приложить Наказ, представлявший развернутые комментарии к статьям кодекса. Наркомат юстиции добивался для себя официального признания права самостоятельно вносить изменения в Наказ, соблюдая закрепленные в Основах и УПК принципы судостроительства и судопроизводства. Занимавший пост заместителя наркома юстиции Н.В. Крыленко, считал, что это позволит достичь «большей эластичности, гибкости и чуткости по отношению к требованиям опыта» [3]. Даже в конце 1920-х гг. такая идея не получила поддержки. Было подтверждено, что любые части УПК должны обладать равной юридической силой и могут меняться исключительно в законодательном порядке, т. е. таком, в соответствии с которым принимался сам кодекс.

Продуктивным представляется изучение кодификации, когда предмет исследования охватывает не только законотворческий процесс, завершившийся официальным утверждением кодифицированного акта, но и те проектные работы, которые оказались тупиковым вариантом кодификации. В данном ракурсе можно сосредоточиться на выявлении и сравнении альтернативных проектов, которые готовились одновременно с проектом, ставшим впоследствии законом, а можно заняться поиском и анализом проектом, продвижение которых было императивно остановлено и больше в данном формате не возобновлялось.

В истории отечественного законотворчества имеются примеры различных результатов кодификационной деятельности. Уровень кодификации законодательства в Российской империи оставался низким, а законопроектные работы тормозились верховной властью. В 1920-е гг., несмотря на наличие практически завершенных проектов административного, жилищного, строительного кодексов, не состоялось их официальное утверждение. Разработка в соответствии с требованием Конституции СССР 1936 г. проектов уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и гражданского процессуального кодексов СССР после смены политического руководства страны была признана нецелесообразной. В 1957 г. были внесены изменения в Конституцию СССР, закрепившие передачу законодательных полномочий по приятию уголовного и гражданского кодексов, законодательства о судостроительстве и судопроизводстве в ведение союзных республик. Проекты общесоюзных кодексов, хотя и остались только памятниками советского права, вызывают большой научный интерес [4]. Они раскрывают механизм функционирования сложного федеративного государства, каким являлся СССР, отражают эволюцию форм систематизации законодательства и юридической техники, свидетельствуют о динамике отдельных отраслей права. Тексты несостоявшихся кодексов СССР, подготовительные материалы к ним активно использовались при составлении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик в данных отраслях, а также республиканских кодексов: УК РСФСР 1960 г., УПК РСФСР 1960 г., ГК РСФСР 1964 г. и ГПК РСФСР 1964 г. В действующем российском законодательстве присутствуют многочисленные примеры, демонстрирующие преемственность с нормами и правовыми институтами этих кодексов. В свою очередь, советские кодексы реципируют многие положения из более ранних актов, в том числе и дореволюционного периода.

Таким образом, кодификация в России имеет давнюю историческую традицию. В историко-правовой науке выделяются периоды кодификации. Основными критериями выделения периодов является активная кодификационная деятельность, официально инициируемая и организованная государством, нацеленная на создание крупных кодифицированных актов. Анализ основных периодов свидетельствует, что

при наличии общих причин, задач и результатов кодификации каждый период характеризуется существенными особенностями, обусловленными, прежде всего, состоянием государства и права.

Кодификация остается универсальным, апробированным в разных условиях формой упорядочения и развития законодательства. Исторический правовой опыт показывает как успешные практики её применения, так и нереализованные проекты, которые необходимо изучать и оценивать при планировании кодификационных работ.

-
1. *Трикоз Е.Н.* «Кодистика» (учение о технике кодификации) в международном праве // *Pravovedenye*. 2010. Issue 4. С. 111.
 2. *Там же; Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с фр. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. С. 116–122.
 3. *Крыленко Н.В.* К проекту нового Уголовно-процессуального кодекса// *Еженедельник советской юстиции* 1927. № 47. С. 1453.
 4. *Ящук Т.Ф.* Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 492. С. 210–219.

УДК 340

Е.К. Сенокосова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN – код 6278-9016

E.K. Senokosova

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

**НОРМЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СФЕРАХ
МЕДИЦИНЫ И ФАРМАЦЕВТИКИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**STANDARDS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION ENSURING PERSONAL SAFETY IN THE FIELDS OF MEDICINE
AND PHARMACEUTICALS: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT
PROSPECTS**

Проводится сопоставительный анализ отдельных норм уголовного законодательства на предмет степени обеспечения безопасности

личности в фармацевтической и медицинской сферах с учетом появления новых технологий.

Ключевые слова: *безопасность личности, уголовная ответственность медицинских работников, сфера медицины, фармацевтическая сфера, лекарственные средства, медицинские изделия.*

The article provides a comparative analysis of some norms of criminal law for the degree of personal security in the pharmaceutical and medical fields, taking into account the emergence of new technologies.

Keywords: *personal security, criminal liability of medical workers, the field of medicine, the pharmaceutical field, medicines, medical devices.*

Исторически медицина и фармацевтика были непосредственно связаны между собой, объединенные целью лечения человека и поддержания качества его жизни, представить одно без другого вряд ли возможно [1]. В связи с этим представляется актуальным сопоставительный анализ отдельных норм уголовного законодательства на предмет степени обеспечения безопасности личности в фармацевтической и медицинской сферах с учетом появления новых технологий. Целью такого анализа является выявление возможных перспективных направлений развития уголовного законодательства.

Проблемные аспекты уголовно-правовой охраны личности в медицинской и фармацевтической сферах можно свести к двум основным направлениям: во-первых, пробельность уголовного законодательства, обусловленная в том числе появлением новых медицинских технологий, во-вторых, конкуренция уголовно-правовых норм о преступлениях против личности и преступлениях против здоровья населения.

Развитие медицинской и фармацевтической сфер создает новые возможности повышения качества жизни человека, её продления, так как открывает ранее неизвестные медицинской науке пути диагностики и лечения заболеваний, а также последующей реабилитации. Речь идет и о геномной инженерии, и о создании новых живых тканей и органов, медицинской робототехнике, которая может предоставить, например, хирургу недоступные обычно человеку возможности, конструировании составов, имитирующих белковые структуры в живых клетках и др.

Вместе с тем появлению и стремительному внедрению в практическое применение новых медицинских технологий и фармацевтических субстанций не всегда соответствует такой же стремительный уровень развития уголовного законодательства. Недостаточность уголовно-правовой охраны соответствующих правоотношений создает условия для их постепенной криминализации. Так, некоторые авторы полагают, что «безопасность медицинских вмешательств и медицинских услуг связана с проблемой недостаточного правового регулирования в различных сферах этой

деятельности, что может приводить к появлению на рынке медицинских услуг и медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь с нарушением норм безопасности и ненадлежащего качества» [2]. Более того, по утверждению Н.Ш. Козаева, в настоящее время «многие современные технологии недооцениваются с точки зрения реальных и потенциальных рисков, а законодатель занимает выжидательную позицию, поэтому развитие и модернизация уголовного права выступают как объективная необходимость» [3].

Стоит обратить внимание, что безопасность личности в фармацевтической сфере обеспечена в большей степени, чем в сфере медицины. Криминообразующими признаками объективной стороны преступлений, совершаемых в фармацевтической сфере, являются:

- производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий;
- сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий;
- незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий;
- производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, совершённые в крупном размере (ст. 238¹ УК РФ).

Необходимо отметить, что ответственность за осуществление медицинской (фармацевтической) деятельности или производство лекарственных средств или медицинских изделий без соответствующего разрешения (лицензии) предметом настоящего анализа не является, так как предусмотрена в равной степени для обеих сопоставляемых сфер уголовно-правовой охраны (ст.ст. 235, 235¹ УК РФ).

Между тем и в сфере производства и применения лекарственных средств и медицинских изделий имеются существенные пробелы в уголовно-правовом регулировании. Так, по верному утверждению авторов монографии «Медицинское уголовное право», «ст. 238¹ УК РФ охватывает не все нарушения при обращении медицинской продукции, например, отсутствует ответственность за обращение контрафактных лекарственных средств и медицинских изделий» [4].

Не охватывается объективной стороной состава ст. 238¹ УК РФ и применение медицинского изделия, ставшего недоброкачественным в процессе его эксплуатации.

Диспозиция ст. 238¹ УК РФ уголовно наказуемыми признаёт только сбыт или ввоз в РФ недоброкачественного медицинского изделия, под которым по прямому указанию ч. 13 ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской

Федерации» (далее – Федеральный закон об основах охраны здоровья граждан) понимается медицинское изделие, которое не соответствует требованиям безопасности и эффективности, требованиям к маркировке, нормативной, технической и эксплуатационной документации и которое не может быть безопасно использовано по назначению, установленному производителем.

В этом случае, а равно и в других случаях, когда медицинские технологии применяются с нарушением требований безопасности, возникает также конкуренция уголовно-правовых норм о преступлениях против личности и преступлениях против здоровья населения (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 и ст. 238 УК РФ соответственно).

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» не позволяет с уверенностью констатировать возможность привлечения к ответственности медицинского работника по ст. 238 УК РФ за оказание медицинской услуги, не отвечающей требованиям безопасности. Так, п. 1 данного постановления, содержащий перечень нормативных правовых актов, несоответствие услуги требованиям которых является опасным для жизни и здоровья человека и охватывается диспозицией ст. 238 УК РФ, непосредственно не упоминает Федеральный закон об основах охраны здоровья граждан, равно как и не содержит указания на конкретные криминообразующие признаки медицинской услуги, не отвечающей требованиям безопасности.

Иными словами, системное толкование норм федерального законодательства приводит к следующему выводу: действия по применению медицинского изделия, ставшего недоброкачественным в процессе его эксплуатации, не охватываются составом ст. 238¹ УК РФ и при этом не могут быть квалифицированы по ст. 238 УК РФ. При наступлении общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти возможно привлечение к уголовной ответственности по ст. 109, 118 УК РФ. Вместе с тем состав ст. 238¹ УК РФ является формальным, равно как и состав ч. 1 ст. 238 УК РФ, а ст. 109, 118 УК РФ предусматривают неосторожную форму вины, в то время как применение явно небезопасных, вышедших из строя, поврежденных медицинских изделий по форме вины, как представляется, соответствует косвенному умыслу.

Следует отметить, что ранее деяния, связанные с незаконным оборотом лекарственных средств и отраженные в настоящее время в специальном составе ст. 238¹ УК РФ, квалифицировались по иным статьям УК РФ – ст. 159, 171, 180, 238 УК РФ. Вместе с тем, как следует из пояснительной записки к соответствующему законопроекту № 392886-6, введение в УК РФ данного состава обосновывалось положениями правоприменительной практики, свидетельствующими, что отсутствие специального состава

преступления не позволяет правильно квалифицировать деяния, связанные с производством и распространением фальсифицированных, незарегистрированных, недоброкачественных и контрафактных лекарственных средств [5]. Аналогичным образом можно обосновать и введение специальной нормы оказания медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, с указанием конкретных криминообразующих признаков, позволяющих отличить медицинскую услугу, явно не соответствующую требованиям безопасности, от иных случаев ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей в сфере медицины (например, применение вышедшего из строя медицинского оборудования, применение небезопасных медицинских технологий и приемов).

Отсутствие законодательной регламентации применения новых медицинских технологий, прежде всего, касается тех случаев, когда в уголовно-правовом поле отсутствует непосредственный объект уголовно-правовой охраны. В качестве примера можно привести технологии экстракорпорального оплодотворения, извлечение и хранение стволовых клеток в специально созданных криоцентрах и банках, фетальную трансплантацию. Как отмечает Н.Ш. Козаев, «обращение с эмбриональным материалом в российских центрах репродуктивной медицины весьма вольное в отсутствие надлежащего контроля», причем «аналогичная проблема характерна для зарубежных клиник, где просто не знают, как по закону распорядиться находящимися в криоконсервации эмбрионами, которые остаются от предыдущего цикла экстракорпорального оплодотворения и уже не нужны паре» [6].

Применение технологий экстракорпорального оплодотворения и фетальной трансплантации создает ряд рисков, обуславливающих непосредственную возможность криминализации данной сферы медицины. В частности, можно вести речь о рисках незаконного использования биологического материала, в том числе в тех случаях, когда женщина не изъявила желания обеспечить криоконсервацию эмбриональных клеток и (или) тканей.

Таким образом, в настоящее время имеется ряд направлений дальнейшего развития уголовного законодательства в направлении обеспечения безопасности личности в медицинской и фармацевтической сферах. Внедрение новейших технологий помогает спасти одни человеческие жизни и подарить новые, но нуждается в криминологическом сопровождении, гарантирующем защищенность жизненно важных интересов личности, жизни и здоровья будущих детей.

1. Романенко Е.А., Соловьева Н.А. Взаимодействие фармацевтических и медицинских работников по организации лекарственного обеспечения // Вестник фармации. 2016. № 2 (72). С. 96.

2. Зимин Д.А., Меньшикова Л.И., Клюкинов В.Е. Проблемные вопросы организации оказания медицинской помощи по специальности «пластическая хирургия» в условиях изменившегося правового регулирования // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2021. № 1. С. 518 – 534; Базарова Н.В. Элементы системы обеспечения безопасности медицинской деятельности: правовой аспект // Медицинское право. 2022. № 4. С. 33 – 37.

3. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 4.

4. Медицинское уголовное право: монография / А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская, А.А. Бимбинов, В.Н. Воронин; отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2022. 576 с. Доступ: СПС «Консультант Плюс».

5. Паспорт законопроекта № 392886-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/392886-6> (дата обращения: 28.03.2024).

6. Козаев Н.Ш. Вопросы уголовно-правовой охраны жизни в свете современных достижений научно-технического прогресса // Медицинское право. 2014. № 2. С. 49 – 52.

Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.13

Р.Л. Иванов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 1975-2203

R.L. Ivanov

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

**ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ГАРАНТИРОВАННОСТЬ КАК ПРИЗНАКИ НОРМ ПРАВА**

**GENERAL OBLIGATION AND STATE GUARANTEE AS SIGNS OF THE
NORMS**

Среди признаков норм права, отличающих их от иных социальных норм, обычно указывают их общеобязательность и государственную гарантированность. Однако с этим согласны не все, что обусловило постоянные попытки доказать их отсутствие у некоторых видов юридических норм. Кроме того, общеобязательность порою отождествляют с нормативностью, а государственную гарантированность – с государственным принуждением. Рассмотрению этих дискуссионных вопросов посвящена данная работа.

Ключевые слова: юридическая норма, рекомендательная норма, государственное принуждение.

Among the signs of legal norms that distinguish them from other social norms, their general obligation and state guarantee are usually indicated. However, not everyone agrees with this, which has led to constant attempts to prove their absence in some types of legal norms. In addition, general obligation is sometimes identified with normativity, and state guarantee with state coercion. This work is devoted to the consideration of these controversial issues.

Keywords: legal norm, recommendation norm, state coercion

Пожалуй, наиболее известными отличительными признаками юридических норм являются их общеобязательность и государственная гарантированность, которые воспринимаются и усваиваются участниками общественных отношений ещё до знакомства с научными знаниями о праве, на повседневном эмпирическом уровне.

Действительно, общеобязательность норм права подтверждается тем, что они не нуждаются в одобрении субъектов, поведение которых они регулируют, не могут быть ими изменены или отменены. Пока эти нормы действуют, ими должны руководствоваться не только их адресаты, но и органы государственной власти, которые их создали. Любая социальная норма, вступившая в противоречие с нормой права, должна приостановить или прекратить своё действие.

Норма, не обладающая общеобязательностью, не может быть юридическим правилом, поскольку не в состоянии служить единым мериллом поведения людей в сходных ситуациях, не обеспечивает его предсказуемость, не способна поддерживать постоянное воспроизводство общественных отношений, их независимость от «просто случая и просто произвола» [1].

Необходимость и существенность данного признака для норм права, казалось бы, бесспорны. Но в отечественной юриспруденции его наличие у некоторых из них не признаётся. Например, он считается ненужным для так называемых «рекомендательных норм права», научные представления о которых обусловлены наличием в некоторых нормативных правовых актах рекомендаций субъектам правоотношений поступать определённым образом [2]. Однако сторонники данной идеи не смогли доказать, что такие рекомендации являются юридическими предписаниями, не указывая при этом на их прямую или косвенную связь с общеобязательностью. Они вынуждены признать либо то, что «рекомендательные нормы» наделяют субъектов полномочиями, которые у них раньше отсутствовали, т. е. являются своеобразными уполномочивающими нормами, либо обосновывают правовое значение рекомендаций обязанностью адресатов их обсудить, но где данная обязанность закреплена, указать не могут [3]. В результате в понятии рекомендательных норм объединяются логически противоположные, несовместимые их характеристики.

Например, О.С. Иоффе, с одной стороны, полагал, что рекомендательные нормы права ничего общеобязательного не устанавливают, а с другой стороны, считал их особым видом дозволильных норм, гарантированных государственным принуждением [4], и их специфику видел в том, что они акцентируют внимание их адресатов на наиболее предпочтительном варианте дозволенного поведения.

При таком подходе неизбежно возникали следующие вопросы. Если рекомендательные нормы являются особым видом дозволильных норм, то почему они юридически необязательны? Ведь общеобязательность всех иных дозволильных норм под сомнение не ставилась. Если же рекомендательные нормы не общеобязательны, то на каком основании они обеспечиваются государственным принуждением? Пожелание или совет в нём не нуждаются. Если рекомендательная норма порождает юридические права и обязанности, то почему предусмотренное ею дозволение именуется

рекомендацией, а не дозволением?

Ответы на поставленные вопросы очевидны. Ошибочность выводов О.С. Иоффе обусловлена произведённой им подменой понятия «рекомендация» понятием «юридическое дозволение». При этом он не учёл, что правовое дозволение всегда гарантировано соответствующей юридической обязанностью, а просто рекомендация – нет. Не случайно учёный отмечал, что «правовая рекомендация» действует не сама по себе, а нуждается в дополнительном юридическом оформлении со стороны её адресата, которое должно быть сделано в пределах его реальных полномочий [5]. Из этого следует, что рекомендательная норма никаких юридических прав и обязанностей не порождает, поскольку её адресат может реализовать свои полномочия и без неё и никакое государственное принуждение при этом не требуется.

Другой сторонник рекомендательных юридических норм, Г.В. Мальцев, исходил из того, что всем нормам права свойственна императивность [6], одним из показателей которой является обязательность. Поэтому специфику рекомендательных норм он усматривал не в отсутствии их общеобязательности, а в крайне слабой степени её проявления и приравнивал их к совету законодателя, который субъект правоприменения может принять или отклонить [7]. Иными словами, рекомендательные нормы, с одной стороны, общеобязательны и гарантированы мерами государственного принуждения, а, с другой стороны, этими качествами не обладают, поскольку уподобляются простому пожеланию. Отсюда любое пожелание может считаться императивом, что укладывается в трактовку императивности Г.В. Мальцевым, но противоречит общепринятому значению слова «императив» – повеление, безусловное требование, приказ, закон [8], а также устоявшемуся пониманию императивных норм в отечественной юриспруденции [9].

Таким образом, рекомендательная норма права является примером юридического оксюморона: она не общеобязательна, но обеспечена государственным принуждением; она императивна, но уподобляется пожеланию и не может быть реализована принудительно; она является видом дозволительных норм права, но юридических прав и обязанностей не порождает, а если их всё же порождает, то необязательна для реализации, так как является просто советом, и т. д. Поэтому идея рекомендательных норм является несостоятельной, а правовых норм, не обладающих общеобязательностью, не существует.

Другой специфический признак норм права – их государственная гарантированность – отражает генетическую связь объективного права с государством, которое обладает монопольным полномочием на создание правовых норм. И хотя далеко не всегда эти нормы устанавливаются от имени государства в целом (пожалуй, только парламенты, учредительные (конституционные) собрания, референдумы и суды принимают нормы права

именем всего государства), однако это не означает, что соответствующие общеобязательные правила установлены не им. Являясь результатом делегирования правотворческих полномочий иным субъектам, все они имеют государственный характер и по этой причине обладают общеобязательностью и гарантированностью. В случаях, когда юридические нормы устанавливаются непосредственно от имени государства, это указывает на их особое место в системе формальных источников права, на их определяющую роль в нормативном правовом регулировании и на их высшую юридическую силу.

Государственная гарантированность имеет два аспекта: обеспечительный и охранительный. Первый проявляется в создании необходимых условий для реализации норм права. Например, для обеспечения действия норм, регламентирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей, необходимо подготовить к этому судейский корпус, сформировать списки присяжных заседателей, оборудовать в судах соответствующие помещения, обеспечить информирование населения о необходимости этого института, распространить его на всю территорию страны и т. д. Для реализации норм, устанавливающих материальные льготы, необходимо обеспечить их государственное финансирование, а также эффективное установление компетентными государственными органами соответствующих юридических фактов. В ряде случаев требуется предварительная и/или текущая нормативная интерпретация юридических норм для обеспечения их единообразного применения, что является одной из причин существования в нашей стране нормативных правовых актов судебного правотворчества в форме постановлений Верховного Суда РФ, а также постановлений упразднённого Высшего Арбитражного Суда РФ.

Второй аспект государственной гарантированности состоит в охране норм права. Помимо борьбы с правонарушениями, деятельности по их пресечению и профилактике, он включает также использование мер государственного принуждения, необходимых для исполнения требований юридических норм. Например, принудительное взыскание долга, принудительное выделение доли в общем имуществе и т. д.

Обеспечительная деятельность государства является главной в системе государственных гарантий, однако именно государственное принуждение обычно выводится на первый план в виде наиболее специфичного для юридических норм признака, который не только способствует их действию, но и придаёт им правовой характер [10].

Противоположная научная позиция считает принуждение вообще не свойственным праву [11] либо не относит его к общим существенным признакам его норм [12]. В её обоснование ссылаются на нормы, регламентирующие деятельность высших органов государственной власти, принудительное исполнение которых якобы невозможно; на нормы

международного права, исполнять которые государство никто не может заставить, а также на те общеобязательные правила, которые могут быть исполнены исключительно благодаря активному поведению носителя юридической обязанности: в ряде случаев даже физическое принуждение не способно побудить его что-то сделать.

Для этого мнения имелись определённые основания в период абсолютных монархий и неразвитого международного права. Однако в развитых государствах, в которых реализовано разделение властей, и в современных международных отношениях, базирующихся на устойчивых глобальных экономических и политических связях между странами, оно этих оснований лишается.

Без государственного принуждения, осуществляемого уполномоченными органами публичной власти воздействия на субъекта с целью подчинения требованиям юридических норм вопреки его желанию, невозможно обеспечить общеобязательность правовых предписаний, если отсутствует добровольное следование им участниками правовых связей и отношений. Специфика государственного принуждения заключается в том, что его осуществляют только уполномоченные государством органы, только в установленной им правовой, по общему правилу, форме и только тогда, когда иным образом добиться подчинения праву нельзя. Поэтому оно выступает крайней мерой, рассчитанной на экстремальные ситуации, и в иных случаях не требуется.

Государственное принуждение включает психическое, организационное и физическое воздействие на субъекта. Физическое воздействие направлено на телесный субстрат субъекта, ограничивает его самостоятельные действия или заставляет его поступать определённым образом. Организационное воздействие распространяется на предметы и связи, возможность пользования которыми для лица ограничивается или прекращается. Психическое воздействие состоит в угрозе применения физического или организационного воздействия.

Общеобязательность и государственная гарантированность у иных социальных норм (морали, религии, политики, эстетики) отсутствуют, хотя содержание некоторых из них воспринимается и юридическими нормами. Именно они, а не их нормативные предшественники, являются носителями этих признаков.

1. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. ч. II. С. 356–357.

2. Постановление Совета Министров СССР от 02.07.1959 г. № 720 «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений», п. 7 // URL: <https://fotostrana.ru/public/post/235888/1095996802/> (дата обращения: 07.02.2024); Постановление Совета Министров СССР от 01.04.1965 г. № 252 «О мерах по стимулированию производства и заготовок гречихи», п. 3 // URL: <https://e-ecolog.ru/docs/BwO6h0wbeTSKle4CgruD> (дата обращения: 07.02.2024);

Нормативный правовой акт «О правотворчестве и нормативных правовых актах Иркутской области»(утвержден решением Малого Совета Иркутского областного Совета народных депутатов от 15.12.1992 № 14/6-1-мс), ст. 10 // URL: <https://zakon-region2.ru/4/173156/> (дата обращения: 08.02.2024).

3. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973. С. 258–259.

4. *Иоффе О.С.* Юридические нормы и человеческие поступки // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. IV. СПб.: Юрид. центр пресс, 2010. С. 106.

5. Там же, с. 107.

6. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 552, 567.

7. Там же. С. 578–582.

8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов / под. ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 248; *Философский энциклопедический словарь.* 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 210.

9. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 569.

10. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. М.: Юрайт, 1999. С. 109; *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 40–41, 83; *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права // Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 5 т. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. Т. 4. С. 261; *Черниченко С.В.* Теория международного права: В 2 т. Т. 1. Современные теоретические проблемы. М.: Изд-во «НИМП», 1999. С. 39.

11. *Ильин И.А.* Понятие права и силы // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. С. 31.

12. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 96, 98, 101 19; *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. С. 25–26; *Тарановский Ф.В.* Энциклопедия права. 3-е изд. СПб.: Лань, 2001. С. 96.

УДК 340. 12

В.В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 7487-3953

V.V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ**

**PROCEDURAL LEGAL RESPONSIBILITY AS A COMPREHENSIVE
LEGAL INSTITUTION**

*На основе анализа теоретико-правовой юридической литературы
аргументируется положение, согласно которому процессуальная юридическая*

ответственность должна рассматриваться в качестве не одного из видов юридической ответственности, а как сложный (комплексный) правовой институт. При этом на примере уголовно-процессуальной ответственности показано, что его юридическим содержанием являются нормы как материального, так и процессуального права.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовой институт, нормы права, материальное право, процессуальное право, уголовно-процессуальная ответственность.

Based on the analysis of theoretical legal literature, the position is argued according to which procedural legal responsibility should be considered not as one of the types of legal responsibility, but as a complex (integrated) legal institution. At the same time, using the example of criminal procedural liability, it is shown that its legal content is the norms of both substantive and procedural law.

Keywords: legal responsibility, legal institution, rules of law, substantive law, procedural law, criminal procedural responsibility.

Анализ юридической литературы позволяет утверждать, что отношение к феномену процессуальной юридической ответственности различное: от её отрицания до признания. В последнем случае процессуальная ответственность, как правило, рассматривается в качестве одного из видов юридической ответственности.

Советские теоретики права И.С. Самощенко и М.Х.Фарукшин, отрицая процессуальную ответственность, писали, что «процессуальные меры принуждения – это либо меры пресечения, либо меры административной ответственности (за нарушение порядка судебного заседания, неподчинение распоряжениям председательствующего и т. п.)» [1]. Проанализировав порядок применения мер государственного принуждения за нарушение порядка отправления гражданского и уголовного судопроизводства, П.П. Серков приходит к выводу о том, что «к признанию... процессуальной ответственности как вида юридической ответственности нет правовых предпосылок и объективной необходимости» [2]. Подобной позиции придерживается и Е.Г. Лукьянова, полагающая, что «чисто процессуальной ответственности не существует, а есть лишь простая материально-правовая ответственность за нарушение процессуальных законов, аналогичная уголовной ответственности, например, за преступления против правосудия, которые связаны с грубейшим отступлением от процессуального закона» [3].

К данной группе авторов относится и В.В. Гущина, утверждающая, что, кроме гражданской, уголовной, административной и материальной, других видов юридической ответственности не существует. В частности, необоснованно отождествляя наказание и взыскания, В.В. Гущина полагает, что «... штрафные санкции, применяемые в административном, гражданском и арбитражном законодательстве, являются не специальным видом наказания процессуальной ответственности, а

разновидностью наказания административной ответственности, ибо с точки зрения правовой природы штраф всё-таки несет в себе публично-правовые признаки и рассматривается как вид административной ответственности [4].

Н.В. Макарейко считает, что «так называемая процессуальная ответственность, по сути, является административно-правовой» [5].

Констатируем, что среди отечественных юристов немало и сторонников процессуальной ответственности. Так, Н.И. Матузов и А.В. Малько в числе видов юридической ответственности (уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной, материальной) выделяют и процессуальную ответственность, подчеркивая при этом, что «все названные виды ответственности являются традиционными и хорошо известными...» [6]. Коллектив авторов (Т.Н. Радько, В.В.Лазарев и Л.А. Морозова) обращает внимание на фактическое основание процессуальной ответственности - процессуальные правонарушения, трактуя их следующим образом: «Это несоблюдение процедурных требований, предъявляемых к порядку рассмотрения дела, порядку принятия решения в целях обеспечения его обоснованности, законности, объективности, справедливости»; «это нарушение установленной юридической процедуры, в котором должен проходить конституционный, административный, судебный процесс, процедуры осуществления правосудия, правила прохождения юридического дела в каком-либо другом правоприменительном органе» [7]. Интересно заметить, что в дальнейшем ученые рассматривают лишь уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность, игнорируя процессуальную [8].

Среди сторонников процессуальной ответственности есть ученые, которые рассматривают её как институт права. Советский ученый В.М. Горшенев в свое время считал, что институт процессуальной ответственности имеет абсолютное право на существование, поскольку строение процессуальных правоотношений будет неполным, если исключить такой компонент, как юридическая ответственность, ибо исходной точкой наступления процессуальной ответственности является «виновное неисполнение участником процесса обязанностей, возложенных на него процессуальным законом» [9].

О.О. Скачкова, выделяя меры юридической ответственности, полагает, что по своей природе (характеру) они дифференцируются на «чисто» процессуальные, материально-правовые и обладающие ярко выраженной двойственной природой, находящиеся на «границе» деления материального и процессуального в праве («пограничные меры». – В.К.). Автор полагает, что «... ответственность за процессуальные правонарушения является комплексной, где процессуальная

ответственность – только её часть, остальная же часть представлена «пограничными мерами» [10].

Обращая внимание на отсутствие единого нормативно-правового акта, содержащего нормы процессуальной ответственности, которые сформулированы в ГПК РФ, УПК РФ, т. е. в процессуальных нормативных правовых актах, принимая во внимание, что ряд норм процессуальной ответственности содержится в нормативно-правовых актах со смешанной материально-процессуальной природой (КоАП РФ, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» и некоторых других), а отдельные нормы за наиболее опасные нарушения процесса содержатся в УК РФ, Е.В. Чухлова пришла к выводу о том, что процессуальная ответственность является «сложным комплексным межотраслевым институтом права, обладающим генетическими, координационными и субординационными связями и состоящим из ряда субинститутов» [11].

Полностью разделяя изложенные позиции ученых, признающих процессуальную ответственность в качестве института права, их можно показать при характеристике уголовно-процессуальной ответственности как одного из субинститутов первой.

Ответственность за уголовно-процессуальные правонарушения предусмотрена нормами и УПК РФ (например, в соответствии с ч. 9 ст. 106 УПК «в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым обязательств, связанных с внесенным залогом, залог обращается в доход государства по судебному решению, выносимому в соответствии со ст. 118 настоящего Кодекса; в соответствии с ч. 1 ст.116 «мера пресечения... изменяется на более строгую..., когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 и 99 настоящего Кодекса»; в ст. 117 УПК РФ говорится, что «в случаях неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом, а также нарушения ими порядка в судебном заседании на них может быть наложено денежное взыскание..., в порядке, установленном ст. 118 настоящего Кодекса»), и УК РФ (например, в ч. 8 ст. 56 закрепляется, что «за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний свидетель несет ответственность в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ», а в ч. 9 этой же статьи за разглашение данных предварительного расследования он же несет ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ), и ГК РФ (ст. 135 «Возмещение имущественного вреда». Комментаторы данной статьи полагают, что возмещение имущественного вреда следует интерпретировать с позиции гражданского права (ч. 2 ст. 15, ст. 1083 ГК) [12]. В ч. 2 ст. 136 УПК РФ «Возмещение морального вреда» закреплено, что «иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства».

Полагаем, что нормы уголовно-процессуальной ответственности предусматривают юридическую ответственность и субъектов правоприменения, например, согласно п. 6.ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа уполномочен «отстранить следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований настоящего Кодекса». Есть основания включать в субинститут уголовно-процессуальной ответственности и нормы права, регламентирующую так называемую специальную дисциплинарную ответственность, которая распространяется на отдельные категории субъектов, в том числе сотрудников ФСБ, таможенной службы, судей, прокуроров, следователей и некоторых других служащих, не подпадающих или подпадающих не полностью под действие трудового законодательства. Так, применительно к следователю Следственного комитета в соответствии с ФЗ № 03-ФЗ от 28. 12. 2010 «О Следственном комитете Российской Федерации» [13] за неисполнение или ненадлежащее исполнения ими своих обязанностей и совершения проступков, порочащих честь сотрудника Следственного комитета, к нему применяются следующие дисциплинарные взыскания: замечание; выговор; строгий выговор; понижение в специальном звании; лишение медалей Следственного комитета; лишение нагрудного знака «Почетный сотрудник Следственного комитета; предупреждение о неполном служебном соответствии; увольнение из Следственного комитета по соответствующему основанию. Таким образом, указанный закон устанавливает специальные меры дисциплинарного взыскания для следователей Следственного комитета, по сравнению с ТК РФ, предусматривающим дисциплинарные взыскания в виде замечания, выговора и увольнения по соответствующим основаниям.

-
1. Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 187.
 2. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М., 2012. С. 421.
 3. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 223.
 4. Гущина В.В. Правовая природа штрафной процессуальной ответственности //Административное право и процесс. 2016. № 5.С. 63–66.
 5. Макарейко Н.В. Процессуальная ответственность как правовое явление // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 242.
 6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2009. С. 455.
 7. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2012. С. 365,382–386.
 8. Там же.
 9. Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 112.

10. Скачкова О.О. Процессуальная ответственность: понятие и содержание. Тамбов, 2007. С. 7.

11. Чухлова Е.В. Понятие, основание и виды процессуальной ответственности: общетеоретический аспект. С. 12.

12. Комментарий ст. 135 УПК РФ // proupkrf.ru/st_135_upk_rf (дата обращения: 29.08. 2023).

13. Федеральный закон № 403-ФЗ от 28. 12. 2010 «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

УДК 349.2

С.С. Курасов

Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)

S.S. Kurasov

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИЯ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР 1917–1941 ГОДОВ

LAW ENFORCEMENT AND LEGAL REALIZATION IN THE LABOR SPHERE OF SOVIET RUSSIA AND THE USSR 1917-1941

Рассматриваются особенности процесса реализации права на труд гражданами советского государства. Анализируется двойственная природа данного права, являющегося одновременно обязанностью каждого гражданина. Даются характеристика хронологическим периодам в процессе развития трудового права.

Ключевые слова: право на труд, трудовая обязанность, военный коммунизм, новая экономическая политика, общественные блага.

The article analyzes the features of the process of realizing the rights to work by citizens of the Soviet state. The dual nature of this right, which is the simultaneous responsibility of every citizen, is also analyzed. The characteristics of the chronological periods in the process of development of labor law are given.

Keywords: right to work, labor duty, war communism, new economic policy, public goods.

Экономические права имеют важнейшее значение и лежат в основе практически всех иных субъективных прав человека и гражданина. Так, без права на труд и достойную оплату труда невозможно реализовать право на жильё, качественное образование, здоровье (медицинскую помощь), пассивное избирательное право и многие другие [1]. Объясняется это тем,

что реализация большей части субъективных прав требует значительных материальных, в частности финансовых, затрат. Например, приобретение жилья [2], оплата медицинских услуг [3], внесение платы за обучение [4], финансирование предвыборной кампании и т. д.

В современном обществе, функционирующем в условиях рыночных отношений, особенно остро стоит вопрос не столько нормативного закрепления прав человека и гражданина, сколько создания механизмов и гарантий реализации права.

Тысячелетняя история России содержит в себе множество событий, процессов и явлений, позволяющих использовать это знание о прошлом как полезный опыт в настоящем. В то время как в первой четверти XX в. у наиболее экономически развитых стран мира хозяйственные отношения развивались по пути монополизации и сосредоточения средств производства в руках крупнейших предприятий, именно Россия показала всему миру альтернативный путь развития. Этим определяется актуальность изучения отечественного опыта по поиску и созданию способов реализации трудовых прав.

Нормативное регулирование трудовых отношений в Советской России и Советском Союзе в период с 1917 по 1941 г. складывалось не только в свете экономических реалий, но и в значительной мере под давлением политических факторов, к числу которых можно отнести: следование коммунистической идеологии, создание действующей модели советской демократии, подготовка к мировой войне.

Стоит отметить, что влияние политических факторов оказывало весьма противоречивое воздействие на формирование системы нормативного регулирования, правоприменение и правореализацию в сфере трудовых отношений. Так, следование коммунистической идеологии и создание республики советского типа требовало максимальной демократизации общественных отношений. В то же время подготовка к мировому вооружённому конфликту заставляла выстраивать жёстко централизованную административно-директивную систему хозяйствования.

В течение указанного периода, с 1917 по 1941 г., трудовое право претерпевало ряд изменений. Для системного изучения трудовых отношений видится необходимым установить основные этапы периодизации:

1917(18) – 1921 гг. – период военного коммунизма. Характеризуется: полной отменой всех существовавших до 25 октября (7 ноября) 1917 г. нормативно-правовых актов; началом складывания нового корпуса нормативных актов; применением практики решения юридически значимых споров с опорой на революционную законность, т. е. фактическим использованием правовой доктрины как формы права; попыткой построения хозяйственной системы с максимальной степенью централизации [5]; наступлением острейшего экономического кризиса.

1921 – 1927 гг. – период Новой экономической политики. Характеризуется: легализацией частного предпринимательства: разрешается вести бизнес в секторе лёгкой промышленности и сфере услуг с максимальным числом наёмных работников от 10 до 15 человек¹; сохранением государственной монополии на международную торговлю, банковский сектор, тяжёлую промышленность; легализацией иностранных концессий; выходом из острой фазы экономического послевоенного кризиса.

1927 – 1941 гг. – период коллективизации и индустриализации. Характеризуется: запретом частной предпринимательской деятельности с использованием наёмного труда; запретом иностранного участия в хозяйственной жизни страны; переходом к финальному этапу создания сверхцентрализованной экономической системы [6].

Яркая специфика каждого из обозначенных этапов накладывала свой отпечаток на систему трудового права. Суровые ограничения и трудовая повинность периода военного коммунизма [7] сменялись возможностью реализации своих способностей к организации частного бизнеса во время НЭПа. Дальнейший запрет на частную предпринимательскую деятельность компенсировался гарантированной занятостью [8].

Первые же декреты советской власти устанавливали ряд гарантий для работников: закреплялось фундаментальное право на труд, которое имело двойственную природу и одновременно являлось обязанностью трудиться; восьмичасовой рабочий день [9]; страхование на случай безработицы [10]; создавалась сеть бирж труда [11] и многое другое.

Важнейшим шагом в процессе нормативного закрепления трудовых прав стало принятие Конституции РСФСР 1918 г. [12]. Данный акт устанавливал режим «диктатуры пролетариата», т. е. имел направленность на приоритетную защиту именно интересов наёмных работников.

Большую детализацию трудовые отношения получают в Кодексе законов о труде 1918 г., которым за гражданами в возрасте от 16 до 50 лет фиксировалась обязанность заниматься общественно полезным трудом [13], т. е. исполнять обязанность трудиться – создавать экономические или социальные блага.

Неисполнение данной обязанности лишало граждан целого ряда прав: свободы перемещения между губерниями, получения медицинской помощи, получения продовольственных товарных карточек [14]. Правом голосования также обладали именно трудящиеся, причём независимо от своей гражданской принадлежности [12]. Таким образом, создавалась система, в которой целый комплекс социальных, политических, личных прав ставился в зависимость от исполнения обязанности к труду.

Установление принципа всеобщей обязанности к труду не должно расцениваться как ограничение свободы человека, лишение его

¹ В разные годы количество менялось – прим. автора.

возможности вести праздную жизнь. Всё потому, что государство симметрично с возложенной на своих граждан фундаментальной обязанностью трудиться снабжало население широким спектром общественных благ. Таким образом, произведённый работниками продукт не разделялся на необходимое минимальное² вознаграждение для работника и избыточную³ прибыль для собственника факторов производства, как это происходит в условиях рыночной экономики; произведённый продукт разделялся на денежное вознаграждение работнику и часть, наполняющую фонды общественного потребления для производства социальных благ (образование, медицина, общественный порядок и многие другие).

Сочетание таких внедрённых на практике факторов, как гарантированная занятость, право на труд, обязанность трудиться и право на справедливое вознаграждение за труд, можно рассматривать как форму гарантированного базового дохода. Эта форма в значительной мере похожа на концепцию безусловного базового дохода [15].

Переход к Новой экономической политике дал мощный импульс для расширения правотворчества в сфере трудовых отношений, поскольку для развития частного предпринимательства и привлечения иностранных инвестиций пришлось отказаться от практики применения коммунистической правовой доктрины в качестве непосредственной формы права при решении споров о праве [16].

Однако новые нормы не только создавали легальную основу для частного предпринимательства, с их помощью продолжалось расширение границ свободы работников. Вследствие чего кардинально ограничивался круг лиц, которых можно было привлекать к трудовой повинности [17], устанавливался ряд льгот для тружеников государственных предприятий [5], регламентировался труд отдельных категорий работников, определялся характер таких институтов, как командировка, отпуск, стажировка [18].

Постепенное вытеснение частного сектора из экономики, достигаемое с помощью нормативных запретов, повышения налогов на бизнес, товарной интервенцией государственных предприятий, привело к тому, что на момент середины 30-х гг. советская экономика имела в своей структуре наименьшую долю частных производителей по сравнению со всем предшествующим периодом. Тем не менее возможного пропорционального увеличения производства общественных благ не произошло. Вынужденное отвлечение ресурсов от мирного строительства и их использование в военно-промышленном комплексе не позволило полностью решить задачу по

²«Минимальное» в значении – достаточное для удержания работника от увольнения по собственному желанию, но не более того – прим. автора.

³«Избыточная» в значении – сумма, существенно превышающая трудовой вклад предпринимателя – прим. автора.

компенсации невозможности ведения частного хозяйства наибольшим объёмом предоставленных безвозмездных социальных благ.

Основываясь на вышесказанном, представляется возможным заключить, что реализация права на труд хотя и имела изъятие в форме запрета на предпринимательскую деятельность с использованием наёмного труда, однако была неразрывно связана с гарантированным получением гражданами общественных благ, напрямую повышающих качество жизни.

-
1. Лукашева Е.А. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 264.
 2. Новостной аналитический портал rbcru: сайт. URL: <https://realty.rbc.ru/news/65f01b549a794752627eecbf> (дата обращения: 12.03.2024).
 3. Новостной аналитический портал rg.ru: сайт. URL: <https://rg.ru/2021/09/15/issledovanie-skolko-rossiiane-tratiat-na-medicinskie-uslugi.html> (дата обращения: 23.02.2024).
 4. Новостной аналитический портал lenta.ru: сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/11/education/> (дата обращения: 01.03.2024).
 5. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 25.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.
 6. Гордеев И.А. История становления и развития советского трудового права (1917–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2002. С. 11.
 7. Войтинский И.С. Трудовое право. М., 1925. С. 31.
 8. Теттенборн З. Советское законодательство о труде. М., 1920. С. 32.
 9. Постановлением Наркомтруда «О восьмичасовом рабочем дне» от 29.10.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 10.
 10. Положение о страховании на случай безработицы от 11.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 8. Ст. 111.
 11. Декрет СНК «О биржах труда» от 31.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 1. Ст. 115.
 12. Конституция РСФСР от 10.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
 13. Кодекс законов о труде 1918 г. СУ РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.
 14. Декрет СНК «Положение о социальном обеспечении трудящихся» от 31.10.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.
 15. Портал благотворительной организации The Basic Income Earth Network basicincome.org: сайт. URL: <https://basicincome.org/> (дата обращения: 01.03.2024).
 16. Курицын В.М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972. С. 17.
 17. Декрет СНК РСФСР «Об освобождении работников государственных учреждений, предприятий и хозяйств от привлечения к периодическим повинностям» от 3.11.1921 // СУ РСФСР. 1921. № 74. Ст. 607.
 18. Кодекс законов о труде РСФСР от 9.10.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

УДК-340

В.А. Рыбаков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 6914-5474

V.A. Rybakov

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

ПРАВОТВОРЧЕСТВО В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

LAW-MAKING DURING THE FORMATION OF THE SOVIET STATE

Рассматриваются вопросы правотворчества в период становления советского права. Выделяются и описываются его особенности: закрепление интереса диктатуры пролетариата, закрепление неравенства субъектов права, особое значение правосознания и др.

Ключевые слова: *правотворчество, декреты, правосознание, нормативный правовой акт, обычай, мусульманское право.*

The article deals with issues of law-making during the formation of Soviet law. Its features are distinguished and described: the consolidation of the interest of the dictatorship of the proletariat, the consolidation of the inequality of subjects of law, the special importance of legal consciousness, etc.

Keywords: *legal creation, decrees, legal awareness, normative legal act, customs, muslimlaw.*

Исследование особенностей правотворческой деятельности советского государства в историко-теоретическом аспекте представляется весьма актуальным. Оно обусловлено необходимостью познания закономерностей развития советского права. Период (1917–1920-е гг.) в праве в литературе рассматривается как этап самостоятельный, своеобразный, имеющий свои особенности. Назовем некоторые из них.

1). В начальные годы становления советского государства допускалось свободное правотворчество народных масс [1]. Функционирование права могло происходить вне рамок законодательства, а эмоционально-психологическое начало, правосознание становится первичным [2]. Такое положение находило поддержку у многих авторов. Во многом это было обусловлено идеологическими установками советской власти [3].

2). Правотворчество максимально учитывало существование в стране диктатуры пролетариата, острой классовой борьбы и идеологии коммунизма. Идеологические и политические требования определяли содержание принимаемых нормативных правовых актов.

3). Особенностью правотворчества рассматриваемого периода следует считать отсутствие единого нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу. Существовало несколько законодательных органов, издающих подобные акты: Всероссийские съезды Советов, ВЦИК и СНК. Это было закреплено и Конституцией 1918 г. В обстоятельствах недостаточности законодательства функции законов иногда осуществляли и акты народных комиссариатов [4].

4). Правотворческий процесс характеризовался интенсивной кодификационной работой. В 1922–1923 гг. было подготовлено семь кодексов: Гражданский, Уголовный, Земельный, Гражданский процессуальный, Уголовно-процессуальный кодексы, Кодекс законов о труде, а также разработаны проекты Хозяйственного, Торгового, Промышленного, Кооперативного, Административного кодексов. В 1927 г. вышло в свет «Систематическое собрание законов РСФСР».

5). Советское правотворчество закрепляло неравенство субъектов права, принцип социального неравенства. Это было закреплено в ст. 10 Конституции РСФСР 1918 г. Правотворчество было инструментом классового правления. Право понималось как продолжение политической власти, а законность как возведенная в закон воля партии большевиков.

6). В правотворчестве особое значение имело революционное правосознание. С завоеванием власти большевики право царской России заменяют разрозненными актами новой власти и революционным правосознанием. А.Х. Торпуджиян называет его главным источником [5]. Такой же позиции придерживаются и другие авторы.

Декрет о суде № 1 рассматривал революционное правосознание как мерилу оценки не отмененных революцией законов имперского и временного (свергнутых) правительств. Революционное правосознание успешно применялось при пробелах законодательства.

7). Исключительная роль партии в революционном правотворчестве. При революционных преобразованиях правотворчество всегда выражает интересы партии, которая владеет государственной властью. Партия большевиков не могла ни использовать для этого правотворчество. Законотворческий процесс проходил под её контролем. По существу, все распоряжения партии реализовывались через правотворческие органы государства, приобретая форму законодательных актов. Законы служили важным средством проведения политики, средством управления страной.

С 1921 г. важные решения партийных органов стали утверждаться высшими органами власти— СНК РСФСР, Президиумом ВЦИК, ВЦИК или всероссийскими съездами Советов. Партийные нормативные акты включались

в правотворческий процесс, становились его идеологической основой и источником права. С.А. Токмин называет несколько форм участия партийных органов в правотворчестве: а) издание партийных актов как базы законодательных актов; б) участие их в законотворческом процессе; в) издание совместных актов; г) автономное правотворчество партийных органов [6].

8). В революционном правотворчестве советского государства особую роль играл ВЦИК. Его особенность в том, что он был одновременно и высшим законодательным органом, органом распорядительным и контролирующим органом страны. Председатель Президиума ВЦИК М.И. Калинин в своих выступлениях подчеркивал, что в государстве существуют три высших законодательных органа – Совет народных комиссаров, Президиум ВЦИК и ЦК партии [7].

9). При революционном правотворчестве использовались правовые обычаи царской России. Это было обусловлено объективной необходимостью. Признание обычая источником права нашло закрепление в законодательстве. В Конституции РСФСР 1918 г (ст. 66): «выборы производятся, согласно установившимся обычаям, в дни, устанавливаемые местными Советами». В Земельном кодексе 1922 г. (ст. 84) при помощи норм обычного права разрешались различного рода имущественные, семейные и другие споры.

На необходимость считаться с укоренившимися воззрениями указывал Н.В. Рабинович. Говоря о кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном семейном и опекунском праве 1918 г., он пишет, что приходилось воздерживаться от слишком решительных мер, считаться с укоренившимися обычаями и воззрениями в расчете на последующее перевоспитание граждан в духе социалистической морали [8].

10). Источником советского правотворчества были нормы религии. Существовал определенный дуализм системы права – позитивного права и религиозного. Учитывая значимость северокавказских народов, Советское государство санкционировало, легализовало мусульманское право и адат, допустило шариатскую юстицию.

До 1920 г. мусульманское право действовало как единственная система права. До 1928 г. в семейных и бытовых отношениях в регионе разрешалось применение шариатских норм. В период с 1919 по 1928 г. по семейному праву допускалась работа казийских (шариатских) судов, учитывались гражданские права, разрешалась деятельность тех исламских законоведов, которые лояльно относились к власти большевиков.

Часто введение мусульманского права и судов в государственную судебную-правовую систему происходило на основе общероссийского законодательного акта. Местный законодатель принимал нормативный акт, который изменял или дополнял общероссийский. Например, «Наказ Высшему судебному контролю по шариату при НКЮ Горской республики»

был издан на основе Положения о высшем судебном контроле НКЮ РСФСР.

В процессе интеграции мусульманской юстиции участвовали высшие органы государства РСФСР - СНК и ЦИК Союза ССР, ВЦИК и СНК. В январе 1925 г. Президиум ВЦИК разработал и утвердил проект постановления «О адатских и шариатских судах на территории РСФСР», а 21 сентября 1927 г. Президиум ЦИК СССР разрешил издавать подобные нормативные правовые акты автономиям. Это составило особую часть советского законодательства, специфическую сферу нормотворческой деятельности РСФСР [9].

23 декабря 1922 г. правительство Туркестанской АССР приняло Положение о казийских судах, разрешило, легализовало нормы шариата и адата, если таковые не противоречили «нормам революционного правосознания трудящихся масс». В Ташкенте даже в начале 30-х гг. горожане обращались к казиям для решения семейных, вопросов, вопросов раздела имущества, на основе норм шариата. С ограничением допускался медресе, готовивший мусульманских правоведов.

Система мусульманской юстиции и шариатского судопроизводства учреждалась в целях обеспечения интересов и прав трудящихся мусульман в отступление от единой системы судоустройства. Законодательство Кубано-Черноморской, Горской, Дагестанской республик, Адыгейской, Чеченской, Кабардинской АО установило, что при рассмотрении гражданских и уголовных дел мусульманские суды руководствуются шариатом, а также общероссийскими узаконениями и соображениями справедливости.

1. *Карнаушенко Л.В.* Феномен революционного правотворчества в период возникновения советского государства // Закон и право. 2021. № 11. С. 15–20.

2. *Кайнов В.И.* Зарождение налогового законодательства России в первые годы советской власти (историко-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. С. 24–30.

3. *Ливенцев Д.В.* Альтернативные принципы применения мер юридической ответственности в период становления советского права // Образование и право. № 8. 2020. С. 174–146.

4. Курс уголовного права в пяти томах 1. Общая часть. Учение о преступлении Кузнецова Н.Ф. 2002. § 3. Становление советского уголовного законодательства (1917–1922 гг.). 624.с.

5. *Торпуджиян А.Х.* Правотворчество в условиях революционных событий 1917 года и становления советской власти // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2022. № 2. С. 10–14.

6. *Токмин С.А.* Партийные акты в системе источников советского права : дис... канд. юрид. наук. Иркутск, 2015. 207 с.

7. *Максимова О.Д.* Законотворчество в советской России в 1917–1922 годах: монография. М.: Зерцало-М, 2011. С. 8–9.

8. *Рабинович Н.В.* Роль советского права в укреплении семьи [Текст] / О-во по распространению полит.и науч. знаний РСФСР. Ленингр. отд-ние. Ленинград : [б. и.], 1956. 44 с.

9. Мисроков З.Х. Феномен мусульманского права в процессах динамики систем права России (XIX – начало XXI века) // Журнал российского права. 2002.№ 10.С. 153–158.

УДК 340.142

М.М. Смоленчук

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 9852-9536

M.M. Smolenchuk

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

СУДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

JUDICIAL CUSTOMS OF SOLVING THE CIVIL CASES BY COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Рассматриваются вопросы судебных обычаев применительно к их месту и роли в законодательстве Российской Федерации и доктрине с учетом сформировавшихся в юридической науке взглядов. Особое внимание уделяется вопросам проявления судебных обычаев в практической деятельности с приведением различных примеров в целях дальнейшего развития соответствующего теоретического направления.

Ключевые слова: *правоприменительные обычаи, судебные обычаи, судебная практика, гражданские дела, законодательство, источник права.*

The article examines the issues of judicial customs in relation to their place and role in the legislation of the Russian Federation and doctrine, taking into account the views formed in legal science. Particular attention is paid to the issues of manifestation of judicial customs in practical activities, citing various examples in order to further develop the corresponding theoretical direction.

Keywords: *law enforcement customs, judicial customs, judicial practice, civil cases, legislation, source of law.*

В истории человечества судебные обычаи всегда были важной частью правовой системы различных культур и цивилизаций, отражая особенности социальной структуры, ценностей и норм общества. Одни из самых известных судебных обычаев – ордалии были широко распространены в Средние века в Европе, гораздо раньше в Древних Афинах возник и был впоследствии узаконен остракизм одновременно как санкция и особый судебный процесс, в Древнем Китае существовала практика «испытание

риса», используемая для разрешения семейных конфликтов. На сегодняшний день практически все из подобных явлений в относительно развитых государствах утратили былые формы и значение, что тем не менее не позволяет говорить о полном исчезновении судебного обычая из юридической сферы.

Следует отметить, что современные исследовательские наработки позволяют в целом определить характерные признаки правоприменительных обычаев, к которым, безусловно, относятся и судебные обычаи, с той целью, чтобы отличить их от других видов обычного юридического права и правовых явлений. Так, можно встретить позицию, согласно которой правоприменительные обычаи: во-первых, складываются в результате деятельности органов публичной власти, разрешающих конкретные юридические дела; во-вторых, не содержат, как правило, первичных правовых норм, а закрепляют устойчивые, постоянно повторяющиеся варианты их толкования различными правоприменителями (в первую очередь судами); в-третьих, содержание этих обычаев, как правило, зафиксировано письменно, поскольку оно воспроизводится в правоприменительных актах, издаваемых в результате разрешения юридических дел; в-четвертых, правоприменительные обычаи нередко централизованы, а не локальны [1].

Указанные признаки достаточно подробно характеризуют слово «правоприменительный» в связке с обычаем, однако для полноты описания и во избежание искажения правовой природы рассматриваемого явления представляется целесообразным попытаться несколько конкретизировать вышеизложенное, для чего в целом могут быть использованы следующие примеры.

В текущем году Омским областным судом в порядке апелляционного производства было рассмотрено гражданское дело по иску между гражданами о взыскании задолженности по договору займа. Истец представил суду подписанный сторонами договор и расписку ответчика, в соответствии с которыми последнему были переданы денежные средства в сумме более трех миллионов рублей наличными сроком на один месяц. Первоначально ответчик отрицал факты заключения договора и дачи расписки, впоследствии признал иск, в дальнейшем стремился к заключению мирового соглашения. Суд первой инстанции, усомнившись в реальности обязательства, включил в круг юридически значимых в том числе вопрос о наличии у заимодавца значительной денежной суммы.

Однако согласно разъяснениям, изложенным в ответе на вопрос 10 «Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2015)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г.), в случае спора, вытекающего из заемных правоотношений, на кредиторе лежит обязанность доказать факт передачи должнику предмета займа и то, что между сторонами возникли отношения, регулируемые главой 42 Гражданского

кодекса РФ, а на заемщике – факт надлежащего исполнения обязательств по возврату займа либо безденежность займа. В целом из положений Гражданского кодекса РФ применительно к договору займа и разъяснений следует, что закон не возлагает на заимодавца обязанность доказать наличие у него денежных средств, переданных заемщику по договору займа. Данная правовая позиция также неоднократно была отражена в практике Верховного Суда РФ по различным делам.

Тем не менее в соответствии с п. 8 «Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08 июля 2020 г.), требования, вытекающие из долговых обязательств (выдачи векселей), не подлежат удовлетворению, если судом установлено, что оформление долгового обязательства (выдача и предъявление векселя к оплате) направлено на придание правомерного вида незаконным финансовым операциям.

В рассматриваемом случае суд, в сущности, был вынужден не учитывать довольно прочно сложившийся в дополнение к закону обычай доказывания по таким делам, отдавая приоритет другому обычаю по расширению круга доказываемых обстоятельств. При этом для данного правоприменительного обычая усматриваются нужные признаки: не содержит первичных норм, будучи вариантом их толкования, закреплён письменно – в обзоре практики, вследствие чего централизован. Установив отсутствие адекватно соизмеримых с суммой займа официальных доходов сторон, наличие у последних беспрецедентного количества банковских счетов, по ряду из которых осуществлялись блокировки и проводились операции обналичивания крупных сумм денежных средств, природу которых участники процесса и их представители по предложению суда достаточно полно пояснить не смогли, суды двух инстанций отказали в удовлетворении исковых требований.

На обозначенную проблематику можно взглянуть и с несколько другой стороны. В 2024 г. Омским областным судом в апелляционном порядке было рассмотрено гражданское дело по иску между гражданами о взыскании переданных по распискам денежных средств в размере более двух миллионов рублей. Ответчиком являлся друг сына истца, средства были переданы через сестру ответчика (по схеме и двум распискам: истец – сестра ответчика – ответчик) на приобретение оборудования для майнинга криптовалют, что подтверждалось как содержанием расписок без указания на цель приобретения оборудования, так и договором между ответчиком и третьим лицом на его закупку в полной сумме. При этом ответчик ссылался также на тот факт, что в одной из расписок имелась фраза о возврате денежных средств в случае, если оборудование не будет приобретено до определенной даты, однако до этой даты оно всё же было закуплено, каких-либо иных указаний на необходимость возврата средств не имелось. Суд

первой инстанции, применив способ буквального толкования расписок, квалифицировал правоотношения сторон как договор займа и постановил взыскать с ответчика соответствующие денежные средства. Апелляция с этим согласилась.

И вряд ли суды здесь могли бы прийти к иному выводу. Наиболее примечательно то, что это продиктовано противоречием иного вывода, скорее, не праву, каким мы привыкли его видеть с точки зрения позитивизма, но судебному обычаю. Отмеченный тезис подтверждается тем, что попытки обнаружить не только в законе, но и в руководящих разъяснениях в форме актов судебного правотворчества высших судебных инстанций указание на необходимость применять право, в сущности, именно так, но никак иначе, не могут увенчаться успехом. Законом установлено, что в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему займодавцем определенной денежной суммы; заемщик также может оспаривать сделку по безденежности (ст. 808, 812 Гражданского кодекса РФ). Однако в рассмотренном случае факт передачи средств сам по себе не свидетельствовал о наличии правоотношений займа, которые установлены судом благодаря совокупной оценке доказательств и их толкованию. Обычай здесь в части именно правоприменения и стандартов доказывания закрепляется судебными постановлениями Верховного Суда РФ по многочисленным делам и упомянутым обзором судебной практики, хотя, очевидно, обычай существует и без такого закрепления, поскольку санкцией за его нарушение неизменно является отмена судебного акта. И обычай этот на данном этапе вообрал в себя сразу несколько формул вплоть до правил оценки отдельных слов и выражений по типу «вернуть долг», что не означает факта передачи суммы в заем. Указанное всё же следует признать парадоксальным, поскольку в рамках одних и тех же правовых норм в зависимости от избрания того или иного варианта толкования по судебному обычаю материально-правовой смысл расписки изменяется до неузнаваемости.

Таким образом, правоприменительный обычай, наиболее заметно проявляющийся в виде судебного обычая, наилучшим образом по сравнению с самой в себе судебной практикой способствует достижению цели обеспечения единообразия правоприменения в условиях вариативности правовой нормы, подтверждая её практическую обоснованность и в ряде случаев выступая фундаментом для последующего судебного правотворчества. Однако спектр воздействия судебного обычая на правовую действительность не ограничивается лишь дополнением закона, поскольку обычай в силу своей изначальной правовой природы может существовать независимо от него и вступать с ним в противоречие, имея при этом даже более авторитетную юридическую силу. Исследователем Р.Л. Ивановым приводился пример правоприменительных обычаев, «в

соответствии с которыми в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века в СССР органы предварительного следствия и суды перестали привлекать к уголовной ответственности за частнопредпринимательскую деятельность, коммерческое посредничество, спекуляцию и подобные им «хозяйственные преступления», что привело к фактическому приостановлению действия соответствующих норм уголовных кодексов союзных республик ещё до внесения изменений в уголовное законодательство» [2].

Исходя из вышеизложенного может быть сделан вывод, что в материально-правовом аспекте судебные обычаи трудноотличимы от судебной практики. В целях более емкого анализа здесь следует привести позицию: «...во всяком случае, судебная практика не может быть сведена к обычаю: ибо она может вырабатывать нормы права не только путем множественных, но и путем единичных прецедентов. Так или иначе частью путем прецедента, частью путем обычая судебная практика, несомненно, создает новые нормы в дополнение к закону и потому должна рассматриваться как самостоятельный источник права» [3]. Ученый Л.А. Морозова отмечает: «Судебная практика служит источником для принятия новых норм права и нормативных правовых актов, но сама норм права не создает» [4].

Как бы то ни было, и в настоящее время судебная практика рассматривается в качестве источника права, однако со всей степенью очевидности формой права она не является, в отличие от обычая. В указанной связи можно привести пример, когда норма относительно общего характера приобретает более резкие черты либо исключения из общего правила. Так произошло с положениями о компенсации морального вреда, в частности, за гибель животных, к которым применяются общие правила гражданского законодательства об имуществе. В Определении от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1 Верховный Суд РФ не согласился с толкованием закона, исключающим возможность компенсации морального вреда, причиненного гибелью животных. Примечательно, что суд первой инстанции сделал то же самое, однако апелляция постановила наличие нарушения права лишь имущественного характера, что оказалось неверным толкованием, тем не менее очевидным образом из самого закона не следующим, что позволяет говорить об окончательном оформлении судебного обычая по взысканию указанной компенсации, которая, в принципе, судами взыскивалась и ранее. Напротив, на современном этапе высшие судебные инстанции ещё четким образом не высказались в отношении вопроса о компенсации морального вреда за действия либо бездействие государственных органов в большой массе различных случаев, в связи с чем здесь зачастую нельзя определить либо предсказать содержание верной правовой материи на основе судебных обычаев ввиду отсутствия даже единства практики, что позволяло бы более четко и гибко оперировать во многом декларативными правовыми нормами.

В то же время обратить внимание на судебные обычаи можно с другой стороны – процессуальной. Первопроходцем российской цивилистики Д.И. Мейером отмечено: «Обычаем, говоря вообще, называется ряд постоянных и однообразных соблюдения какого-либо правила в течение более или менее продолжительного времени» [5]. В то же время исследователь обращал свое внимание и на судебные обычаи: «Лица, занимающиеся отправлением суда, состоят на службе в судебных местах более или менее продолжительное время; между делами, поступающими на рассмотрение, много однородных: потому естественно, что в каждом судебном месте устанавливаются известные обычаи относительно производства дел» [6]. Автором в этой связи приводился пример, исходя из которого член окружного суда, обнаружив формальные недостатки иска, мог предоставить истцу возможность немедленного восполнения последних, не постановляя никаких определений об оставлении прошения без движения. Как видно, судебные обычаи могут трактоваться с направленностью на судопроизводство, т. е. иметь процессуальную природу.

Исследователь И.В. Решетникова указывала, что «мотивация появления обычаев процессуальной деятельности связана не только с отсутствием правовой регламентации, но и с необходимостью своевременного и правильного рассмотрения дела» [7]. Автором приводились примеры таких обычаев, в частности, относительно назначения судом экспертизы при отсутствии её оплаты заявившей стороной, вследствие чего ввиду отсутствия регулирования таких случаев процессуальным законом повсеместно сложилась практика возобновления производства по делу. Примечательно, что с момента выхода статьи автора с указанием на данную уже имевшую место проблему до даты признания Конституционным Судом РФ соответствующих положений процессуального закона о назначении экспертизы неконституционными прошло практически 15 лет, что говорит о том, что, в принципе, все были удовлетворены такой обычной практикой. В целом же действительно трудно не согласиться с И.В. Решетниковой в том, что многие процедуры, включая возобновление производства по делу, отвод и самоотвод участников процесса в зависимости от устоявшейся в конкретном суде практики имеют свою специфику. Однако здесь следует заметить следующее.

В соответствии с положениями ст. 1 и 11 Гражданского процессуального кодекса РФ, 3 и 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ применение обычаев в материально-правовом смысле в целях разрешения возникшего спора возможно, в то время как в процессуально-правовом смысле законодатель, минуя обычаи, указал лишь на аналогию закона и аналогию права. Несмотря на тот исторический факт, что современное судопроизводство своим существованием изначально обязано судебным обычаям, на сегодняшний день последние, в сущности, оказываются полностью исключенными из процедуры рассмотрения дел

ввиду наличия строго регламентированной процессуальной формы. В связи с этим судебные обычаи могут выступать в рассматриваемом аспекте лишь в качестве процессуальных обыкновений, которые по своей правовой природе обычаями не являются, что приводит к закономерному выводу о принципиальном недопущении судебных обычаев применительно к процессуальным вопросам.

Именно такой позиции небезосновательно придерживаются приверженцы строгости процессуальной формы, её практической неизменности без внесения изменений в законодательство, чем устраняются все неясности по вопросу принципиального существования процессуальных судебных обычаев. Однако такая позиция не позволяет, в частности, объяснить, почему один судья заявляет самоотвод и передает дело на перераспределение протокольным определением, а другой – выносит отдельное. Если несколько абстрагироваться от гражданско-правовой сферы, то в этой связи ещё более вопиющим нарушением строгой процессуальной формы предстает приостановление производства по делу по уголовным делам в связи с назначением судом экспертизы, которое основанием для такого приостановления прямым образом и в силу непоколебимости процессуального закона не является.

Таким образом, всё же представляется, что изучение примеров судебных обычаев может быть важным не только в контексте сохранения культурного правового наследия, но и для решения практических проблем, где баланс между традиционными нормами и современными потребностями играет решающую роль. Также изучение судебных обычаев является важным аспектом для понимания правовой системы, поскольку они представляют собой накопленный опыт правоприменения и регулирования общественных отношений, помогающий улучшать качество правосудия и делать законодательство более справедливым и гибким. При этом важно учитывать, что судебные обычаи как источник права, вопреки множеству мнений, всё же должны представлять собой отражение устойчивости судебной практики, прямым образом вытекающей не из самих правовых норм или актов судебного правотворчества высших судебных органов, а из стихийно-единообразного правоприменения.

1. *Иванов Р.Л.* Правоприменительные обычаи // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 7-9

2. Там же. С. 10.

3. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой. М. т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. С. 135.

4. *Морозова Л.А.* К вопросу о судебном правотворчестве // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 291.

5. Мейер Д.И. Русское гражданское право: чтения Д.И. Мейера / изд. по зап. слушателей под ред. А.И. Вицына, изд. 8-е с испр. и доп. А.Х. Гольмстена. СПб: тип. Д.В. Чичинадзе, 1902. С. 16.

6. Там же. С. 17.

7. Решетникова И.В. Обычаи процессуальной деятельности как составляющие судебной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8. С. 63.

УДК 34.09

Е.С. Соколова

Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Россия)
SPIN – код 5012-5479

E.S. Sokolova,

V.F. Yakovlev Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russia)

**«МАЛЕНЬКАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА»
ЕКАТЕРИНЫ II: ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ**

**«THE SMALL ADMINISTRATIVE REFORM» OF CATHERINE II:
POLITICAL AND LEGAL VECTORS**

Анализируется политико-правовая стратегия «малой административной реформы» 1763 г., направленная на совершенствование правоприменительной практики Сената, введение отраслевой специализации его департаментов и корректировку штатного расписания административных учреждений всех рангов. Определяется теоретическая и историческая значимость изучения модели законности второй половины XVIII в. как самостоятельного вектора правовой политики, обеспечивающего институционализацию самодержавного политического режима.

Ключевые слова: *российское самодержавие, сословный строй, законность, административно-судебная система, правоприменение, правовая политика.*

The article analyzes the political and legal strategy of the "small administrative reform" of 1763, aimed at improving the law enforcement practice of the Senate, introducing sectoral specialization of its departments and adjusting the staffing of administrative institutions of all ranks. The theoretical and historical significance of the study of the model of legality of the second half of the XVIII century is determined as an independent vector of legal policy, ensuring the institutionalization of an autocratic political regime.

Keywords: *Russian autocracy, class system, legality, administrative and judicial system, law enforcement, legal policy.*

Вторая половина XVIII столетия – время целенаправленного обращения российской правящей элиты к выстраиванию политико-юридической стратегии, обеспечивающей верховенство закона и опору верховной власти на принцип законности. Ориентированность правящих лиц на институционализацию надсословного политического режима, предполагающего наличие неравенства прав состояния в качестве основного юридического признака отношений подданства, влекла за собой необходимость разработки механизма воздействия монарха на состояние законности. Потребность верховной власти в социально-политической поддержке сословий, правовой статус которых находился в зависимости от вклада отдельных лиц и целых сословных групп в «общее благо», исключала возможность воздействия на общество исключительно силовыми средствами без активизации просветительского начала.

Отсутствие у Екатерины II должных правовых оснований для приобретения властных полномочий активизировало тенденцию к выстраиванию вертикального соподчинения административного аппарата, что должно было содействовать усовершенствованию системы правосудия и правоприменительной практики. Представляется, что проведение ряда преобразований середины 1760-х гг. в правоприменительной сфере было продиктовано необходимостью усиления законности как вектора юридической политики, способной обеспечить в политической системе Российского государства доминирующее положение монарха – единственного гаранта правосудия.

Политико-юридический срез административных реформ второй половины XVIII в. не рассматривается в научной литературе. Между тем, именно в данном контексте представляют историко-правовой интерес те начинания Екатерины II, которые принято называть «маленькой административной реформой». Обычно данная инициатива характеризуется как комплекс мер, направленных на пересмотр штатного расписания чиновников, что существенно снижает её роль в укреплении политики законности. Подчеркнем, что магистральное направление реформы заключается в осуществлении комплекса мер по оптимизации деятельности Сената, который вызывал обоснованное недоверие новой императрицы присущим ему стремлением укрепить своё влияние на правящих лиц посредством активного вмешательства в деятельность судов, а также законотворчество, не соотнесенное с действующими регламентами и указами [1].

Находясь в начальный период своего царствования под влиянием политических проектов Н.И. Панина, императрица разделяла его мнение о необходимости разделения Сената на департаменты с целью «оградить самодержавную власть от скрытых иногда похитителей оных». Наряду с недоверием и личной неприязнью к ряду сенаторов, Екатерина полагала, что отсутствие отраслевой специализации в их деятельности пагубно

отражается на режиме законности и противоречит задаче укрепления социально-политических позиций самодержавия в многословном российском обществе. В итоге императрица не только провела сенатскую реформу, но и обосновала её теоретически, провозгласив необходимость создания в самодержавном государстве такой системы правосудия, при которой «подвластный ... народ не изнурен от разных приключений, а особенно от постановленных над ними начальников и правителей...» [2].

15 декабря 1763 г. императрица утвердила манифест, в преамбуле которого содержалась резкая критика судебных кадров и чиновников, обеспечивающих правоприменение. По словам Екатерины, едва придя к власти, она обнаружила, что в таковые часто определялись лица «без всякого звания и способности», готовые на любое нарушение закона во имя преодоления «угнетающей бедности». При этом она обратила внимание на низкие ставки жалования, а также на отсутствие «потребного числа судящих, канцелярских служителей и прочих людей» по старым петровским «штатам».

Идеологическое обоснование необходимости серьезных перемен в штатном расписании государственных учреждений центрального и местного уровня было традиционно возведено на обновленный фундамент концепции «общего блага» [3]. Утверждение новых штатов, предпринятое Екатериной II с целью осуществления кадровой перестройки административно-судебной системы Российской империи и усовершенствования правоприменительной практики, сопровождалось принятием указов о пенсионном обеспечении и отпусках чиновников [4].

Одновременно на законодательном уровне была предпринята попытка повышения ответственности чиновных лиц за несвоевременное исполнение текущих узаконений. Например, указ от 31 июля 1766 г имел превентивное значение и содержал перечень конкретных юридических мер, направленных на предотвращение случаев судебной волокиты, несанкционированных отлучек с места службы и злостной «нерачительности» в служебных делах. Его утверждение впоследствии содействовало унификации организационных принципов правоприменительной деятельности по всей территории Российской империи, включая Остзейские губернии [5].

«Маленькая административная реформа» осуществлялась в условиях отсутствия систематизации законодательства и слабой институциональной базы, необходимой для обеспечения строгой иерархии соподчинения органов управления. Наличие подобной лакуны в организации административного аппарата и системы правоприменения затрудняло реализацию надсословной политико-юридической стратегии. В этих условиях любые преобразования правоохранительной сферы носили незавершенный характер и допускали периодические вмешательства правящих лиц в судебную практику с целью предотвращения судебной волокиты и нарушения законов должностными лицами.

Как следует из ряда именных указов 1760-х гг., в ряде случаев императрице приходилось проявлять терпимость по отношению к видным чиновникам, злоупотреблявшим своим служебным положением. В то же время её преобразования не противоречили по своей политико-юридической направленности модели «законной монархии». Провозглашая на официальном уровне тезис о взаимозависимости процветания государства и благополучия всех социальных категорий российского населения, Екатерина II рассматривала в качестве основного средства достижения этой «благой» цели усиление личного влияния образованного и просвещенного монарха на законодательную политику и дела управления, что выводило его из подчинения законам и придавало особый статус самодержавной государственной власти. Данная тенденция присутствует в последующих преобразованиях правоприменительной сферы, проведенных во второй половине XVIII в. с целью институционализации принципа главенства правящих лиц в системе правосудия и правоприменительной практике.

1. *Казанцев С.М.* Сенат. Учреждения при Сенате // Законодательство Екатерины II. Т. 1. С. 190 – 191. 193; Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных дел. Собраны и изданы с Высочайшего Разрешения по предначертанию Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого Князя Александра Александровича академиком П. Пекарским. Т. 1. 1744 – 1764 гг. 1764 года. Февраля 20. Собственноручное наставление Екатерины II Князю Вяземскому при вступлении им в должность Генерал-прокурора // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1881. Т. 7. С. 345 – 348; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711 – 1911. Т. 2. СПб., 1911. С. 239 – 349; *Иконников В.С.* Сенат в царствование Екатерины Второй. М., 1888. С. 22 – 26 и далее; *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины II. Историко-юридическое исследование (период с 28 июня 1762 г. – 7 ноября 1775 г.). СПб., 1901. С. 190 -198.

2. Бумаги Императрицы Екатерины II... 1762. Декабря 28. Бумаги, касающиеся предположения об учреждении императорского Совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины (здесь доклад и манифест о том Н. Панина // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т.7. С. 200 – 221; *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины ...». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 149 – 156.

3. Манифест о постановлении штатов разным присутственным местам; об учреждении в Сенате, в Юстиц, Вотчинной и Ревизион коллегиях департаментов; о разделении по оным дел; о небытии Сибирскому и Розыскному приказам, Печатным и Раскольнической конторам и особому Коммерц-коллегии коммисарству; онеимении при присутственных местах коллегии и титулярных юнкеров; об учреждении при Кадетском сухопутном корпусе и Московском университете классов российской юриспруденции и оприуготовлении детей из разночинцев и приказного чина для определения в присутственные места в копиисты, об их обучении и содержании на казенный счет [Декабря 15 дня 1763 года] // Законодательство Екатерины II. С. 221.

4. Там же. - 1765 – Апреля 25. – Сенатский.- Об увольнении Членов Присутственных мест в отпуск не более, как на четыре месяца // ПСЗ I.Т. 17. № 12383. С. 119 – 120; - 1765. – Июня 14. – Именной, данный Сенату. – Об увольнении Сената от присутствия на 15 дней для отдохновения, и о распоряжении для решения дел, нетерпящих отлагательства // ПСЗ I.Т.17. №. 12418. С. 167;

5. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С.208 – 209, 217 и далее;- 1766. – Июля 31.- Сенатский, по Высочайше утвержденному докладу. – О штрафовании Присутственных мест за нерапортование и за неисполнение по посланным указам на сроки // ПСЗ I. Т. 17. № 12710. С. 871 – 87.

**Публично-правовые, государственно-правовые науки,
уголовно-правовые и международно-правовые науки**

УДК 340

А.Л. Баландин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 5653-3295

A.L. Balandin

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СЛУЖЕБНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ,
СВЯЗАННАЯ С ПОДЛОГАМИ**

ECONOMIC OFFICIAL CRIME, RELATED TO FORGERIES

Экономическая служебная преступность, связанная с подлогами, выражается в ряде преступлений, которые обычно не применяются. Единственным исключением является деяние, связанное с созданием фирм-однодневок. Однако и в этом случае субъектами преступлений становятся иные субъекты.

Ключевые слова: подлоги, экономическая преступность, служебная преступность, фирмы-однодневки, организаторы преступной деятельности.

Abstract. Economic official crime related to forgery is expressed in a number of crimes that are not usually used. The only exception is the act related to the creation of one-day firms. However, even in this case, the subjects of crimes are the declassified elements, and the respectable businessmen behind them.

Keywords: Forgery, economic crime, official crime, one-day firms, organizers of criminal activity.

Экономическая служебная преступность, связанная с подлогами, характеризуется материалами таблицы.

Таблица.

**Число зарегистрированных служебных преступлений,
связанных с подлогами, и лиц, выявленных за их совершение,
в сфере экономической деятельности
в 2007-2009, 2015-2017, 2021-2023 гг.**

Статьи УК РФ	Годы								
	2007	2008	2009	2015	2016	2017	2021	2022	2023
170	6/5	2/0	11/5	4/4	3/2	12/4	11/2	1/0	0/1
170.2	-	-	-	1/0	2/1	14/1	3/2	13/11	4/2
173.1	-	-	-	254/ 82	935/ 137	2369/ 1398	6653/ 992	6670/ 1045	5516/ 1035
185.3	-	-	-	2/0	0/0	1/0	0/0	3/3	3/3
200.6	-	-	-	-	-	-	1/1	0/0	1/0

Как видим, среди рассматриваемых преступлений достаточно активно регистрируется только ст. 173.1. При этом следует учесть, что в их массе число служебных преступлений (п. «а» ч. 2 ст. 173.1) невелико и составляет, судя по материалам судебной статистики, не более четверти). В действительности эта доля должна быть увеличена, поскольку создание фирм-однодневок нередко происходит по инициативе руководителей коммерческих организаций, которые в данном случае злоупотребляют своими служебными полномочиями. Это очевидный факт не находит своего подтверждения в материалах уголовных дел в силу своей сложной доказуемости. Поэтому криминологическая характеристика подлогов, ответственность за которые предусмотрена ст. 173.1 УК РФ, включает в себя эту «темную зону», которая обычно игнорируется в процессе расследования. Фирмы-однодневки создаются для отмывания похищенных денежных средств [1], уклонения от уплаты налогов, вывода капитала за границу [2] и совершения иных экономических преступлений. Они являются промежуточным звеном в цепочке организованной преступной деятельности. Это сфера деятельности организованной преступности. Однако российское законодательство по образованию и регистрации юридического лица развивается в направлении облегчения процедуры и

реализации электронного документооборота, в том числе в режиме онлайн [3]. Здесь возникает конфликт между общей тенденцией гуманизации предпринимательской деятельности и интересами противодействия организованной экономической преступности. Этот конфликт настоящего решения не находит, поскольку привлечение к уголовной ответственности по ст. 173.1 УК РФ лиц, не имеющих постоянного источника дохода, таким решением не является. Положительная динамика таких преступлений об этом красноречиво свидетельствует.

В этой связи обращает на себя внимание многоэпизодность преступной деятельности, на что указывает соотношение количества деяний и лиц, выявленных за их совершение. В последние годы оно достигает существенных величин. Это означает, что организация фирм-однодневок имеет целеустремленный и систематический характер. Их финансовый оборот достигает ежегодно суммы около 850 млрд рублей [4].

В ведомственных нормативных актах и научной литературе указан целый ряд признаков фиктивных юридических лиц [4]. Тем не менее среди лиц, выявленных за преступление, предусмотренное ст. 173.1 УК РФ, почти половина характеризуется отсутствием постоянного источника дохода. Иначе говоря, это бомжи, алкоголики и иные представители так называемого социального дна.

Специальными субъектами рассматриваемого преступления выступают нотариусы и регистраторы. Нотариусы могут совершать рассматриваемые преступления при удостоверении сделок о реорганизации юридического лица. Что касается регистраторов (сотрудников ФНС), то здесь наблюдается конкуренция норм (ст. 173.1 и 285.3), которая решается в пользу квалификации деяния по ст. 285.3 [5].

Другие преступления, сведения о которых представлены в табл. 2, регистрируются исключительно редко. Это обусловлено различными причинами.

Статьи 170 и 170.2 содержат существенные ограничения с точки зрения правоприменения в диспозициях норм. При реализации ст. 170 правоприменителю требуется доказать наличие у виновного корыстной или иной личной заинтересованности, а при реализации ст. 170.2 – причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государствам. При этом санкции этих статей УК РФ никак не соответствуют тем усилиям, которые будут затрачены на расследование преступлений. Таким образом, отсутствует мотивация к правоприменению в ситуациях, связанных с такого рода подлогами.

Манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ), судя по его характеристике [6], имеет отношение к влиятельному сегменту беловоротничковой преступности, поскольку доступ к инсайдерской информации имеют лица, имеющие отношение к деятельности Центрального банка, Министерства финансов России, иных

правительственных структур, руководству коммерческих организаций. Что касается фондового рынка, то он находится преимущественно в сфере интересов крупного бизнеса, возможности которого велики как в плане получения определенных сведений, так и противодействия деятельности правоохранительных органов. Кроме того, состав данного преступления материальный, требуется установить причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству. К последствиям преступления законодатель отнес также сопряженность с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере. «Установить наступление самих последствий достаточно сложно ввиду бланкетного характера статьи 185.3, подлежащей применению во взаимосвязи с Федеральным законом «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7]. А этот Федеральный закон [8] в свою очередь отсылает к Методическим рекомендациям Банка России [9]. Иными словами, получается бланкетная «матрешка», причем «начинка» последней связана с применением достаточно сложного математического аппарата. Создается впечатление, что законодатель делает всё возможное, чтобы ст. 185.3 УК РФ не применялась. Она и не применяется.

В соответствии со ст. 15.30 КоАП РФ манипулирование рынком, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния, - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до двух лет; на юридических лиц - в размере суммы излишнего дохода либо суммы убытков, которых гражданин, должностное лицо или юридическое лицо избежали в результате манипулирования рынком, но не менее семисот тысяч рублей.

Не применяется, как и ст. 185.3, 200.6 УК РФ. Здесь также законодателем сформулирован материальный состав преступления, предусматривающий по первой части – причинение крупного ущерба, по части второй дополнительно – причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерть человеку, по части третьей – причинение смерти двум и более лицам. Формальный состав правонарушения предусматривает ответственность по ст. 7.32.6 КоАП РФ с наложением административного штрафа на должностных лиц в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года; на юридических лиц - от ста тысяч до ста пятидесяти тысяч рублей.

Представляется, что «удвоение» ответственности здесь совершенно неуместно, поскольку правонарушения имеют коррупционную направленность и встроены в систему так называемых откатов, которые в Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 гг. упоминаются в п. 28. Как отмечает Ш.М. Шурпаев, хищения бюджетных

средств, совершаемые с использованием своего служебного положения, и «откаты» в сфере публичных закупок – наиболее распространенные общественно опасные преступления коррупционной направленности в указанной сфере. Средний размер откатов – 22,5 %, а суммарный объем криминального рынка здесь составляет порядка 6,6 трлн рублей [10].

1. *Ильина М.Г.* Уголовно-правовые аспекты незаконного образования (создания) и реорганизации юридического лица: дис..... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 51-52.

2. *Уткина А.В.* Фирмы «однодневки» как угроза экономической безопасности России // Евразийский союз ученых. Экономические науки. 2015. № 4. С. 66.

3. *Ларичев В.Д.* Преступления в сфере экономики, связанные с незаконным образованием юридического лица через подставных лиц, а также незаконным использованием документов // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 39 - 43.

4. *Капкаев А. В.* Борьба с однодневками // Налоговый вестник. 2012. № 12. С. 93; Методические разъяснения по работе налоговых органов со сведениями Единого государственного реестра юридических лиц: письмо Министерства Российской Федерации по налогам и сборам от 30 декабря 2003 г. № БГ-6-09/1390. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Багаутдинов, Ф. Н., Мирзанурова Н.М.* Создание фирм через подставных лиц // Законность. 2015. № 6. С. 24–26; *Палишкина О. В., Гапоненко В. Ф.* Деятельность фиктивных коммерческих организаций как угроза экономической безопасности государства // Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 155.

5. *Веденин В.С.* Фирмы-однодневки и практика борьбы с ними // Юрист. 2008. № 7. С. 16.

6. *Лясколо А.Н., Бальжинимаева В.В.* Образование фирм-однодневок: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2024. № 2. С. 35 – 47; *Емельянова Е.А.* Манипулирование информацией на рынках.- М.: изд-во «Инфотропик Медиа», 2015. 182 с.; *Михаленко Ю.В.* Правовые основы противодействия злоупотреблениям на рынке ценных бумаг: дис. канд. юрид. наук. М., 2019. 211 с.

7. *Шевелева С.В., Гардалоев А.С.* Формирование института уголовно-правовой охраны от нелегальной деятельности на финансовом рынке: к постановке проблемы // Российский следователь. 2024. № 1. С. 54 - 57.

8. *Клейменов И.М., Рахманова Е.Н.* Уголовно-правовое реагирование на преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. № 2.

9. Федеральный закон от 27.07.2010 N 224-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос газета. 2010; Там же. 2023. 29 дек.; Методические рекомендации по установлению критериев существенного отклонения цены иностранной валюты (.утв. Банком России 05.06.2023 № 7-МР) // Вестник Банка России. 2023. 15 июня; Методические рекомендации по установлению критериев существенного отклонения спроса и предложения ценных бумаг ((утв. Банком России 20.02.2023 № 4-МР) // Вестник Банка России. 2023. 1 марта.

10. *Шурпаев Ш.М.* Некоторые проблемы квалификации хищений, совершаемых представителями организации поставщика (подрядчика, исполнителя) и должностными лицами заказчика, в сфере государственных и муниципальных закупок // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1. С. 24-31.

УДК 343.97

О.Б. Бобков (SPIN-код 5462-3000),

Т.Н. Абушаев

Сызранский филиал Самарского государственного экономического
университета
(Сызрань, Россия)

O.B. Bobkov, T.N. Abushaev

Syzran Branch of Samara State University of Economics
(Syzran, Russia)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

CRIMES INVOLVING THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Искусственный интеллект (ИИ) становится всё более важным инструментом в различных сферах человеческой деятельности, однако его использование также создает новые вызовы в области безопасности и правопорядка. В данной статье исследуется взаимосвязь между преступлениями и применением искусственного интеллекта, анализируются типы преступлений, связанных с ИИ, и рассматриваются правовые и этические аспекты данной проблемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, преступления, кибермошенничество и кибератаки, правовая ответственность.

Artificial intelligence (AI) is becoming an increasingly important tool in various fields of human activity, but its use also creates new challenges in the field of security and law enforcement. This article explores the relationship between crimes and the use of artificial intelligence, analyzes the types of crimes related to AI, and examines the legal and ethical aspects of this problem.

Keywords: artificial intelligence, crimes, cyber fraud and cyber attacks, legal liability.

В современном информационном обществе использование искусственного интеллекта (ИИ) становится всё более распространенным и проникает в различные сферы жизни. Однако вместе с возможностями, которые предоставляет ИИ, возрастает также потенциал для его негативного использования в преступной деятельности. Преступления, совершаемые с

применением технологий искусственного интеллекта, представляют новые вызовы для правоохранительных органов, законодателей и общества в целом.

Цель данной научной статьи заключается в проведении анализа и изучении проблематики преступлений, совершаемых с использованием ИИ. Это исследование направлено на выявление современных тенденций в области киберкриминала, анализ типов преступлений, возникающих при применении ИИ, а также анализ проблем правоприменения, возникающих из-за отставания законодательной базы.

В контексте быстрого развития технологий искусственного интеллекта становится всё более важным понимание последствий его использования в преступной среде и эффективные меры предотвращения и пресечения подобных деяний. Обсуждение этих тем имеет критическое значение для обеспечения кибербезопасности, защиты личных данных и противодействия преступности в цифровой среде.

Преступники и хакеры активно используют передовые технологии ИИ для осуществления масштабных атак и мошеннических схем, что создает серьезные угрозы для кибербезопасности и общественной безопасности. При помощи ИИ киберпреступники создают автономные системы, способные адаптироваться к защитным мерам, запускать масштабные DDoS-атаки и даже разрабатывать новые методы взлома сетей. Используя генеративные модели на основе ИИ, злоумышленники создают фейковые профили и обманные голосовые сообщения для проведения социальной инженерии и маскировки своих действий. Использование ИИ в кибермошенничестве и кибератаках представляет серьезную угрозу для кибербезопасности. Для противостояния этим угрозам требуется комплексный подход, включающий в себя исследование новейших методов атак, развитие инновационных технологий защиты и повышение осведомленности пользователей о возможных угрозах с целью эффективного предотвращения и борьбы с киберпреступностью [1].

В условиях быстрого развития технологий ИИ возникают вопросы о правовой ответственности за действия автономных систем ИИ и необходимости актуализации юридической терминологии, касающиеся обеспечения защиты личных данных и конфиденциальности в цифровой среде [2].

К сожалению, законодательная база в настоящее время отстает в вопросе определения правовой ответственности в случае причинения вреда или совершения преступлений автономными системами, включая вопросы об их обучении, программировании и контроле со стороны человека. Данное обстоятельство подтверждается судебной практикой.

В суде Новороссийского областного суда слушалось дело по жалобе директора микрофинансовой организации на решение первой судебной инстанции, в котором кредитная организация была оштрафована за

использование компьютерной программы на основе ИИ при телефонном общении (автоинформировании) должника данной организации. Суд первой инстанции посчитал использование ИИ в общении с должником нарушением п. 1 ст. 14.57 КОАП, предусматривающим ответственность за использование средств возврата задолженности, нарушающих законодательство РФ. Директор микрофинансовой организации в своей жалобе настаивал на том, что использование ИИ было опосредованно телефонной связью, что является законным способом общения с должником и средством возврата задолженности. Суд апелляционной инстанции с такой аргументацией не согласился, отделив таким образом использование автоинформатора на основе ИИ от предусмотренных законом средств возврата задолженности, в частности телефонных переговоров.

На наш взгляд, использование ИИ в преступных целях может предотвратить или хотя бы сократить запрет определенных видов алгоритмов и технологий, контроль за разработкой и применением автономных систем, а также установление механизмов мониторинга и наказания за незаконное использование ИИ.

Методы борьбы с преступлениями, в которых используется ИИ включают в себя:

1. Машинное обучение для обнаружения аномалий: методы машинного обучения могут быть использованы для анализа больших объемов данных и выявления аномального поведения, которое может указывать на потенциальные киберпреступления [3].

2. Анализ текста и контента: ИИ может быть применен для анализа текстов и контента в целях выявления фальшивых новостей, мошенничества или других видов манипуляции информацией.

3. Биометрическая идентификация: технологии биометрической идентификации, основанные на ИИ, могут помочь в борьбе с преступлениями, связанными с подделкой личности или несанкционированным доступом к данным [4].

4. Системы мониторинга и обнаружения угроз: использование систем мониторинга и обнаружения угроз, основанных на ИИ, позволяет оперативно реагировать на потенциальные кибератаки и другие виды преступлений.

5. Сотрудничество между организациями: важно, чтобы организации и правоохранительные органы сотрудничали и обменивались информацией о методах борьбы с преступлениями с использованием ИИ для эффективной борьбы с этими угрозами.

Эти методы могут быть частью комплексной стратегии по предотвращению и борьбе с преступлениями, в которых используется ИИ.

Отдельным направлением в борьбе с криминализацией использования ИИ является разработка правового регулирования и внесение поправок в

законы о персональных данных и иной конфиденциальной информации. Некоторые из возможных мер и изменений, которые могут помочь в этом:

- дальнейшее совершенствование законодательства о защите персональных данных, в частности, расширение пределов ответственности операторов сбора персональных данных или любых лиц, так или иначе соприкасающихся с частной информацией о лице. Разработка четких критериев отнесения информации к персональным данным как правовому институту.

На наш взгляд, в качестве персональных данных как объекта охраны уголовного права может рассматриваться информация ограниченного доступа о лице в своей совокупности, когда сведения настолько полны, что могут быть использованы как обобщенная характеристика лица, однозначно его определяющая, которая может быть использована во вред субъекту персональных данных.

- выработка общих нормативов по этике использования ИИ, что может помочь предотвратить его злоупотребление в преступных целях. Эти нормативы могут определять допустимые и недопустимые виды использования ИИ.

- на основании выработанных нормативов по этике и использованию ИИ подготовить и внести поправки в нормативно-правовые акты в отношении кибербезопасности, защиты личных данных и других связанных с противодействием преступности в цифровой среде.

- развитие международного сотрудничества в данной сфере также играет важную роль в борьбе с преступлениями, связанными с использованием ИИ.

Эти меры и изменения в законодательстве могут способствовать уменьшению количества преступлений, в которых используется ИИ, и повысить безопасность общества.

1. *Tirranen V.A.* Искусственный интеллект и нейронные сети как инструмент современной киберпреступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции (24-25 января 2019 г.). М.: РГ-Пресс, 2019. С. 135.

2. *Mesko G.* On Some Aspects of Cybercrime and Cybervictimization // European journal of crime, criminal law and criminal justice. Brill Academic Publishers. 2018. № 26. P. 189.

3. *Saunders J.* Tackling cybercrime – the UK response // Journal of Cyber Policy, HB Publications, LLC. 2017. № 2(1).P. 11.

4. *Tirranen V.* Cryptoviral Extortion as a Global Problem of Cybersecurity // Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe. From Common Sense to Evidence-based Policy-making. Conference Proceedings. Ljubljana, Slovenia, University of Maribor Press, 2018. P. 548.

УДК 342.98

О.А. Бухтоярова

Пермский государственный национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)
SPIN-код 8284-0823

O.A. Bukhtoyarova

Perm State University
(Perm, Russia)

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

JUDICIAL PROTECTION OF LABOR RIGHTS CIVIL SERVANTS

Спор, возникающий между государственным служащим и представителем нанимателя (орган государственной власти), признаётся трудовым (служебным) спором, который рассматривается по правилам гражданского процесса и subsidiarily по правилам трудового законодательства.

Ключевые слова: суд, публичные правоотношения, административное судопроизводство, трудовые правоотношения, государственная служба, военная служба.

Dispute arising between a government worker and a representative of the employer (public authority) recognized as a labor dispute (state service) and subsidiarily according to the rules labor legislation.

Keywords: court, public relationships, administrative proceedings, labor relationships, government job, militate service.

Полисемия русского языка заставляет нас постоянно анализировать, разграничивать, уточнять и оговариваться при использовании в общении многозначных терминов, например: «публичное право» как общее право народа и отграничение его от частного права; «публичное выступление» как выступление в присутствии нескольких лиц; «публичные правоотношения», как отношения, возникающие между органами публичной власти и

неопределенным кругом лиц; «органы публичной власти» как представители государственной и муниципальной власти; «военная служба» – служба по призыву или по контракту; «публичный договор» как обязанность осуществить свою деятельность (предоставить услуги) в отношении каждого, кто обратился; «публичная оферта» как предложение товара в рекламе. От понимания возникших правоотношений зависит и определение судопроизводства.

Так, в настоящее время в судебной практике есть разница при осуществлении судебной защиты прав государственных служащих, по делам, возникающим из служебной зависимости – в порядке гражданского процесса применительно к трудовым правоотношениям или в порядке административного судопроизводства как публичные правоотношения.

Представляется, что первый вариант имеет закономерное обоснование, в частности, иск о восстановлении на работе или на государственной (муниципальной) службе и выплате вынужденного прогула (где вынужденный прогул засчитывается в стаж службы (выслугу лет)) рассматривается в суде в соответствии со ст. 45 ГПК РФ с обязательным участием прокурора, включая его заключение в судебных прениях.

Закон «О государственной гражданской службе РФ» в 2004 г. ввел в гражданский оборот термин «служебный контракт» взамен термина «трудовой договор» из закона «Об основах государственной службы РФ» 1995 г., в связи с чем в 2009 г. в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ внесли изменения, где прокурору также предоставили право, при наличии обращения к нему граждан (без ограничений по состоянию возраста, здоровья, недееспособности и другим уважительным причинам), обратиться за судебной защитой нарушенных прав *в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений*. В случае предъявления в суд искового заявления в защиту трудовых (служебных) прав государственного (муниципального) служащего прокурор будет выступать в суде его «процессуальным истцом» или, можно сказать, «законным представителем», в контексте того, что его полномочия определены законом.

Словосочетание «трудовых (служебных)» в гражданском процессе обоснованно стало применяться в связи с законодательным разночтением в терминологии о правах и обязанностях государственных (муниципальных) служащих, например, при поступлении на службу представителем нанимателя заключается трудовой договор с работниками прокуратуры и муниципальными служащими, но служебный контракт с государственными гражданскими служащими, контракт с военными служащими, за исключением прохождения военной службы по призыву.

Стоит оговориться, что ранее указание на рассмотрение спора в порядке ГПК РФ носило в себе двусмысленность, так как определить процесс, гражданский или административный, было сложно по той причине,

что ГПК РФ и АПК РФ содержали в себе оба процесса, их делили на виды только главы и разделы внутри кодексов.

Была также двусмысленность во фразе «обжаловать неправомерные решения, действия (бездействие) должностного лица органа государственной власти» – это можно было понимать, как обращение в суд в порядке ГПК РФ и рассмотрение дела по правилам производства *по делам, возникающим из публичных правоотношений* – это был подраздел III «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений». Также указанную фразу можно было понимать как обращение в суд в порядке ГПК РФ и рассмотрение дела по общим правилам *искового производства* как дела, возникающего из трудовых (служебных) правоотношений – обжаловать неправомерные решения, действия (бездействие) должностного лица органа государственной власти, являющегося начальником в трудовых (служебных) правоотношениях государственной службы.

С введением в действие в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) эта двусмысленность должна была исчезнуть, так как подраздел III изъяли из ГПК РФ и он стал основой для создания КАС РФ. При этом в него законодатель не включил рассмотрение дел, возникающих из служебного подчинения (вернее, это предложение, возникшее из научной дискуссии, исключили из первоначального проекта КАС РФ) и с 2015 г. ГПК РФ стал исключительно гражданским процессуальным кодексом, а АПК РФ остался кодексом, совмещающим в себе гражданский и административный процессы [1].

Президиум Верховного Суда РФ от 22 июня 2016 г. утвердил «Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими» [2], в котором признал сложившуюся судебную практику законной и обоснованной о рассмотрении споров указанных лиц, возникающих из служебного подчинения, в порядке искового производства по правилам ГПК РФ применительно к трудовым правоотношениям, в частности, о признании незаконными прекращения служебного контракта или трудового договора (контракта) и увольнения со службы по различным основаниям; о применении дисциплинарного взыскания; о признании срочного служебного контракта (трудового договора) заключенным на неопределенный срок. Аналогичные выводы сделаны Верховным Судом РФ в отношении сотрудников внутренних дел и иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба, в обзоре судебной практики за 2014–2017 [3]. Также вывод о законности рассмотрения дел по спорам о привлечении к дисциплинарной ответственности государственных, муниципальных служащих и сотрудников правоохранительных органов в порядке искового производства гражданского процесса сделан Президиумом Верховного Суда РФ от 30 июля 2014 г. в «Обзоре судебной

практики по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков» [4].

В прошлом в Указах Президента Российской Федерации о реформировании государственной службы, начиная с 2003 г., указывалось о необходимости создания единства видов государственной службы, единства государственной и муниципальной службы, устранения противоречий и пробелов в законодательстве [5]. Однако в настоящее время дела об оспаривании военными служащими, проходящими военную службу по контракту, приказов командиров о досрочном увольнении с военной службы рассматриваются по административным искам в порядке административного судопроизводства [6] (т. е. без участия прокурора и его заключения по делам о восстановлении на работе (службе) в порядке ГПК РФ). При этом закон о статусе военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определяет её как реализацию военными служащими конституционного «права на труд», включает срок службы в общий трудовой стаж и стаж государственной службы [7], а закон о системе государственной службы определяет военную службу видом федеральной государственной службы [8]. Закон о статусе военнослужащих не содержит в себе правил субсидиарного применения норм трудового законодательства к отношениям, связанным с федеральной государственной службой военнослужащих, хотя в силу единства системы государственной службы со всей очевидностью должен содержать.

Особняком стоят правоотношения при прохождении военной службы по призыву. Статья 11 Трудового кодекса РФ устанавливает, что трудовое законодательство не распространяется на «военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы». Данная формулировка является двусмысленной, так как её можно понимать в отношении лиц, проходящих службу по призыву, это будут публичные правоотношения, возникающие при исполнении конституционной обязанности, установленной ст. 59 Конституции РФ, или в отношении лиц, проходящих военную службу по контракту, на добровольных договорных началах как реализация гражданами права на труд.

Как видим, одним из критериев отграничения трудовых (служебных) правоотношений от публичных является в первом случае – реализация гражданином своих конституционных частных прав на труд и на равный доступ к государственной службе как возможного средства к существованию при выборе способа получения дохода – найм в трудовое (служебное) подчинение, в том числе и по найму на военную службу по контракту. Правоотношения служебного подчинения возникают на основании договора (контракта) между гражданином и представителем нанимателя, где граждане своей профессиональной служебной деятельностью обеспечивают исполнение полномочий органов публичной власти, а во втором случае –

возникают между органами публичной власти, в лице государственных или муниципальных служащих, и неопределенным кругом лиц в сфере внешней деятельности указанных органов и их должностных лиц, исключая договорную служебную зависимость. Соответственно, там, где есть договорное (контрактное) служебное подчинение как особый вид трудовых правоотношений, там нет публичных правоотношений.

Определение процессуального кодекса напрямую зависит от предмета отрасли права и его отраслевых механизмов. Можно типизировать правоотношения. Публичные правоотношения: в конституционном, уголовном процессах; в административном процессе (КоАП РФ, КАС РФ и АПК РФ – раздел III «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений»). Гражданские правоотношения: в гражданском и арбитражном процессах (ГПК РФ и АПК РФ – за исключением раздела III).

В зависимости от отраслей права и правоотношений установлено и перераспределение бремени доказывания в судебных процессах. В публичных правоотношениях в уголовном и административном судопроизводстве обязанность доказывания состава преступления, состава административного правонарушения, законности оспариваемых решений, действий (бездействия) в отношении неопределенного круга лиц вменяется органам публичной власти и их должностным лицам; в гражданском процессе *по общему правилу* каждая сторона спора перед независимым «лицом» суда должна доказать правоту своих позиций, где трудовые (служебные) и иные, непосредственно связанные с ними отношения относятся к гражданским правоотношениям.

Следовательно, с позиции междисциплинарности в административном и уголовном праве предметом отрасли права будут публичные правоотношения, возникающие из деятельности исполнительной власти между органами публичной власти и неопределенным кругом лиц, не основанные на трудовом (служебном) подчинении по трудовому договору или служебному контракту, в том числе военная служба по призыву, а гражданские (частные) правоотношения применительно к трудовому (служебному) праву – это правоотношения, возникающие с использованием личного труда физического лица на основании добровольного трудового договора или служебного контракта *под управлением и контролем* (трудовое и служебное подчинение) и *ответственностью* работодателя (представителя нанимателя – органа публичной власти) за результат той деятельности, в основании которой лежит трудовая (служебная) деятельность граждан.

Таким образом, гражданский процесс и субсидиарно правила трудового законодательства должны применяться во всех случаях при обращении государственных (муниципальных) служащих, в том числе военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в суд за

защитой своих нарушенных прав, возникающих из трудового (служебного) подчинения.

1. Бухтоярова О.А. Утраченное производство по делам об административных правонарушениях в суде // *ЕxJure*.2024. № 1. С. 33-47.

2. Обзор судебной практики по спорам, связанным с прохождением службы государственными гражданскими служащими и муниципальными служащими, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 22 июня 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 10. 2016. С. 35-55.

3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими...сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 15 ноября 2017 г // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2017. С. 42.

4. Обзор практики по рассмотрению в 2012-2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 30 июля 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2014. С. 22.

5. О федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003-2005 годы)», утвержденной Указом Президента РФ от 19 ноября 2002 № 1336 (в ред. указов Президента РФ от 15.11.2004 г. № 1440, от 12.12.2005 г. № 1437)// Официальный интернет-портал правовой информации «pravo.gov.ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа свободный - URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102128181&backink=1&&nd=102078900> (дата обращения 29.03.2024).

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 211-КА19-16 //Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2020. С. 40-41, а также Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ № 225-КА22-1-К10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. 2022. С. 62.

7. О статусе военнослужащих: Федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ: принят Гос. Думой 6 марта 1998 г.: одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. Ст. 10.

8. О системе государственной службы: Федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ: принят Гос. Думой 25 апреля 2003 г.: одобрен Советом Федерации 14 мая 2003 г. Ст. 2. Ст. 6.

УДК 343.3/.7

А.В. Васеловская

Национальный исследовательский Томский государственный
университет
(Томск, Россия)
SPIN-код 9302-3012

A.V. Vaselovskaya

National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russia)

**АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ANALYSIS OF THE PRACTICE OF CRIMINAL PROSECUTION FOR
CRIMES IN THE FIELD OF MEDICAL ACTIVITY**

Посвящена исследованию практики привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере медицинской деятельности. По результатам анализа правоприменительной практики автором сделан вывод о том, что наиболее часто медицинские работники привлекаются к уголовной ответственности за преступления, связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека. Проводится анализ спорных вопросов квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ и ст. 238 УК РФ. Предлагаются возможные направления для совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинская услуга, медицинский работник, ненадлежащее оказание медицинской помощи, причинение смерти по неосторожности.

The article is devoted to the study of the practice of criminal prosecution for crimes in the field of medical activity. Based on the results of the analysis of law enforcement practice, the author concludes that most often medical workers are brought to criminal responsibility for crimes related to harm to human life and health. The article analyzes the controversial issues of the qualification of crimes in the competition of criminal law norms provided for in Part 2 of Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author suggests possible directions for improving law enforcement practice.

Keywords: *medical care, medical service, medical worker, improper provision of medical care, causing death by negligence.*

Особый подход к регулированию уголовной ответственности медицинских работников за профессиональные преступления и связанные с этим проблемы квалификации таких преступлений предопределяются спецификой и сложностью медицинской деятельности. Последняя, в свою очередь, неизбежно связана с риском причинения смерти или вреда здоровью человека в процессе оказания медицинской помощи.

Согласно статистическим данным Росздравнадзора, число обращений в Следственный комитет Российской Федерации в 2016 г. составило 4 947, в 2017 г. – 6 050, в 2018 г. – 6 600. Возбуждено уголовных дел в 2017 г. – 878, в 2018 г. – 1791, в 2019 г. – 2 200, передано в суд соответственно по годам – 205, 199 и 348 дел.

По данным самого Следственного комитета РФ по итогам 2018 г. в России было возбуждено более 2000 уголовных дел, связанных с осуществлением медицинскими работниками своей профессиональной деятельности. Это примерно на 24 % больше, чем в 2017 г., когда было возбуждено около 1 800 уголовных дел [1].

Нельзя не отметить, что профессиональная деятельность медицинских работников является общественно значимой, способной качественно улучшить человеческую жизнь, предотвратить возможное наступление смерти от какого-либо заболевания, что в то же время зачастую сопряжено со значительными рисками. На наш взгляд, в рамках оказания пациентам медицинской помощи не должно быть каких-либо «перекосов» с обвинительным или оправдательным уклоном в части оценки качества работы врачей и других медицинских сотрудников. Для гармоничного развития системы здравоохранения государству важно обеспечить максимально качественное оказание пациентам медицинской помощи с охраной жизни и здоровья пациента при оказании такой помощи и в то же время надлежащую правовую защиту медицинского работника от необоснованного привлечения его к уголовной ответственности. Чем более защищено чувствует себя лицо, оказывающее медицинскую помощь, тем увереннее и профессиональнее оно действует в интересах пациента [2].

Анализ судебной практики по уголовным делам последних пяти лет показывает, что больше всего уголовных дел в отношении медицинских работников возбуждается по ст. 109 УК РФ и 238 УК РФ. Далее представим основные выводы и заключения, которые были сделаны нами по итогам изучения правоприменительной практики.

1. Причинение смерти по неосторожности, совершённое вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, – наиболее частая причина возбуждения уголовных дел в отношении медицинских работников.

Состав данного преступления предусмотрен ч. 2 ст. 109 УК РФ. Приведем несколько примеров из судебной практики, позволяющих понять, какие деяния медицинских работников могут быть квалифицированы по указанной статье уголовного закона.

Так, в 2018 г. после операции анестезиолог-реаниматолог не убедился в возможности пациента дышать самостоятельно и преждевременно извлек из дыхательных путей трубку аппарата ИВЛ. В другом уголовном деле анестезиолог-реаниматолог в ходе проведения плановой операции поместил инкубационную трубку в пищевод пациента вместо трахеи и не проверил качество процедуры, в результате чего наступила смерть пациента [3].

В обоих случаях врачи были привлечены к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Представляется, что решение вопроса об уголовной ответственности медицинских работников в случае существенных нарушений последними требований и правил оказания медицинской помощи, в результате чего наступают тяжкие последствия в виде смерти пациента или причинения ему тяжкого вреда здоровью, целесообразнее всего решать через составы преступлений с неосторожной формой вины, предусматривающие наступление указанных тяжких последствий. Речь идет о составах преступлений, предусмотренных ст. 118 УК РФ и 109 УК РФ.

Однако и в таких ситуациях, учитывая сложный (можно даже сказать рисковый) характер медицинской деятельности, необходимо в каждом случае наступления тяжких последствий устанавливать конкретные обстоятельства выбора медицинским работником своего варианта поведения и обстоятельства отступления им от правил (стандартов, рекомендаций) осуществления медицинской деятельности.

Для подтверждения данного вывода приведем пример. Врач-анестезиолог-реаниматолог был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ к двум годам лишения свободы. Согласно фабуле дела врач не назначил искусственную вентиляцию легких (ИВЛ), на необходимость назначения которой было указано в соответствующих клинических рекомендациях. При проведении ИВЛ необходимо вводить пациента в медикаментозный сон (седация). С учетом наличия у пациента заболеваний кардиологического спектра врач-анестезиолог-реаниматолог принял решение не проводить пациенту седацию, проведение которой имело высокие риски, могло привести к неблагоприятным последствиям и ускорить смерть пациента. В данном случае тяжкие последствия в виде смерти пациента наступили, однако необходимо отметить, что решение врача о непроведении ИВЛ было обусловлено критическими показаниями здоровья пациента, а потому нарушение им клинических рекомендаций не может однозначно квалифицироваться как уголовно наказуемое деяние и требует более тщательной оценки с учетом всех обстоятельств дела [4].

2. Возможность применения в сфере медицинской деятельности ст. 238 УК РФ вызывает наиболее серьезные дискуссии.

Основная проблема применения данной статьи при квалификации деяний, совершаемых медицинскими работниками, заключается в конкуренции уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Анализ правоприменительной практики показал, что зачастую действия медицинских работников, схожие между собой по общей фабуле случаев оказания медицинской помощи и наступившим последствиям, квалифицируются по разным статьям Уголовного кодекса РФ – ч. 2 ст. 109 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ.

Вместе с тем, составы преступлений, предусмотренные данными статьями, весьма различны, как по объектам преступного посягательства и форме вины, так и по возможным размерам и видам наказаний. Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 109 УК РФ, относится к преступлениям против жизни и здоровья, совершаемым с неосторожной формой вины, и является преступлением небольшой тяжести. Преступление, состав которого описан в ст. 238 УК РФ, предусматривает ответственность, в том числе за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. В п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ изложен квалифицирующий признак, содержащий в себе указание на такие же последствия, что и в ст. 109 УК РФ и ст. 118 УК РФ: причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти по неосторожности. Однако данное преступление (ч. 2 ст. 238 УК РФ) относится уже к категории тяжких преступлений.

В настоящее время правоприменительная практика складывается таким образом, что одно и то же преступление может быть квалифицировано и как преступление небольшой тяжести (ч. 2 ст. 109 УК РФ), и как тяжкое преступление (п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ).

Приведем несколько примеров из судебной практики. В 2018 г. врач-хирург был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. Согласно фабуле дела, в хирургическое отделение больницы бригадой скорой медицинской помощи был доставлен пациент с диагнозом «закрытая черепно-мозговая травма». Врач-хирург, располагая сведениями о предварительном диагнозе и характере повреждений, произвел визуальный осмотр, в ходе которого не выявил наружные повреждения головы, не диагностировал закрытую черепно-мозговую травму, не предпринял мер по дополнительной диагностике, не осуществил госпитализацию пациента для его динамического наблюдения. Пациент в этот же день после возвращения из больницы скончался от закрытой черепно-мозговой травмы [5].

В другом уголовном деле дежурный врач-хирург был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно приговору суда, пациент был доставлен в

больницу с подозрением на переломы ребер и черепно-мозговую травму. Дежурный врач-хирург провел поверхностный осмотр пациента, при этом не было проведено необходимое рентгенологическое исследование головы и грудной клетки. Врач не смог правильно поставить диагноз и не предпринял меры по дополнительному обследованию пациента. Пациент скончался из-за развития патологических процессов, связанных с травмой головного мозга [6].

В данном примере схожие по своей фабуле дела получили абсолютно разную уголовно-правовую оценку с соответствующими последствиями в виде разных видов и размеров наказаний для осужденных.

Подобная противоречивая правоприменительная практика во многом обусловлена тем, что Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь определена как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. Таким образом, законодатель частично отождествил лечение пациента с оказанием услуг потребителю. Как справедливо отмечает А.А. Бимбинов, «указанное обстоятельство не позволяет разграничить составы преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, когда это касается медицинской помощи, так как любая медицинская помощь, оказанная ненадлежащим образом, не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья потребителя» [4].

Представляется, что вопрос разграничения данных составов преступления должен быть решен на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. При этом разграничение указанных составов преступления, на наш взгляд, более явно может быть осуществлено по объекту преступного посягательства: по ст. 109 УК РФ объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья человека, в то время как объектом преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения в целом при осуществлении деятельности, связанной с оказанием услуг населению в сфере здравоохранения. При таком подходе по ст. 238 УК РФ деяние может быть квалифицировано, например, при системном характере нарушений, когда существует угроза причинения вреда здоровью или жизни в отношении неопределенного круга лиц (использование ненадлежащих медицинских изделий, заведомо неправильная эксплуатация медицинского оборудования и т. д.). Деяния медицинского работника, связанные с нарушением (невыполнением) правил оказания медицинской помощи конкретному пациенту (например, неправильный выбор способа введения препарата), не могут квалифицироваться по ст. 238 УК РФ, поскольку посягают на иной объект уголовно-правовой охраны.

В заключение следует отметить, что медицинская деятельность является социально значимым видом деятельности, направленным на

сохранение жизни и здоровья людей. Данная деятельность в силу непосредственного воздействия на организм человека в абсолютном большинстве случаев сопряжена с неизбежным риском причинения вреда здоровью человека либо даже смерти. При этом избежать рискованных решений во врачебной деятельности вряд ли возможно. Полагаем, что уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные преступления должна иметь место преимущественно при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти пациента по неосторожности. В иных случаях наличие уголовно-правового запрета, касающегося сферы медицинской деятельности, должно быть тщательно обосновано.

1. Новикова Е. Уголовная ответственность медицинских работников. Права врачей // СПС «КонсультантПлюс».

2. Нагорная И.И. Уголовная ответственность за профессиональные преступления медицинских работников: новый подход // Российский юридический журнал. 2021. №1. СПС «КонсультантПлюс».

3. Там же.

4. Иванов Н.Г. Уголовная ответственность медицинского работника за причинение вреда здоровью человека при несоблюдении клинических рекомендаций // Медицинское право. 2023. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

5. Бимбинов А.А. Анализ практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности: некоторые выводы // СПС «КонсультантПлюс».

6. Сазонова М. Уголовная ответственность медицинского работника: когда лечение становится преступлением? // СПС «Гарант».

УДК 343.3

П.С. Данилов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)

P.S. Danilov

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ИЛИ ПРЕСТУПНЫЙ ПРИКАЗ

CRIMINAL LIABILITY FOR AN ILLEGAL OR CRIMINAL ORDER

В действующем уголовном законе используются понятия незаконного приказа и установлены положения, касающиеся уголовной ответственности за его отдачу и исполнение. При этом правоприменение сталкивается с некоторыми трудностями в

вопросе привлечения военнослужащих к ответственности за его исполнение. Предлагается термин «незаконный приказ» заменить термином «преступный приказ», что усовершенствует не только правовое регулирование, но и облегчит правоприменение.

Ключевые слова: уголовная ответственность, приказ, незаконный приказ, преступный приказ, военнослужащий, военная служба.

The current criminal law uses the concepts of an illegal order and establishes provisions concerning criminal liability for its giving and execution. At the same time, law enforcement faces some difficulties in bringing military personnel to responsibility for its execution. It is proposed to replace the term «illegal order» with the term «criminal order», which will improve not only legal regulation, but also facilitate law enforcement.

Keywords: criminal liability, order, illegal order, criminal order, serviceman, military service.

Правоприменение, как представляется, основывается на правотворчестве и немисливо без последнего. «Поскольку правотворчество и правоприменение – это две формы реализации единого процесса – уголовной политики, они должны пересекаться: принятые нормы должны применяться на практике» [1]. В связи с этим требуется принятие понятных, исполнимых правовых норм. В данном случае правотворческий процесс должен быть направлен на уточнение положений Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ).

Принятые уголовно-правовые нормы, касающиеся регулирования уголовной ответственности за исполнение незаконного приказа в условиях прохождения военной службы, являются достаточно устоявшимися.

С одной стороны, закреплено, что за исполнение незаконного приказа к уголовной ответственности привлекается лицо, его отдавшее, с другой – если приказ был заведомо незаконным, то и исполнитель должен нести ответственность. При этом чтобы избежать ответственности, следует отказаться от исполнения заведомо незаконного приказа (ст. 42 УК РФ).

Также данным нормам корреспондирует ст. 332 УК РФ, запрещающая неисполнение приказа, от данного в установленном порядке.

При этом следует отметить, что УК РФ не единообразно подходит к вопросу терминологии. Так, нормативно закреплены такие понятия, как «незаконный приказ», «заведомо незаконный приказ» и «приказ, отданный в установленном порядке». Но не используется термин «законный приказ», что было бы обоснованно с позиции формальной логики.

Отсутствие единого понятийного аппарата не способствует эффективному правоприменению. Как абсолютно точно отмечают В.К. Дуюнов и Р.В. Закомолдин, «неопределенность и бессистемность уголовного закона влечет проблемы и ошибки в его толковании и применении и, как следствие, неэффективность уголовно-правового воздействия» [3].

Кроме того, вышеприведенные нормы также указывают, что проблема исполнения незаконного приказа имеет два взаимосвязанных «уровня».

Первый уровень – начальник, тот, кто отдает приказ. Второй уровень – подчиненный, тот, кто исполняет приказ. При этом за незаконный приказ отвечает начальник, но если приказ был заведомо незаконным (т. е. понимание его незаконности было ясно не только тому, кто его отдал, но и тому, кто его исполнял), то и подчиненный также подлежит привлечению к уголовной ответственности по нормам УК РФ.

Если в теории вышесказанное понятно и справедливо, то на практике всё может сложиться несколько иначе. Например, по материалам одного из уголовных дел командир отдал своим подчиненным приказ скрытно вынести из складов войсковой части за их территорию канистры с дизельным топливом. При этом подчиненные исполнили приказ, не осознавая незаконный характер своих действий. Их командир же затем погрузил канистры в свой автомобиль и распорядился ими по своему усмотрению [4].

Д.А. Луньков приводит пример, когда прапорщик приказывал подчиненным сержантам осуществлять загрузку приходящих машин вещевым обмундированием. Сержанты всё время выполняли данную работу и не знали, что «еженедельно одну из пятнадцати-двадцати грузовых автомашин они загружали вещевым имуществом незаконно» [5].

В обеих ситуациях командиры осознанно отдавали незаконные приказы и были привлечены к ответственности, а их подчиненные – нет, хотя, могли, как представляется, исходя из обстановки понимать, в каких случаях действуют незаконно. Особенно в первом случае, когда следствие и суд установили, что канистры выносили скрытно.

Одной из причин такого правоприменения может выступать отсутствие единой терминологии, а также то, что в целом УК РФ оперирует именно термином «незаконный приказ» в широком его понимании. Такой приказ нарушает закон и может быть классифицирован на преступный приказ, который направлен на совершение общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ [6; 7], и не преступный. Последний также является незаконным, но направлен на нарушение, не являющееся уголовно наказуемым.

Кроме того, накладывает свой отпечаток и Устав внутренней службы Вооруженных Сил РФ [8], положения п. 16, 34, 39, 41, 43, 44 которого устанавливают следующее:

- приказ является распоряжением командира (начальника), обращенным к подчиненным и требующим обязательного выполнения;
- воинский долг обязывает военнослужащего беспрекословно выполнять приказы командиров (начальников);
- обсуждение и критика приказов недопустимы;
- возможно обжалование приказа после его выполнения;
- приказ должен соответствовать законодательству;
- командир (начальник) не должен допускать злоупотребления и превышения своих полномочий;

- запрещается отдавать приказы в нарушение законодательства;
- за приказ, его последствия и содержание ответственность несет командир (начальник).

Во взаимосвязи перечисленные правила фиксируют некую аксиому – приказ отдается начальником изначально не в ущерб требованиям законодательства и подчиненному не нужно обдумывать, а только следует его исполнить. А если приказ незаконный, то отвечает командир, а подчиненный ответственности нести не может.

Как показали ранее приведенные примеры, данная аксиома может сработать и в случае, когда приказ был не просто незаконным, а преступным.

В науке уголовного права даже имеется точка зрения, что военнослужащий в любом случае должен исполнять незаконный приказ, а если приказ был преступным, то исполнять и способствовать минимизации вреда. В частности, так считает А.Г. Тищенко [9].

Однако чаще встречается позиция, что незаконный приказ не должен исполняться подчиненным, например, об этом пишет Р. Котяш [10]. В свою очередь, Р.А. Загидуллин прямо критикует позицию А.Г. Тищенко [11].

По нашему мнению, незаконный приказ не должен исполняться ни в коем случае, а если был исполнен, то подчиненный не должен быть освобожден от ответственности. Это укладывается в принципы военной службы, заложенные ещё после Нюрнбергского процесса, когда бездумное и слепое следование незаконным приказам было признано преступлением и продвигались положения «доктрины умных штыков» [12].

Однако понятно, почему на практике суд, понимая сущность военно-служебных отношений и давление, оказываемое на подчиненных требованиями Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ, в первую очередь, скорее всего, будет оценивать приказ сквозь призму поведения лица, его отдававшего, но не исполнившего. Да и, кроме того, приказы порой отдаются в условиях резко меняющейся обстановки, в которой подчиненному невозможно быстро оценить законность приказа и границы между законным и незаконным могут стираться.

Полагаем, что, учитывая направленность УК РФ на охрану общественных отношений от преступных посягательств, являющихся именно общественно опасными, следует отказаться от использования терминов «незаконный приказ» и «заведомо незаконный приказ», а внедрить понятие «преступный приказ» как приказ, направленный на совершение преступлений, предусмотренных УК РФ. Р.А. Загидуллин считает, что в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил РФ возможно определить дефиницию «преступный приказ», с чем можно согласиться, если УК РФ примет данную идею [13].

В рамках УК РФ именно термин «преступный приказ» будет более оправдан также и с позиции экономии репрессии. УК РФ должен наказывать за преступное поведение, а не действия (бездействие), которые хоть и

нарушают закон, но наказываются иными мерами: дисциплинарными или административными.

Понятие «преступный приказ», как представляется, является менее размытым и для суда, которому следует установить, являлся ли приказ требованием совершить именно преступление, запрещенное УК РФ.

Однако при этом не нужно закреплять норм о заведомо преступных приказах, поскольку не следует ограничивать форму вины как командиров, так и подчиненных относительно соответственно отдачи и выполнения ими преступных приказов.

В случае внесения в УК РФ термина «преступный приказ» при правоприменении не нужно будет каждый приказ оценивать на признаки его незаконности в целом, а только проводить анализ, был ли он направлен именно на совершение преступления, что, по нашему мнению, позволит безошибочно применять положения УК РФ, будет более объективно, облегчит работу правоприменителю, но и не позволит лицам избегать уголовной ответственности.

1. *Непомнящая Т.В.* Современная российская уголовная политика: проблемы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2(16). С. 86.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 14 февраля 2024 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

3. *Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В.* Определенность уголовно-правовой терминологии // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 117.

4. Приговор Новосибирского гарнизонного военного суда от 8 апреля 2016 г. по делу № 1-16/2016. URL: <https://gvs--nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).

5. *Луньков Д.А.* Совершение преступления путем отдачи подчиненному лицу приказа (распоряжения), обязательного для исполнения // Законность. 2012. № 5. С. 58-59.

6. *Загидуллин Р.А.* Понятие и признаки незаконного и необоснованного приказа // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 9. С. 25-26.

7. *Янина И.Ю.* О правомерности регламентирования посредственного причинения в рамках главы 7 «Соучастие в преступлении» Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 170.

8. Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (в ред. от 1 марта 2024 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 47 (1 ч.), ст. 5749.

9. *Тищенко А.Г.* Должен ли исполняться военным незаконный приказ? // Право в вооруженных силах. 2001. № 11. С. 46-47.

10. *Котьяш Р.* Незаконный приказ: проблема ответственности за исполнение // Законность. 2006. № 4. С. 54-55.

11. *Загидуллин Р.А.* Указ. соч. С. 22.

12. Глухов Е.А. Правовая оценка и исполнение военным приказом, следствием которого является причинение вреда охраняемым законом интересам // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 4. С. 47-50.

13. Загидуллин Р.А. Указ. соч. С. 25-26.

УДК 342.924

Е.А. Дмитрикова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
SPIN – код 9651-7848

E.A. Dmitrikova

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

**УСМОТРЕНИЕ В ВЫБОРЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ
ВЫЯВЛЕНИЯ НАРУШЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ТРЕБОВАНИЯ:
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ⁴**

**DISCRETION IN CHOOSING A PROCEDURAL FORM
FOR IDENTIFYING VIOLATIONS OF REQUIREMENTS:
THE PRACTICE OF APPLYING LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE
OFFENSES**

Обозначено влияние на практику применения законодательства об административных правонарушениях различающегося подхода законодателя к установлению пределов усмотрения в выборе уполномоченным должностным лицом процессуальной формы выявления нарушения в зависимости от того, является или нет оценка соблюдения обязательного требования предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Ключевые слова: административное усмотрение, административная ответственность, контрольно-надзорная деятельность.

The article outlines the impact on the practice of applying legislation on administrative offenses of the legislator's differing approach of discretion in the choice by an authorized official of the procedural form of identifying a violation, depending on whether or not a requirement is the subject of state control (supervision), municipal control.

Keywords: administrative discretion, administrative responsibility, state control and supervisory

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01756 «Правовые проблемы реформирования контрольно-надзорной деятельности: опыт России и Китая», <https://rscf.ru/project/23-28-01756/>

Усмотрение, необходимое для выбора уполномоченным должностным лицом процессуальной формы выявления нарушений обязательных требований, предусмотрено нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1]. Под усмотрением понимается влекущее наступление юридически значимых последствий принятия решения или совершения действия должностным лицом в рамках полномочий. В рамках усмотрения должностному лицу предоставлена некоторая степень свободы, необходимая для выбора пригодного решения. Важной характеристикой усмотрения, на которую справедливо указывают авторы исследований, посвященных разным аспектам административного усмотрения, является ряд требований к обозначенным решениям – не только требование законности, обоснованности, но и соответствие критерию соразмерности, законной цели [2].

Применительно к рассматриваемому вопросу следует отметить, что изменения отдельных положений КоАП РФ [3] существенно повлияли на реализацию дискреционных полномочий должностных лиц в части принятия решения о выборе процессуальной формы выявления нарушения обязательного требования и последующего решения о возбуждении дела об административном правонарушении. В результате изменений законодателем установлен различающийся подход к определению пределов усмотрения в выборе процессуальной формы выявления нарушений, которые квалифицируются в соответствии с положениями КоАП РФ. Изменения не коснулись выбора процессуальной формы выявления правонарушения, выражающегося в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых *не является предметом* государственного контроля (надзора), муниципального контроля. В отношении указанной категории нарушений усмотрение в выборе процессуальной формы сохраняется. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что суды подтверждают дискрецию должностных лиц административных органов и допустимость возбуждения дела об административном правонарушении на основании повода и наличия достаточных данных, свидетельствующих о наличии в выявленном деянии состава административного правонарушения, для установления которых не требуется проведение контрольных (надзорных) мероприятий [4].

Другой подход к определению границ усмотрения в выборе процессуальной формы выявления нарушений законодатель установил для категории противоправных деяний, выражающихся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых *является предметом* государственного контроля (надзора), муниципального контроля. В таком случае новая редакция КоАП РФ (ч. 3.1 ст. 28.1) определяет порядок оценки достаточности данных для решения вопроса о привлечении

к административной ответственности [5]. По общему правилу при наличии одного из предусмотренных п. 1–3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ поводов к возбуждению дела может быть возбуждено только после проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия в рамках постоянного государственного контроля (надзора), постоянного рейда и оформления их результатов.

Следует отметить, что потребность в указанных изменениях КоАП РФ назрела давно и во многом связана с необходимостью решения проблемы подмены контрольных (надзорных) мероприятий административной юрисдикционной деятельностью, в результате чего выявление и фиксация нарушений обязательных требований осуществлялись уполномоченными должностными лицами в рамках производства по делу об административном правонарушении, минуя контрольные (надзорные) мероприятия. Причем усмотрение зачастую реализовывалось произвольно и позволяло должностным лицам не соблюдать порядок, установленный законодательством в сфере контрольно-надзорной деятельности. В настоящий момент одновременно с изменениями положений КоАП РФ действует мораторий на проведение контрольных (надзорных) мероприятий, проверок, установленный Правительством Российской Федерации в качестве особенности организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля [6], что сужает дискрецию должностных лиц уполномоченных органов в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, проведение проверки, контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом требует согласования с прокуратурой [7], т. е. по сути реализация дискреционных полномочий, соответствие решения критериям обоснованности и соразмерности проверяется прокурором вне судебного контроля. В результате можно наблюдать судебные споры прокуратуры с контрольными (надзорными) органами, в рамках которых последние отстаивают соразмерность решения о проведении определенного вида контрольного (надзорного) мероприятия [8].

Анализируя судебную практику, складывающуюся в связи с указанными изменениями положений КоАП РФ, отдельно следует отметить, что из тех поводов к возбуждению дела об административном правонарушении, которые указаны в ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ, обращает на себя внимание различающаяся практика применения нормы в части п. 3 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ (в случаях, когда поводами к возбуждению дела об административном правонарушении являются сообщения и заявления физических и юридических лиц). Несмотря на установленное ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ требование о необходимости проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия в рамках

постоянного государственного контроля (надзора), постоянного рейда и оформления их результатов до возбуждения дела об административном правонарушении суды признают в случаях поступления обращения гражданина или объединения граждан не право, но обязанность должностного лица с учетом характера и содержания обращения определить в пределах своих полномочий, в каком порядке оно подлежит рассмотрению [9]. В результате применительно к данной категории дел поддержку получила практика возбуждения дела об административном правонарушении без проведения контрольного (надзорного) мероприятия.

Резюмируя, усмотрение в выборе процессуальной формы выявления нарушения обязательного требования, оценка соблюдения которого является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля, ограничено требованием соблюдения должностным лицом установленной последовательности в принятии решения, которая и предопределяет выбор процессуальной формы выявления нарушения обязательного требования.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. *Соловей Ю.П., Серков П.П.* Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 2) // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20 № 1. С. 6-24; *Мицкевич Л. А.* Очерки теории административного права: современное наполнение: монография М.: Проспект, 2015; *Шерстобоев О.Н.* Теория административного усмотрения: этапы формирования // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20 № 2. С. 158-173; *Должиков А., Васильева А.* «Почему? По кочану!»: принцип обоснованности в административном праве // Сравнительное конституционное обозрение. 2023 № 6 (157). С. 33-65.

3. Федеральный закон от 14.07.2022 № 290-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.07.2022.

4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.08.2023 № Ф09-4077/23 по делу № А71-20308/2022; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.08.2023 № Ф09-4653/23 по делу № А71-18747/2022; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.07.2023 № Ф09-3334/23 по делу № А71-18276/2022.

5. Письмо Минэкономразвития России от 24.03.2022 № Д24и-8436 «О разъяснении особенностей организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в 2022 году».

6. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля».

7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (статья 66).

8. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2023 № 16-3458/2023; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2022 № 88а-19605/2022.

9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.07.2023 N Ф09-4295/23 по делу № А71-16123/2022; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.03.2023 № Ф01-65/2023 по делу № А43-21226/2022; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.05.2023 № Ф09-2793/23 по делу № А71-15476/2022.

УДК 343

В.С. Калашников

Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
SPIN-код 8781-3742

V.S. Kalashnikov

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СТ. 435 УПК РФ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMATIC ISSUES ARISING FROM THE APPLICATION OF ARTICLE 435 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

В настоящее время процедура временного помещения подозреваемого (обвиняемого), страдающего психическим расстройством, в медицинский стационар вызывает сложности у правоприменителей. Рассматриваются основные дискуссионные вопросы и предлагается авторский способ решения некоторых из них. По мнению автора, вопросы оказания медицинской помощи должны разрешаться за пределами уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера, помещение в медицинский стационар, заключение под стражу, медицинская помощь, предварительное расследование.*

Currently, the procedure for temporary placement of a suspect (accused) suffering from a mental disorder in a medical hospital causes difficulties for law enforcement officers. The article discusses the main controversial issues and suggests the author's way of solving some of them. According to the author, issues of medical care should be resolved outside of criminal procedural activities.

Keywords: *compulsory medical measures, placement in a medical hospital, detention, medical care, preliminary investigation.*

Конституция РФ в ст.49 гарантирует каждому право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Это положение в уголовном судопроизводстве предусматривает специальный порядок расследования и рассмотрения уголовных дел об общественно опасных деяниях, совершённых лицами, страдающими психическими расстройствами или заболеваниями. Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства распространяются также на лиц, у которых психическое расстройство наступило после совершения уголовно наказуемого деяния. Нормы уголовного и уголовно-процессуального закона предусматривают замену наказания принудительными мерами медицинского характера до выздоровления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Основанием для такого принудительного лечения является решение суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

Однако лицо, совершившее общественно опасное деяние, в некоторых случаях нуждается в медицинской помощи задолго до решения суда о назначении принудительных мер медицинского характера. До принятия Федерального закона от 30.12.2021 N 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» надлежащий порядок помещения лица, страдающего психическим расстройством, в специализированное медицинское учреждение для оказания психиатрической помощи, действующим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен не был. Положения ч. 3 ст. 196, ст. 203 и 435 УПК РФ в редакции до 30.12.2021 регулировали только порядок помещения (перевода) подозреваемых и обвиняемых, как находящихся, так и не находящихся под стражей, в соответствующий психиатрический стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы.

Изменения, внесенные вышеуказанным законом, предусмотрели в ст. 435 УПК РФ процессуальный порядок временного помещения подозреваемого (обвиняемого) в психиатрический стационар в лечебных целях. Соответствующие изменения одновременно были внесены и в Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании». Однако нововведения не только не решили прежних проблем, но и породили новые. Так, в действующей редакции ст. 435 УПК РФ нет положений о помещении подозреваемого (обвиняемого), находящегося под стражей, в медицинский стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы. При этом решение суда о временном помещении лица, страдающего психическим расстройством, в соответствующую медицинскую организацию должно основываться на заключении судебно-психиатрической экспертизы. Если такую экспертизу нельзя провести амбулаторно, положения ст. 435 УПК РФ рискуют быть нереализованными.

Поскольку речь идет о лицах, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, возникают вопросы исчисления сроков помещения в медицинскую организацию и их соотношения со сроками меры пресечения.

Например, подлежит ли помещению в психиатрический стационар лицо только в пределах срока предварительного расследования с последующим продлением пребывания в стационаре при продлении предварительного расследования, либо возможно сразу принять решение о помещении лица в стационар на срок 6 месяцев? Возможно ли приостановление предварительного расследования на период нахождения лица в медицинском стационаре? Возможно ли продление данного срока в случае, если положительные изменения в психическом состоянии помещенного лица не наступают длительное время и превышают предельные сроки содержания под стражей, установленные ч. 3, 4 ст. 109 УПК РФ? Учитывается ли тяжесть совершённого деяния при исчислении сроков по аналогии с требованиями ч. 2, 3 ст. 109 УПК РФ? Каким образом исчисляется срок пребывания лица в психиатрическом стационаре – с момента вынесения судом постановления о помещении в стационар либо с момента фактического прибытия в стационар (с учетом обязательности указания в постановлении в соответствии с ч. 1 ст. 435 УПК РФ календарной даты истечения срока помещения)? Учитывая, что в зависимости от вида лечения психиатрический стационар соответствующего типа может находиться в другом субъекте РФ, при этом не всегда в соседнем, засчитывается ли время этапирования лица до непосредственного помещения в стационар в срок содержания под стражей или в срок пребывания в стационаре? Освобождается ли лицо из-под стражи после помещения в стационар или мера пресечения продолжает действовать параллельно с нахождением в стационаре?

Указанные или похожие вопросы были предметом обсуждения на научно-консультативном совете при Кемеровском областном суде 05.10.2023 (докладчик – судья Кемеровского областного суда, к.ю.н. Н.А. Быданцев). О сложностях, возникающих в судебной практике при применении ст. 435 УПК РФ, высказывалась судья Санкт-Петербургского городского суда, д.ю.н., профессор А.В. Кудрявцева в ходе работы конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» в г. Томск 26.01.2024. Детально занимался рассматриваемой проблематикой д.ю.н., профессор Н.Н. Ковтун [1].

Общим у перечисленных ученых является постановка проблемных вопросов без ответа на них. В процессе обсуждения обозначенных выше проблем высказывались мнения о том, что ст. 435 УПК РФ ошибочно расположена в главе, предусматривающей применение принудительных мер медицинского характера, временное помещение подозреваемого (обвиняемого) в медицинский стационар является не только социальной

гарантией по отношению к нездоровому человеку, но и мерой принуждения, при длительном заболевании подозреваемого (обвиняемого) правовых способов решения проблемы нет, поскольку действующие нормы уголовно-процессуального законодательства не регулируют эти вопросы.

Поддерживая доводы о необходимости совершенствования законодательства, автор видит корень проблемы в том, что вопросы оказания медицинской помощи законодатель пытается урегулировать нормами уголовно-процессуального права. На наш взгляд, в рассматриваемой ситуации причина и следствие поменяны местами, в связи с чем органы предварительного расследования вынуждены заниматься не свойственными им задачами вместо расследования уголовного дела.

Так, действующее законодательство, регулирующее вопросы оказания психиатрической помощи, предусматривает помещение в стационар, в том числе принудительно, не только лиц, совершивших общественно опасные деяния, но и иных лиц, нуждающихся в лечении. Основанием для такого принудительного лечения выступает решение суда, вынесенное в порядке, предусмотренном главой 30 КАС РФ, по результатам рассмотрения административного заявления прокурора или медицинской организации. Мы предлагаем в случаях, когда речь идет о лице, совершившем уголовно наказуемое деяние, решать вопрос о помещении его в стационар в лечебных целях в порядке, предусмотренном законодательством об оказании психиатрической помощи и КАС РФ, с одновременной отменой меры пресечения в виде заключения под стражу, если таковая избиралась. Если к моменту помещения лица в стационар следователем выполнены все следственные действия с подозреваемым (обвиняемым) и есть основания для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера, то уголовное дело передается в суд для рассмотрения. Если же таковых оснований нет, а продолжение расследования невозможно без участия подозреваемого (обвиняемого), производство по делу приостанавливается по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, до выздоровления лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

По мнению автора, описанная процедура возможна и в рамках действующего законодательства как временный способ решения возникающих коллизий. Однако не стоит забывать, что нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства предусматривают зачет времени нахождения в медицинском стационаре в период нахождения под стражей или в срок наказания, в то время как административное судопроизводство рассматриваемые вопросы не разрешает. Таким образом, без изменения законодательства, к сожалению, не обойтись.

1. Ковтун Н.Н., Ростов Д.В. О правовых гарантиях обвиняемым при оказании неотложной психиатрической помощи: новации Федерального закона и коллизии судебно-следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2023. N 3. С. 40–44.

УДК 342.7

Т.М. Киселёва

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN-код 9058-7974

T.M. Kisialiova

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

ПРАВО ГРАЖДАН НА ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

THE RIGHT OF CITIZENS TO LEGAL INITIATIVES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Право на правовые инициативы – это элемент права граждан на участие в управлении делами государства, которое представляет собой гарантированную законом возможность направления государственным органам и должностным лицам коллективных и индивидуальных предложений публичного характера.

Ключевые слова: *правовые инициативы, право на правовые инициативы, участие в управлении делами государства, непосредственная демократия.*

The right to legal initiatives is an element of the right of citizens to participate in the management of State affairs, which is a legally guaranteed opportunity to send collective and individual public proposals to State bodies and officials.

Keywords: *legal initiatives, the right to legal initiatives, participation in the management of state affairs, direct democracy.*

Важной формой взаимодействия общественности и государства являются различные инициативы граждан по вопросам публичного характера, т. е. представляющие интерес для группы граждан, населения определенной территории страны или всего государства в целом. Правовые инициативы имеют особый характер и выступают одной из форм

непосредственной демократии, что определяет необходимость четкой правовой регламентации процедуры выражения соответствующих инициатив, а также определение правовых последствий её выражения. В связи с этим важно на теоретическом уровне установить содержание права на направление правовых инициатив, его место в системе прав человека и гражданина, выявить разновидности данного права. При этом в науке праву на правовые инициативы внимания уделяется мало. Как правило, предметом исследования выступают конкретные виды инициатив, что не позволяет продемонстрировать в полной мере сущность и специфику данного права, осознать его значение для развития демократии и повышения активности граждан в управлении государством.

Право на правовые инициативы в Республике Беларусь не получило конституционного закрепления в качестве самостоятельного права. Однако его можно вывести из содержания ст. 37 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов, иных нормативных правовых актов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами.

Направление правовых инициатив относится именно к «другим» способам непосредственного участия граждан в управлении делами государства, получившим правовое регулирование в ряде законов. Среди таких законов следует назвать Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. № 370-З, Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц», Закон Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы и права на внесение предложений Всебелорусскому народному собранию гражданами Республики Беларусь», Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» и др.

Как можно увидеть, в Республике Беларусь на данный момент отсутствует единый нормативный правовой акт, который бы закреплял порядок направления, рассмотрения и исполнения всех правовых инициатив граждан. Разработка и принятие такого акта в будущем также не планируется. Это можно объяснить существенными различиями в характере и содержании инициатив, что определяет специфическую процедуру их направления и порядок рассмотрения. Характерно при этом, что одним актом может регулироваться направление гражданами правовых инициатив различного вида и характера.

Что касается понимания сущности права на правовые инициативы, то в науке не сложился единый подход к его содержанию. Под соответствующим

термином зачастую предлагают понимать право законодательной (нормотворческой) инициативы. В связи с этим согласимся с высказанным мнением, что правовая инициатива «охватывает значительно больший круг общественных отношений и может реализовываться в различных формах» [1]. Право на правовые инициативы не следует сужать до нормотворческой инициативы, так как последняя выступает лишь одной из разновидностью правовых инициатив. Также право на правовые инициативы нельзя отождествлять с правом граждан на обращения в государственные органы. Безусловно, данные права взаимосвязаны, но не тождественны. Право на правовые инициативы более широкое по содержанию и включает в себя право на направление таких видов обращений, как предложения.

По мнению А.В. Малько и Л.Г. Агабековой, сущность правовой инициативы выражается в том, «что субъекты имеют возможность своими целенаправленными правомерными действиями вызывать к жизни субъективные права и обязанности, изменять или прекращать их, достигать тех или иных юридических последствий» [2]. Данное определение является чрезмерно широким по содержанию и включает инициативы в различных сферах, в том числе и в частных отношениях (например, в гражданско-правовых).

Полагаем, что под правовыми инициативами в контексте рассматриваемого права личности должны пониматься те правомерные действия граждан, которые связаны с реализацией публичных интересов, т. е. такие инициативы должны касаться развития государства в целом или его отдельных регионов, общества или отдельных социальных групп, но не конкретного человека.

В связи с этим под правом на инициативные обращения следует понимать гарантированную законодательством возможность индивидуально или коллективно вносить для рассмотрения или реализации предложения публичного характера.

Для лучшего понимания особенностей права на правовые инициативы необходимо рассмотреть классификацию самих правовых инициатив по различным основаниям.

Так, по территориальному уровню можно выделить правовые инициативы республиканского и местного характера. При этом процедура одинаковых местных инициатив может иметь существенные отличия в разных административно-территориальных единицах, если порядок их выражение должен быть определен местными органами власти.

По форме направления инициативы могут быть устными, письменными и электронными. При этом не всегда законодательством предусматриваются все эти возможные нормы в отношении каждой инициативы. Наиболее распространенной формой на данный момент остается письменная, хотя и происходит активизация использования электронных инициатив.

По процедуре выражения инициативы могут быть индивидуальные и коллективные. При этом большинство правовых инициатив, в силу их публичного характера, являются коллективными, т. е. требуют поддержки определенного числа граждан.

По содержанию можно выделить общие и специальные инициативы, последние при этом в свою очередь можно подразделить на нормотворческие, избирательные, референдальные и иные. К общим инициативам относятся предложения, направляемые в соответствии с законодательством об обращении граждан. Для специальных инициатив предусмотрено специальное регулирование.

По субъекту можно выделить инициативы, которые могут быть направлены исключительно гражданами Республики Беларусь, и инициативы, которые могут быть направлены человеком, вне зависимости от его гражданской принадлежности. Как уже отмечалось выше, публичный характер правовых инициатив предполагает определенные требования к процедуре их выражения, в том числе в отношении субъектов. В большинстве случаев речь идет об управлении делами государства, участие в чем гарантируется только гражданам страны. При этом отдельные инициативы могут быть выражены любым человеком (например, предложения по законодательству об обращениях граждан и юридических лиц).

По правовым последствиям выражения правовых инициатив можно выделить инициативные обращения, направление которых вызывает обязанность государственного органа или должностного лица их рассмотреть в установленном порядке, но не обязательно удовлетворить (к примеру, предложения, направляемые в порядке законодательства об обращениях граждан), и инициативные требования, которые должны быть удовлетворены в случае соблюдения процедуры (например, выдвижение кандидатов в депутаты, предложение о созыве местного собрания, назначения референдума и т. д.).

Несмотря на многообразие видов, все правовые инициативы обладают общими чертами. В первую очередь их объединяет единая цель – развитие государства и общества, совершенствование регулирования каких-либо отношений, деятельности различных органов и организаций и т. п. Кроме того, правовые инициативы реализуются в рамках публичных отношений и часто связаны с выражением интересов не одного человека, а группы лиц или всего общества в целом. Выражение правовой инициативы возможно только в соответствии с той процедурой, которая установлена законодательством.

Как отмечалось выше, право на правовые инициативы является элементом права на управление делами государства, а также тесно связано с иными политическими и иными правами граждан. В частности, существует прямая связь рассматриваемого права с правом избирать и быть избранным,

правом направлять обращения в государственные органы, правом на информацию, а также прослеживается связь с правом на достойный уровень жизни, на образование, здравоохранение и др.

На демократическом государстве лежит обязанность обеспечивать эффективную реализацию права на инициативные обращения, что требует принятия комплекса мер. В первую очередь, важно установить в законодательстве четкую и понятную процедуру выражения конкретных инициатив, которая должна быть реализуема на практике.

Одним из существенных препятствий реализации права на правовые инициативы является проблема финансирования как процедуры выражения инициативы, так и претворения в жизнь предложений граждан. Недопустимой считаем ситуацию, когда обоснованные и своевременные инициативы не могут быть исполнены из-за отсутствия материальных ресурсов.

Также следует учитывать, что граждане будут активно использовать право на правовые инициативы только в том случае, если будут получать обратную реакцию от государственных органов и должностных лиц. Даже если предложение не может быть реализовано, следует разъяснить инициаторам причины такого решения, установить диалог с гражданами, продемонстрировать заинтересованность в дальнейшей совместной работе.

С другой стороны, существует проблема злоупотребления права на правовые инициативы, особенно в отношении тех из них, которые не предусматривают сложную процедуру или существенных финансовых затрат (в частности, направление предложений по законодательству об обращениях граждан). Поэтому государственным органам и должностным лицам, субъектам гражданского общества следует уделять внимание повышению правовой культуры граждан, формирования ответственной гражданской позиции.

Таким образом, право на правовые инициативы заслуживает признания в качестве самостоятельного политического права граждан. При этом допускаем сохранение отсутствия единого нормативного правового акта, призванного регулировать отношения, связанные с направлением и рассмотрением правовых инициатив, что определяется их различиями в характере и содержании. В целях обеспечения права на правовые инициативы государству следует проводить согласованную политику, направленную на развитие правовых инициатив на республиканском и местном уровне, обеспечивать надлежащее регулирование процедуры их направления, предусматривать обязательную реакцию на поступившие предложения, а также предупреждать нарушения законодательства как со стороны государственных органов, так и лиц, реализующих право на правовые инициативы.

1. Редько А.А. Петиция как современная форма выражения правовой инициативы // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3(55). С. 119.

2. Малько А.В., Агабекова Л.Г. Законодательная инициатива как особая разновидность правовой инициативы // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 34.

УДК 340

Е.В. Климович

Омская академия МВД РФ
(Омск, Россия)
SPIN-код 7674-1483

E.V. Klimovich

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Omsk, Russia)

ОСНОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОБСТВЕННИКОВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

BASIS FOR ADMINISTRATIVE LIABILITY OF VEHICLE OWNERS

Новый способ выявления административных правонарушений, именуемый автоматической фиксацией, стал причиной значительных изменений законодательства. Установлен новый субъект административной ответственности, ограничено действие презумпции невиновности, изменен порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях. Перечень видов правонарушений, выявляемых в автоматическом режиме, неуклонно растет, но законом не определены характерные черты таких правонарушений.

Ключевые слова: *специальные технические средства, автоматическая фиксация, собственник транспортного средства, основание административной ответственности, безопасность.*

A new way of detecting administrative offenses, called automatic recording, has caused significant changes in legislation. A new subject of administrative responsibility has been established, the presumption of innocence has been limited, and the procedure for considering cases of administrative offenses has been changed. The list of types of offenses detected automatically is steadily growing, but the law does not define the characteristic features of such offenses.

Keywords: *special technical means, automatic fixation, vehicle owner, basis of administrative responsibility, safety.*

В июле 2007 г. были внесены изменения в КоАП РФ, в частности, введен новый субъект ответственности (собственник, владелец транспортного средства), ограничено действие презумпции невиновности в отношении этого субъекта и установлен упрощенный порядок производства по делу об административном правонарушении [1]. Данные изменения были вызваны применением нового способа выявления поводов для возбуждения дел об административных правонарушениях — автоматической фиксации, посредством специальных средств, имеющих функции фото, киносъемки или видеозаписи.

Изначально собственники транспортных средств несли административную ответственность только за нарушения правил дорожного движения, но впоследствии перечень видов правонарушений был существенно расширен. На данный момент добавились правонарушения в области благоустройства территорий, связанные с нарушениями порядка оплаты за пользование автомобильными дорогами общего пользования, с сентября 2024 г. появится ответственность за нарушение законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды [2]. Имеются примеры возложения на владельцев транспортных средств обязанности нести административную ответственность за нарушение регионального законодательства (Кодекса города Москвы об административных правонарушениях), направленного на обеспечения режима повышенной готовности в связи с COVID 19 [3].

Основной проблемой при установлении административной ответственности собственников транспортных средств, на мой взгляд, является отсутствие теоретического обоснования и, как следствие, установленной законом совокупности условий её применения.

Возложение на собственников транспортных средств обязанности нести ответственность за новые виды правонарушений в настоящее время больше связано с технологическими возможностями специальных технических средств, нежели юридическим обоснованием такой возможности [4].

Вместе с тем анализ статей Особенной части КоАП РФ, применяемых в отношении собственников транспортных средств, позволяет определить характерные черты административных правонарушений и предложить принцип установления ответственности собственников транспортных средств.

Так, в главе 12 КоАП РФ содержатся статьи, конструкция которых имеет бланкетный характер. Статьи 12.21.3 и 12.21.4 устанавливают ответственность за невыполнение обязанности вносить плату за пользование дорогами, прямо установленной законом. Но другие статьи, например 12.9, 12.10, 12.15, 12.16, отсылают к Правилам дорожного движения. Эти Правила не устанавливают обязанность собственника транспортного средства

контролировать исполнение Правил дорожного движения другим, допущенным к управлению лицом.

Также обстоит дело со ст. 8.2 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение правил обращения с отходами производства и потребления в случае их транспортировки и сброса с транспортных средств. Соответствующий федеральный закон об обращении с отходами не возлагает на всех граждан и юридических лиц обязанности нести ответственность за то, что принадлежащее им транспортное средство используется для перевозки отходов с нарушением закона.

Решение законодателя о возложении ответственности на собственников транспортных средств в тех случаях, когда законом прямо не установлены соответствующие обязанности, можно объяснить только необходимостью обеспечения безопасности. Согласно ст. 72 Конституции РФ общественная безопасность (составляющей которой является безопасность дорожного движения) и безопасность экологическая выделяются как объекты охраняемые государством. Их охрана обеспечивает права и законные интересы граждан и других лиц, поэтому ст. 55 Конституции позволяет ограничивать права отдельных категорий лиц, преследуя эту цель.

Таким образом, можно резюмировать, что основанием для установления ответственности собственников транспортных средств может являться или прямо установленная законом обязанность, или необходимость обеспечения обозначенных в Конституции РФ видов безопасности.

1. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 405-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Как выглядят штрафы за езду без пропуска. Фото постановлений. URL: <https://www.autonews.ru/news/5ea80f9f9a79471edaa48672> (дата обращения: 30.03.2024).

4. Дополнительные меры по борьбе с коронавирусом вводятся в столице (18 апреля 2020 г.). URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/2299/6449050/>. (дата обращения: 30.03.2024); Штрафы по камерам за телефон и ремень: власти раскрыли все подробности. (8

декабря 2020 г.). URL: <https://www.autonews.ru/news/5fce27659a7947f47a659e1f?ysclid=ltgz5tzdjs618899199>. (дата обращения: 30.03.2024).

УДК 349.41

Н.И. Ковальчук

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 4032-8406

N.I. Kovalchuk

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

PROBLEMS OF FORMATION OF THE CONCEPT OF LAND LEGISLATION

Научная концепция развития земельного законодательства формируется на основе стратегического планирования в Российской Федерации. Она вырабатывается при комплексном подходе и межотраслевом взаимодействии с последующей формализацией в законодательстве.

Ключевые слова: *земельное законодательство, проблемы концепции, комплексность, межотраслевое проникновение.*

The scientific concept of the development of land legislation is formed on the basis of strategic planning in the Russian Federation. It is developed with an integrated approach and intersectoral interaction with subsequent formalization in legislation.

Keywords: *land legislation, problems of concept, complexity, intersectoral penetration.*

Научная концепция развития земельного законодательства представляет собой комплекс взглядов, образующих единую систему, определяющую пути решения задач правотворчества, стратегию действий правоприменителей. Опираясь на концепции, можно поддерживать российскую правовую систему и правопорядок в устойчивом состоянии, эффективно управлять обществом, сохраняя фундаментальные основы правового уклада и вектор движения к стратегическим целям [1]. Необходимость создания научной концепции развития земельного законодательства общепризнана, но работа над ней осложнена отсутствием формально выраженной стратегии и государственной земельной политики.

Вырабатываться концепция земельного законодательства должна в соответствии с национальными целями и стратегиями развития отраслей и сфер государственного управления, что следует из ФЗ от 28.06.2014 № 172-

ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Поэтому требуется сформировать и закрепить в документе стратегию государственного управления в сфере социально-экономического развития использования и охраны земель, охватывающую деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию.

Научная концепция развития земельного законодательства, создаваемая на основе этой стратегии, потребностях развития общественных отношений, базируется на комплексном характере и межотраслевом взаимодействии земельного права.

Осуществляется правовое регулирование экономических отношений по поводу земли как природного ресурса, который используется в качестве средства производства в сельском, лесном хозяйствах, как пространственного базиса – в других категориях земель, как имущественного объекта собственности. Поэтому для формирования научной концепции развития земельного законодательства важен разработанный экономистами проект земельной доктрины. В нем на основе глубокого анализа состояния использования земель сформированы взгляды на перспективу развития государственного управления земельными ресурсами, инвентаризации земельного фонда страны, межевания земель, их кадастрового учета, землеустройства и др.[2].

В проекте экономической доктрины иногда прямо указывается на необходимость принятия нормативных актов, например, нового ФЗ «О землеустройстве», другой редакции ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Но только юристы могут наполнить экономический проект земельной доктрины правовыми механизмами воздействия для достижения поставленных социально-экономических целей. Экономические земельные отношения следует облекать в правовую форму общеобязательности желаемого их развития, иначе процесс идет медленно, спонтанно.

Так, экономическая задача оперативного перевода не востребуемых земельных долей на землях сельскохозяйственного назначения в собственность муниципальных образований будет активно решаться путем реализации новой статьи 19.3 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», установившей для этого внесудебный порядок. В этом же законе должна быть урегулирована трансформация земельных долей в праве общей долевой собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения в земельные участки. Достижение экономических целей перераспределения сельскохозяйственных земельных участков, находящихся в общей долевой собственности, в пользу сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств возможно правовым регулированием стимулирования этого процесса.

При этом научная концепция развития земельного законодательства может базироваться на экономической доктрине, фактически

развивающихся земельных отношениях и определять основные направления правового обеспечения земельных социально-экономических перспектив в той мере, в какой это возможно сделать сейчас. Отсутствие прямо сформулированной общеобязательной концепции развития земельного законодательства порождает разное толкование высказываний, связанных с ней. Нередко в научной литературе употребляют словосочетание «концептуальные проблемы», но в отсутствии формально выраженной земельной концепции это словосочетание следует рассматривать как синоним «существенных проблем» земельного законодательства, требующих разрешения на взгляд автора.

Правовое регулирование земельных отношений от законотворчества до реализации нормативных правовых актов должно развиваться на одних идеях, общепризнанных взглядах, сформулированных в научной концепции. Проводимые исследования отдельных проблем, направлений, институтов будут консолидированы и позволят создать единую концепцию развития земельного законодательства.

Так, Е.А. Галиновская, исследуя концепцию развития института правового регулирования государственного и муниципального управления земельными ресурсами, предлагает выделять новый объект правоотношений – земельный фонд Российской Федерации [3]. Признание земельного фонда РФ как комплексного объекта государственного и муниципального управления может войти в единую научную концепцию земельного законодательства. Сейчас в земельном законодательстве превалирует правовое регулирование отношений при понимании земли как многостороннего объекта, выступающего природным ресурсом, пространственным базисом, объектом недвижимости.

Теоретические суждения о земельном фонде РФ как особом объекте земельного законодательства соответствуют проекту земельной доктрины экономистов по совершенствованию системы управления. Также все земли в границах РФ называются фондом страны в статистических данных и их анализе Росреестром в Государственном (национальном) докладе о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 г. В докладе сказано, что на 1.01.2023 в частной собственности находилось 7,8 % земельного фонда страны, а в государственной и муниципальной собственности – 92,2 %, при этом на землях населенных пунктов работы по разграничению государственной собственности выполнены лишь на 17,2 %. [4], что отрицательно влияет на формирование земель и их использование. Эти данные доклада, а также о неразграниченных землях сельскохозяйственного назначения, востребованы для принятия управленческих решений, направленных на дальнейшее разграничение государственной собственности с целью развития рынка земель, эффективного их использования.

Но без правового закрепления в ЗК РФ комплексного объекта – земельного фонда РФ трудно воплотить в концепции земельного законодательства направление развития с целью достижения использования и охраны земель страны как народного достояния, которое должно остаться будущим поколениям (ст. 9 Конституции РФ).

Комплексное земельное законодательство, находясь в системе российского законодательства, с рядом отраслей связано более тесно, поэтому их научные концепции находятся во взаимосвязи и должны быть согласованы. Так, положения концепции развития гражданского законодательства о вещных и обязательственных правах на земельные участки повлияют на определение перспектив предоставления и использования земельных участков в ЗК РФ. Экологизация использования земли как природного ресурса показывает пути сближения земельного и экологического законодательств. Расширение полномочий органов местного самоуправления в использовании и управлении землями связано с развитием муниципального законодательства. Аграрное законодательство в комплексе регулирует использование земель сельскохозяйственного назначения для развития сельского хозяйства и сельских территорий, что должно быть учтено в концепции развития земельного законодательства для института земель сельскохозяйственного назначения. Территориальное планирование, зонирование, комплексное развитие территории, связанные с концепцией развития градостроительного законодательства, будут восприняты для формирования перспектив использования земель населенных пунктов.

Для права наступает подлинная эпоха междисциплинарности: движение к утверждению единства правового и иного фундаментального знания – гуманитарных и естественных наук [5]. Для земельного права это соединение не только внутри системы российского права, но и с экономическими учениями, сельскохозяйственными науками, техническими нормами, цифровизацией и т. д. Все это сопровождается синергетикой, порождающей на основе взаимопроникновения качественно другое образование, а в дальнейшем появление новых методов правотворчества и правоприменения для решения земельных социально-экономических задач.

Одна из национальных целей развития России «Цифровая трансформация» достигается при государственном управлении земельным фондом страны через «Ведение государственного фонда данных, полученных в результате землеустройства» (ГФДЗ). Росреестром активизирована работа по оцифровке материалов ГФДЗ, и если по итогам 2021 г. в электронный вид переведено 35,71 % материалов, то по состоянию на 01.01.2023 доля оцифрованных материалов ГФДЗ составила уже 69,56 % [6].

Цифровизация, проникающая в правовое регулирование земельных отношений, становится одним из направлений изменения формы источников

земельного права, а значит частью концепции развития земельного законодательства. Следует определенно с учетом новых технологических возможностей сформулировать перспективы использования электронных документов, их автоматическое комплектование и переформатирование для определенных целей, предоставление субъектам.

Итак, выработка концепции развития земельного законодательства необходима для достижения национальных целей развития России и решения долгосрочных задач, стоящих перед государством и обществом в области управления земельными ресурсами. Научная концепция на основе обобщения нормативных актов, практики, оценки состояния земельных ресурсов дает правовые способы научного предвидения перспектив развития с указанием целей, задач и показателей использования и охраны земель.

1. Научные концепции развития российского законодательства монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. С. 14.

2. Хлыстун В.Н., Волков С.Н., Комов Н.В. Проект доктрины земельной политики Российской Федерации // Землеустроительное обеспечение вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения: сб. матер. М.: Издание Совета Федерации, 2022. С. 16–27.

3. Галиновская Е.А. Концепция государственного стратегического управления земельными ресурсами (правовой аспект) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 171.

4. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 году: Росреестр. М.: Росреестр, 2023. С. 42.

5. Синюков В.Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lexrussica. 2021. Т. 74. № 2. С. 11.

6. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 году: Росреестр. М.: Росреестр, 2023. С. 86.

УДК 343.9

А.А. Кузнецов

Омская академия МВД России
(Омск, Россия)
SPIN-код 7176-1479

A.A. Kuznetsov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Omsk, Russia)

ДОПРОС ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

INTERROGATION OF THE VICTIM DURING THE INVESTIGATION OF INTENTIONAL INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM

Получение полных и объективных показаний потерпевшего об обстоятельствах умышленного причинения тяжкого вреда здоровью является важной задачей следователя. Как участник процесса потерпевший наиболее информирован о месте, времени, лицах, причастных к совершению преступления. Эффективность допроса зависит от подготовки следственного действия и серии тактических приемов, используемых для получения информации от пострадавшего.

Ключевые слова: вред здоровью, следователь, предмет доказывания, тактический прием

Obtaining full and objective testimony from the victim about the circumstances of intentional infliction of grievous bodily harm is an important task for the investigator. As a participant in the proceedings, the victim is most informed about the place, time and persons involved in the commission of the crime. The effectiveness of an interrogation depends on the preparation of the investigative action and a series of tactics used to obtain information from the victim.

Keywords: to health, investigator, subject of proof, tactic

Жизнь и здоровье граждан является важной социальной ценностью нашего общества. Такое положение закреплено в Конституции Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 22; ч. 1 ст. 41), а также ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1]. Поэтому и неудивительно, что за последнее время в системе правоохранительных органов охране здоровья человека уделяется много внимания. Как результат, за несколько лет наблюдается, хотя и небольшое, но снижение преступности против личности. Так, если в 2020 г. умышленных причинений тяжкого вреда здоровью было совершено 20019, то в 2023 г. – 16685 преступлений [2]. Одним из эффективных

направлений противодействия преступности является своевременное расследование всех преступлений. При наличии отдельных методических рекомендаций по расследованию умышленного причинения вреда здоровью в правоприменительной практике остается достаточно большое количество проблемных вопросов [3]. Среди следственных действий по делам данной категории наиболее информативным является допрос потерпевшего. Показания данных лиц, как правило, наиболее полно представляют обстоятельства совершённого преступления. Потерпевший является очевидцем совершённого преступления, он заинтересован в результатах расследования, обладает достаточно широкими правами участника процесса. Наблюдаемые упущения и ошибки при допросе в основном связаны с неправильной оценкой исходной ситуации начала расследования, несвоевременным проведением данного следственного действия без учета возможного противодействия расследованию со стороны различных лиц. Раскрытие, расследование такой категории преступлений, даже в условиях, когда известны участники конфликта, происходят достаточно сложно и зависят от качества и полноты поступления первичной информации о произошедшем событии. Именно причиненный вред здоровью является одним из обязательных признаков состава данного преступления, и от установления его степени тяжести зависит дальнейшая процедура проведения предварительного расследования в Российской Федерации.

Большинство случаев причинения умышленного тяжкого вреда здоровью становится известными правоохранительным органам в течение суток. Этому способствует обязанность медицинских учреждений сообщать о каждом случае поступления к ним граждан с телесными повреждениями насильственного характера, независимо от ведомственной принадлежности и формы собственности, а также граждан с телесными повреждениями, находящихся в бессознательном состоянии. Вид и степень телесных повреждений определяется соответствующими медицинскими документами [4]. О фактах поступления в лечебно-профилактические учреждения пострадавших уведомляются те подразделения органов внутренних дел, на территории которых они причинены. Если место причинения повреждений не установлено, то те подразделения, на территории которых находится соответствующее медицинское учреждение. В связи с этим как при проведении предварительной проверки поступившего сообщения о преступлении, так в порядке неотложности (опрос) допрос пострадавшего следует проводить по возможности сразу после происшествия. Существует большая уверенность, что показания, данные пострадавшим своевременно, будут наиболее правдоподобными и соответствовать обстановке, в которой совершено преступление. В таких случаях потерпевший не успевает оценить причины происшествия и последствия дачи им показаний в отношении конкретных лиц, в его памяти остаются детали произошедшего события, и он

настаивает на привлечении к уголовной ответственности лиц, причинивших тяжкий вред здоровью. По прошествии нескольких дней потерпевший может изменить свои показания по различным мотивам: боязнь мести со стороны преступника или лиц его окружающих, обещания солидной материальной компенсации причинения вреда, оценки своего неблагоприятного поведения и т. п. В дальнейшем пострадавший в результате перенесенных медицинских операций или нахождения в сильном алкогольном опьянении может потерять память или забыть отдельные обстоятельства происшествия. Наконец, находясь в стрессовом состоянии, может неадекватно оценивать обстановку, в которой было совершено преступление и необоснованно обвинить в совершении лиц, которые к событию не причастны. Таких и подобных ситуаций может возникать много, и задача следователя состоит в выяснении действительных обстоятельств причинения тяжкого вреда здоровью.

Следует заметить, что подготовка и проведение допроса во многом будет зависеть от предмета доказывания. Начиная с обстоятельств, подлежащих доказыванию – место, время совершения преступления, участия конкретных лиц и в последующем установления фактов наступления тяжких последствий вреда здоровью (потеря речи, слуха, прерывания беременности, появления психического расстройства и т. п.), способа совершения преступления, формы вины, мотива и цели совершения преступления, а также наличия иных отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 111, 114, 118 УК РФ. Названные и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны найти отражение в плане допроса потерпевшего в виде конкретных вопросов. Перечень таких вопросов зависит от выявленных признаков преступления и конкретных обстоятельств уголовного дела.

Тактические особенности проведения допроса потерпевшего, в том числе при расследовании умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, постоянно привлекают внимание ученых и практиков [5]. Названные нами особенности организации и проведения допроса потерпевшего при расследовании позволяют выделить те из них, которые представляют сложность и требуют дополнительного внимания. Фактически речь может идти об отдельных аспектах подготовки к такому допросу и определении тактических приемов его проведения.

Говоря о подготовке к допросу, прежде всего выделяют ознакомление с материалами уголовного дела. Если следователь (дознатель) сам выезжал в составе следственно-оперативной группы на место происшествия, то он реально представляет обстановку совершённого преступления. В ином случае следует рекомендовать провести ряд мероприятий, предшествующих допросу, чтобы собрать информацию о месте, времени совершения преступления. Практика свидетельствует, что большинство преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, происходят на бытовой

почве, вследствие выяснения отношений между ранее известными лицами. Выяснение отношений пострадавшего с лицами, причастными к нанесению телесных повреждений, позволяет следователю критически подходить к показаниям потерпевшего, во многом усматривая необъективный ход изложения показаний. Это не означает, что следует отвергать показания потерпевшего. Исходя из имеющихся материалов, следует выдвигать предположение о провокационном поведении таких лиц, об их возможном противоправном поведении.

Практика свидетельствует, что подобные преступления также совершаются во время драк, например в кафе, ресторане. Лица, принимавшие участие в драке, могут быть только поверхностно знакомы друг с другом. В таких случаях требуется личное знакомство следователя с обстановкой. Расположение помещений, мебели будет способствовать выбору тактических приемов допроса в условиях совершения преступления в группе.

Другим элементом подготовки к допросу следует назвать выбор времени и места проведения допроса потерпевшего. Вред, причиняемый при совершении преступления, может быть в виде телесных повреждений, а также наступившего заболевания или патологического состояния, возникшего в результате воздействия факторов внешней среды. При таком состоянии потерпевшего его показания следует фиксировать с применением видеозаписывающей техники. При этом допрос проводить в присутствии врача и, что особенно важно, с его разрешения. В ситуации, когда потерпевший находится в тяжелом состоянии, следует перечень вопросов обсудить с лечащим врачом, он же определит время наиболее удобное для проведения следственного действия. Правовая сторона постановки вопросов остается за следователем, врач может подсказать, какой из заданных вопросов может вызвать дополнительный стресс, и ответа со стороны пострадавшего не будет. Следует понимать, что врач постоянно ведет беседы с пациентом о состоянии здоровья, в том числе обсуждают причины конфликта и обстоятельства причинения тяжкого вреда здоровью. Тактически правильно будет определить отдельную палату для допроса потерпевшего и ограничиться вопросами, связанными с выяснением обстоятельств причинения травмы. В последующем врач может быть допрошен в качестве свидетеля.

Требуется внимания подготовка вопросов, которые следует выяснить при допросе потерпевшего. Их перечень составляется с учетом обстоятельств, подлежащих установлению по делам данной категории. Прежде всего это блок вопросов, связанных с поведением потерпевшего и иных лиц до, во время и после совершённого преступления, затем вопросы, имеющие отношение к личности преступника (либо группе лиц). Особого внимания требуют формулировки вопросов в зависимости от того, знает ли потерпевший преступника (знаком ли с ним) или он ему неизвестен [6].

Существуют и иные элементы подготовки к допросу потерпевшего, которые достаточно подробно изложены в рекомендуемой криминалистической литературе. Так, не менее важно изучение личности допрашиваемого. Его интересы, склонности, психологический портрет во многом будут определять выбор следователем тактического приема при допросе. Можно назвать и как элемент подготовку доказательств (иных материалов), которые предстоит использовать во время допроса. Названные и иные элементы подготовки к допросу определяются возникающей к моменту проведения следственного действия типичной следственной ситуации расследования и ситуации, которая предполагается может быть во время допроса.

Допрос потерпевшего чаще всего проходит в бесконфликтной или конфликтной ситуациях, которые в свою очередь определяются, имеются ли сведения о лице, совершившем преступление, или таких сведений нет. Считается, что потерпевший по делам о причинении тяжкого вреда здоровью добросовестно и в полном объеме дает показания об обстоятельствах совершённого преступления. Однако следует констатировать, что такое положение даже по очевидным преступлениям встречается не всегда. Показания потерпевшего противоречивы, излагаются непоследовательно с существенными пробелами. Изменить положение позволяют тактические приемы, которые основаны на процессуальных правилах проведения следственного действия и профессиональном мастерстве следователя. Предложить стройную систему тактических приемов допроса достаточно сложно, так как в основу их классификации положены различные основания. Применительно к теме нашего исследования следует предложить отдельные их виды применительно к стадиям допроса. Первой можно назвать предварительную (подготовительную, вводную) стадию. Рекомендуется в качестве тактического приема проведение беседы либо приемы устранения эмоционального барьера. Речь идет об установлении психологического контакта с допрашиваемым. Хотелось подчеркнуть, что в последнем случае правильнее говорить о тактической комбинации (серии тактических приемов). Следующая стадия – свободный рассказ. Наиболее рациональными выступают тактические приемы детализации и конкретизации показаний, уточнение, пресечение лжи. Очередная стадия вопросно-ответная. Тактические приемы применительно к этой стадии следует рассматривать относительно ситуации, которая к данному моменту сложилась при допросе. Ситуация может быть конфликтная или бесконфликтная. В конфликтной ситуации потерпевший, как правило, дает ложные показания или отказывается под различными предлогами от дачи показаний. Применению тактических приемов должны предшествовать мероприятия, связанные с установлением причин такого поведения потерпевшего. В данной ситуации следует рекомендовать предъявление прямых доказательств (в зависимости от их объема, - с нарастающей силой,

отдельные фрагменты) или косвенных. Достаточно эффективны приемы, связанные с убеждением о наличии у следователя доказательств (либо по-иному, такой прием называют оставление в неведении об объеме доказательств), повторные допросы с целью выявления противоречий в показаниях. На завершающей стадии (при фиксации показаний) представляют интерес приемы, связанные с совместным анализом показаний, постановки контрольных и уточняющих вопросов.

В бесконфликтной ситуации применение тактических приемов связано с восстановлением в памяти забытого. Это приемы, построенные на ассоциациях по смежности и контрасту, а также постановка уточняющих вопросов, допрос на месте события.

В тех случаях, когда у следователя возникают сомнения в истинности тех или иных показаний потерпевшего, следует провести допрос повторно, через несколько дней. При этом следует учесть, что тяжелое состояние пострадавшего может повлечь появление галлюцинаций, что существенно повлияет на полноту и достоверность показаний.

Таким образом, допрос потерпевшего при расследовании умышленного причинения тяжкого вреда здоровью обуславливается полученной первичной информацией о событии, установлением факта тяжкого вреда здоровью, отношением пострадавшего к лицу, совершившему преступление. Тактический успех расследования зависит от подготовки допроса потерпевшего и использования серии тактических приемов для получения правдивых и полных показаний.

1. Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст.6724.

2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития / Аналитический обзор. ВНИИ МВД России. М., 2024. С. 19 с.

3. *Варданян А.В.* Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья [Текст]: учеб.-метод. пособие / А.В Варданян, А.Ю. Терехов, О.В. Айвазова. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Ростовский юрид. ин-т МВД России, 2019. 272 с.; Организация неотложных следственных действий: учебное пособие / [Волохова О.В., Ищенко Е.П., Комиссарова Я.В. и др.; под ред. О.В. Волоховой]. М. : Юрлитинформ, 2019. 368 с.

4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 июня 2021 г. № 664н «Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел в случаях, установленных пунктом 5 части 4 статьи 13 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"»././ СПС КонсультантПлюс; Приказ Минздрава РФ и МВД РФ от 20 августа 2003 г. № 414/633 «О взаимодействии учреждений здравоохранения и органов внутренних дел в оказании медицинской помощи несовершеннолетним, доставленным в органы внутренних дел»././ СПС КонсультантПлюс.

5. *Бурданова В.С.* Расследование причинений телесных повреждений: учебное пособие. 2-ое изд., испр. и доп. Л., 1989. 78 с.; *Комиссаров В.И., Лакаева О.А.* Тактика допроса потерпевших от преступлений, совершаемых организованными группами лиц. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2004. 160 с.; *Волчецкая Т.С., Авакьян М.В.* Криминалистическая модульная методика расследования и поддержания государственного обвинения в суде (по делам о умышленном причинении тяжкого вреда здоровью): монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 200 с.

6. *Печерский В.В.* Предмет доказывания и типовые программы допроса в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: учебно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 77–80.

УДК 340

А.А. Курносов

Кемеровский государственный университет

(Кемерово, Россия)

SPIN-код [5838-1747](#)

**ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ КОМПЕТЕНТНЫМИ СУДАМИ
СОДЕЙСТВИЯ В ПОЛУЧЕНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ЗАПРОСУ
ТРЕТЕЙСКОГО СУДА**

A.A. Kurnosov

Kemerovo State University

(Kemerovo, Russia)

**FEATURES OF ASSISTANCE PROVIDED BY COMPETENT COURTS
IN OBTAINING EVIDENCE AT THE REQUEST OF AN ARBITRATION
TRIBUNAL**

Рассматриваются отдельные вопросы оказания содействия третейским судам в получении доказательств со стороны компетентных судов. Несмотря на то что запрос рассматривается в рамках процессуальной формы содействия третейским судам, производство по делу возбуждается на основании запроса третейского суда, а не на основании заявления стороны третейского разбирательства. Стороны арбитражного соглашения привлекаются к участию в деле об исполнении запроса третейского суда в статусе заинтересованных лиц, а сам третейский суд – в статусе заявителя. Обосновывается ограниченный объем процессуальных прав и обязанностей указанных лиц, predetermined спецификой координационного характера правоотношений по исполнению запроса. Также рассматриваются требования к форме и содержанию запроса третейского суда об оказании содействия в получении доказательств.

Ключевые слова: третейское разбирательство, содействие в отношении третейского разбирательства, запрос третейского суда, исполнение судебного поручения, получение доказательств.

Certain issues of assisting arbitration courts in obtaining evidence from competent courts are considered. Despite the fact that the request is considered within the framework of the procedural form of providing assistance to arbitration courts, proceedings are initiated on the basis of a request from the arbitration court, and not on the basis of a statement from a party to the arbitration proceedings. The parties to the arbitration agreement are involved in the case of execution of the request of the arbitration tribunal in the status of interested parties, and the arbitration tribunal itself – in the status of an applicant. The limited scope of procedural rights and obligations of these persons, predetermined by the specific coordination nature of legal relations for the execution of the request, is justified. The article also discusses the requirements for the form and content of the arbitration court's request for assistance in obtaining evidence.

Keywords: *arbitration proceedings, assistance for an arbitration proceedings, request of an arbitration court, execution of a letter of request, obtaining evidence.*

В соответствии со ст. 27 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон о МКА) и ст. 30 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – ФЗ об арбитраже) в случае рассмотрения спора в институциональном арбитраже сторона или третейский суд вправе обратиться к компетентному суду с запросом об оказании содействия в получении доказательств, необходимых для рассмотрения дела.

Необходимость такого механизма содействия компетентного суда в отношении третейского разбирательства обусловлена тем, что компетенция третейского суда распространяется лишь на стороны арбитражного соглашения, иные лица не обязаны реагировать на запросы арбитров и предоставлять запрашиваемые материалы [1].

Правила оказания содействия компетентным судом в получении доказательств по запросу третейского суда определены в нормах ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ. Несмотря на то что эти правила сформулированы не в § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ, не вызывает сомнений необходимость отнесения данной категории дел именно к делам о содействии в отношении третейского разбирательства [2].

Основанием для выполнения компетентным судом функций содействия по вопросам истребования доказательств является именно **запрос третейского суда**, рассматривающего спор на территории России. Исходя из положений действующего законодательства, а также ст. 27, 30 и 31 Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ [3], запрос может быть издан третейским судом как по собственной инициативе, так и при удовлетворении ходатайства стороны арбитража. Право самостоятельного обращения с заявлением об истребовании доказательств в компетентный суд сторонам третейского разбирательства не принадлежит [4], на что обращено внимание в п. 37 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 [5]. Запрет

сторонам третейского разбирательства самостоятельно инициировать истребование доказательств компетентным судом предопределен обязательностью арбитражного соглашения и юрисдикционными полномочиями третейского суда, который должен с учетом позиций сторон определять предмет доказывания и устанавливать необходимость представления и истребования тех или иных доказательств. Иное понимание не только нивелировало бы самостоятельность третейского разбирательства, но и искусственно повышало нагрузку судебной системы.

Исходя из положений ст. 27 Закона о МКА и ст. 30 ФЗ об арбитраже, ч. 1 ст. 74.1 АПК РФ и ч. 1 ст. 63.1 ГПК РФ запрос может исходить только от институционального третейского суда, что, по мнению М.Э. Морозова [6] и А.Н. Балашова [7], свидетельствует о необоснованных ограничениях прав стороны разбирательства, которая будет лишена возможности эффективной защиты своих интересов при рассмотрении спора в ситуационном арбитраже.

Тем не менее установление процессуальным законодательством запрета направления запроса о содействии в получении доказательств от арбитража *ad hoc* является логичным ограничением в контексте избрания разрешительной модели учреждения третейских центров в процессе реформы арбитража. Именно поэтому в п. 39 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 указано, что суд отказывает в исполнении запроса третейского суда о содействии в получении доказательств в случае направления запроса третейским судом *ad hoc*. Между тем, констатировав отсутствие права у ситуационного третейского суда направлять соответствующие запросы о содействии, следует отказывать в принятии к рассмотрению запроса в принципе по правилам ст. 127.1 АПК РФ и ст. 134 ГПК РФ, а не отказывать в исполнении запроса, рассматривая обращение по существу.

Запрос выступает непоименованным в процессуальном законодательстве процессуальным документом-основанием для возбуждения производства по делу. Запрос должен исходить от третейского суда, а не от постоянно действующего арбитражного учреждения (далее – ПДАУ), поэтому он может быть издан не ранее, чем будет сформирован состав арбитров для рассмотрения конкретного спора. Применительно к особенностям издания запроса и порядку его подачи в компетентный суд возникает ряд вопросов:

1) *Кто является заявителем по делам данной категории?* Запрос о содействии в получении доказательств издается третейским судом и может быть направлен в компетентный суд по мету нахождения истребуемых доказательств им самостоятельно или выдан стороне арбитража для последующей передачи [8]. Как показывает немногочисленная судебная практика, заявителем по делам о содействии в получении доказательств признаётся именно третейский суд, издавший запрос, а стороны третейского

разбирательства - заинтересованными лицами. Как известно, лицами, участвующими в деле, являются субъекты, обладающие юридическим интересом в исходе дела, что предопределяет полноту их прав и процессуальных обязанностей [9]. Как заявитель, так и заинтересованные лица в судебных процедурах имеют интерес в исходе дела, и судебные акты непосредственно затрагивают их права и обязанности. Однако здесь интерес иной, не связанный с защитой права лица. Представляется, третейский суд вступает с компетентным судом в отношения координации, поэтому функцию содействия в получении доказательств иногда характеризуют как административную [10]. Полагаем, третейский суд и стороны арбитража состоят с компетентным судом в процессуальных отношениях и обладают отдельными процессуальными правами, несут обязанности.

Поскольку соответствующий запрос рассматривается в рамках самостоятельного дела, для целей администрирования судебного разбирательства и применения существующих процессуальных правил, заявителем должен признаваться именно третейский суд, вне зависимости от того, направляет ли он запрос в компетентный суд самостоятельно или передает через указанную в запросе сторону спора. Стороны арбитража в деле, будучи заинтересованными лицами, также не имеют материального интереса – полномочия компетентного суда лишь опосредованно связаны с юрисдикционными полномочиями третейского суда. В обоих случаях в основе отношений лежит **организационный интерес**, отличный от классического материального и процессуального интереса лиц, участвующих в деле.

В соответствии с действующим законодательством третейский суд – это единоличный арбитр или коллегия арбитров, сформированные для рассмотрения конкретного спора. Состав третейского суда неправосубъектен в гражданских правоотношениях, это орган, обладающий публичными полномочиями, что не должно рассматриваться как препятствие для его восприятия в статусе заявителя по делам данной категории.

2) Какими правами и обязанностями должны обладать заявитель и заинтересованные лица при рассмотрении запроса третейского суда? Наличие ограниченного организационного интереса и отсутствие полномочий по разрешению спора в данном деле у компетентного суда предопределяет сжатый перечень прав и обязанностей третейского суда и сторон разбирательства как лиц, участвующих в данном деле. Так, третейский суд как заявитель может издать запрос и направить его в компетентный суд, может его и отозвать до вынесения итогового определения, в случае, когда обстоятельства для оказания содействия в получении доказательств отпали. По справедливому утверждению Л. А. Тереховой, даже в делах о содействии третейскому разбирательству компетентный суд реализует отдельные контрольные полномочия [11]. Поскольку при рассмотрении заявления компетентный суд устанавливает

ряд обстоятельств, в том числе исключает основания для отказа в исполнении запроса, заявитель и заинтересованные лица должны обладать полномочиями по представлению объяснений по вопросам, связанным с рассмотрением запроса. Эти пояснения не должны касаться рассматриваемого третейским судом спора, а только вопросов реализации полномочий компетентного суда по исполнению или отказу в исполнении запроса арбитров - арбитрабельности спора, невозможности получения доказательств сторонами самостоятельно, нарушения прав непривлеченных лиц и проч.

3) Содержание запроса о содействии в получении доказательств predetermined, с одной стороны, исключительными юрисдикционными полномочиями третейского суда по определению целесообразности получения тех или иных доказательств, а с другой стороны – должно раскрывать объективную неспособность сторон представить сведения, необходимые для рассмотрения дела. *Должен ли компетентный суд оценивать необходимость получения истребуемых доказательств для правильного рассмотрения дела третейским судом?* Поскольку полномочия по определению предмета доказывания по делу и круга доказательств, необходимых для правильного разрешения требования, относятся к исключительной компетенции юрисдикционного органа, компетентный суд не может вторгаться в вопросы целесообразности издания третейским судом запроса.

4) *Какие документы должны быть приложены к запросу?* Процессуальное законодательство не устанавливает требований к приложениям к такому арбитражному акту. Однако из оснований к отказу в исполнении запроса очевидно, что компетентным судом проверяется арбитрабельность спора. При этом согласно п. 3 ч. 4 ст. 74.1 АПК РФ и п. 3 ч. 4 ст. 63.1 ГПК РФ препятствием для исполнения запроса третейского суда является именно объективная неарбитрабельность спора: запрос не может быть исполнен, если соответствующая категория спора не может быть передана на рассмотрение третейского суда в силу прямого нормативного запрета (ч. 2 ст. 33 АПК РФ, ч. 2 ст. 22.1 ГПК РФ). На это обращено внимание и в абз. 2 п. 38 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019. Формально, компетентный суд должен ограниченно руководствоваться принципом «компетенции-компетенции» и не может проверять действительность заключенного сторонами третейского соглашения. Полноценная проверка действительности арбитражного соглашения в рамках рассматриваемой процедуры может привести к затягиванию процесса, увеличит издержки и усложнит процедуру защиты прав заинтересованных лиц, поэтому оправданной выглядит позиция об отсутствии необходимости приобщения к запросу заверенной копии арбитражного соглашения.

Между тем, к заявлениям о содействии в отношении третейского разбирательства (как мы указывали выше, содействие в получении

доказательств относится к данной категории дел, и правила § 3 гл. 30 АПК РФ и гл. 47.1 ГПК РФ должны применяться субсидиарно по отношению к ст. 74.1 АПК РФ и ст. 63.1 ГПК РФ, в случаях, когда это не противоречит специальной норме) в силу ч. 4 ст. 240.2 АПК РФ и ч. 4 ст. 427.2 ГПК РФ должны быть приложены: 1) заверенная копия искового заявления в третейский суд с доказательствами его получения ответчиком; 2) подлинное соглашение о третейском разбирательстве или его надлежащим образом заверенная копия; 3) документы, подтверждающие обстоятельства, являющиеся основанием для обращения заявителя в суд за содействием в отношении третейского суда; 4) документы, представляемые в обоснование требования заявителя; 5) документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в порядке и в размере, которые установлены федеральным законом; 6) доверенность или иной документ, подтверждающие полномочия лица на подписание заявления о содействии.

Поскольку запрос исходит от третейского суда, подпись председательствующего арбитра, заверенная в ПДАУ, будет достаточным основанием полагать, что запрос подписан уполномоченным должностным лицом. Запрос существенным образом отличается от заявления стороны третейского разбирательства, обращающейся за содействием к компетентному суду. Оформленный надлежащим образом запрос, в котором указано на подлежащие установлению обстоятельства и истребуемые доказательства, исключает необходимость компетентного суда проверять обоснованность этого заявления и наличие права на обращение. Между тем, нужно ли прикладывать постановление о формировании состава арбитров, или факт издания запроса и этот вопрос разрешает? Можно сделать вывод, что сам факт издания запроса третейского суда является достаточным доказательством подачи иска и возбуждения третейского разбирательства, предварительной проверки заключенности и действительности арбитражного соглашения, формирования состава арбитров, поэтому соответствующие документы к запросу могут не прилагаться. Но нет никаких оснований не прикладывать к запросу третейского суда документ об оплате государственной пошлины, размер которой зависит от компетентного суда и статуса заявителя. Убеждены, что вопрос о составе приложений к запросу третейского суда должен быть разрешен как минимум на уровне Постановления Пленума ВС РФ.

Изложенным выше не ограничиваются проблемы процессуальной формы рассмотрения запроса третейского суда. С учетом выявленных проблем необходимо совершенствовать правовое регулирование рассмотренной процедуры, а также на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ дать дополнительные руководящие разъяснения по вопросам содержания запроса третейского суда, порядка его издания и направления в компетентный суд.

-
1. Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / Под ред. проф. О.Ю. Скворцова и проф. М.Ю. Савранского – М.: Статут, 2016. С. 194.
 2. *Курочкин С.А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2021. С. 268.
 3. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (пересмотрен в 2010 году) (Принят в г. Нью-Йорке 25.06.2010 на 43-ей сессии ЮНСИТРАЛ) //Доступ из сети Интернет: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/21-07998_ebook_r.pdf (дата обращения 15.03.2024)
 4. *Женетль С.З., Иваненко Н.А.* Порядок процессуального взаимодействия третейского суда и суда общей юрисдикции в связи с запросом о содействии в получении доказательств (ст. 57 и 63.1 ГПК РФ): закон и практика его применения // Администратор суда. 2023. № 4. С. 27.
 5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.
 6. *Морозов М.Э.* Ограничения полномочий арбитра ad hoc // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 199 – 200.
 7. *Балашов А.Н.* К вопросу о формах взаимодействия государственных судов с третейскими судами (арбитражами) // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 22.
 8. *Ситкарева Е.В.* Содействие и контроль государственных судов в отношении арбитража (третейского разбирательства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 4. С. 51.
 9. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 65-66.
 10. *Андреев Д.А.* Содействие государственных судов третейским судам в получении доказательств // Третейский суд. 2021. № 2. С. 108.
 11. *Терехова Л.А.* Выполнение судами функций содействия в отношении третейских судов // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 60.
 12. *Андреев Д.А.* Указ. соч. С. 113.

УДК 349.6

О.В. Мороз

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN-код 1029-3216

O.V. Moroz

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ АУДИТУ В КОНТЕКСТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ

LEGAL APPROACHES TO ENVIRONMENTAL AUDIT IN THE CONTEXT OF ITS MANDATORY CONDUCT

Рассматриваются как научные, так и правовые подходы по поводу обязательного (обязательности) экологического аудита. Делается вывод, что он выступает как самодостаточная природоохранная мера, напрямую влияющая на вопросы охраны окружающей среды субъектов хозяйствования, а в определенных случаях сочетается с применением иных природоохранных мер, в том числе является необходимым инструментом для реализации некоторых из них.

Ключевые слова: экологический аудит, охрана окружающей среды, хозяйственная и иная деятельность.

The article reveals both scientific and legal approaches to mandatory (compulsory) environmental audit. It is concluded that it acts as a self-sufficient environmental measure that directly affects the environmental protection issues of business entities, and in certain cases it is combined with the use of other environmental measures, including being a necessary tool for the implementation of some of them.

Keywords: environmental audit, environmental protection, economic and other activities.

В научной литературе приводятся различные классификации экологического аудита [1], среди которых наибольший интерес вызывает его разграничение исходя из обязательности проведения данной природоохранной меры для субъекта хозяйствования на добровольный и обязательный. Добровольность проведения экологического аудита может быть вызвана различной мотивацией: от ответственности за судьбу будущих поколений до стремления избежать негативных последствий при проведении контроля в области охраны окружающей среды. В любом случае

такая правовая возможность позволяет привлечь специалистов для оценки хозяйственной и иной деятельности с позиции охраны окружающей среды.

Основная дискуссия ведется по поводу обязательного (обязательности) экологического аудита. Во-первых, должен ли он носить сугубо добровольный характер либо кроме добровольного экологического аудита в определенных случаях следует установить обязательность его проведения. Во-вторых, в отношении каких случаев целесообразно проводить обязательный экологический аудит. При этом приводятся различные аргументы в зависимости от особенностей организационно-правового механизма окружающей среды и социально-экономической специфики того или иного государства [2]. На наш взгляд, одним из аргументов в пользу развития обязательного экологического аудита является потребность в квалифицированном мнении специалистов касательно природоохранных аспектов хозяйственной и иной деятельности, которое не всегда надлежащим образом обеспечивается в рамках иных природоохранных инструментов. Их независимость как от субъектов хозяйствования, так и от государственных органов также может способствовать расширению оснований обязательного экологического аудита.

Правовые подходы по рассматриваемому вопросу также отличаются в разных странах. К примеру, в литературе указывается на добровольный характер природоохранной меры в Республике Казахстан и Российской Федерации на федеральном уровне [3]. Действительно, в действующем Экологическом кодексе Республики Казахстан обязательный экологический аудит, как и в целом данный механизм, не получили правового закрепления. Однако достаточно детально он регламентировался в утратившем силу Экологическом кодексе, в котором приводился перечень оснований его проведения [4]. В свою очередь и в Российской Федерации отсутствует комплексное специальное правовое регулирование экологического аудита на федеральном уровне. В Федеральном Законе «Об охране окружающей среды» дается только его определение [5]. Разрабатывались и корректировались, но не принимались на протяжении многих лет проекты Федерального закона «Об экологическом аудите и экологической аудиторской деятельности». В них наряду с добровольным выделялся обязательный экологический аудит с кругом оснований его проведения [6].

В Туркменистане и Республике Узбекистан действуют отдельные законы «Об экологическом аудите», в которых находит правовое закрепление как добровольный, так и обязательный экологический аудит с кругом случаев его осуществления, отличающихся в каждой из стран [7]. Аналогичный подход отражен и в модельном законодательстве СНГ, имеющем рекомендательное значение для его государств – участников [8].

Правовое регулирование экологического аудита в Республике Беларусь осуществляется в рамках законодательства об охране окружающей среды. Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среде» и Положение о

порядке проведения экологического аудита являются основными нормативными правовыми актами в данной сфере. Воспринят подход как о добровольном, так и обязательном его проведении, в частности, при ликвидации юридического лица или прекращении деятельности индивидуального предпринимателя, осуществляющих деятельность, связанную с вредным воздействием на окружающую среду, и при приватизации предприятий как имущественных комплексов государственных унитарных предприятий. Тем не менее организационно-правовой механизм экологического аудита, в первую очередь обязательной его формы, требует дальнейшего совершенствования [9].

В зависимости от государства имеют отличия и правовые модели обязательного экологического аудита. К примеру, в Республике Узбекистан его проведение обуславливается только риском воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду: подлежат обязательному ежегодному экологическому аудиту субъекты, относящиеся к высокому и среднему риску такого воздействия. При положительных для субъектов экологического аудита результатах они не подлежат проверке Государственным комитетом Республики Узбекистан по экологии и охране окружающей среды в течение одного года, за исключением определенных случаев, а при отрицательных результатах они обязаны в месячный срок устранить выявленные нарушения. Отдельно указывается, что рассматриваемая природоохранная мера не подменяет экологический контроль. Заказчиком являются хозяйствующий субъект, его собственник, участники и (или) акционеры, инициирующие проведение экологического аудита, которые и оплачивают услуги по его проведению [10]. Как видим, он выступает как самодостаточная природоохранная мера, влияющая на соблюдение субъектами, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность, экологических требований и на возможность проведения проверок государственным органом в области охраны окружающей среды.

Положительным примером правового регулирования соответствующих отношений является утративший силу Экологический кодекс Республики Казахстан, детально регламентировавший не только добровольный, но и обязательный экологический аудит. Так, основаниями его проведения выступали значительный ущерб окружающей среде, нанесенный хозяйственной и иной деятельностью физических и юридических лиц, подтвержденный документально; реорганизация (в форме слияния, разделения и выделения) и банкротство юридических лиц-природопользователей, осуществляющих экологически опасные виды хозяйственной и иной деятельности. В месячный срок с момента установления одного из данных обстоятельств решение о проведении обязательного экологического аудита принималось уполномоченным органом в области охраны окружающей среды, которое оформлялось в виде заключения и направлялось руководителю аудируемого субъекта.

Устанавливался срок его проведения: не более шести месяцев с момента получения аудируемым субъектом заключения. Исходя из контекста правовых норм, можно предположить, что обязательный экологический аудит финансировался аудируемым субъектом. Результаты обязательного экологического аудита имели юридическое значение как для него, так и для уполномоченного органа в области охраны окружающей среды [11].

Примерный круг возможных оснований проведения обязательного экологического аудита изложен в Модельном законе «Об экологическом аудите»: при экологической сертификации производства, продукции или услуг (заказчик – орган, проводящий экологическую сертификацию); при смене собственника экологически опасного объекта (заказчик – новый собственник имущества аудируемого субъекта); при реорганизации организаций, осуществляющих экологически опасную деятельность, эксплуатирующих экологически опасные объекты (заказчик – собственник имущества аудируемого субъекта); при составлении экологической отчетности такими организациями; при осуществлении обязательного экологического страхования; при подтверждении достоверности данных, предоставляемых для получения льгот по экологическим платежам, предоставлении государственных ссуд на природоохранные мероприятия (заказчик – аудируемый субъект). На заказчика экологического аудита возлагается обязанность оплачивать услуги по его проведению. Учитывая, что его результаты, в первую очередь при обязательном проведении, могут иметь юридическое значение, ряд положений, содержащихся в данном документе, служат ориентиром для национальных законодательств, к примеру, квалификационные критерии для аудиторов (требования к образованию, наличие квалификационного аттестата аудитора), государственная аккредитация аудиторов и аудиторских организаций [12].

Приводимые примеры правового закрепления обязательного экологического аудита позволяют сделать вывод, что его результаты могут использоваться для различных целей в зависимости от основания проведения. С одной стороны, он выступает как самодостаточная природоохранная мера, напрямую влияющая на вопросы охраны окружающей среды субъектов хозяйствования, а с другой стороны, в определенных случаях сочетается с применением иных природоохранных мер, в том числе является необходимым инструментом для реализации некоторых из них. Такое сочетание способствует эффективной охране окружающей среды. Кроме того, рассматриваемый аудит позволяет удовлетворить потребность в экологической информации о субъекте хозяйствования у иных субъектов для осуществления определенных действий или принятия решений.

1. *Кичигин Н.В.* Правовое регулирование экологического аудита / Н.В. Кичигин, Е.В. Марьин. М.: ИД «Юриспруденция», 2010. С.17.

2. Заключение Российского союза промышленников и предпринимателей на проект федерального закона «Об экологическом аудите и экологической аудиторской деятельности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Российский союз промышленников и предпринимателей. – 2024. – Режим доступа: <https://media.rspp.ru/document/1/8/6/86a35155b3ddd0145eb4049623dec2a4.pdf>. – Дата доступа : 01.04.2024; *Кичигин Н.В.* Указ. соч. С. 20-24; *Сахова Гульзат.* Насколько новый Экокодекс отвечает запросам общества – мнение экспертов / Гульзат Сахова // Международное информационное агентство «Kazinform». 2024. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/naskol-ko-novyy-ekokodeks-otvechaet-zaprosam-obschestva-mnenie-ekspertov_a3753193. Дата доступа : 01.04.2024; Предприятиям хотят «прописать» экологический аудит / Парламентская газета. 2024. Режим доступа : <https://www.pnp.ru/politics/predpriyatiam-khotyat-propisat-ekologicheskij-audit-vmesto-proverok.html>. Дата доступа : 01.04.2024; Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т. И. Макаровой. Минск : БГУ, 2016. С. 56-57; *Кванина В.В.* Экологический аудит: анализ, проблемы и перспективы / В.В. Кванина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. № 1. С. 41–42.

3. *Сахова Гульзат.* Насколько новый Экокодекс отвечает запросам общества – мнение экспертов / Гульзат Сахова // Международное информационное агентство «Kazinform». 2024. Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/naskol-ko-novyy-ekokodeks-otvechaet-zaprosam-obschestva-mnenie-ekspertov_a3753193. Дата доступа: 01.04.2024; *Кванина В.В.* Указ. соч. С. 41.

4. Экологический кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Казахстан от 2 янв. 2021 г., № 400-VI ЗРК : с изм. и доп. // [Zakon.kz](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520). 2024. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520. Дата доступа: 01.04.2024; Экологический кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Казахстан, 9 янв. 2007 г., № 212-III [утратил силу]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593. – Дата доступа: 01.04.2024. Ст. 81.

5. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Фед. закон Рос. Федерации, 10 янв. 2002 г., № 7-ФЗ : с изм. и доп. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2024. Ст. 1.

6. Заключение Российского союза промышленников и предпринимателей на проект федерального закона «Об экологическом аудите и экологической аудиторской деятельности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Российский союз промышленников и предпринимателей. 2024. Режим доступа: <https://media.rspp.ru/document/1/8/6/86a35155b3ddd0145eb4049623dec2a4.pdf>. – Дата доступа : 01.04.2024; *Кванина В.В.* Указ. соч.; Проект ФЗ «Об экологическом аудите, экологической аудиторской деятельности...» / Национальная экологическая аудиторская Палата. – 2023. – Режим доступа: https://ecopalata.ru/?page_id=2959. Дата доступа: 01.04.2024.

7. Об экологическом аудите [Электронный ресурс] : Закон Республики Узбекистан, 15 марта 2021 г., № ЗРУ-678 // [LexUzon-line](https://lex.uz/docs/5331135). 2024. Режим доступа: <https://lex.uz/docs/5331135>. – Дата доступа: 01.04.2024. Ст. 8; Об экологическом аудите [Электронный ресурс] : Закон Туркменистана от 2 марта 2019 г. // [On-line zakon kz](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37771845&pos=5;-106#pos=5;-106). – 2024. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37771845&pos=5;-106#pos=5;-106. – Дата доступа: 01.04.2024. Ст. 18.

8. Модельный закон об экологическом аудите [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств, 29 нояб. 2013 г. N 39-5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. Ст. 5; 8; Модельный экологический кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств 16 нояб. 2006 г. № 27-8. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902050869>. Дата доступа: 01.04.2024. Ст. 52.

9. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024. Ст. 38, 97; Положение о порядке проведения экологического аудита [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 26 мая 2016 г., N 412: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024; *Мороз О.В.* Правовые основания проведения обязательного экологического аудита в Республике Беларусь / О.В. Мороз // Вестник ГрГУ им. Янки Купалы. Серия 4. Том 13, Правоведение. 2023. № 3. С. 78-85.

10. Об экологическом аудите [Электронный ресурс]: Закон Республики Узбекистан, 15 марта 2021 г., № ЗРУ-678 // LexUzon-line. 2024. Режим доступа: <https://lex.uz/docs/5331135>. Дата доступа: 01.04.2024. Ст. 1,7,8,17.

11. Экологический кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: Кодекс Респ. Казахстан, 9 янв. 2007 г., № 212-III [утратил силу]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593. Дата доступа: 01.04.2024. Ст. 81-86, 93.

12. Модельный закон об экологическом аудите [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств, 29 нояб. 2013 г. N 39-5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024 . Ст. 5,8, 16-26; Модельный экологический кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств 16 нояб. 2006 г. № 27-8. Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/902050869>. Дата доступа : 01.04.2024. Ст. 52.

А.Н. Мурашкинцева
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
SPIN-код 4153-1832

A.N. Murashkintseva
Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ON THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF THE OF THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF THE MODERN RUSSIAN STATE

Рассматривается структура механизма современного российского государства. Элементы структуры механизма государства автор выделил на основе конституционных принципов федерализма и разделения властей. Сделан вывод о необходимости систематизации всех наделенных публичными полномочиями субъектов, проведении ревизии их качественного и количественного состава.

Ключевые слова: *механизм государства, структура механизма государства, принцип разделения властей, ветви власти, единая система публичной власти.*

The article examines the structure of the public administration system of the modern Russian state. The author identified elements of the structure of the administration system of the state on the basis of the constitutional principles of federalism and separation of powers. It is concluded that it is necessary to systematize all subjects vested with public powers and to conduct an audit of their qualitative and quantitative composition.

Keywords: *the public administration system of the state, the structure of the public administration system of the state, principle of separation of powers, branches of power, unified system of public authority.*

В практике государственного строительства России в последние годы всё более отчетливо прослеживается тенденция к усилению вертикали власти. Указанное иллюстрирует не только практически сложившиеся отношения между органами власти различных уровней, но и последние конституционные изменения (ч. 3 ст. 132, ч. 1 ст. 110 и др.).

Вместе с тем непомерное разрастание числа субъектов, наделенных публично-властными полномочиями, влечет фактическое размывание границ механизма государства, особенно в контексте выстраивания единой системы публичной власти. Система подразумевает четкое определение границ, принципов взаимосвязи входящих в неё элементов, чего в настоящий момент, к большому сожалению, не усматривается. Без полного,

системно оформленного представления об устройстве государства невозможно грамотно управлять общественными процессами. В этой связи рассмотрение фактически сложившейся на сегодняшний день структуры механизма государства представляется актуальным.

Надо сказать, что научные представления о механизме государства и его структурных элементах менялись сообразно особенностям государственного устройства определенного этапа: от полного отождествления механизма государства и государственного аппарата в советский период и до современных представлений о механизме государства как системе «государственных органов, функционирование которых основано на законодательно закрепленном принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, располагающих необходимыми «вещественными» (материальными) придатками, а также государственных учреждений и организаций, посредством деятельности которых осуществляются задачи и функции государства» [1].

Всестороннее исследование механизма государства должно основываться на структурно-функциональном подходе, т. е. на изучении роли и места образующих механизм государства элементов в сочетании с выполняемыми ими государственными функциями.

Все входящие в структуру механизма государства элементы образуют единую систему. Единство проявляется в разграничении предметов ведения и полномочий между органами власти федеральными, региональными и муниципальными. При этом органы всех уровней подчинены единой государственной политике, находятся во взаимодействии и взаимозависимости. Организационно одни органы назначаются (избираются) другими, подконтрольны (подотчетны) им.

Поскольку круг субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями, весьма обширен, целесообразно рассматривать структуру механизма государства, сгруппировав элементы по ключевым критериям:

- по уровню власти;
- в разрезе основных функций уполномоченных органов.

Конституционно закреплено деление органов власти в государстве «по вертикали», проистекающее из сути федерализма или по смыслу последних конституционных изменений – по уровням публичной власти – разграничение полномочий между федерацией, субъектами, а также муниципальным уровнем власти.

Рассматривая структуру механизма государства исходя из принципов федерализма, важно отметить, что органы власти одного вида, в свою очередь, также образуют системы органов. Согласно положениям Конституции РФ (ст. 77) в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов

Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации.

Что касается органов представительной власти разного уровня, то они единую подсистему не формируют, однако выстроена эффективная система взаимодействия, основанная на взаимной экспертной оценке законопроектов федеральными и региональными органами законодательной власти и советами народных депутатов муниципальных образований.

Единую подсистему формируют также органы судебной власти. Судебная власть «осуществляется специально созданными органами – судами, которые составляют единую судебную систему, на основе и строго в соответствии с процессуальным законом; выполнение требований суда и исполнение его решений обеспечивается силой государства; в осуществлении правосудия принимают участие представители народа» [2].

В этой связи особо хотелось бы выделить органы конституционной юстиции. До недавнего времени помимо Конституционного суда РФ в ряде регионов России осуществляли свою деятельность конституционные (уставные) суды, основной целью деятельности которых было обеспечение верховенства и правовой охраны конституций и уставов субъектов РФ. Единую систему с Конституционным судом РФ субъектовые конституционные (уставные) суды до момента своего упразднения не формировали. На сегодняшний день альтернативой конституционному суду на уровне субъекта РФ может быть создан конституционный (уставной) совет при представительном органе региона. Однако решения такого совета будут носить исключительно рекомендательный характер.

Классически в основу деления властной организации общества заложен принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции РФ и провозглашающий разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Предполагается самостоятельность органов, относящихся к различным ветвям власти, а также реализация классического механизма сдержек и противовесов с целью недопущения злоупотребления властью и преобладания какой-либо ветви власти над остальными.

Принцип разделения властей, несмотря на кажущуюся декларативность, является системообразующим в вопросе организации и функционирования механизма государства. Вне всякого сомнения, органы, наделенные государственно-властными полномочиями, выстраиваются в систему (хотя зачастую весьма условно) сообразно делению на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Здесь важен сам механизм такого деления, служащий в том числе ориентиром для упорядочивания системы органов власти в государстве.

Согласно ст. 10 Конституции, государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Основной массив государственных органов можно разделить поэтому принципу, однако есть субъекты, наделенные властными полномочиями, но не вписывающиеся в эту классификацию. К таковым, например, можно отнести Президента РФ, органы прокуратуры, ЦИК РФ, Счетную палату РФ, Банк России и др.

По этой причине в конституционно-правовой доктрине справедливо ведутся многочисленные дискуссии об обоснованности выделения всего лишь трех ветвей власти, многими правоведами дополнительно выделяются и другие ветви. Так, к примеру, С.А. Авакьян, анализируя принцип разделения властей, задается вопросом: «Не пора ли от трехзвенного разделения властей перейти где-то к семизвенному, обозначив как отдельные ветви власти не только президентскую власть, но и прокурорскую, банковскую, избирательную и, может быть, ещё какие-то ветви власти» [3]. Данная точка зрения вполне соответствует конституционно-правовой действительности и объективно отражает отнесение органов, входящих в механизм современного российского государства, к более чем трем, классически установленным ветвям власти в государстве.

Как уже было отмечено выше, долгое время механизм государства отождествлялся с государственным аппаратом. Наибольшее распространение данная точка зрения получила в советской юридической науке, но и сегодня встречаются аналогичные воззрения. Вместе с тем во второй половине XX в. начинают появляться новые подходы к пониманию государственного механизма. Ряд правоведов этого периода полагает, что механизм государства – понятие более широкое, нежели государственный аппарат. Сторонники данной точки зрения считают государственный аппарат всего лишь одним из элементов государственного механизма.

Согласно информации Большой российской энциклопедии, государственный аппарат (англ. *themachineryofgovernment* – аппарат государства) – действующая иерархическая система государственных органов и должностных лиц, практически осуществляющих государственную власть, задачи и функции государства [4].

Вернемся к положениям Конституции России, а именно к ст. 11: государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации, государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти.

Совершенно очевидно, что приведенный перечень не отражает реального положения дел. Вне всякого сомнения, к числу носителей публичной власти относятся и другие субъекты, как поименованные, так и непоименованные в Конституции России.

Так, принятыми в результате конституционной реформы поправками в действующее законодательство в единую систему публичной власти в России

стали входить органы местного самоуправления наравне с федеральными и региональными органами государственной власти (ч. 1.1. ст. 131, ч. 3 ст. 132 Конституции РФ).

К слову, задолго до принятия Закона о поправке в Конституцию Конституционный Суд РФ не единожды отмечал в своих постановлениях, что публичная власть включает в себя не только власть государственную, но и власть местного самоуправления (См. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П).

С точки зрения действующего законодательства органы государственной власти и органы местного самоуправления не находятся в отношениях власти и подчинения. Вместе с тем деятельность всех муниципалитетов России подчинена единой государственной политике. Ежегодно на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления глава государства дает поручения Правительству РФ, Администрации Президента РФ, Генеральной прокуратуре, высшим должностным лицам субъектов РФ и др. Контролируют исполнение указанных поручений в регионах полномочные представители Президента РФ в федеральных округах. При этом несмотря на то, что запросы полпредов в основном направляются на высших должностных лиц субъектов и созданные в регионах Советы муниципальных образований, первичным источником информации, а если сказать откровеннее – подотчетным лицом являются, конечно, органы местного самоуправления.

Стало быть, местное самоуправление, встроенное сегодня в единую систему публичной власти, стало бесспорным элементом механизма Российского государства.

Анализируя действующее российское законодательство, мы также можем обнаружить среди субъектов, осуществляющих публичные функции государства, особый вид юридических лиц – так называемые юридические лица публичного права. Подобные юридические лица создаются в различных организационно-правовых формах для решения особо важных задач государства, для удовлетворения общественных интересов, т. е. фактически они действуют в интересах государства. К таковым относятся акционерные общества со стопроцентным участием государства, некоторые некоммерческие организации, государственные и муниципальные учреждения, государственные и муниципальные унитарные предприятия, государственные компании и корпорации, а также публично-правовые компании.

Таким образом, структура механизма современного российского государства представлена многочисленными публично-властными субъектами. Массив нормативного правового регулирования их деятельности огромен, не систематизирован и сложен для восприятия, отсутствует системный подход законодателя к данному институту, налицо

фактическое размывание границ механизма государства. Назрела необходимость систематизировать все наделенные публичными полномочиями субъекты, провести ревизию их качественного и количественного состава. Указанное будет способствовать не только более четкому распределению публично-властных функций, позволит отрегулировать систему контроля за деятельностью всех субъектов, наделенных властными полномочиями, но и в конечном итоге позволит улучшить качество жизни в России.

-
1. *Мамина О.И.* О месте и роли органов правосудия в механизме государственной власти // Российская юстиция. 2007. № 3. С. 54–56.
 2. *Фоков А.П.* Судебная власть в системе разделения властей // Российский судья. 2009. № 11. С. 2 – 3.
 3. *Авакьян С.А.* Политические отношения и конституционное регулирование в современной России: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2003. №11.
 4. Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/gosudarstvennyi-apparat-bdb5e7> (дата обращения: 28.03.2024).

УДК 343.97

Е.В. Никульченкова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 8053-5439

E.V. Nikulchenkova

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky
(Omsk, Russia)

ПРИЧИННОСТНЫЕ ФАКТОРЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

CAUSAL FACTORS OF CYBERCRIME

Детерминированный комплекс причин и условий, способствующих совершению преступлений с использованием информационных технологий, является актуальным в связи с ежегодным ростом указанных преступлений в России. Зная причины и условия, можно работать над их устранением. В статье обосновываются причины киберпреступности и предложения по борьбе с ними.

Ключевые слова: киберпреступность, детерминанты, причины, меры борьбы, киберпреступление, информационные технологии, статистика киберпреступности.

A deterministic set of causes and conditions that contribute to the commission of crimes using information technology is relevant due to the annual increase in these crimes in Russia.

Knowing the causes and conditions, you can work to eliminate them. The article substantiates the causes of cybercrime and proposals to combat them.

Keywords: *cybercrime, determinants, causes, control measures, cybercrime, information technology, cybercrime statistics.*

Эпоха цифровизации, интеллектуального разума, интернет-технологий нового поколения современного общества стали непосредственной частью нашей жизни, благодаря чему мы ускоряемся в выполнении рабочих операций, мыслительных процессов, обработки информации, принятии решений и в целом нашей жизни.

Одновременно с новыми технологиями, которые, безусловно, прогрессивно улучшили жизнь в современном мире, позволили общаться в безвременных рамках виртуально с любым уголком планеты, вопросы безопасности использования таких технологий, правовые аспекты регулирования правоотношений с использованием информационных технологий и их влияние на будущую жизнь в обществе вызывает много вопросов и обращает на себя внимание многих исследователей.

Особенно актуальными становятся проблемы роста киберпреступлений (преступлений с использованием IT-технологий) и возможности общества и государства им противостоять.

Некоторые исследователи определяют киберпреступность как совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве (информационном пространстве) с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных [1].

В настоящее время киберпреступность вышла на профессиональный уровень, стала изощренной и превратилась в огромный бизнес, а её объемы стали масштабны [2].

Статистические показатели преступности по данным ГИАЦ МВД России за 2023 г. показали, что было зарегистрировано 676 951 преступление с использованием информационных технологий. Прирост по сравнению с прошлым годом составил 29,7 %, из них раскрыто менее 30 %. Для сравнения, за период 2022 г. было зарегистрировано 470 143 указанных преступлений, из которых раскрыто 128 417, т. е. около 27 %, что не может не вызывать тревогу [3].

По нашему мнению, низкая раскрываемость киберпреступлений обусловлена во многом невозможностью установления субъекта преступления; потерпевшего (которые либо не обращаются в правоохранительные органы, либо не подозревают, что стали объектом преступления); использованием несуществующих IP-адресов, а также трансграничным характером таких преступлений.

Нераскрытая преступность, так же как и латентная, является весьма опасным явлением ввиду её накопительного эффекта. В дальнейшем она становится криминогенным фактором, стимулирует продолжение преступной деятельности и безнаказанности [4].

Значительная часть киберпреступлений является латентными. Зарубежные исследователи отмечают, что преступления, связанные с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации, характеризуются высокой степенью латентности и достигают 80–85 % [5].

Анализ причинности явлений и факторов, порождающих преступления того или иного вида, является важным для выявления полной криминологической картины преступности, с помощью которой можно выработать адекватные меры противодействия.

При установлении комплекса причинности проявления и совершения тех или иных преступлений исследователи используют разную терминологию: причины и условия совершения преступлений, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, криминогенные факторы, детерминанты преступления.

Детерминантами преступности являются проявления криминогенного характера, порождающие преступления и создающие благоприятные условия для выполнения преступного замысла [6].

Детерминанты всегда выступают в комплексе различных причин и условий, факторов и обстоятельств, личности преступника, его мотивации и психологического состояния, виктимологических предпосылок поведения потерпевшего и др.

Киберпреступность можно охарактеризовать как криминальное антисоциальное явление, возникающее в результате применения информационных технологий, продуктов искусственного разума, IT-технологий для совершения преступлений. Характерными особенностями киберпреступлений, которые значимо отличают их от иных преступных деяний, являются высокая технологичность использования IT-технологий, интернет-пространства, компьютерной техники, мобильных гаджетов; обладание специальными познаниями в области информационных технологий; высокая латентность, скрытый характер, во многом транснациональный масштаб совершения преступлений.

Одной из детерминант киберпреступности является недостаточная, а порой и низкая компьютерная грамотность пользователей сети Интернет, несоблюдение правил безопасной работы в интернет-пространстве и мобильных гаджетов.

Мотивы и цели у киберпреступников самые различные – корыстные и некорыстные, политические и религиозные, диверсионные и экстремистские и масса других.

Современные средства защиты от вредоносных атак и спама в большинстве случаев не работают на опережение. Как правило, методы защиты разрабатываются после совершённых киберпреступлений, что указывает на отставание технологий современной защиты, вследствие чего риск повторного совершения преступлений остается высоким.

Опасным фактором является совершение киберпреступлений несовершеннолетними. Молодые люди способны очень быстро адаптироваться к новым знаниям в сфере информационных технологий, но не всегда правильно их используют, а зачастую и целенаправленно овладеют такими знаниями для совершения противоправных деяний.

Увеличение количества несовершеннолетних киберпреступников объясняется многими факторами. Ими движет интерес, азарт, правовой нигилизм, легкие средства наживы, а также понимание того, что в интернет-пространстве несовершеннолетний остается неузнанным и во многих случаях неуязвимым.

Таким образом, можно заключить, что сегодня мы имеем новый вид преступности – киберпреступность, детерминантами которой выступают различные объективные и субъективные факторы, развитие информационного прогресса, совершенствование способов совершения преступлений, недостаточная правовая грамотность населения в сфере безопасного использования компьютерных программ, сети Интернет и мобильных банков, отсутствие эффективных механизмов борьбы с новыми видами преступлений в сфере информационных технологий.

Дальнейшее развитие информационных технологий и переход жизни на цифровые отношения в будущем неизбежны. Соответственно, киберпреступления будут совершенствоваться и увеличиваться. Поэтому государству необходимо серьезно отнестись к киберугрозам, выработать эффективные методы своевременного выявления, пресечения таких преступных деяний и обеспечить безопасность граждан, общества и государства в информационном пространстве.

Полагаем, эффективными мерами противодействия киберпреступлениям будут являться следующие.

1. Разработка более эффективных средств и методов защиты от киберпреступлений специалистами сферы IT-технологий и систематическое их совершенствование.

2. Систематическое проведение криминологического мониторинга киберпреступности и немедленная выработка предложений по их предупреждению.

3. Осуществление постоянной работы с населением и несовершеннолетними в целях повышения правовой культуры и грамотности в сфере безопасного использования интернет-технологий и ответственности за совершение киберпреступлений.

4. Совершенствование норм Уголовного кодекса РФ в части терминологии (введение понятия «киберпреступление») и расширения составов преступлений в сфере киберпреступности.

5. Подготовка высококвалифицированных специалистов для выявления и расследования киберпреступлений.

1. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 46.

2. Lewis, James. Economic Impact of Cybercrime. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/economic-impact-cybercrime> (дата обращения: 15.01.2024).

3. Состояние преступности в России за 2022, 2023 гг. МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Официальный сайт МВД России. Электронный ресурс: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/34307225/> (дата обращения: 24.02.2024).

4. Клеймёнов М.П. Нераскрытая и латентная преступность: различия и сходство // Правоприменение. 2017. Т 1. № 1. С. 107.

5. Ki Hong (Steve) Chon. Cybercrime Precursors: Towards a Model of Offender Resources // The Australian National University Journal. 2018. № 1. P. 67.

6. Клеймёнов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2018. 107 с.

К.А. Пономарева

Научно-исследовательский финансовый институт Министерства
финансов Российской Федерации
(Москва, Россия)
SPIN-код 2771-8666

K.A. Ponomareva,

Financial Research Institute
(Moscow, Russia)

НОВЫЕ ПРАВИЛА МЕЖДУНАРОДНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ С ПОЗИЦИИ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА⁵

NEW RULES OF INTERNATIONAL TAXATION FROM THE PERSPECTIVE OF THE TAX SECURITY OF THE STATE⁶

Необходимость обеспечения соблюдения фискальных интересов государства требует трансформации существенных подходов к регулированию налоговых отношений. В статье проведен анализ проектов ОЭСР и ООН по реформированию правил налогообложения международных групп компаний. Проекты международных организаций рассматриваются как ответы на вызовы уклонения от налогообложения, а также на вызовы цифровой экономики.

Ключевые слова: налоговая безопасность, налоговое право, новые вызовы, международное налогообложение, налогообложение цифровой экономики.

The need to ensure compliance with the fiscal interests of the state requires the transformation of essential approaches to regulating tax relations. The article analyzes the projects of the OECD and the United Nations on reforming the taxation rules of international groups of companies. The projects of international organizations are considered as answers to the challenges of tax evasion, as well as to the challenges of the digital economy.

Keywords: tax security, tax law, new challenges, international taxation, taxation of the digital economy

Необходимость обеспечения соблюдения фискальных интересов государства требует трансформации существенных подходов к регулированию налоговых отношений. Кризисные явления в экономике, будь то мировой финансовый кризис, борьба с последствиями пандемии или санкции, вызывают повсеместное сокращение налоговых поступлений. В то

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>

⁶ The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10160, <https://rscf.ru/project/23-78-10160/>

же время подобные явления рассматриваются как угрозы экономической и, в частности, налоговой безопасности.

Российская экономика, преодолев последствия распространения пандемии, столкнулась с новыми вызовами, включая уход ряда иностранных компаний с российского рынка, проблемы с экспортом российской продукции и импортом определенных товаров в Россию, нарушение логистических цепочек и кооперационных связей, введение санкций по отношению к банковскому сектору, волатильность на рынке ценных бумаг.

В то же время меры поддержки различных секторов российской экономики в 2022–2023 гг. были беспрецедентными: нулевые ставки по отдельным видам налогов, отсрочки и рассрочки по уплате налогов и страховых взносов, ограничения государственного и муниципального контроля, изменения в валютной, банковской, страховой и других сферах.

Реализация названных мер позволяет говорить о том, что российская экономика успешно справляется с новыми вызовами. В связи с этим представляется актуальным возвращаться к задачам, которые стоят перед государством с точки зрения как национального, так и международного налогообложения, однако в преломлении современной геополитической и экономической ситуаций. Одной из таких сфер, которую и предлагается рассмотреть в настоящей статье, является международное налогообложение, в частности, меры по борьбе с налоговыми злоупотреблениями со стороны международных групп компаний (далее – МГК), а также выработке международного консенсуса по вопросам налогообложения. Эти вопросы важны для Российской Федерации в контексте защиты национальной фискальной базы.

К.А. Пономарева и К.В. Маслов отмечают «большую значимость международных договоров для противодействия внешним угрозам» [1]. Такие вызовы, как уклонение МГК от налогообложения и вопросы налогообложения цифровой экономики, хотя возникли не в последние два года, а гораздо раньше, являются весьма актуальными. За этими вызовами следуют многочисленные акты международных организаций, а также односторонние законодательные меры отдельных государств. Кроме того, в ходе разработки подходов международных организаций к налогообложению МГК круг адресатов разрабатываемых норм уже давно расширился с цифровых компаний до самого широкого круга компаний.

По отдельным вопросам налогообложения цифровой экономики Организацией экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) выпущены основополагающие документы. В центре внимания находится двухкомпонентный подход к налоговым проблемам, возникающим в связи с цифровизацией экономики [2]. Отдельные документы этой программы находятся на разных стадиях согласования. Pillar 1 (первый компонент ОЭСР) предполагает введение нового механизма распределения прибыли. Pillar 2 (второй компонент ОЭСР) направлен на то, чтобы крупные МГК с мировым

доходом от 750 млн евро платили налог на прибыль по ставке 15 % независимо оттого, где расположена их штаб-квартира или в каких юрисдикциях они работают [3].

Однако проект ОЭСР вызывает множество вопросов. Например, традиционно возникает вопрос о влиянии второго компонента ОЭСР на развивающиеся страны. С одной стороны, если развивающаяся страна облагает доход налогом по низкой ставке, то страна резиденства подвергнет этот доход налогообложению до минимальной ставки. Таким образом, инициатива ОЭСР снижает способность развивающейся страны конкурировать за прямые иностранные инвестиции благодаря низким налоговым ставкам [4].

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) также занимается вопросами двойного налогообложения и концентрируется на вопросах налогообложения между развитыми и развивающимися странами. Типовая конвенция ООН [5] отличается от Модельной конвенции ОЭСР тем, что в её основу заложен компромисс между принципом источника и принципом резидентства и придается большее значение принципу источника в целях обеспечения соблюдения интересов развивающихся стран.

ООН также начала разработку мер по регулированию международного сотрудничества по налоговым вопросам. 30 декабря 2022 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция «Содействие инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в области налогообложения в Организации Объединенных Наций» [6], в котором выражено мнение ООН о важности полной инклюзивности для международного налогового режима и намерение взять на себя ведущую роль в вопросах международного сотрудничества по налоговым вопросам. Основная цель этой инициативы ООН – упростить глобальные налоговые правила в интересах развивающихся стран.

Важно обеспечить консенсус на международной арене по налоговым вопросам. В этой связи нельзя не отметить сложность проекта ОЭСР. Помимо сложности, pillar 2 включает присущий ему уклон в пользу развитых стран, которые могут предоставлять налоговые льготы, которые по форме будут удовлетворять правилам pillar 2, и стран с гибкими налоговыми режимами, которые могут быстро принять изменения в законодательство и внедрить правила pillar 2.

Однако инициатива ООН не должна рассматриваться как замена проектов ОЭСР и не требует отмены достижений существующего международного налогового режима. Двухкомпонентный подход ОЭСР мог бы быть существенно модифицирован с учетом инициатив ООН.

Рассуждая на тему того, является ли целесообразным внедрение Pillar 2 в том или ином государстве, можно сказать, что это зависит от особенностей страны, а также от внедрения компонента другими странами. Только в том случае, если критическая масса стран, участвующих в

Инклюзивной структуре BEPS, примет правила GloBE, влияние pillar 2 действительно окажется глобальным.

Таким образом, в текущей международной обстановке необходимо длительное наблюдение за тем, как международные налоговые правила внедряются разными странами. России нужно максимально быть нацеленной на защиту своих фискальных интересов. Российская Федерация в настоящее время не участвует в проектах ОЭСР. Однако важно изучить и проанализировать проекты как ОЭСР, так и ООН, чтобы понять, какие практики могут быть определены как наилучшие, и принять решение о том, следует ли внедрять международные меры в российские двусторонние налоговые соглашения или в национальное законодательство.

1. Пономарева К.А., Маслов К.В. Понятие и классификация форм правового обеспечения налоговой безопасности государства // *Налоги*. 2024. № 1. С. 41–42.

2. Statement on a Two-Pillar Solution to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy. OECD, 8 October 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/statement-on-a-two-pillar-solution-to-address-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-october-2021.pdf> (дата обращения 05.03.2024).

3. Пономарева К.А. Новые правила распределения прибыли и проект BEPS 2.0 // *Налоговед.* 2022. № 2. С. 23–33.

4. Милоголов Н.С., Мелкова Е.В., Берберов А.Б. Трансформация правовых и экономических последствий применения международных налоговых соглашений в условиях становления цифровой экономики <https://ssrn.com/abstract=3860265>

5. United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries: 2017 Update, UN, New York // URL: <https://doi.org/10.18356/cc8f6035-en> (дата обращения: 05.03.2024).

6. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 30 декабря 2022 года [по докладу Второго комитета (A/77/441, пункт 16)] 77/244. Содействие инклюзивному и эффективному международному сотрудничеству в области налогообложения в Организации Объединенных Наций // <https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2023-04/A%20RES%2077-244%20Russian.pdf>

Н.И. Ревенко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код: 7710-0834

N.I. Revenko

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky
(Omsk, Russia)

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ
ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ,
СОВЕРШЁННОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE IDENTITY OF THE
VICTIM IN CASES OF FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND
TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Рассмотрена криминалистическая характеристика личности потерпевшего по делам о мошенничестве, совершённом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Проведенный анализ данной категории преступлений позволил выделить две типичные группы жертв, которые соотносятся со способами и механизмом реализации преступного замысла мошенниками.

Ключевые слова: *мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, потерпевший, криминалистическая характеристика, типичные группы жертв.*

The article examines the criminalistic characteristics of the identity of the victim in cases of fraud committed using information and telecommunication technologies. The analysis of this category of crimes made it possible to identify two typical groups of victims, which correspond to the methods and mechanism of the implementation of the criminal intent by fraudsters.

Keywords: *fraud, information and telecommunication technologies, victim, forensic characteristics, typical victim groups.*

С начала 2024 г. правоохранительными органами зарегистрировано 2500 хищений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Рост числа данной категории преступлений обусловлен анонимностью информационно-коммуникационной среды; относительно простым и быстрым способом обогащения; возможностью похитить не только денежные средства, которыми непосредственно располагает потерпевший, но и привлеченные кредитные денежные средства. Отличительной особенностью мошенничеств, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является их многообразие и появление

новых способов реализации преступного замысла. Актуальным является вопрос о выработке мер реагирования на новые виды преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как наиболее распространенных в настоящее время.

Эффективному предупреждению и расследованию данной категории преступлений способствует получение данных о типичных особенностях личности потерпевшего, которые позволят следователю определиться с обстоятельствами и механизмом совершённого преступления; следами преступления, оставленными от взаимодействия жертвы и преступника, получить представление о личности преступника, его индивидуальных особенностях; установить роль потерпевшего в механизме совершения преступления.

Справедливо отмечает Р.Х. Кушхов: «Обнаружение и исследование особенностей и свойств личности потерпевшего от преступлений, а также его поведения в окружающем мире позволяют разобраться во многих обстоятельствах преступления, таких как причины совершения преступных посягательств, целенаправленность и мотивы поведения преступника, его внутренние качества [1]». В самом общем виде можно выделить две совокупности личностных черт жертв мошенников. Первую категорию можно условно назвать «доверчивыми», а вторую – «алчными».

Относительно первой группы жертв мошенников анализ практики свидетельствует, что на контакт с мошенником чаще идут люди, обладающие эмоциональной отзывчивостью, доверчивостью, повышенной тревожностью, склонных к импульсивным необдуманным действиям, характеризующиеся низкой критичностью к воспринимаемой информации. В настоящее время для быстрого вхождения в доверие мошенники начали активно использовать механизм отправки сообщений в мессенджерах от имени руководителя организации, подразделения, в котором работает предполагаемая жертва мошенников. Используются аккаунты-клоны с фотографией руководителя, что вызывает у потенциальной жертвы доверие к якобы известному источнику информации, а также понижается критичность к происходящему, так как задача ставится непосредственным работодателем.

Р.А. Макаров, рассматривая личность пострадавшего при совершении мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выделяет два элемента подготовки жертвы к совершению в отношении неё преступления. Первый элемент автор обозначает как вхождение в доверие, где преступник, сострадая, сочувствуя, пугая, воздействует на эмоции потерпевшего. Его задача убедить жертву в своей порядочности, искреннем желании помочь. Второй элемент, по мнению автора, это решение проблемы. Преступник убеждает жертву в необходимости срочно осуществить определенные действия. Пострадавший действует по указаниям преступника, находясь в легком трансе, и только

после того, как он выполнит все указанные ему действия происходит восприятие и осознание происшедшего [2].

Так, например, согласно показаниям потерпевшего по уголовному делу, находившегося в производстве СЧ по РОПД СУ УМВД России по Омской области, мошенники оказывали на него психологическое давление, в частности, полностью контролировали его действия, дали указание потерпевшему отчитываться о всех совершённых им финансовых операциях, постоянно поддерживали с ним связь путем звонков и сообщений в мессенджере «WhatsApp». Кроме того, с целью предотвращения разоблачения, выдавая себя за сотрудника правоохранительного органа, запретили потерпевшему сообщать кому-либо из родных о беседах с ними под угрозой привлечения к уголовной ответственности за разглашение тайны следствия. А также инструктировали, как потерпевшему стоит себя вести в банках, к примеру, сообщили, что сотрудники банков «заодно с мошенниками», по причине чего им ни в коем случае нельзя сообщать, с какой целью он оформляет кредиты, а лучше назвать предлог покупки жилья.

Второй группе жертв мошенников, которую условно можно назвать «алчными», свойственны такие черты, как склонности к риску, жажда получения быстрой и легкой прибыли, низкая критичность мышления, склонность к импульсивным необдуманным действиям. В данном случае мошенники используют способы, направленные на завладение имуществом жертвы, опираясь на её стремление к получению быстрого и легкого заработка. Один из таких способов – привлечение жертвы к участию в лотерее с крупным выигрышем, однако, чтобы его получить, нужно оплатить налог или комиссию. Другой способ заключается в том, что жертве звонят от имени правоохранительных органов и разъясняют ей право вернуть деньги, например, за некачественные лекарства. Этот же механизм действий используют для того, чтобы убедить потерпевшего в его праве на социальные выплаты, но для их получения нужно перевести определенный процент от суммы выплаты на конкретный счет мошенника. Например, с заявлением о мошеннических действиях в отдел полиции обратилась 27-летняя жительница г. Омска. Как было установлено, что в одном из популярных мессенджеров женщина обратила внимание на страницу пользователя с заманчивым ником «Николай раздает миллион». Посты, содержащие скриншоты перечисленных на банковские счета счастливых денежных средств, подтверждали обещания администратора страницы поделить деньгами буквально с каждым желающим. Некоторое время потерпевшая состояла в сообществе, в какой-то момент и ей пришло радостное известие: администратор сообщил, что она стала обладательницей 150 000 рублей. Чтобы получить выигрыш, достаточно оплатить комиссию за перевод: сначала 2 000 рублей, затем, в связи с возникшими трудностями перевода, ещё 1 000 рублей, затем ещё три раза

по 3 000 – 3 500 рублей. После того, как размер «комиссий и налогов» составил 13 300 рублей, женщина поняла, что её обманывают, и обратилась в полицию.

Выделенные в настоящей работе две категории потенциальных жертв мошенничеств, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является достаточно условным, поскольку в большинстве случаев лицам, пострадавшим от мошенников, свойственны черты, характерные как для первой, так и для второй группы. Тем не менее в зависимости от реализованного преступником механизма преступления ведущими оказываются черты, характеризующие доверчивость человека либо его стремление к получению быстрого и легкого заработка.

Исходя из изложенного очевидно, что при совершении мошенничеств с применением информационно-телекоммуникационных технологий на первое место выходит эмоциональная сфера и личностные свойства потенциальной жертвы. Данные о личности потерпевшего и поведении мошенника позволят следователю получить более полное представление об обстоятельствах и механизмах совершённого преступления.

В механизме мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, основополагающим условием является вхождение преступника в доверие к потерпевшему. Мошенники придумывают новые способы достижения данной цели. Одним из последних новых механизмов является обращение к потенциальной жертве от лица руководителя. В этой связи правоохранительная система должна оперативно реагировать на новые способы совершения рассматриваемой категории преступлений. Информационная работа с населением позволит нивелировать эффект от «новаций», разрабатываемых мошенниками для вхождения в доверие к людям и совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

1. *Кушхов Р.Х.* Потерпевший как элемент криминалистической характеристики преступлений // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 95.

2. *Макаров Р.А.* Личность пострадавшего как элемент криминалистической характеристики хищений, совершенных дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Закон и право. 2021. № 11. С. 232-236.

Т.В. Рехачева

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 6902-300

T.V. Rekhacheva

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

**ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО
НИГИЛИЗМА В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО
МЕХАНИЗМА**

**THE FORMS AND METHODS OF OVERCOMING THE
CONSTITUTIONAL NIHILISM WITHIN THE FRAMEWORK OF THE
ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISM**

Посвящена описанию форм и методов преодоления конституционного нигилизма в Российской Федерации в рамках организационно-правового механизма преодоления конституционного нигилизма.

Ключевые слова: конституционный нигилизм, формы преодоления конституционного нигилизма, форма предотвращения конституционного нигилизма, форма ликвидации последствий конституционного нигилизма, организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма, методы преодоления конституционного нигилизма

The article is devoted to the description of forms and methods of overcoming constitutional nihilism in the Russian Federation within the framework of the organizational and legal mechanism of overcoming constitutional nihilism.

Keywords: constitutional nihilism, form of overcoming constitutional nihilism, form of prevention of constitutional nihilism, form of elimination of consequences of constitutional nihilism, organizational and legal mechanism of overcoming constitutional nihilism, methods of overcoming constitutional nihilism

Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма – это система юридических форм и методов отстаивания интересов государства в области конституционного права посредством функционирования государственного аппарата [1].

Структурно организационно-правовой механизм складывается из четырех обязательных элементов: нормативного, субъектного, организационного и инструментального. Нормативный элемент состоит из конституционных императивов, конституционных гарантий и конституционных санкций, субъектный элемент – из органов публичной власти и должностных лиц, сгруппированных должным образом,

организационный элемент – из вертикальных и горизонтальных связей между субъектами [2].

Инструментальный элемент подразумевает совокупность форм и методов преодоления конституционного нигилизма, которыми могут пользоваться органы публичной власти и должностные лица.

Конституционный нигилизм – это деформация конституционного правосознания должностных лиц, государственных и муниципальных служащих и граждан, характеризующаяся сознательным отрицанием или игнорированием конституционных ценностей [3].

В ходе проведенного исследования было принято решение о разделении методов преодоления конституционного нигилизма на три формы:

1-я форма – предотвращения конституционного нигилизма, которая применяется до его массового проявления и используется для профилактики конституционного нигилизма на территории отдельного субъекта или всей страны.

Методы присущие этой форме:

- метод прогнозирования распространения конституционного нигилизма;
- метод кадрового обеспечения государственной и муниципальной службы;
- метод соблюдения конституционных норм;
- метод исполнения конституционных норм.

Например, межведомственная комиссия по общественной безопасности Совета Безопасности Российской Федерации может и должна ежегодно осуществлять анализ и оценку угроз проявления конституционного нигилизма. Так реализуется метод прогнозирования распространения конституционного нигилизма.

2-я форма преодоления конституционного нигилизма является основной и используется, когда конституционный нигилизм уже существенно влияет на работу государственных и муниципальных служащих для пресечения дальнейшего распространения конституционного нигилизма и устранения текущих последствий.

Методами данной формы можно назвать:

- метод внутриаппаратной работы в государственных и муниципальных органах;
- метод нормативов (соблюдение заданных количественных показателей или их уменьшение);
- метод информационного обслуживания деятельности государственных и муниципальных органов;
- метод информирования граждан об изменении конституционного законодательства;

- метод совершения юридически значимых действий;
- метод контрольно-надзорной деятельности;
- метод повышения квалификации государственных и муниципальных служащих;
- метод анализа и систематизации статистических данных о привлечении к ответственности должностных лиц за совершение преступлений и правонарушений, направленных против основ конституционного строя.

Например, метод нормативов реализуется через деятельность межведомственной комиссии по общественной безопасности Совета Безопасности, которая может и должна корректировать критерии и показатели деятельности федеральных органов исполнительной власти в преодолении конституционного нигилизма. Метод информирования граждан об изменении конституционного законодательства используется Государственной Думой Российской Федерации, в частности, через свой сайт, через социальные сети и прямую работу с избирателями. Метод повышения квалификации муниципальных служащих используют органы местного самоуправления через соответствующие муниципальные программы. Кроме того, могут быть использованы методы предыдущей формы, но они не столь эффективны, как методы формы преодоления.

3-я форма ликвидации последствий конституционного нигилизма применяется, когда предыдущие формы не дали эффекта.

Методами этой формы являются:

- запрет;
- обязывание.

Оба метода могут применяться только на федеральном уровне, поскольку исключительно у государства есть достаточно властных полномочий для скорейшего исправления ситуации и преодоления конституционного нигилизма. Так, через запрет может быть реализовано ограничение по сроку нахождения на государственной или муниципальной службе, например, не более определенного срока для лица или ограничение по изменению отдельных институтов права. Обязывание может быть реализовано через требование получения высшего юридического образования всеми государственными или муниципальными служащими. Использование методов предыдущих форм на данном этапе возможно, но они будут не столь эффективными, поскольку направлены на предотвращение или преодоление, но никак не на ликвидацию негативных или деструктивных последствий.

Автор считает, что основными формами преодоления конституционного нигилизма в рамках организационно-правового механизма являются первые две: предупреждение и преодоление конституционного нигилизма, так как именно они позволяют эффективно

бороться с проявлениями конституционного нигилизма на всех уровнях власти. Третья форма применяется довольно редко, поскольку её применение связано с существенным изменением законодательства и общественных отношений.

По мнению автора, существующие три формы преодоления конституционного нигилизма являются достаточными, однако необходимо повышать их эффективность за счет совершенствования методов преодоления, более того, названные выше методы не являются исчерпывающими.

1. Рехачева Т.В. Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма: дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. / Рехачева Татьяна Викторовна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»; Диссовет 24.2.351.01 (24.2.351.01)]. Омск, 2023. С. 90

2. Там же.

3. Рехачева Т.В. Конституционный нигилизм: причины и время возникновения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2023. Т. 20, No 3. С. 34.

УДК 343.9.018

М.Д. Решетник

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Минск, Республика Беларусь)

M.D. Reshetnik

Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Belarus
(Minsk, Republic of Belarus)

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕРЫ ПО ЕЁ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ**

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST
COMPUTER SECURITY AND MEASURES FOR ITS PREVENTION**

Автор данной статьи предлагает рассмотреть криминологическую характеристику преступлений против компьютерной безопасности в связи с ростом количества данных преступлений. Закономерный рост такого вида преступлений обусловлен постоянным увеличением пользователей компьютеров. Выделены главные криминологические элементы преступлений против компьютерной безопасности,

которые могут быть использованы при профилактике правоохранительными органами данного вида преступлений.

Ключевые слова: криминология, преступления против компьютерной безопасности, киберпреступность, криминологическая характеристика.

The author of this article proposes to consider the criminological characteristics of crimes against computer security in connection with the increase in the number of these crimes. The natural growth of this type of crime is due to the constant increase in computer users. The article highlights the main criminological elements of crimes against computer security, which can be used in the prevention of this type of crime by law enforcement agencies.

Keywords: criminology, crimes against computer security, cybercrime, criminological characteristics.

Как известно, в современном обществе информационные технологии занимают большую часть нашего свободного времени. Количество интернет-пользователей растет с каждым годом, и данный факт активно используется преступным сообществом. С ростом информационных технологий количество различных «киберпреступлений» также увеличивается. И с каждым годом такие преступления становятся продуманнее и с большим количеством хитросплетений. Отсюда вытекает их высокая латентность и проблемы их квалификации.

По нашему мнению, рост преступлений против компьютерной безопасности может быть связан также с экономическими и демографическими преобразованиями. Сейчас как физические, так и юридические лица используют новые возможности для получения доходов, поэтому большинство их платежей переходит в режиме онлайн. Также переходу к онлайн-платежам поспособствовала и пандемия коронавируса [1]. Что касается демографических преобразований, то, по данным всемирной статистики Worldometer, количество пользователей сети Интернет в мире составляет 5,8 млрд человек [2], это около 72 % от текущего населения мира. Существуют также и другие мнения, например, М.В Гончарова считает, что «такой прирост киберпреступности связан с большим проникновением в социум интернет-зависимости, смартфон-аддикций, шопинг-аддикций, кибербуллинга, а также с другими негативными проявлениями формируемого цифрового общества» [3].

Раздел XII глава 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает пять уголовно наказуемых составов преступлений против компьютерной безопасности (ст. 349–355 УК): несанкционированный доступ к компьютерной информации; уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации; неправомерное завладение компьютерной информацией; разработка, использование распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств; нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети [4].

Компьютерные преступления являются одной из самых сложных категорий преступлений, так как присущие им признаки замедляют их расследование или же приводят к прекращению уголовного преследования. В науке выделяются следующие признаки преступлений против компьютерной безопасности:

1. Высокая латентность. Высокий уровень анонимности обуславливается тем, что уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере информационных технологий не поспевает за стремительным темпом их развития. Так, одной из главных проблем в расследовании компьютерных преступлений является то, что у сотрудников правоохранительных органов не хватает специальных знаний в сфере информационных технологий [5]. Одного лишь юридического образования недостаточно для объективного и полного расследования данного вида преступлений.

Как отмечается С.И. Буз, «необходимо ввести специальные курсы для правоохранительных органов с целью повышения их знаний в области IT-технологий, а также совершенствовать работу уже существующих структур» [6], как, например, Главное управление Министерства внутренних дел Республики Беларусь по противодействию киберпреступности (Управление «К»). Вышеизложенным фактором активно пользуются «киберпреступники», придумывая всё более изощренные методы, из-за чего правоохранители сталкиваются со сложностями при производстве по материалам и уголовным делам по указанным видам преступлений. Об этом свидетельствуют данные о раскрываемости преступлений против компьютерной безопасности. Так, в Республике Беларусь уровень раскрываемости преступлений против компьютерной безопасности составляет около 50 % [7], т. е. половина компьютерных преступлений либо не зарегистрированы правоохранительными органами, либо уголовные дела по факту совершения компьютерных преступлений приостановлены в силу отсутствия информации об обвиняемом.

2. Для компьютерных преступлений характерна многоэпизодность их совершения, однако не все эпизоды регистрируются правоохранительными органами.

Это можно объяснить двумя факторами. Первый уже был отмечен выше – недостаточность специальных знаний у правоохранительных органов. В силу этого сотрудники правоохранительных органов могут отказать в возбуждении уголовного дела в связи со сложностью в квалификации. Вторым фактором является несообщение потерпевшими правоохранительным органам о совершении таких преступлений. Это связано также с недостаточной информационной грамотностью самих потерпевших. Так, например, незаконное копирование информации остается потерпевшим незамеченным и введение в их компьютерную информацию заведомо ложных данных о пользователе считается ими как их же

непреднамеренной ошибкой [8]. Также несвоевременное сообщение или несообщение вообще объясняется тем, что у граждан имеется недоверие к правоохранительным органам. Граждане, понимая, что раскрываемость компьютерных преступлений низкая, не обращаются в правоохранительные органы, так как считают, что их похищенные деньги или данные не найдут. Помимо всего этого пострадавшие также не пишут заявления, так как опасаются подрыва их деловой репутации, чести и достоинства, т. е. боятся осуждения их со стороны общества.

3. Высокая латентная виктимность самих потерпевших. По нашему мнению, недостаточная профилактика кибербезопасности приводит к росту преступлений против компьютерной безопасности. Большинство пострадавших от компьютерных преступлений являются именно люди среднего возраста (44–60 лет), а значит, именно на эту возрастную группу должны быть направлены меры профилактики их виктимности [9].

4. Мотивами компьютерных преступлений чаще всего являются корыстные побуждения. Однако умысел может быть направлен также на унижение чести и достоинства граждан, на целостность компьютерных систем [10].

5. В настоящее время заметна тенденция к увеличению организованной преступности в данной сфере [11]. Преступники действуют не единолично, а группами. Иногда «киберпреступниками» могут являться и лица, находящиеся под заключением в исправительном учреждении [12].

6. Немаловажной характеристикой является и тип жертв преступления. Преступления против компьютерной безопасности могут быть направлены как на отдельных пользователей – физических лиц, так и на крупные корпорации. Направленность на корпорации обуславливается тем, что они обладают ценной информацией или большими финансовыми ресурсами.

Что касается личности «киберпреступника», С.А. Гусева отмечает, что «виновными являются молодые люди до 30 лет» [13]. Однако, по нашему мнению, компьютерные преступники «молодеют» и возраст среднего виновного будет составлять до 25 лет, так как увеличивается количество молодых специалистов в сфере информационных технологий. Получить знания в данной сфере теперь можно и без получения высшего образования, достаточно пройти обучение на курсах. Научиться программированию можно и в режиме онлайн, без каких-либо базовых знаний, учитывая, что компьютерные технологии в настоящее время доступны с раннего возраста. У молодых людей, а особенно у подростков, в силу своего возраста и психологических особенностей в данный период, высок уровень любознательности, для них совершить компьютерный взлом является ничем иным как вызовом. Также в подростковом периоде проявляется склонность к самостоятельности, но, понимая, что зарабатывать деньги трудно, молодые люди ищут способы попроще, и здесь как раз помогает нелегальный заработок в интернет-пространстве. Как утверждает глава Group-IB:

«Типичным хакером является студент, который ищет способ заработать на карманные расходы» [14]. Этим и пользуются преступные интернет-сообщества.

Большинство компьютерных преступников являются лицами мужского пола. Это обуславливается тем, что у мужчин более математический склад ума, нежели у женщин, однако в последнее время прослеживается тенденция к увеличению количества женщин, которые совершают кибермошеннические действия. Опять же, исходя из возраста, интересы девушки-подростка существенно отличаются от интересов молодых людей. Если парням больше нравится увлечения компьютерной техникой, программирование, то девушкам в данный период интересны вещи более приземленного плана, т. е. отношения, косметика и др.

Стоит отметить и тот факт, что преступники в сфере компьютерной безопасности обладают определенной внешностью. Под влиянием некоторых психологических особенностей и фанатичного отношения к компьютерным технологиям такой человек, скорее всего, замкнут и обладает заниженной самооценкой, и, взламывая системы, с помощью которых они могут заработать деньги, они пытаются эту самооценку себе поднять и как-то самоутвердиться в обществе [15]. Но также замечена и тенденция к изменению данного образа, так как киберпреступность сейчас «вошла в моду». Всё больше кибермошенников обладают излишним авантюризмом и харизмой [16]. По словам главы Group-IB: «Хакеры пытаются играть в Дона Корлеоне» [17].

Говоря о мотивах совершения данных видов преступлений, главным образом можно выделить извлечение материальной выгоды. В связи с сокращениями штатов уволенные работники IT-компаний могут использовать свои профессиональные навыки с целью совершения «киберпреступлений». Что касается подростков, то их мотивами также можно считать исследовательский интерес, потребность в самоутверждении, а также мотивы, связанные с психическими отклонениями [18]. Как уже упоминалось выше, подростки в силу своего возраста весьма любознательны, поэтому они хотят проверить свои силы на практике. В совершении кибермошенничеств подростками руководит жажда славы и самоутверждение, поэтому чаще всего они реже участвуют в групповых преступлениях.

Исходя из представленной криминологической характеристики, предлагаются следующие меры по предупреждению данных преступлений:

1. Первое, что необходимо – на государственном уровне проводить должную профилактику компьютерной безопасности. Сейчас какие-либо памятки о совершаемых компьютерных преступлениях находятся на специализированных сайтах, чаще всего на сайтах государственных органов. Однако следует внедрить памятки там, где пользователи проводят больше времени (социальные сети, онлайн-шопинги и т. д.). В памятке должно

содержаться такое правило, как обязательный просмотр профилактических материалов перед совершением определенных действий, например, перед покупкой в Интернете, прочитать договор публичной оферты и только после этого его подписать.

2. Профилактика для подростков также должна заключаться в разъяснении норм действующего законодательства с указанием на ответственность, предусмотренную за совершение действий, подпадающих под определение преступлений против компьютерной безопасности с целью недопущения ими совершения таких действий. Профилактика для лиц старшего возраста должна быть направлена на разъяснение способов и методов защиты ими своих данных с целью недопущения совершения в отношении них преступлений против компьютерной безопасности.

3. Особенно важно повысить защиту своих паролей и данных, размещаемых в сети Интернет. Это можно сделать с помощью технологии двухфакторной аутентификации, а для банковских карточек разработана такая функция, как 3D-Secure, суть которого заключается в том, что перед тем как выполнить платежную операцию, следует ввести пароль, который приходит на номер телефона по средствам SMS-сообщения.

Таким образом, зная все вышеизложенные факты, государство и его политика могут положить данные исследования в основу предупреждения и профилактики киберпреступлений.

1. Криминал на удаленке: почему растет киберпреступность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2021/01/19/13447310.shtml>. Дата доступа: 09.10.2023.

2. Всемирная статистика в реальном времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.worldometers.info/ru/>. Дата доступа: 09.10.2023.

3. *Гончарова М.В.* Состояние и тенденции современной киберпреступности / М.В. Гончарова, В.И. Шиян // Вестн. Моск. академии Следств. комитета Росс. Федер. 2021. №1. С. 54.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

5. *Лахтиков Д.Н.* Преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, как угроза национальной безопасности в информационной сфере / Д.Н. Лахтиков // Вестник Академии МВД Респ. Беларусь. 2022. № 2. С. 178.

6. *Буз С.И.* Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика / С.И. Буз // Журнал Краснодар. ун-та МВД, Уголовное право и криминология. 2019. № 4. С. 79.

7. Раскрываемость киберпреступлений составляет 53-55 процентов от их общего числа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kapkanyna-virtualnykh-tropakh.html>. Дата доступа: 09.10.2023.

8. *Ключко Р.Н.* Информационная и кибербезопасность как объекты уголовно-правовой охраны / Р.Н. Ключко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки

кадров для правоохран. органов : Междун. науч.-практ. конф.: тез. докл. / УО Академия МВД ; [редкол. :В.Ч. Родевич и др.]. Минск, 2020. С. 172.

9. Основные аспекты профилактики киберпреступности в Республике Беларусь : материал для информ.-пропаг. групп, Могилев / Могилевский обл. исполн. комитет. Могилев, 2021. С. 10

10. Черкасова Е.С. Киберпреступник: профиль личности, мотивационные компоненты / Е.С. Черкасова // Высотехн. право: генезис и перспективы : материалы 2 Международ. межвуз. науч.-практ. конференции, Красноярск, 2021. / Красноярский гос. ун-т. Красноярск, 2021. С. 377.

11. Организация расследования преступлений в сфере высоких технологий: учебное пособие / П.В. Гридюшко [и др.]; под общ. ред. И.Г. Мухина ; Академия МВД. Минск, 2016. С. 65.

12. Статистика Управления Министерства внутренних дел по высоким технологиям // Министерство внутренних дел [Электронный ресурс]. 2020. Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-po-raskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravlenie-k/statistika-urpsvt>. Дата доступа: 09.10.2023.

13. Гусева С.А. Криминалистический портрет киберпреступника / С.А. Гусева // Журнал Аллея науки. 2017. №7. С. 594

14. Глава Group-IB описал протрет типичного хакера [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/12/2020/5fe4b3789a794784eeb27cf7. Дата доступа: 09.10.2023.

15. Поляков В.В. Особенности личности компьютерных преступников / В.В. Поляков // Известия АТЛГУ. 2018. № 6. С. 258.

16. Пучков О.А. Социально-криминологический портрет хакера: концептуальный образ / О.А. Пучков // Matters of Russian and International Law. 2020. №10. С. 68.

17. Глава Group-IB описал портрет типичного хакера [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/12/2020/5fe4b3789a794784eeb27cf7. Дата доступа: 09.10.2023.

18. Поляков В.В. Указ. соч. С. 258.

М.А. Розе
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
SPIN-код [5120-2335](#)

M.A. Roze
Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

АКТИВНАЯ РОЛЬ СУДА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

ACTIVE ROLE OF THE COURT IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ACCESSIBILITY OF JUSTICE

Рассматривается проблема определения пределов судебного усмотрения при принятии отдельных процессуальных решений, а также баланса вмешательства суда в распоряжение процессуальными правами сторон. Обозначаются критерии, обосновывающие повышенную активность суда в судопроизводстве, отдельное внимание в этом ключе уделяется раскрытию категорий субъекта и спорного материального правоотношения. Формулируется вывод о положительном влиянии активной роли суда в судопроизводстве на реализацию принципа доступности правосудия в ситуациях, предполагающих объективную необходимость ограничения состязательных начал в угоду защиты прав и законных интересов нуждающихся или слабых субъектов.

Ключевые слова: активная роль суда, судебное усмотрение, публичный интерес, «слабая сторона», защита «слабой стороны», обеспечение законности, гражданский процесс, право на судебную защиту, доступность правосудия.

The problem of determining the limits of judicial discretion when making certain procedural decisions, as well as the balance of court intervention in the disposal of the procedural rights of the parties, is considered. The criteria that justify the increased activity of the court in legal proceedings are outlined; special attention in this regard is paid to the disclosure of the categories of the subject and the controversial material legal relationship. A conclusion is formulated about the positive impact of the active role of the court in legal proceedings on the implementation of the principle of accessibility of justice in situations involving the objective need to limit adversarial principles for the sake of protecting the rights and legitimate interests of needy or weak subjects.

Keywords: active role of the court, judicial discretion, public interest, “weak party”, protection of the “weak party”, ensuring the rule of law, civil process, right to judicial protection, accessibility of justice.

Реализация конституционного права на судебную защиту и принципа доступности правосудия не представляется возможной в отсутствие надлежащих средств правовой защиты, гарантий беспрепятственного доступа к правосудию и справедливого судебного разбирательства, а также

высокой степени вовлеченности суда в процедуру рассмотрения и разрешения дела. Принцип активной роли суда получил свое развитие в советской процессуальной доктрине в качестве необходимого средства достижения «объективной истины» по делу, установления действительных отношений сторон [1], а также нередко оценивается процессуалистами, например В.В. Ярковым, А.Т. Боннером, как необходимое средство обеспечения законности как одной из ключевых задач цивилистического процесса (в первую очередь гражданского и арбитражного) [2].

Ключевой проблематикой исследования активной роли суда является определение пределов судебного усмотрения при принятии отдельных процессуальных решений, а также поиск баланса вмешательства суда в распоряжение процессуальными правами участвующих в деле лиц. Иными словами, возможно ли детерминировать факторы повышения активной роли суда при рассмотрении дела на основе нормоположений и подходов, сформированных в правоприменительной практике.

Полагаем, факторами, допускающими превалирование активной роли суда над началами состязательности цивилистического процесса, являются: 1) специфика субъекта и материального правоотношения, в рамках которого допущено нарушение права; 2) избрание лицом, обратившимся в суд, надлежащего способа защиты права; 3) установление повышенного стандарта доказывания по отдельным категориям требований.

В настоящей публикации сосредоточимся на раскрытии первого условия допущения повышения активной роли суда в реализации права на судебную защиту. Анализ действующего процессуального законодательства, доктрины, правоприменительной практики свидетельствует о необходимости повышенной активности суда в следующих случаях (по отдельности или при их совокупности):

1. *Специфика природы спорных правоотношений*, в рамках которых на суд возлагается обязанность по обеспечению законности в рамках судопроизводства по делу. Данное основание применяется как фактор, повышающий активность суда в ситуации, когда материальное правоотношение предусматривает реализацию императивных начал законодательства, исключающих автономию воли сторон и по своему существу преследующих не столько защиту отдельных частных интересов, сколько удовлетворение публичного интереса применительно к конкретному спору.

Следует отметить, что правовая категория публичного интереса не ограничивается исключительно рамками административного и уголовного судопроизводства. Влияние публичного интереса прослеживается в отдельных видах гражданских споров, которым не свойственна классическая модель автономии воли и равенства участников, а также предмет которых затрагивает естественные, конституционные права и гарантии истца, нуждающиеся в повышенных стандартах защиты со стороны государства (так

называемые «социальные споры»). На суд при разрешении таких дел возлагается обязанность по обеспечению законности как одной из базисных задач гражданского процесса (ст. 2 ГПК РФ), поиску истины, что достигается, например, за счет проверки законности принятого судебного акта, не ограничиваясь доводами жалобы и позицией сторон. Наглядными примерами гражданских дел, при разрешении которых судом уделяется особое внимание достижению публичного интереса по гражданским делам, являются дела по требованиям о защите трудовых, социальных, жилищных прав, о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних детей, при рассмотрении которых суд обязан разрешить требования по существу, руководствуясь интересами детей, одного из супругов, дела о защите прав потребителей, дела по спорам, связанным с исполнением договора долевого участия в строительстве и др.

2. Лицо, права которого нарушены, является «слабой стороной» в материальном правоотношении.

Представители научного сообщества, в частности И.Н. Спицин, Е.В. Михайлова, А.О. Вифлянцев, небезосновательно утверждают, что активная роль суда проявляется в оказании гражданину как «слабой стороне» содействия в реализации его процессуальных прав, предоставлении «процессуальных льгот» (например, особое распределение обязанностей по доказыванию, процессуальные сроки), акцентируя внимание, прежде всего, на административном судопроизводстве [3]. Однако случаи выделения «слабой стороны» в споре не исчерпывается данным видом судопроизводства.

Во-первых, процессуальная доктрина и судебная практика расширяют круг субъектов, признаваемых «слабой стороной» в цивилистическом процессе, что обуславливается обеспечением защиты законного интереса лиц [4], которые формально обладают процессуальными возможностями для состязательной и равноправной литигации, тем не менее фактически лишены подобной возможности по ряду причин. «Слабой стороной» может являться коммерсант, вступивший в договорные взаимоотношения на обременительных и несправедливых условиях, навязанных другим субъектом предпринимательской деятельности, классифицируемым в данных отношениях в качестве «профессионала». Например, с сетевой организацией при заключении и исполнении договора в профильной сфере деятельности «сильной» стороны [5] либо с государственным заказчиком / рядом юридических лиц, «сильная» позиция которых в договорных отношениях обусловлена регламентацией условий заключения, исполнения контракта, ответственности императивными нормами закона либо регламентом проведения закупки, принятым в одностороннем порядке, не предполагающими диспозитивную природу условий заключения и исполнения договора, поиска консенсуса и взаимовыгодных условий для

обеих сторон, что объясняется необходимостью защиты публичного интереса государства в сфере закупочной деятельности [6].

В этой связи становится очевидной значимость обеспечения судом повышенного уровня гарантий защиты прав и законных интересов коммерсанта – слабой стороны [7], поскольку последний при заключении договоров в «непрофильной» сфере предпринимательской деятельности / в рамках конкурентных процедур с участием государственных органов и организаций не имеет сравнимый спектр переговорных возможностей, а по справедливому утверждению А.Ф. Бакулина, фактически обретает статус «потребителя» в споре [8], что позволяет суду использовать ряд процессуальных льгот и прибегать к особым механизмам защиты при рассмотрении спора между неравными субъектами, такими как:

- установление судом по собственной инициативе недобросовестных условий заключенного соглашения и признание стороной, являющейся инициатором условия, злоупотребляющей правом, что влечет принятие решения в пользу слабой стороны, отказ суда от обращения к данным условиям при разрешении требования по существу [9];

- отступление от классического правила доказывания, предусмотренного ст. 65 АПК РФ: перераспределение бремени доказывания в пользу «сильной» стороны. «Слабая» сторона должна представить доказательства в подтверждение своего переговорного статуса, несправедливость договорных условий, неспособность оказать на них влияние, на «сильной» стороне лежит обязанность доказать свою добросовестность, а также необременительный характер условий для слабой стороны [10]. Суд, соотнося с критериями добросовестного поведения предложенные стороной с более сильной переговорной позицией договорные условия, обеспечивая доступ к правосудию для уязвимой стороны, вправе переложить бремя доказывания на «сильную» сторону в подтверждение указанных доводов [11].

Во-вторых, повышенная активность суда может быть обусловлена в том числе и рассмотрением спора между лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, и органом государственной власти по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений в порядке АПК РФ. Рассматривая проблематику реализации принципа состязательности и равноправия сторон в спорах с государственными органами, представители научного сообщества выявляют закономерность «тяготения» суда к позиции лица, защищающего публичный интерес в делах административного судопроизводства, в том числе в делах об административных правонарушениях [12]. Данная позиция вызвана особенностями административных правоотношений и публично-правовых споров, разницей статуса участников соответствующего материального правоотношения и их неравенства [13]. Осознавая необходимость дополнительной защиты частных лиц в спорах с органами, отстаивающими

публичные интересы, правоприменительная практика выработала механизмы, направленные на установление повышенных требований и особых полномочий суда при рассмотрении данной категории дел, такие как истребование доказательств по усмотрению суда, возложение обязанности по представлению возражений и доказательств на административный орган, изменение неправильно избранного способа защиты прав.

В заключение отметим, что тенденцию усиления активной роли суда в рамках цивилистического процесса следует признать положительной с позиции влияния на уровень доступности правосудия. Однако отсутствие объективных пределов активности суда вступает в противоречие с принципом состязательности и равноправия сторон и претворяет в реальность следственную модель судопроизводства, что является нежелательным. Обозначенные критерии призваны исключить возникновение ситуаций, позволяющих усомниться в независимости и беспристрастности суда, направлены на оказание судом содействия в беспрепятственной реализации права на судебную защиту, что в полной мере соответствует преобладающей смешанной модели судопроизводства в текущих правовых реалиях.

-
1. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1982. С. 94–95.
 2. Ярков В.В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 58.
 3. Спицин И.Н. Пределы активности суда в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 14; Михайлова Е.В. Проблемы, связанные с отказом от использования института подведомственности // Мировой судья. 2021. № 8. С. 36; Вишняков А.О. К вопросу о телеологическом толковании активности суда по делам об оспаривании нормативных правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 38.
 4. Павлова М.С. Законные и публичные интересы в административном судопроизводстве в России: проблемы толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 72.
 5. Определение Верховного Суда РФ от 19.10.2020 № 304-ЭС20-14841 по делу № А03-9825/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 6. Григорян Т.Р. Правовая характеристика и сущность государственного контракта // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 14
 7. Гражданское право и современность: сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского / С.С. Алексеев, Ф.О. Богатырев, Б.А. Булаевский и др.; под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2013. С. 382–384.
 8. Бакулин А.Ф. Судебная защита слабой стороны предпринимательского договора // Судья. 2019. № 8. С. 23.
 9. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской

Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // Российская газета. 2023. № 93.

10. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах», п. 10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

11. Бакулин А.Ф., Кузьмина А.В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 215–218.

12. Принципы частного права: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, В.В. Кваниной, М.С. Сагандыкова. М: Проспект, 2018. С. 324–325.

13. Мовчан В.В. Правозащитная функция судебной власти в административном судопроизводстве: институциональный и функциональный аспекты // Вестник гражданского процесса. 2021. № 2. С. 221.

УДК 340

А.Н. Русаков

Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
SPIN – код 2812-7510

A.N. Rusakov

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

**КРИТЕРИИ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛОГИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ВО Внесудебном ПОРЯДКЕ**

**CRITERIA FOR APPLYING THE ANALOGY OF PROCEDURAL LAW
WHEN CONSIDERING CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OUT
OF COURT**

Российское законодательство о производстве по делам об административных правонарушениях содержит в себе множество пробелов правового регулирования. Одним из основных способов преодоления пробелов является применение аналогии закона. Особенно «острым» является вопрос применения аналогии при рассмотрении дел об административных правонарушениях должностными лицами и органами административной юрисдикции во внесудебном порядке. На примере решения вопроса о допуске защитника к участию в деле обосновывается необходимость применения аналогии закона при рассмотрении дела несудебными органами и должностными лицами, при этом преодоление пробела правового регулирования должно способствовать правильному и законному рассмотрению дела, с соблюдением прав лица, привлекаемого к административной ответственности.

Ключевые слова: пробел правового регулирования, аналогия закона, внесудебный порядок рассмотрения дела об административном правонарушении, единообразии правоприменительной практики, транспарентность административно-юрисдикционного процесса, верховенство закона.

Russian procedural legislation in the field of proceedings in cases of administrative offenses contains many gaps in legal regulation. One of the main ways to overcome the gaps is to apply the analogy of the law. The issue of applying analogy in the consideration of cases of administrative offenses by officials and bodies of administrative jurisdiction in an out-of-court manner is particularly "acute". Using the example of solving the issue of admitting a defender to participate in the case, the paper substantiates the need to apply the analogy of the law when considering a case by non-judicial bodies and officials, while overcoming the gap in legal regulation should contribute to the correct, legitimate consideration of the case, respecting the rights of the person being brought to administrative responsibility.

Keywords: a gap in legal regulation, analogy of the law, an out-of-court procedure for considering a case of an administrative offense, uniformity of law enforcement.

Отечественным процессуальным законодательством об административных правонарушениях установлен закрытый перечень субъектов, наделенных полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, вынесению постановлений о назначении административного наказания. Так, уполномоченными субъектами могут выступать: судьи, административные органы и должностные лица. Причем основная масса дел об административных правонарушениях рассматривается во внесудебном порядке [1]. Правовая регламентация производства по делу об административном правонарушении будет различаться в зависимости от субъекта, ведущего производство по делу.

Процессуальная форма рассмотрения дел об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции и арбитражных судах будет различаться, поскольку рассмотрение дел арбитражным судом происходит по правилам АПК РФ с возможностью субсидиарного применения КоАП РФ, в то время как суды общей юрисдикции рассматривают дела об административных правонарушениях по правилам КоАП РФ с возможностью субсидиарного применения норм из иных процессуальных кодексов. Исходя из анализа норм, регламентирующих правила рассмотрения дела органами и должностными лицами, можно прийти к выводу, что производство по делу об административном правонарушении во внесудебном порядке осуществляется исключительно по правилам, предусмотренным главой 29 КоАП РФ. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда правоприменитель сталкивается с пробелами в правовом регулировании ввиду несовершенства процессуальной формы, регламентированной КоАП РФ, что свидетельствует об отступлении от стандартов правовой определенности и транспарентности процедуры.

Как в юридической литературе, так и в судебной практике обсуждаются различные способы преодоления пробелов в праве. Одним из основных механизмов преодоления пробела правового регулирования выступает применение аналогии закона. А.С. Пиголк формулирует понятие пробела правового регулирования следующим образом: «случай, когда с очевидностью можно констатировать, что определенный казус входит в сферу правового регулирования, должен решаться правовыми средствами, но конкретное его решение ... не предусмотрено или предусмотрено не полностью» [2]. Цивилистические процессуальные кодексы прямо разрешают применение аналогии закона с целью восполнения пробела правового регулирования (ст. 1 ГПК РФ, ст. 13 АПК РФ). Несмотря на то что КоАП РФ не содержит нормы, допускающей применение закона по аналогии, правоприменительная практика свидетельствует о необходимости применения данного механизма преодоления пробела. Так, Верховным Судом разъяснена возможность применения аналогии закона при допуске защитника, представителя к участию в деле по устному ходатайству лица, привлекаемого к ответственности, по аналогии с ч. 6 ст. 53 ГПК РФ [3]. Между тем, значительная часть дел об административных правонарушениях рассматривается несудебными административными органами и должностными лицами, причем зачастую такое рассмотрение производится по месту совершения правонарушения, в том числе непосредственно на месте пресечения правонарушения (ст. 29.5 КоАП РФ).

При возникновении пробелов правового регулирования процесс рассмотрения дела об административном правонарушении заходит в «тупик». Закон не предусматривает возможности прекращения производства на основании возникновения пробела в правовом регулировании, в то же время вынесение постановления о привлечении лица к административной ответственности органом или должностным лицом в условиях «пробельности законодательства» противоречило бы принципу законности, установленному ст. 1.6. КоАП, поскольку назначение наказания возможно только при соблюдении формализованной процедуры, установленной нормативными правовыми актами. В таком случае вынесенные постановления должны быть отменены судом как не отвечающие требованиям законности и обоснованности. Таким образом, применение аналогии процессуального закона становится не только возможным, но и обязательным. Так, например, вызывает интерес одно из решений Верховного Суда Чувашской Республики. Судом установлены следующие обстоятельства: участковым уполномоченным вынесено постановление о привлечении гражданина «С» к административной ответственности за мелкое хулиганство. Указанное постановление было обжаловано в Новочебоксарский городской суд, в своей жалобе гражданин ссылаясь на нарушение его конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, возможности пользоваться помощью защитника, так

как участковым было отказано в допуске защитника по устному ходатайству лица, привлекаемого к административной ответственности. Вместе с тем явку защитника гражданин «С.» обеспечил. Отказ участкового был мотивирован отсутствием у защитника должным образом оформленной доверенности для представления интересов гражданина «С.» [4], при этом участковый полагал, что допуск защитника по устному ходатайству возможен только в судебном заседании при ведении протокола, с чем судебные инстанции согласились. Однако Верховный Суд Республики не согласился с позицией нижестоящих судов и указал на возможность заявления лицом ходатайства о допуске защитника в устной форме, по аналогии с тем, как если бы дело рассматривалось в судебном порядке, таким образом участковым были допущены нарушения процессуального закона в виде необоснованного отказа в реализации конституционного права гражданином на получение юридической помощи [4].

Пробел, возникающий в процедуре допуска защитника к участию во внесудебной процедуре производства по делу об административном правонарушении, привел к нарушению конституционных прав гражданина, повлек за собой отмену постановления о привлечении к ответственности. С другой стороны – в случае необоснованного недопущения защитника к участию в деле также может и «пострадать» невиновное лицо. Следует отметить, что в вышеуказанном решении суд фактически говорит о том, что правила, действующие в судебном процессе, должны применяться и при рассмотрении дела во внесудебном порядке. Органы и должностные лица должны рассматривать дело по аналогии с рассмотрением дела в судебном порядке. По нашему убеждению, это обуславливается несколькими факторами:

1) Соблюдение транспарентности административно-юрисдикционного процесса. Государство в лице судов, административных органов и должностных лиц должно обеспечить «прозрачность» производства по делу об административном правонарушении, создать условия, при которых лицо, привлекаемое к ответственности, будет понимать содержание процессуальной формы.

2) Соблюдение принципа законности. В рассматриваемом случае отказ в допуске защитника квалифицируется как незаконный, поскольку Конституцией РФ каждому гражданину гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи и в условиях пробельности законодательства нарушение конституционных прав гражданина недопустимо.

Вместе с тем действительно возникает вопрос, требующий разрешения: как зафиксировать устное ходатайство гражданина в условиях отсутствия протокола рассмотрения дела? Самым очевидным средством фиксации заявления ходатайства может являться видео- или аудиозапись, которые гражданин имеет право вести свободно, используя свое

конституционное право на собирание информации (ст. 29 Конституции), вместе с тем деятельность должностных лиц и государственных органов по общему правилу гласна и публична. При этом в случае рассмотрения дела в судебном порядке КоАП РФ не запрещает ведение протокола судебного заседания, в который также может быть занесено устное ходатайство лица о допуске защитника.

Существует и диаметрально противоположная судебная практика. Так, в рамках производства по делу судом было установлено, что при рассмотрении дела главным инспектором труда к участию в деле не был допущен защитник по устному ходатайству лица, привлекаемого к административной ответственности гр. «Д» на основании отсутствия доверенности у защитника. В рассматриваемом случае суд указал следующее: «согласно ч. 6 ст. 53 ГПК РФ, устное ходатайство о допуске защитника может быть заявлено только в судебном заседании, которое заносится в протокол. Таким образом, должностное лицо правомерно отказало в допуске защитника, поскольку полномочия последнего не удостоверены с соблюдением требований ст. 53 ГПК РФ» [5]. Полагаем, что указанное выше решение не отвечает требованиям законности и обоснованности судебного акта, поскольку, на наш взгляд, при рассмотрении дела об административном правонарушении во внесудебном порядке было нарушено право лица, привлекаемого к административной ответственности, пользоваться юридической помощью защитника. В результате пробела в законодательстве правовая неопределенность привела к неверному толкованию норм права как должностным лицом, так и судом.

Говоря о том, что допуск защитника к участию в деле по устному ходатайству возможен только в судебном заседании, необходимо ответить на вопрос: каким образом гражданин, остановленный, например, инспектором ДПС, может оформить доверенность на месте предполагаемого административного правонарушения?

Вышеприведенные примеры из судебной практики наглядно показывают необходимость применения аналогии закона в производстве по делу об административном правонарушении не только в судебном порядке, но и при рассмотрении дела административными органами и должностными лицами.

Однако применение аналогии закона не всегда может быть допустимым. Так, Конституционным Судом сформирована позиция о недопустимости применения аналогии при разрешении споров о компетенции органов административной юрисдикции и должностных лиц в силу верховенства закона [6]. Полномочия государственных органов четко определены федеральным законом и не подлежат расширительному толкованию, следовательно, осуществление полномочий по аналогии прямо противоречит принципу верховенства закона, должностные лица и органы не обладают какой-либо самостоятельностью в определении своей

компетенции. «Подмена» одного органа другим категорически недопустима, поскольку субъект правоприменения может действовать только на основании нормативного акта, закрепляющего полномочия того или иного органа.

Также применение аналогии закона недопустимо при квалификации административного правонарушения и при назначении административного наказания в силу прямого указания закона на основании ст. 2.1 КоАП РФ [8]. «Вольное» толкование понятия и состава административного правонарушения категорически запрещается. В силу принципа верховенства закона «создание» новых административных правонарушений правоприменителями недопустимо. Для должностных лиц и органов административной юрисдикции законодательством не предусмотрено право выбора правонарушения, за совершение которого лицо будет привлечено к ответственности. Каждый субъект может понести наказание только за то правонарушение, которое он совершил, при этом состав этого правонарушения должен быть строго закреплён в КоАП РФ.

Таким образом, применение аналогии закона в производстве по делам об административных правонарушениях допустимо только при возникновении пробелов в процессуальных правоотношениях. Вместе с тем аналогия категорически запрещена в сфере материально-правовых аспектов в силу соблюдения фундаментального принципа верховенства закона.

Обосновывая необходимость применения аналогии процессуального закона несудебными органами, следует говорить также и о критериях применения такой аналогии:

1) Создание условий для законного и объективного рассмотрения дела. Применение аналогии должно осуществляться «с пользой» для административно-юрисдикционного процесса, для участников производства по делу. Под «пользой» следует понимать вынесение итогового судебного акта или актов должностных лиц и органов, отвечающих требованиям законодательства, полноты, обоснованности, с соблюдением конституционных прав лиц, привлекаемых к административной ответственности.

2) Повышение транспарентности административно-юрисдикционного процесса, формирование единообразной правоприменительной практики. В условиях правовой неопределенности лицам, привлекаемым к административной ответственности, сложно защищать свои права, поскольку противоречивость правоприменительной практики затрудняет прогнозируемость исхода дела. Вместе с тем неверное толкование норм права правоприменительными органами будет приводить к отмене таких актов вышестоящими судебными инстанциями. Виновные лица могут «уходить» от ответственности из-за процессуальных нарушений, допущенных правоприменителями, а невинные лица могут понести наказание.

Таким образом, преодоление пробела правового регулирования путем применения аналогии закона несудебными органами и должностными лицами должно осуществляться так же, как если бы дело было бы рассмотрено в судебном порядке. При этом применение аналогии не должно противоречить принципу законности, усложнять рассмотрение дела или затруднять формирование единой правоприменительной практики.

1. *Быстрянец А.Ф.* О внесудебном рассмотрении дел об административных правонарушениях и тенденциях отечественной административно-деликтной политики // NovaUm. Ru. 2018. № 12. С. 217–219.

2. *Пиголкин А.С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

4. Решение Верховного суда Чувашской республики № 21-476/2018 от 16 октября 2018 г. по делу № 21-476/2018 // www.sudact.ru

5. Решение Томского районного суда № 12-219/2019 от 28 ноября 2019 г. по делу № 12-219/2019 // www.sudact.ru

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 N 15-П // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2023 № 17АП-5098/2023-АК по делу № А60-2572/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В.И. Самарин
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN – код [6996-8553](#)

V. Samaryn
Belarusian State University
(Minsk, Republic Belarus)

ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: РАСШИРЕНИЕ ПРЕДМЕТА

RECOGNITION AND EXECUTION OF A FOREIGN JUDGMENT IN A CRIMINAL CASE: BROADENING OF THE SCOPE

Анализируются положения международных договоров Республики Беларусь, требующие расширения предмета признания и исполнения судебных решений по уголовным делам. Предлагается распространить экзекватурную процедуру на решения о наказаниях, не связанных с лишением свободы, и об иных мерах уголовной ответственности, а также создать национальную процедуру для признания и исполнения иностранных судебных решений о конфискации доходов, полученных преступным путем.

Ключевые слова: международная правовая помощь, исполнение судебного решения, экзекватурная процедура, международный договор

The article reveals the provisions of international treaties of the Republic of Belarus that require broadening the scope of court decisions in criminal cases that can be recognized and executed. It is proposed to extend the exequatur procedure to decisions on non-custodial penalties and other measures of criminal liability, as well as to create a national procedure for the recognition and execution of foreign court decisions on the confiscation of proceeds of crime.

Key words: international legal assistance, execution of a court decision, exequatur procedure, international treaty.

Исполнение решений иностранных судов, как вид международной правовой помощи по уголовным делам, ведет к применению решения иностранной судебной власти на территории суверенного государства. Оно получило свое развитие в конце XX в. Ранее господствовала теория, сформулированная профессором Ф. Мартенсом: «Приговор уголовный является применением... публичных законов данной страны, которые не могут распространяться на чужую территорию» [1]. Принятая в 1970 г. Европейская конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам, будучи первым многосторонним международным договором, закрепившим основные положения данного вида международной правовой помощи по уголовным делам, не смогла распространить свое действие на большую часть государств-членов Совета

Европы. В настоящей публикации попробуем рассмотреть постепенное расширение предмета данного института в законодательстве Беларуси.

Рассматриваемый вид международной правовой помощи по уголовным делам заставляет государство во многом поступиться своим суверенитетом: признать и исполнить решение, принятое в иностранной юрисдикции. Но принцип взаимности призван компенсировать данный недостаток во благо взаимодействующим государствам. Исполнение судебного решения суда иностранного государства в литературе характеризуют как вид международной правовой помощи по уголовным делам, при котором признаётся и принимается к исполнению решение, вынесенное судом иностранного государства по уголовному делу, в отношении лица, находящегося на территории государства исполнения решения, передаваемого либо выдаваемого этому государству [2]. Спорным является вопрос, поглощает ли исследуемый вид международной правовой помощи по уголовным делам передачу осужденного для отбывания наказания в стране его гражданства. При классическом их разграничении при признании и исполнении иностранного судебного решения лицо, в отношении которого постановлен приговор или вынесено иное решение, находится в государстве, которому для исполнения направляется такое решение либо выдается ему и согласие такого лица, как правило, не требуется. При передаче же осужденного требуется выявление его согласия, и он находится в государстве постановления приговора. Однако в последние годы такое разграничение всё больше стирается. Это связано также с тем, что предмет исполнения судебных решений расширяется.

В большинстве международных договоров Республики Беларусь исследуемый вид международной правовой помощи получил развитие, прежде всего, при исполнении приговоров в части гражданского иска (хотя такое исполнение, в сущности, следует отнести к международной правовой помощи по гражданским делам). Так, в соответствии со ст. 51 Минской конвенции 1993 г. может производиться только признание решений судов по уголовным делам о возмещении ущерба. Однако в п. б ч. 1 ст. 54 и ч. V разд. IV Кишиневской конвенции 2002 г. предусмотрено взаимное исполнение приговоров не только в части возмещения ущерба, но и в части взыскания штрафов, конфискации, а при определенных условиях – в отношении любых видов наказания. Такими условиями называются два:

1) выдача осужденного, не отбывшего часть наказания, для привлечения к уголовной ответственности на территории иного государства (приговор признаётся и исполняется государством, которому лицо выдано);

2) отказ в выдаче лица для приведения в исполнение приговора, вынесенного судом иного государства (приговор признаётся и исполняется государством, которое отказало в выдаче лица).

В последние десятилетия встал вопрос о возможности признания и исполнения судебных решений, предусматривающих наказания, не

связанные с лишением свободы. Подобные вопросы опять же не нашли своего разрешения в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК), хотя Беларусь ратифицировала Конвенцию государств – участников СНГ о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (далее – Ашгабатская конвенция). Такая передача допускается исключительно в отношении гражданина государства, в котором будет исполняться наказание. Передача исполнения наказания подразумевает направление компетентным органом государства назначения наказания материалов по исполнению наказания в государство исполнения наказания.

Ашгабатская конвенция допускает передачу исполнения таких наказаний, как общественные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, а также мер уголовно-правового характера (условное осуждение, отсрочка отбывания (исполнения) назначенного наказания), но не распространяется на наказания, предусматривающие изоляцию осужденного от общества, смертную казнь, штраф или иное наказание имущественного характера, а также конфискацию. Тем самым данный международный договор также расширяет предмет судебных решений, которые могут признаваться и исполняться на территории Беларуси.

Запрос о передаче исполнения наказания направляется на основании ходатайства осужденного или его законного представителя. Такое ходатайство может быть подано в государстве постановления приговора, либо в государстве гражданства (по выбору подающего). Запрос может быть направлен только после вступления приговора в законную силу. Можно заметить сходство данной передачи исполнения наказания с передачей осужденного для отбывания наказания в государстве его гражданства.

Особенностью является то, что этапирование осужденного в этом случае не может осуществляться, так как он не находится под стражей. Осужденный самостоятельно должен покинуть территорию государства назначения наказания и прибыть в компетентный орган государства исполнения наказания. Срок для выполнения данного обязательства составляет 45 суток с момента информирования осужденного о принятом решении. При нарушении осужденный может быть выдворен.

В случае согласия государства исполнения наказания суд (или компетентный орган) такого государства принимает решение о признании и принятии к исполнению судебного решения (приговора) с установлением срока и по возможности порядка и условий отбывания осужденным наказания и (или) исполнения меры уголовно-правового характера. Суд государства исполнения наказания, исходя из судебного решения (приговора), определяет такое же наказание, не связанное с лишением

свободы, и (или) меру уголовно-правового характера, как и назначенные по судебному решению (приговору) государства назначения наказания.

После передачи исполнения наказания дальнейшее исполнение наказания, не связанного с лишением свободы, и (или) меры уголовно-правового характера, в том числе изменение меры уголовно-правового характера, замена наказания и освобождение от отбывания наказания, осуществляется в соответствии с законодательством государства исполнения наказания. Только государство назначения наказания вправе принимать решения по вопросам обжалования или пересмотра судебного решения (приговора).

Следует отметить, что из Уголовного кодекса Республики Беларусь было исключено наказание в виде конфискации. В то же время ряд международных договоров оперирует таким термином. Например, ст. 13 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. предусматривает сотрудничество государств в сфере конфискации доходов от преступлений, имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, охватываемых конвенцией. Схожие нормы можно найти и в двусторонних договорах (например, с Венесуэлой). И в отличие от законодателей РФ и Казахстана отечественный законодатель не предусмотрел процедуру исполнения иностранных судебных решений о конфискации.

На территории Республики Беларусь может исполняться судебное решение, принятое в соответствии с национальным законодательством. Установления необходимой процедуры требуют и многие международные договоры Республики Беларусь.

Белорусский законодатель, исходя из содержания норм ст. 478, 488 УПК, распространил возможность оказания рассматриваемого вида международной правовой помощи на основе принципа взаимности (а значит, исходя из ч. 5 ст. 1 УПК, и при отсутствии процедуры в международном договоре) исключительно на «лиц, отбывающих наказание на территории иностранного государства». Такая формулировка исключает из правового регулирования УПК процедуру признания и принятия к исполнению приговора (судебного решения) в случаях:

1) отказа Республикой Беларусь в выдаче лица для приведения в исполнение такого приговора, вынесенного судом иного государства, так как в этой ситуации лицо находится на территории Республики Беларусь;

2) применения в отношении лица иных мер уголовно-правового характера, нежели наказания (условного осуждения, отсрочки отбывания (исполнения) назначенного наказания).

Вряд ли эту формулировку можно отнести и к конфискации.

Как видится, экзекватурную процедуру, т. е. процедуру признания и исполнения судебного решения иностранного государства,

предусмотренную в ст. 504 УПК [3], следует сделать общей для всех решений по существу (приговоров), распространив её и на лиц, осужденных судом иностранного государства и находящихся на территории Беларуси (в случае отказа в их выдаче), а также распространив её на меры уголовно-правового характера, именуемые национальным законодателем иными мерами уголовной ответственности. Законопроект, направленный на реализацию Ашгабатской конвенции, в настоящий момент рассматривается и в парламенте РФ.

А вот процедура признания и исполнения решений иностранных судов о конфискации доходов, полученных преступным путем, по примеру наших соседей должна отражать специфику с учетом отсутствия такого наказания в Беларуси (но наличия специальной конфискации) и необходимости разрешения судьбы изъятого имущества.

Таким образом, в настоящий момент продолжается интерференция надгосударственного в национальный уголовный процесс: международные договоры требуют расширения предмета признания и исполнения судебных решений по уголовным делам. Вступление для Беларуси в силу Ашгабатской конвенции распространяет действие рассматриваемого института и на судебные решения о применении таких наказаний, как общественные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, а также мер уголовно-правового характера (условное осуждение, отсрочка отбывания (исполнения) назначенного наказания). Многие международные договоры требуют создания процедуры признания и исполнения судебных решений о конфискации доходов, полученных преступным путем. В связи с этим должны быть изменены ст. 478, 488, 504 УПК, а также создана в УПК специальная процедура для признания и исполнения иностранных судебных решений о конфискации доходов, полученных преступным путем.

1. *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов / Ф. Мартенс: В 2 т. 3-е изд., исправл. и доп. СПб.: типография А. Бенке, 1895–1896. Т. 2. 1896. С. 468.

2. *Самарин В.И.* Международная правовая помощь по уголовным делам : учеб. пособие / В.И. Самарин, Г.М. Третьяков, В.М. Козел ; под ред. В.И. Самарина. Минск : БГУ, 2022. С. 169.

3. *Самарин В.И.* Экзекваторное решение в уголовном процессе / В.И. Самарин // Юстыцыя Беларусі. 2023. № 11. С. 53–57.

Е.Д. Седельник

Белорусский государственный университет,
Минский областной суд,
Большой театр Беларуси
(Минск, Республика Беларусь)

E.D. Sedelnik

Belarusian State University,
Minsk Regional Court,
Bolshoi Theater of Belarus
(Minsk, Republic of Belarus)

**СРАВНЕНИЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ
НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ,
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ
И СРЕДИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ**

**COMPARISON OF METHODS OF COMBATING INFRINGEMENTS ON
PERSONAL DATA IN THE REPUBLIC OF BELARUS, RUSSIAN FEDERATION,
FOREIGN STATES AND AMONG THE WORLD COMMUNITY IN GENERAL**

Цифровизация жизни ведет к тому, что информация о гражданах приобретает значение не только в качестве тем для диалогов, но и как средство совершения различного рода операций. Беспечное отношение лиц к соответствующей информации влечет негативные последствия, для недопущения которых требуется организовать борьбу и профилактику посягательств на персональные данные.

Ключевые слова: персональные данные, методы борьбы, профилактика, сравнение, посягательства.

The digitalization of life leads to the fact that information about citizens becomes important not only as topics for dialogue, but also as a means of performing various types of operations. The careless attitude of individuals towards relevant information entails negative consequences, to prevent which it is necessary to organize the fight and prevention of attacks on personal data.

Keywords: personal data, methods of control, prevention, comparison, encroachments.

Прежде всего, отметим, что в европейских государствах ещё более 25 лет назад, в целях охраны и защиты прав на неприкосновенность частной жизни в условиях автоматизированной обработки персональных данных граждан, был выделен особый институт правовой охраны личности – институт уголовно-правовой охраны персональных данных. Кроме того, более чем в 20 европейских государствах имеют место законы, посвященные защите персональных данных, а в ряде таких государств введены также независимые уполномоченные по защите персональных данных. Более того, в каждом из государств Европейского союза (далее - ЕС) ещё с 1998 г.

создана единая унифицированная система защиты персональных данных, в частности, в секторе телекоммуникаций [1].

Примечательно, что всего менее десятилетия назад вопрос информационной безопасности гражданина, общества и государства в нашей стране не стоял довольно остро, сам же факт хищения персональных данных не рассматривался законодателем в качестве серьезного общественно опасного деяния, в то же время уголовная ответственность за хищение персональных данных всё же уже задолго была предусмотрена в странах Европейского союза, США, Канаде, Японии, Китае и многих других государствах.

Но нельзя не отметить, что даже несмотря на то, что в Республике Беларусь до 2021 г. отсутствовал системный НПА, регулирующий использование и обработку персональных данных, до принятия Закона имел место модельный закон «О персональных данных» для стран — участниц СНГ [2]. То есть данная проблема до 1999 г. была не нова для международного сообщества, в частности, международной организации, членом которой выступала и Беларусь.

Но даже с учетом вышеизложенного Республикой Беларусь до сих пор не ратифицирована Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [2]. Кроме того, как уже было упомянуто выше, неурегулированными до 2021 г. на национальном уровне в нашей стране оставались вопросы ответственности за неправомерное разглашение персональных данных, хищение, а также использование их в преступных целях, поскольку в УК - единственном уголовной законе в Республике Беларусь - до вышеупомянутого года нельзя было встретить специальные составы, непосредственным уголовно-правовым объектом которых являлась бы защита персональных данных, а действующие на рассматриваемый период редакции статей УК, связанные с посягательством на персональные данные, не претерпевали каких-либо существенных изменений с 1999 г., а именно с момента принятия уголовного закона.

Что касается зарубежного сообщества, то в ЕС, к примеру, в целях эффективной охраны персональных данных принят консолидирующий документ под названием GDPR - Общий Регламент защиты персональных данных (далее - GDPR) [3]. Данный акт был подписан в апреле 2016 г., но возымел силу более чем через 2 года, лишь в мае 2018 г. Стоит при этом отметить, что GDPR применяется не только к странам-участницам ЕС, но и к любому юридическому лицу, в том числе иностранному, которое осуществляет обработку персональных данных, принадлежащих гражданам ЕС.

В то же время, исходя из анализа вышеназванного документа, к основным принципам GDPR можно отнести следующие:

1. Принцип законности, справедливости и прозрачности. Персональные данные должны быть получены законными и справедливыми средствами с согласия субъекта этих данных.

2. Ограничение цели. Цель сбора данных должна быть указана во время сбора, и данные не должны использоваться для других целей.

3. Минимизация данных. Нельзя собирать больше данных, чем требуется для достижения конкретной цели.

4. Точность. Персональная информация должна быть точной, полной и актуальной. Ошибки и неточности в персональных данных должны быть исправлены.

5. Ограничение хранения. Данные запрещено хранить дольше, чем нужно для выполнения целей обработки информации.

6. Целостность и конфиденциальность. Личные данные должны быть защищены гарантиями безопасности от потери, несанкционированного доступа, уничтожения и т. п.

7. Подотчетность. Компании, которые работают с данными, несут ответственность за соблюдение требований GDPR. За нарушение этих требований предусмотрены огромные штрафы [4].

Более того, европейскими странами в целях реализации GDPR принимаются национальные НПА по защите персональных данных. К примеру, соответствующие законы имеют место во Франции, Дании, Германии, Испании, Исландии. Вышеназванные акты основываются на перечисленных в GDPR началах и, по своей сущности, развивают и конкретизируют принципы GDPR.

Относительно Соединенных Штатов Америки (далее - США) упомянем, что их федеральным законодательством определяются лишь обязанности государственных органов страны в сфере охраны персональных данных. Нормы, распространяющие свое действие на юридических лиц, которые в процессе своей деятельности осуществляют обработку персональных данных, издаются на уровне штатов. К примеру, штатом Калифорния в 2020 г. был принят закон, которым были урегулированы правила сбора соответствующих данных и работы с ними. Согласно данному НПА, физическое лицо, использующее услуги подобных интернет-компаний, имеет право знать сведения о том:

- какую информацию о нем собирает интернет-компания;
- с какой целью компании собирают эти сведения;
- каким образом данные будут использованы [5].

Кроме того, физическим лицам предоставлено право потребовать уничтожение соответствующей информации, а также запретить её передачу третьим лицам.

Нельзя не упомянуть и о том, что впоследствии терактов от 11 сентября 2001 г. в США на законодательном уровне был официально разрешен сбор

данных об американцах на государственном уровне в целях обеспечения национальной безопасности.

Что касается Китайской Народной Республики, то в самобытном Китае с 2021 г. действует довольно интересный для целей нашей работы закон, который обязывает интернет-провайдеров получать согласие их пользователей на сбор персональных данных, им принадлежащих [6]. Таким образом, мы можем сравнить законодательство Китая с законодательством стран ЕС в рассматриваемой сфере и, следовательно, сделать вывод о том, что анализируемые нами подходы в соответствующих государствах во многом схожи и законодатель Китая в большинстве своем в вопросах охраны персональных данных ориентируется на европейский опыт и положения GDPR.

Примечательно, что в Японии закон, направленный на защиту персональных данных, действует с 2005 г. Данный акт основан, в частности, на целях обеспечения права японцев на неприкосновенность частной жизни. Таким образом, на каждом японском интернет-сайте, работающем с персональными данными физических лиц, должна быть размещена Политика по защите персональной информации [7]. В последней должны быть указаны меры, принимаемые сайтом в целях защиты персональных данных его пользователей.

В нашей стране-соседке Российской Федерации (далее - РФ) ещё с 2006 г. имеет место Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», которым установлена обязанность для юридических лиц по принятию мер, направленных на защиту соответствующих данных физических лиц [8]. С учетом положений данного закона подобные меры должны являться достаточными, чтобы не повлечь как случайный, так и неправомерный доступ к персональным данным, их изменение, распространение или уничтожение, а также другие неправомерные действия. Следовательно, по нашему мнению, данные меры можно разделить на следующие группы:

- правовые меры, под которыми понимается создание комплекта документов, которые являются необходимыми для защиты персональных данных;

- технические и организационные меры, под которыми имеются в виду действия, с помощью совершения которых осуществляется обеспечение безопасности. К примеру, обучение сотрудников, установление шифрования.

Кроме того, следует заметить, что российское законодательство содержит ряд специальных требований, касающихся защиты персональных данных для отдельных категорий юридических лиц. В соответствии с чем в РФ имеет место специализированный Перечень мер для государственных органов. Организации, подпадающие под действие GDPR, должны соблюдать его требования. Это, к примеру, юридические лица, продающие свои товары гражданам ЕС.

За нарушение законодательства по защите персональных данных граждан в государстве предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность. Так, за нарушение правил обработки персональных данных наступает административная ответственность. В качестве санкции выступает штраф, размер которого для юридических лиц начинается от 30 тысяч руб. и вплоть до 18 млн руб. в зависимости от совершённого правонарушения.

Виновники незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия, несут уголовную ответственность, размер которой устанавливается от штрафа до 200 тысяч руб. вплоть до лишения свободы сроком до 2 лет.

Таким образом, обобщив вышеизложенное, можем сделать следующий вывод о том, что зарубежный опыт уголовно-правовой охраны, в частности, развитых стран, где криминализация тех либо иных деяний, а также уголовная ответственность за их совершение установлена на законодательном уровне, свидетельствует о том, что введение уголовной ответственности за непосредственное нарушение законодательства о персональных данных выступает в качестве неотъемлемого элемента предупреждения совершения преступлений в подобной сфере, а также способствует эффективному исполнению законодательства о персональных данных.

1. Андрей Гаев назвал основные направления работы на год по защите персональных данных [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/january/72983> /. Дата доступа: 26.12.2023.

2. О модельном законе «О персональных данных» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, 16 окт. 1999 г., № 14-19 II // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

3. Чурилов А.Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации / А. Ю. Чурилов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-obschego-reglamenta-evropeyskogo-soyuza-o-zaschite-personalnyh-dannyh-gdpr-problemy-i-perspektivy-implementatsii> (дата обращения: 27.12.2023).

4. Там же

5. Защита персональных данных в США [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://searchinform.ru/resheniya/biznes-zadachi/zaschita-personalnykh-dannykh/realizaciya-zashchity-personalnyh-dannyh/mezhdunarodnaya-sistema-zashchity-personalnyh-dannyh/v-ssha> /. - Дата доступа: 28.12.2023.

6. Закон о защите персональных данных вступил в силу в Китае [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/800790> /. Дата доступа: 28.12.2023.

7. Конфиденциальность данных в Японии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://aws.amazon.com/ru/compliance/japan-data-privacy> /. Дата доступа: 28.12.2023.

8. Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс] : II КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.

УДК 343.2/.7

М.А. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
SPIN-код 5968-8740

M.A. Seliverstova

St. Petersburg University
(St. Petersburg, Russia)

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕУПЛАТУ АЛИМЕНТОВ

JUDICIAL PRACTICE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR NON-PAYMENT OF CHILD SUPPORT

В результате проведенного анализа судебной практики был выявлен ряд проблем, связанных с применением примечания 3 к ст. 157 УК РФ, а именно: признание за лицами, освобождёнными от уголовной ответственности по данному основанию, права на реабилитацию; распространение условий деятельного раскаяния на освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, неуплата алиментов, примечание.

The analysis of the judicial practice revealed several problems related to the application of Note 3 to Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, as follows: recognition of the right to rehabilitation for persons released from criminal liability on this basis; the spread of the conditions of active remorse on exemption from criminal liability on special grounds.

Keywords: exemption from criminal liability, non-payment of child support, note.

Как отмечает А.Г. Антонов, задачи Уголовного кодекса Российской Федерации не всегда можно решить применением уголовного наказания. Нередко они достигаются «освобождением виновного от уголовной ответственности по предусмотренным законом основаниям и в полном соответствии с принципами уголовного права» [1]. Помимо общих оснований освобождения от ответственности, содержащихся в главе 11 УК РФ,

законодатель также вводит в закон специальные основания, закрепляя их в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ.

Специальные основания освобождения от уголовной ответственности представляют собой совокупность условий, стимулирующих позитивное постпреступное поведение и влекущих снижение общественной опасности виновного, при выполнении которых государство отказывается от реализации уголовной ответственности.

Этот субинститут уголовного права динамично развивается. Так, в период с 1997 г. по 2023 г. количество примечаний к статьям Особенной части УК РФ, содержащих в себе условия освобождения от уголовной ответственности, претерпело значительный рост (с 13 до 58 примечаний). Количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности по специальным основаниям, увеличилось в 61 раз: с 121 лица в 2012 г. до 7369 в 2022 г., из них 251 лицо было освобождено от уголовной ответственности на основании примечания 3 к ст. 157 УК РФ.

Федеральным законом от 30.12.2021 № 499-ФЗ «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации» ст. 157 УК РФ была дополнена примечанием 3, согласно которому лицо, совершившее указанное преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно в полном объеме погасило задолженность по уплате алиментов. Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона, принятие законопроекта позволит обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, имеющих право на получение алиментов, а также повысит эффективность взыскания алиментов с должников [2].

Возможность достижения перечисленных целей зависит от применения указанной нормы. Проведя анализ судебной практики, автор выявил ряд проблем, связанных с некорректным применением уголовно-процессуального закона при освобождении лиц от уголовной ответственности на основании примечания 3 к ст. 157 УК РФ.

Суды ошибочно признают за виновными, освобожденными от уголовной ответственности по данному основанию, право на реабилитацию. В случаях, когда дело было возбуждено до 10.01.2022 (дата вступления в силу Федерального закона № 499-ФЗ), а погашение задолженности по выплате алиментов было произведено после указанной даты, суды прекращали уголовное дело на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в связи тем, что преступность и наказуемость деяния были устранены новым уголовным законом [3].

Так, апелляционным постановлением Верховного суда Республики Татарстан уголовное дело было прекращено на основании ч. 2 ст. 24 УПК РФ. При этом суд отметил, что «право на реабилитацию не возникает, так как правила статьи 133 УПК РФ не распространяются на случаи принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния» [4]. Необходимо

отметить, что согласно ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п. 2 ч.1 ст. 24 УПК РФ, в случае, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом. В свою очередь, указанное основание фигурирует в п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ в качестве реабилитирующего.

Судом были нарушены положения п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», исходя из которого освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям «не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в таких случаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление» [5]. Аналогичные нормы содержатся и в иных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [6]. Более того, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, освобождение лица от уголовной ответственности отражает факт совершения им деяния, содержащего признаки преступления, и поэтому «решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитацию лица (признания его невиновным), то есть вопрос о его виновности остается открытым» [7].

Как верно отметил Шестой кассационный суд общей юрисдикции, вышеупомянутый федеральный закон предусматривает лишь возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, а не устраняет преступность или наказуемость деяния [8]. Соответственно, при прекращении уголовного преследования в связи с полным погашением задолженности по алиментам судам следует применять положения ч. 2 ст. 28 УПК РФ.

Иногда правоприменители полагают, что для освобождения от уголовной ответственности по специальному основанию необходимо соблюдение общих условий деятельного раскаяния, установленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ. К примеру, в апелляционном представлении государственный обвинитель просил отменить постановление суда первой инстанции об освобождении Ф. от уголовной ответственности на основании примечания 3 к ст. 157 УК РФ, поскольку он «не явился с повинной в правоохранительный орган, раскрытию и расследованию преступления не способствовал, ущерб, причиненный преступлением, возместил только в объеме предъявленного обвинения» [9].

Суд апелляционной инстанции оставил постановление суда первой инстанции без изменения, так как, согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, освобождение от уголовной ответственности «за преступление небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, производится по правилам, установленным

такими примечаниями. При этом выполнения общих условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, не требуется». Также следует отметить, что, в отличие от деятельного раскаяния, специальные основания освобождения от уголовной ответственности являются императивными, и их применение не зависит от усмотрения дознавателя, следователя или суда.

Согласно п. 10, 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)», лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 157 УК РФ, может быть освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Для применения ч.1 ст. 75 УК РФ лицо обязано возместить причиненный ущерб в размере не менее суммы алиментов за инкриминируемый период. В случае примирения с потерпевшим способы заглаживания вреда и размер его возмещения определяются потерпевшим.

Для применения примечания 3 к ст. 157 УК РФ лицо обязано погасить задолженность по выплате алиментов в полном объеме, т. е. всей суммы задолженности по исполнительному производству о взыскании алиментов, имеющейся на дату принятия решения о прекращении уголовного дела [10]. Соответственно, при погашении задолженности в полном объеме исполнительное производство должно быть окончено.

Исходя из положений ст. 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», исполнительное производство может быть окончено не только путем фактического исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, но и в иных случаях (к примеру, признание должника банкротом, истечение срока давности исполнения судебного акта и т. д.). При этом иные основания окончания исполнительного производства не повлекут освобождения от уголовной ответственности.

К примеру, И. был осужден за неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание несовершеннолетнего ребенка, если это деяние совершено неоднократно. В апелляционной жалобе виновный просил вынести в отношении него оправдательный приговор, поскольку он примирился с законным представителем потерпевшей и исполнительное производство в отношении него было окончено путем отзыва исполнительного документа взыскателем.

Суд апелляционной инстанции обоснованно оставил апелляционную жалобу без удовлетворения, поскольку исполнительное производство было окончено не в связи с полным погашением задолженности по алиментам, тем самым не были соблюдены условия, содержащиеся в примечании 3 к ст. 157 УК РФ [11]. Основания для применения положений ч. 1 ст. 75 и ст. 76 УК РФ также отсутствовали, поскольку отзыв исполнительного документа взыскателем сам по себе не свидетельствует о снижении общественной

опасности виновного. Более того, освобождение виновного от уголовной ответственности при отсутствии возмещения ущерба не соответствует интересам потерпевшей.

Обобщая вышесказанное, автором были выявлены наиболее распространенные ошибки, связанные с применением примечания 3 к ст. 157 УК РФ, а именно: признание за лицами, освобожденными от уголовной ответственности по данному основанию, права на реабилитацию; распространение условий деятельного раскаяния на освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям. Следует отметить, что в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 39 судебная практика стала более единообразной в части толкования понятий «погашение в полном объеме задолженности по алиментам» и «возмещение ущерба» применительно к ст. 157 УК РФ.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым продолжить освещение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ наиболее проблемных вопросов применения специальных оснований в целях формирования единообразной правоприменительной практики.

1. Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. Г. Антонов ; Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний. Рязань, 2013. С. 3.

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1183608-7 «О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. Раздел «Объекты законотворчества». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183608-7> (дата обращения 16.10.2022).

3. Апелляционное постановление от 05.04.2022 по делу № 22-932/2022 / Верховный Суд Республики Крым, [Судебная коллегия по уголовным делам]. Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление от 14.02.2022 по делу № 1-49/2021, 22-297/2022 / Верховный Суд Республики Крым, [Судебная коллегия по уголовным делам]. Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное постановление от 08.02.2022 по делу № 22-497/2022 / Верховный суд Республики Татарстан, [Судебная коллегия по уголовным делам]. Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

5. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 : (ред. от 29.11.2016) // Российская газета. 2013. 05 июля (№ 145). Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Российская газета. – 2013. 17 июля (№ 154). Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке статьи 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» / Конституционный Суд Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5203. Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление от 17.08.2022 № 77-4194/2022 / Шестой кассационный суд общей юрисдикции, [Судебная коллегия по уголовным делам]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 16.03.2022 по делу № 22-523/2022. Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

10. О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2022 № 39 // Российская газета. 2022. 30 декабря (№ 297). Режим доступа : СПС «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 14.08.2023 по делу № 22-1703/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hm2RQNZrJf1V/> (дата обращения: 13.02.2024).

УДК 342

В.А. Симонов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)

V.A. Simonov

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

**ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ПОМОЩНИКОВ**

**SOURCES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF THE
ACTIVITIES OF DEPUTIES OF LEGISLATIVE BODIES OF STATE POWER OF
THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR ASSISTANTS**

Рассматривается проблематика источников конституционно-правового регулирования деятельности депутатов законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их помощников, соотношение федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации с подзаконными актами центральных исполнительных органов государственной власти.

Ключевые слова: *источники конституционного права, федеральные законы, законодательные органы власти субъектов Российской Федерации, депутаты законодательных органов субъектов Российской Федерации, помощники депутатов, законы субъектов Российской Федерации, национальные стандарты.*

The article examines the problems of the sources of constitutional and legal regulation of the activities of deputies of legislative bodies of state power of the subjects of the Russian

Federation and their assistants, the correlation of federal laws, laws of the subjects of the Russian Federation with by-laws of the central executive bodies of state power.

Keywords: *Sources of constitutional law, federal laws, legislative authorities of subjects of the Russian Federation, deputies of legislative bodies of subjects of the Russian Federation, deputies' assistants, laws of subjects of the Russian Federation, national standards.*

Функционирование депутатского корпуса субъектов Российской Федерации занимает значимое место в деятельности законодательных органов власти России. Об этом свидетельствует опыт ряда субъектов Российской Федерации, в частности, Законодательного Суглана бывшего Эвенкийского автономного округа (Эвенкии) и Законодательного Собрания Омской области. К анализу подобного опыта в той или иной степени обращались А.М. Осавелюк [1], И.П. Окулич [2], В.А. Русанова [3], М.С. Савченко [4], Г.Д. Садовникова [5] и другие авторы. Один из компонентов этой проблемы – конституционно-правовое регулирование статуса депутатов законодательных органов власти субъектов Российской Федерации и помощников депутатов данного уровня, а также их взаимоотношений между собой.

Поскольку Эвенкийский автономный округ как субъект Российской Федерации по результатам референдума 17 апреля 2005 г. с 1 января 2007 г. упразднён, рассмотрим данную проблематику на примере Законодательного Собрания Омской области. Конституционно-правовое положение депутатов Законодательного Собрания Омской области, равно как и других субъектов Российской Федерации, определяется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Конституциями республик (уставами краёв, областей, автономной области и автономных округов), законами субъектов Российской Федерации и Регламентами законодательных органов государственной власти.

В Омской области, наряду с Конституцией России, Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ст. 7, 16, 17, 18), статус депутатов областного Законодательного Собрания определяется действующими редакциями Устава (Основного Закона) Омской области (ст. 34 и ст.35); Закона Омской области «О Законодательном Собрании Омской области» N 2-ОЗ (ст.20, ст. 21, ст.24, ст. 25); Закона Омской области №5-ОЗ «О комитетах (комиссиях) Законодательного Собрания Омской области»; Закона Омской области №7-ОЗ «О статусе депутата Законодательного Собрания Омской области (с изменениями на 29 марта 2023 года); Регламента Законодательного Собрания Омской области (принятого постановлением Законодательного Собрания Омской области от 22 января 2002 г. № 25). Кодексом о государственных должностях Омской области и государственной гражданской службе Омской области устанавливаются дополнительные

социальные гарантии депутатам в связи с осуществлением ими депутатской деятельности.

Деятельность помощника депутата Законодательного Собрания Омской области регламентируется ст. 38 действующей редакцией закона Омской области от 26 сентября 1994 г. № 7-ОЗ «О статусе депутата Законодательного Собрания Омской области» (с изменениями на 29 марта 2023 года) и Положением об организации деятельности помощника депутата Законодательного Собрания Омской области (далее – Положение), утверждённым постановлением Законодательного Собрания Омской области 8 июля 2021 г. № 268.

Обращают на себя внимание ещё два документа. Первый – это Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 57667-2017 «Формирование и деятельность законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. Термины и определения», введённый в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 14 сентября 2017 г. N 1113-ст. Другой документ – Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 57725—2017 года «Деятельность помощников депутатов законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. Общие требования», введённый в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2017 г. № 1262-ст.

Данные документы достаточно подробно излагают материал по организации и деятельности законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутатов этих органов и их помощников. Однако нет оснований считать их источниками конституционного права Российской Федерации или конституционного права субъектов Российской Федерации. Источник права – это документ правоустанавливающего характера, который вводит или отменяет те или иные правила поведения. Вышеупомянутые национальные стандарты лишь обобщают текущее законодательство субъектов Российской Федерации и практику его применения, с учётом нововведений и инициатив, самостоятельно внедрённых различными субъектами Российской Федерации.

Подобные документы имеют вспомогательное значение, ориентирующее на единообразное нормотворчество и правоприменение в конкретной сфере.

Это всего лишь подзаконные акты центрального исполнительного органа государственной власти. Деятельность же законодательных органов власти субъектов Российской Федерации, статус депутатов и помощников депутатов этих органов регулируется, как уже было сказано в начале, федеральными законами, законами и подзаконными актами

законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.) «О стандартизации в Российской Федерации» документы национальной системы стандартизации применяются на добровольной основе одинаковым образом и в равной мере независимо от страны и (или) места происхождения продукции (товаров, работ, услуг, если иное не установлено законодательством Российской Федерации». Поскольку обязательного применения стандарта о деятельности помощников депутатов законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации ни действующая редакция Федерального закона от 29 июня 2015 года № 162-ФЗ, ни другие федеральные законы не устанавливают, то законодательные органы власти субъектов Российской Федерации вправе использовать его только добровольно, как рекомендательный документ, в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации, федеральным законам, Конституции (Уставу), законам и подзаконным актам законодательных органов власти субъекта Российской Федерации.

Например, Национальный стандарт ГОСТ Р 57725—2017 от 28 сентября 2017 г. № 1262-ст допускает возмездное осуществление функций помощника депутата как на основе срочного трудового договора, так на основе гражданско-правового договора.

Однако ст. 38 закона Омской области «О статусе депутата Законодательного Собрания Омской области» и п. 4 и 5 Положения об организации деятельности помощника депутата Законодательного Собрания Омской области от 8 июля 2021 г. допускают возмездную основу работы помощника депутата только на штатной основе, т. е. – на основании срочного трудового договора. В нём закрепляются права, обязанности, условия, порядок работы помощника депутата. Дополнительным соглашением к трудовому договору может предусматриваться осуществление помощником трудовой функции дистанционно.

1. *Осавелюк А.М.* Взаимоотношение депутатов с личными помощниками и персоналом вспомогательных органов парламентов // Государство и право. 1996. № 4. С. 67-74.

2. *Окулич И.П.* Роль помощников депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. 2002. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pomoschnikov-deputatov-zakonodatelnyh-predstavitelnyh-organov-gosudarstvennoy-vlasti-subektov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 7 февраля 2024).

3. *Русанова В.А.* Правовой статус депутата в Российской Федерации / В.А. Русанова // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 9 (25). С. 425-429.

4. Савченко М.С. К вопросу о правовом регулировании статуса депутатов региональных парламентов / М.С. Савченко // В книге: Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения. Сборник тезисов по материалам V Национальной конференции. Краснодар, 2020. С. 102-107.

5. Садовникова Г.Д. Законодательные органы субъектов Российской Федерации: проблемы формирования и реализации представительной функции // LexRussica, 2017. № 1. С. 64-79. URL: <https://rucont.ru/efd/581142> (дата обращения: 12 февраля 2024)

УДК 340

И.О. Сопин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код: 6384-6445

I.O. Sopin

Omsk State University named after. F.M. Dostoevsky
(Omsk, Russia)

ЦЕЛИТЕЛИ И МЕДИУМЫ КАК СУБЪЕКТЫ МОШЕННИЧЕСТВА

HEALERS AND MEDIUMS AS SUBJECTS OF FRAUD

Анализируется общественная опасность целительства, знахарства и медиумов как субъектов преступлений в сфере мошенничества. Приводятся исторические справки, обосновывается актуальность уголовной криминализации данных действий.

Ключевые слова: медиум, целительство, преступность, мошенничество, субъект преступления, уголовный закон.

Healing, witchcraft and mediums as subjects of crimes in the field of fraud. The article analyzes the social danger of these phenomena. Historical information is provided and the relevance of criminal criminalization of these actions is substantiated.

Keywords: medium, healing, crime, fraud, subject of the crime, criminal law.

Оккультизм от латинского «occultus» означает «тайный». Речь, прежде всего, идет о тайных знаниях, доступных ограниченному числу «посвященных». В медицине оккультизм определяется как использование сверхъестественных сил и методов воздействия на организм с целью лечения и поддержания здоровья человека. Под медиумом понимается чувствительный индивидуум, который служит связующим звеном между двумя мирами: материальным и духовным. В настоящее время медиумы предлагают восстановление биополя путем работы с некротическими

энергиями, что, по мнению их сторонников и адептов, приводит к балансу работы органов или систем человека.

Это, так сказать, положительная сторона медицинского оккультизма, утверждаемая его адептами, однако в оккультизме есть и отрицательная сторона, которая заключается в использовании сверхъестественных сил воздействия на человеческий организм с прямо противоположной целью – сделать его больным или даже причинить ему смерть. Так, в Древнем Египте причиной болезни считали злых богов и демонов, которых люди вызывали специально, чтобы покарать недруга, поэтому и лечение происходило с помощью воззвания к богине Изиде, отпугивающей злые силы [1]. Субъектом такого оккультного воздействия становится человек, посвященный в тайные знания и владеющий ими.

Целительство в медицине имеет свои корни в древних цивилизациях, где вера в сверхъестественные силы и магические практики была широко распространена и эмпирически апробирована многочисленными адептами – жрецами, колдунами, знахарями, шаманами. Связь магии и медицины зафиксирована в средневековых фолиантах, в частности, в «Компендиуме ведьм», который принадлежит перу священника Франческо Мариа Гуаццо, автора наиболее известного трактата по демонологии [2].

Медицинский оккультизм является широко распространенным явлением как в России, так и за рубежом, причем не только в странах, где сильны языческие верования (Африка, Латинская Америка), но и во вполне цивилизованных государствах Западной Европы и США [3]. При этом он многообразен и чаще всего имеет целевую аудиторию (например, лиц, занимающихся йогой, практикующих рейки или тибетскую медицину и пр.)

Чаще всего медицинский оккультизм маскируется под народную медицину. Это и понятно, поскольку в соответствии с положениями ст. 50 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» народная медицина легализована. Если толковать эти положения расширительно (на основе Общероссийского классификатора занятий, в котором упоминаются целители, которые лечат заболевания человека через духовные практики), то народным целителем может назваться кто угодно, несмотря на законодательный запрет оказания услуг оккультно-магического характера.

Между тем следует напомнить, что в наиболее распространенной традиционной религии России – Православии – магия и оккультизм порицаются, а по закону Торы за ворожбу, вызывание мертвых и волхование установлена смертная казнь (Исх. 20: 18; Лев. 20: 27).

Не вызывает сомнения, что современная практика целительства, основанная на оккультизме, требует принятия запретительных мер, в частности, ст. 6.2 КоАП РФ «Незаконное занятие народной медициной». Но этим никто не занимается.

Что же касается ответственности за оказание медицинских услуг оккультно-магического характера, то они должны быть запрещены уголовным законодательством. Криминализация такой деятельности необходима и целесообразна вследствие того, что она представляет значительную общественную опасность. Свидетельствами этого являются:

распространенность оказания услуг оккультно-магического характера, в чем легко убедиться, ознакомившись с объявлениями в Интернете и социальных сетях;

причинение вреда физическому и психическому здоровью большинства граждан, обратившихся за помощью к оккультистам-целителям;

причинение имущественного ущерба гражданам, желающим получить медицинскую помощь от оккультистов.

Следует отметить, что факт самообращения граждан за помощью к целителям, знахарям и медиумам не должен исключать состава мошенничества по причине того, что в данном случае объективная сторона преступления выполняется путем обещания лицу заведомо ложных положительных результатов. Умысел субъекта преступления направлен на хищение денежных средств, иного имущества потерпевшего.

Говоря о влиянии оккультизма на современную медицину, стоит отметить фактор обесценивания и снижения авторитета научной (доказательной) медицины: унижается время и труд, социальный статус настоящих врачей, которые до начала своей практической деятельности проходят длинный путь от студента медицинского вуза до врача ординатора. И этот путь не является самым простым, общеизвестна сложность в процессе подготовки данных специалистов. Пагубные последствия наступают и в случаях, когда пациенты теряют драгоценное время, отдавая последние деньги целителям, надеясь на свое выздоровление, но в результате получают лишь терминальные стадии заболеваний, которые в итоге нередко приводят к реактивной смерти пациентов [4].

Если врачи научной медицины в своей лечебной практике руководствуются стандартами и порядками оказания медицинской помощи, клиническими рекомендациями и иными актами уполномоченных органов в сфере медицины и здравоохранения и должны нести предусмотренную Уголовным кодексом РФ ответственность за свои действия либо бездействия, то оккультные целители таких обязанностей не имеют. Доказать причинно-следственную связь между действием или целителя и негативными последствиями практически невозможно.

Зачастую сложно доказать и наличие состава мошенничества в действиях оккультистов-целителей [5], поэтому криминализация их незаконной деятельности видится необходимой, с выделением отдельного состава мошенничества.

-
1. *Зотов С.* История алхимии. М.: Изд-во АСТ, 2020. С. 59.
 2. *Giacco F.M.* Compendium Maleficarum. N.Y.: The Montegu Summers Edition, 2023.
 3. *Севостьянов О.В., Руженков В.А., Боева А.В.* Распространенность оккультной медицины и проблема ее активного внедрения в сферу профессиональной деятельности клинической психиатрии // Научные ведомости. Серия «Медицина. Фармация». 2014. № 24. С. 27-33.
 4. *Епифанова Е.В.* Криминализация деяний представителей альтернативной (неконвенциональной) медицины (с учетом положений ФЗ от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации") // Медицинское право. 2013. № 5. С. 42 - 47.
 5. *Салаев З.Р.* К вопросу о субъективной стороне мошенничества в сфере оказания оккультных и психологических услуг // Российский следователь. 2019. № 5. С. 49-51.

УДК 343.01

В.М. Степашин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 9569-9315

V.M. Stepashin

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗДЕРЖКИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ

THE SOCIAL COSTS OF CRIMINAL REPRESSION

Определены неизбежные и возможные, часто вынужденные издержки самой по себе уголовной репрессии, т. е. обоснованной и справедливой. Указывается на опасность избыточного применения уголовного преследования, которая приводит к возникновению целого ряда самостоятельных издержек, но необязательно обеспечивает снижение уровня преступности.

Ключевые слова: *экономика репрессии; уголовная репрессия; социальные издержки репрессии.*

The article identifies the inevitable and possible, often forced, costs of criminal repression itself, i.e. justified and fair. The danger of excessive use of criminal prosecution is pointed out, which leads to a number of independent costs, but does not necessarily ensure a reduction in the crime rate.

Keywords: *economy of repression; criminal repression; social costs of repression.*

Как отмечал А.Э. Жалинский, основной проблемой современной науки об уголовном праве является не сама репрессия, а недостаток данных о её переносимости обществом [1]. Справедливы утверждения, что исполнение уголовных наказаний сопряжено с многочисленными социальными издержками: альтернативные издержки в виде недополученной (упущенной) выгоды в связи с «выбытием» осуждённого из социума (при изоляции преступников общество теряет часть своего производственного потенциала, так как отвлекает лиц, преимущественно трудоспособных граждан, от экономической деятельности); повышенный риск заболевания осуждённых общественными болезнями и их виктимизации (в первую очередь от насильственных и сексуальных преступлений) со стороны других осуждённых; материальный и моральный вред, причиняемый семье осуждённого, например, в связи с лишением последнего свободы (сокращение семейного бюджета, воспитание детей осуждённого в отсутствие одного или обоих родителей и др.), а также иные негативные социальные последствия [2].

Среди других существенных социальных издержек следовало бы в первую очередь отметить: 1) нарушение (вплоть до прерывания) общественно полезных социальных связей осуждённого; 2) возникновение (усиление, развитие) социально опасных связей; 3) приобщение осуждённого к ценностям криминальной субкультуры (вплоть до создания новых бытовых институтов – тюремной общины и т. д. [3]; 4) приобретение и совершенствование осуждённым асоциальных (в том числе преступных) навыков; 5) изменение социального статуса членов семей осуждённых, нередко сопряжённое с ухудшением их материального положения, причинением нравственных страданий близким для осуждённого людям; 6) политические издержки, в т. ч. уголовно-политические.

Нельзя не согласиться с В.Д. Филимоновым в том, что «ограничение прав и свобод человека и гражданина нравственно оправданно только тогда, когда оно является необходимым средством предупреждения преступлений, когда его неприменение грозит обществу наступлением более тяжких последствий, чем заранее установленное ограничение прав и свобод тех его членов, которые совершают преступные деяния» [4]. На необходимость легитимации принуждения – «описать в законе, сделать предсказуемым, добиться одобрения общества и снабдить гарантиями», – указывал А.Э. Жалинский [5].

Важно отметить, что выше назывались *неизбежные и возможные, часто вынужденные издержки самой по себе уголовной репрессии*, т. е. обоснованной и справедливой. Современная правовая доктрина исходит из того, что недопустимость незаконного и неразумного ограничения прав и свобод является одним из принципов правовой безопасности [6]. Тем более справедливо указывается на *опасность избыточного применения уголовного преследования*, которая приводит к возникновению целого ряда

издержек, но необязательно обеспечивает снижение уровня преступности [7]. В этом случае неизбежны: 1) репутационные издержки системы правоохранительных и судебных органов; 2) политические издержки, включая уголовно-политические; избыточная репрессия неумолимо ведёт и к искажению представления о действительной опасности преступления; 3) собственно уголовно-правовые (как отмечалось ранее, избыточная репрессия негативно сказывается как на самой возможности достижения целей наказания и ответственности, так и на авторитете уголовного права, да и права в целом). Эти издержки относятся к числу неоправданных.

Крайне важно отношение к назначенному наказанию – с точки зрения оценки его справедливости – самого осуждённого. Данный фактор получает ведущее значение, поскольку в случае претерпевания незаслуженной, по мнению осуждённого, кары сама постановка вопроса о достижении целей наказания теряет смысл. Недооценка и, тем более, игнорирование этого могут спровоцировать последующее девиантное поведение осуждённого, привести к его уклонению от отбывания наказания и даже к применению незаконного наказания. Особое звучание указанное обстоятельство приобретает в случае применения наказания к несовершеннолетним – в силу специфики социально-психологических особенностей последних. Так, 44,33 % опрошенных нами в 2015–2018 гг. осуждённых считают назначенное им наказание чрезмерно суровым, 32,67 % полагают, что оно могло бы быть мягче, однако каждый шестой ответивший (14,67 %) признаёт назначенное наказание справедливым. При этом 8 % осуждённых считают наказание несправедливым, потому как оно могло быть строже, а один респондент (из 300 опрошенных) признал его чрезмерно мягким. Примечательно, что в 1999–2000 г. назначенное наказание справедливым признал почти каждый пятый ответивший (18,96 %), при этом 10,39 % осуждённых считают наказание несправедливым, полагая, что оно могло быть строже, а три респондента (из 327 опрошенных) признали его чрезмерно мягким [8]. «Уголовное наказание, – как справедливо пишет М.М. Бабаев, – представляет собой единство объективного и субъективного <...> Субъективное – это отражение наказания в сознании осуждённого, иначе: пока не возникло соответствующее отражение, наказание не бывает ни суровым, ни мягким, ни справедливым, ни несправедливым» [9]. Оценка самими осуждёнными назначенного наказания как справедливого, позитивное воздействие на такое восприятие правовыми, психологическими, педагогическими средствами выступают *необходимым условием эффективности наказания*. Нужны комплексные исследования отношения осуждённых не только к содеянному, но и воздаянию за него.

Не менее значима оценка наказания обществом и прежде всего потерпевшими от преступлений. Так, чрезмерно суровым назначенное наказание полагают всего 4 % опрошенных, а 12 % – что оно могло бы быть мягче. Свыше трети потерпевших (37,33 %) оценили назначенное наказание

как справедливое. Однако 22,67 % потерпевших считают наказание несправедливым, полагая, что оно могло быть строже, а 24 % сочли его чрезмерно мягким.

Любое усиление репрессии в рамках осуществляемой уголовной политики нуждается в действенном компенсационном механизме в целях погашения как вынужденных, так и избыточных социальных издержек. С начала проведения специальной военной операции уголовное законодательство ожидаемо стало более суровым, что немедленно сказалось и на правоприменительной практике. С некоторой задержкой, но состоялось и введение приобретающих системный характер «сдержек и противовесов».

Так, со дня официального опубликования на Официальном интернет-портале правовой информации 24.06.2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [10]. 6 марта 2024 г. в Госдуму внесен проект Федерального закона № 569651-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» об освобождении от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время [11]. 8 марта 2024 г. обнародовано, что В.В. Путин подписал Указ о помиловании 52 осуждённых женщин. При принятии решения о помиловании глава государства руководствовался принципами гуманности. Прежде всего помилованы женщины, имеющие несовершеннолетних детей, беременные женщины, а также женщины, родственники которых участвуют в специальной военной операции [12].

Очевидно, что не менее опасны последствия чрезмерной экономии репрессии. Избыточная экономия обуславливает деморализацию сотрудников правоохранительных органов, обесмысливает деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, создает реальную угрозу обществу и влечёт опасность самосуда; обеспечивает реализацию принципов гуманизма и милосердия лишь в отношении преступников, но допускает несправедливость и жестокость по отношению к законопослушным гражданам [13].

Однако почти 56 % опрошенных нами специалистов в области уголовного права признали более репрессивным действующий УК по сравнению УК РСФСР 1960 г. Характерно, что такого мнения придерживается 57,64 % опрошенных судей. Более того, с тем, что УК позволяет всегда назначить действительно справедливое наказание, согласились менее 7 % респондентов (в т. ч. менее 4 % судей), а с тем, что «как правило, позволяет» – 65,26 % (включая 77,78 % судей). Настораживает, что почти 26 % респондентов выбрали ответ «нет» или «как правило, нет». Однако при этом почти четверть респондентов (в т. ч. почти 40 % сотрудников прокуратуры и органов внутренних дел) заявили, что смягчение наказания при его

назначении на практике применяется чрезмерно часто. Напротив, каждый пятый опрошенный (в т. ч. каждый третий из опрошенных адвокатов и правозащитников) полагает, что такое смягчение применяется недостаточно часто или редко. Большинство ответивших (включая свыше 72 % судей) настаивают на том, что такого рода смягчение применяется только при наличии законных оснований.

С тем, что принцип экономии уголовной репрессии должен быть закреплён в качестве самостоятельного принципа уголовного законодательства, солидарно 28,38 % респондентов (в т. ч. 30,23 % научных сотрудников и 43,62 % опрошенных адвокатов и правозащитников), ещё 23,43 % допускают возможность его формулирования в качестве самостоятельной части принципа гуманизма или справедливости, а каждый пятый опрошенный (в т. ч. каждый третий судья) исходят из того, что данный принцип уже фактически закреплён в ч. 1 ст. 60 УК РФ. Чуть более 14 % респондентов сочли такое решение излишним, но по той причине, что этот принцип уже фактически закреплён в ряде предписаний УК РФ.

Не случайно М.В. Бавсун настаивает на необходимости объединения в уголовном законе вокруг генеральной идеи, которая должна получить социальное одобрение. По его мнению, экономия воздействия является олицетворением такого идеологического начала: правоприменитель должен исходить из его минимального объёма за преступления, не представляющие большой общественной опасности [14].

Таким образом, принцип экономии репрессии объективно обусловлен. Требование экономии закономерно, оно, помимо криминологических и экономических, имеет ярко выраженные социальные предпосылки.

1. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. С. 107.

2. Цена преступности (методология ее определения): монография / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 32, 35.

3. Кругликов Л.Л. Ярославская юридическая школа: к истории вопроса о соотношении науки уголовного права и криминологии // Научные основы уголовного права и процессы глобализаций: материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 года). М.: Проспект, 2010. С. 538.

4. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 140.

5. Жалинский А.Э. Уголовная политика и задачи уголовного права // Право и политика. 2006. № 6. С. 9.

6. Ведяхин В.М., Галузин А.Ф. Конституционный Суд РФ об общеправовых принципах // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 185.

7. Григорьев Л.М., Курдин А.А. Экономические последствия уголовной репрессии в отношении предпринимателей // Экономическая свобода и государство: друзья или враги. М.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012. С. 188.

8. Данные получены в результате анкетных опросов: 166 ученых, преподавателей вузов, из них – 46 докторов юридических наук, 87 – кандидатов юридических наук, 783 сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, адвокатуры и судей из 25 субъектов РФ, а также Республики Белоруссия, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Украины; 627 осужденных к лишению свободы лиц (Омская область); 300 лиц, признанных потерпевшими от преступлений (Омская область).

9. *Бабаев М.М.* Уголовное наказание как восприятие // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5. С. 114.

10. <http://pravo.gov.ru>

11. https://storage.consultant.ru/site20/202403/06/fz_060324-569651.pdf#utm_campaign=fd&utm_source=consultant&utm_medium=email&utm_content=body

12. <http://kremlin.ru/acts/news/73623>

13. Скобликов П.А. Современные российские амнистии: основания и последствия // Закон. 2014. № 8. С.111, 113.

14. *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск: Омская академия МВД России, 2014. С. 99, 180.

УДК 349.3

Д.А. Сторожук

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)

D.A. Storozhuk

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

**ПРОАКТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СОЦИАЛЬНОМ
СТРАХОВАНИИ НА СЛУЧАЙ ВРЕМЕННОЙ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ
И В СВЯЗИ С МАТЕРИНСТВОМ**

**PROACTIVE PROCEDURES IN COMPULSORY SOCIAL INSURANCE
FOR TEMPORARY INCAPACITY TO WORK
AND IN CONNECTION WITH MATERNITY**

Рассматриваются некоторые проблемы, связанные с развитием беззаявительных процедур при назначении отдельных видов социально-страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

Ключевые слова: *обязательное социальное страхование, проактивная процедура, беззаявительный порядок назначения пособия, единовременное пособие при рождении ребенка, пособие по беременности и родам.*

The article considers some problems related to the development of proactive procedures in the appointment of certain types of social insurance benefits under compulsory social insurance for temporary incapacity for work and in connection with maternity.

Keywords: *compulsory social insurance, proactive procedure, claim-free benefit assignment procedure, lump-sum childbirth benefit, maternity benefit.*

Одной из современных тенденций в правовом регулировании отношений в сфере социального обеспечения можно считать появление норм, устанавливающих так называемые проактивные процедуры. При этом неизбежно возникает вопрос, какое значение следует вкладывать в содержание «проактивности» как характеристики некоторых процедурных отношений, относящихся к предмету отрасли права социального обеспечения?

В действующем законодательстве проактивность напрямую связывается с особым режимом предоставления государственных и муниципальных услуг. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон № 210-ФЗ) дополнен ст. 7.3, устанавливающей требования к организации предоставления государственных и муниципальных услуг в упреждающем (*проактивном*) режиме, который заключается в возможности самостоятельного инициирования процедуры предоставления публичной услуги органом власти или уполномоченным им субъектом на основании имеющихся в их распоряжении сведений и информации до получения необходимого запроса от заявителя [1]. Иными словами, проактивность в этом случае предполагает самостоятельную *подготовку* публичным субъектом результата предоставления публичной услуги, не дожидаясь обращения заявителя. Однако это отнюдь не исключает заявительный порядок обращения за ней. Следует отметить, что п. 2 ст. 4 Закона № 210-ФЗ называет заявительный порядок в качестве одного из принципов предоставления государственных и муниципальных услуг. Кроме того, из легальных определений понятий «государственная услуга» и «муниципальная услуга», содержащихся в ст. 2 Закона № 210-ФЗ, следует, что наличие запроса заявителя является ключевым признаком, позволяющим рассматривать ответную деятельность органа публичной власти или уполномоченного им субъекта по реализации публичной функции в пределах установленных законодательством полномочий в качестве услуги. Тем самым предусмотренный в Законе № 210-ФЗ проактивный режим предоставления публичной услуги не означает порядка, который можно охарактеризовать как «автоматический» или «беззаявительный», исключающий участие самого заявителя в процедуре.

Анализируя нормы, регулирующие отношения в области социального обеспечения, можно прийти к выводу, что проактивность применяемых здесь процедур имеет более широкое содержание. Ярким примером здесь могут служить нормы Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Закон о страховых пенсиях). В нем также, как и в Законе № 210-ФЗ, предусмотрены процедуры, заключающиеся в предварительной подготовке к предоставлению социального обеспечения, но не исключающие заявительный характер реализации права на него – например, предусмотренная ст. 22.1 процедура назначения страховой пенсии по старости в автоматическом режиме. Однако этим проактивные процедуры не исчерпываются. Можно сказать, что большая часть предусмотренных в данном законе проактивных процедур характеризуется *беззаявительным* (автоматическим) режимом предоставления социального обеспечения. Причем правовые последствия, наступающие без истребования заявления от гражданина, могут выражаться не только в возникновении материального социально-обеспечительного правоотношения (например, при назначении страховой пенсии по инвалидности в соответствии со ст. 25.1 Закона о страховых пенсиях), но и в его изменении (например, перерасчет размера страховой пенсии работающему пенсионеру по основанию, установленному в п. 3 ч. 2 ст. 18 Закона о страховых пенсиях).

Сфера применения беззаявительных процедур постепенно увеличивается, охватывая всё большее число отношений по предоставлению социального обеспечения. С 2022 г. проактивным режимом характеризуется порядок назначения отдельных видов обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством происходит.

Анализ положений ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (далее – Закон № 255-ФЗ) позволяет прийти к выводу, что беззаявительный порядок применяется при назначении застрахованному лицу пособия по временной нетрудоспособности, пособия по беременности и родам и единовременного пособия в связи с рождением ребенка. Такой вывод следует, во-первых, из ч. 6 ст. 13 Закона № 255-ФЗ, согласно которой основанием для назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам признаётся листок нетрудоспособности, сформированный медицинской организацией и размещенный в информационной системе страховщика в форме электронного документа. Во-вторых, из ч. 9 ст. 13 Закона № 255-ФЗ, предусматривающей назначение и выплату страховщиком застрахованному лицу единовременного пособия при рождении ребенка на основании сведений, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния, и сведений, запрашиваемых страховщиком, в частности, у оператора федеральной информационной

системы ведения указанного реестра. Показательно также, что из новой редакции ст. 13 Закона № 255-ФЗ применительно к рассматриваемым пособиям практически исчезло упоминание об обращении застрахованного лица за ними, за исключением ч. 19, регулирующей порядок назначения страхового обеспечения в случае прекращения страхователем деятельности либо в случае невозможности установления его фактического места нахождения.

Многими исследователями отмечается, что внедрение и развитие беззаявительных процедур в праве социального обеспечения детерминировано развитием соответствующих информационных технологий [2]. Применительно к назначению и выплате указанных пособий очевидно, что необходимыми предпосылками послужили переход к форме электронного документа для листка нетрудоспособности практически во всех случаях, а также создание Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния и обеспечение межведомственного информационного взаимодействия между его оператором и страховщиком.

Обращает на себя внимание, что беззаявительная процедура назначения предусмотрена Законом № 255-ФЗ в отношении не всех видов социально-страхового обеспечения, предоставляемых по его нормам. Процедура назначения и выплаты ежемесячного пособия по уходу за ребенком, а также социального пособия на погребение по-прежнему предполагает необходимость обращения получателя за ним. Это можно объяснить тем, что право на пособие в данном случае предоставляется одновременно нескольким лицам. Так, пособие по уходу за ребенком может быть назначено застрахованному лицу, которое является матерью, отцом, другим родственником или опекуном ребенка, фактически осуществляющим уход за ним. В свою очередь социальное пособие на погребение может быть назначено супругу, близкому родственнику, иному родственнику, законному представителю умершего или иному лицу, взявшему на себя обязанность осуществить погребение умершего. Такой многосубъектный состав на стороне получателя пособия и отсутствие объективных данных, позволяющих заранее презюмировать выбор в пользу одного из субъектов, не позволяет исключить волеизъявление получателя из числа необходимых юридических фактов.

В этой связи вызывает сомнения обоснованность решения законодателя в пользу беззаявительной процедуры при назначении и выплате единовременного пособия при рождении ребенка. Дело в том, что в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» правом на данное пособие обладает один из родителей либо лицо, его заменяющее. Если оба родителя ребенка являются застрахованными лицами по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, кому из них данное пособие

должно быть назначено страховщиком в беззаявительном порядке? В соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона № 255-ФЗ данное пособие должно быть назначено страховщиком в срок не превышающей 10 рабочих дней со дня поступления сведений о государственной регистрации рождения, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния. Но при этом никак не обозначено лицо из числа возможных получателей, которому в указанный срок должно быть назначено пособие.

Ответ на исследуемый вопрос также не содержится в Порядке и условиях назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей, утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 668н (далее – Порядок и условия). Более того, положения данного подзаконного нормативного правового акта в настоящее время противоречат положениям Закона № 255-ФЗ, поскольку по-прежнему предусматривают для лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, назначение и выплату рассматриваемого пособия по месту работы, а не страховщиком (п. 27), необходимость предоставления заявления о назначении пособия, выданной органами ЗАГС справки о рождении ребенка, справки с места работы другого родителя о неназначении ему пособия (п. 28), а также назначение пособия в 10-дневный срок с даты приема заявления (п. 30). Справедливости ради, стоит отметить, что перечисленные положения Порядка и условий являются общими для застрахованных и получателей из числа лиц, проходящих военную службу по контракту или приравненную к ней службу, для которых процедура назначения и выплаты единовременного пособия при рождении ребенка не изменилась. Тем не менее очевидно, что Порядок и условия должны быть приведены в соответствие с Законом № 255-ФЗ.

На официальном сайте Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации можно обнаружить позицию, согласно которой при получении фондом из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния сведений, необходимых для назначения и выплаты пособия при рождении ребенка, информационной системой страховщика в автоматизированном режиме получателем пособия в приоритетном порядке выбрана мать ребенка [3]. Этим страховщик пытается преодолеть возникший пробел, руководствуясь, очевидно, соображением, что мать ребенка незадолго до его рождения являлась получателем страхового обеспечения в виде пособия по беременности и родам. Следовательно, страховщик располагает необходимыми сведениями (например, банковскими реквизитами) для выплаты ей же единовременного пособия при рождении ребенка. Тем не менее такой подход является вынужденным, потому что законодательство не обеспечивает полноты правового регулирования

процедуры назначения социально-страхового обеспечения, что само по себе заслуживает отрицательной оценки.

Также назначение и выплата единовременного пособия при рождении ребенка застрахованным лицам в проактивном порядке может быть сопряжено с некоторыми трудностями, если второй родитель ребенка проходит военную службу по контракту или приравненную к ней службу. До 2022 г. установленные в Порядке и условиях правила позволяли в этом случае родителям самостоятельно решить, где будет назначено и выплачено данное пособие – по месту работы (службы) одного из них. Причем данный выбор одновременно означал определение организационно-правовой формы социального обеспечения, в рамках которой должно быть предоставлено пособие – если за пособием обращалось лицо, проходящее службу, пособие предоставлялось в системе государственного социального обеспечения, а не обязательного социального страхования. Если же мы имеем дело с беззаявительной процедурой в системе обязательного социального страхования, обозначенный выбор, очевидно, будет предопределен в пользу застрахованного лица. Однако если застрахованным является отец, а не мать ребенка, у страховщика может возникнуть проблема с назначением пособия по причине отсутствия необходимых для выплаты пособия сведений, в частности о приоритетном для застрахованного лица способе получения пособия. При этом упоминавшаяся ч. 1 ст. 15 Закона № 255-ФЗ, устанавливая срок для назначения и выплаты страховщиком единовременного пособия при рождении ребенка, не предусматривает его исчисление с момента предоставления необходимых сведений страхователем или застрахованным лицом, в отличие от пособия по временной нетрудоспособности или пособия по беременности и родам.

Из числа предусмотренных Законом № 255-ФЗ разновидностей социально-страхового обеспечения, в которых отсутствует многосубъектность на стороне получателя, сомнения относительно беззаявительного порядка можно высказать применительно к пособию по беременности и родам. В тех случаях, когда на застрахованное лицо распространяются положения трудового законодательства, реализация права на данное пособие связана с одновременным применением ст. 255 Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которой отпуск по беременности и родам предоставляется женщине *по её заявлению*. Данная норма в настоящее время препятствует назначению и выплате пособия по беременности и родам в беззаявительном порядке. По данной причине подп. «б» п. 22 Правил получения Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации сведений и документов, необходимых для назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия по уходу за ребенком, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 2010,

обязывает страхователя не позднее 3 рабочих дней со дня получения данных о закрытии электронного листка нетрудоспособности по запросу страховщика разместить в информационной системе страховщика сведения о дате начала отпуска по беременности и родам. Очевидно, что данные сведения могут отличаться от указанных в листке нетрудоспособности.

В завершение следует указать, что рассмотренные проблемы не исчерпывают всего спектра вопросов, связанных с применением проактивных процедур в обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Реализация таких процедур, несмотря на то, что их развитие в законодательстве о социальном обеспечении имеет объективный характер, требует дальнейшей проработки. Также хотелось бы отметить, что беззаявительный характер процедур назначения отдельных видов социально-страхового обеспечения в нормах Закона № 255-ФЗ носит скорее подразумеваемый нежели явно выраженный характер. В этой связи показательным будет сравнение соответствующих положений Закона № 255-ФЗ с аналогичными по своей сути нормами, например, Закона о страховых пенсиях, в которых прямо указано, что те или иные правовые последствия возникают без подачи гражданином заявления (например, п. 3 ч. 2, ч. 6.1 и ч. 7 ст. 18, ст. 25.1, ст. 25.2). Более того, в ч. 4.1 ст. 21 Закона о страховых пенсиях есть общая норма, которая для всех предусмотренных этим законом беззаявительных процедур вводит презумпцию согласия гражданина с соответствующими правовыми последствиями. А в некоторых нормах прямо закрепляется его право на отказ от их наступления. Полагаем, что нормы Закона № 255-ФЗ должны следовать такой же логике.

1. Кабытов П.П., Стародубова О.Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11 / Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Пуляевская И.А., Якимова Е.М. Проактивный режим предоставления публичных услуг: на пути к отмене заявительного порядка предоставления публичных услуг // Административное право и процесс. 2021. № 4 / Доступ из СПС «Консультант Плюс».

2. См. напр.: Воронин Ю.В., Рогачев Д.И. Пенсионные правоотношения // Проблемы общей части права социального обеспечения: монография / под ред. Э.Г. Тучковой. М.: Проспект, 2017. С. 287; Чирков С.А. К постановке вопроса о целесообразности развития беззаявительных процедур в пенсионном праве // Социальное и пенсионное право. 2019. № 3 / Доступ из СПС «Консультант Плюс».

3. О назначении и выплате органами Социального Фонда Российской Федерации страхового обеспечения на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством // https://sfr.gov.ru/grazhdanam/social_support/direct_payments.

К.В. Тарасова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

K.V. Tarasova

Saint-Petersburg University
(Saint-Petersburg, Russia)

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЬБЫ ИМУЩЕСТВА, ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО
ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ, В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

**DETERMINING THE FATE OF PROPERTY OWNED BY THIRD
PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
SOME PROBLEMS**

Рассматривается проблема отсутствия должного правового регулирования положения лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым по уголовному делу, - собственника имущества, которое может быть признано вещественным доказательством по уголовному делу либо подлежит конфискации.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, конфискация, вещественные доказательства, законный владелец.

The article examines the problem of the lack of proper legal regulation of the position of a person who is not a suspect or accused in a criminal case - the owner of property that can be recognized as material evidence in a criminal case or is subject to confiscation.

Keywords: seizure of property, confiscation, material evidence, legal owner

При расследовании уголовных дел могут быть ограничены не только права подозреваемых, обвиняемых, но и лиц, которые не причастны к совершению преступления и не несут материальной ответственности за действия подозреваемых и обвиняемых. В том числе может быть ограничено конституционное право собственности на недвижимое имущество (например, на земельные участки, здания).

Рассмотрим некоторые проблемы, связанные с ограничением права собственности на недвижимое имущество третьих лиц, на следующем примере.

Иванова приобрела у Петровой земельный участок. Через некоторое время следователь уведомил Иванову о том, что земельный участок признан вещественным доказательством и арестован в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении Петровой. По версии следствия, Петрова приобрела земельный участок у муниципального образования на льготных

условиях, хотя права на это не имела. Петрова привлечена в качестве обвиняемой по ч. 4 ст. 159 УК РФ и ч. 2 ст. 174.1 УК РФ.

Каковы последствия для Ивановой, которая купила земельный участок до возбуждения уголовного дела по рыночной цене и не знала и не могла знать, что земельный участок получен Петровой преступным путем?

Имущество третьих лиц, в том числе недвижимое имущество, может быть признано вещественным доказательством по уголовному делу (ч. 1 ст. 81 УПК РФ). Признание имущества вещественным доказательством, если оно получено в результате совершения преступления, сопряжено с наложением ареста на такое имущество (п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ). Кроме того, признание имущества вещественным доказательством, даже если на него не наложен арест, ограничивает права собственника на распоряжение таким имуществом.

При вынесении приговора, при прекращении уголовного дела должен быть разрешен вопрос о вещественных доказательствах (ч. 2 ст. 81, п. 9 ч. 2. ст. 213, п. 3 ч. 3 ст. 239, п. 12 ч. 1 ст. 299, п. 2 ч. 1 ст. 309 УПК РФ).

Вещественное доказательство может быть передано его законному владельцу.

Здесь, кажется, Иванова должна быть защищена, поскольку является собственником земельного участка, её право собственности не оспорено.

Однако понятие законного владельца суд может истолковать иначе. Так, Верховный Суд РФ по конкретному делу принял Постановление от 17 июля 2017 г. № 201-УД17-9.

Гражданин Л. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ, а именно: гражданин Л. приобрел право на спорное жилое помещение, имея в собственности по акту приватизации четырехкомнатную квартиру. В отношении спорной квартиры произведена регистрация права собственности Л. и членов его семьи в равных долях, а затем Л. произвел отчуждение принадлежащей ему доли по договору дарения в пользу Л.

Потерпевший – Министерство обороны РФ – заявляло гражданский иск. В иске было отказано, однако суд постановил вернуть квартиру законному владельцу – Министерству обороны РФ.

Жалобу на приговор в части решения вопроса о вещественном доказательстве подали сособственники спорной квартиры. Однако Верховный Суд РФ в своем Постановлении указал, что главами 6 – 8 УПК РФ установлен исчерпывающий перечень субъектов уголовного судопроизводства, к числу которых указанные лица – собственники спорной квартиры – не отнесены.

То есть законным владельцем суд посчитал не тех лиц, которые указаны в ЕГРН в качестве собственников недвижимого имущества, а потерпевшего по уголовному делу.

В нашем примере законным владельцем тоже может оказаться не Иванова, а потерпевший – муниципальное образование.

Суд уголовный разрешает спор о праве гражданском, при этом разрешает его не в состязательной процедуре.

Если бы муниципальное образование предъявило к Ивановой иск в порядке гражданского судопроизводства, то это было бы полноценное судебное разбирательство, где стороны равны в своих правах и обязанностях.

Но только не в суде уголовном. Уголовный процесс не предоставляет Ивановой никаких возможностей для защиты её права, что представляется неверным.

Если право собственности Ивановой ставят под сомнение на основании собранных следствием доказательств, она должна видеть эти доказательства, должна иметь возможность опровергать их, представлять новые доказательства.

Имущество может быть конфисковано по основаниям, предусмотренным ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ.

И при этом Иванова никаким образом на разрешение судом этого вопроса повлиять не может.

В норме о конфискации сказано, что не подлежит конфискации имущество, если приобретатель не знал и не должен был знать о том, что имущество добыто преступным путем. Учитывая, что собственник теперь третье лицо, к преступлению непричастное, суд при рассмотрении уголовного дела должен разрешить вопрос о том, подлежит ли защите право собственности этого покупателя.

Однако никаких процессуальных прав в уголовном процессе для доказывания своей добросовестности у нового собственника нет. Более того, суды не допускают таких лиц к участию в деле (только при рассмотрении вопроса о продлении наложенного на имущество ареста), поскольку в УПК РФ такого участника процесса нет. А если лицо допрошено в качестве свидетеля, то оно не может даже в качестве слушателя участвовать в заседаниях до его допроса.

А если Петрова скажет, что Иванова знала, что имущество добыто в результате преступления? Иванова даже не узнает об этом. Она не сможет задавать вопросы Петровой, не сможет оспаривать её показания.

Из вышеизложенного следует сделать вывод, что права третьего лица, являющегося собственником имущества, которое признано вещественным доказательством по уголовному делу или подлежит конфискации, при рассмотрении и разрешении уголовного дела должным образом не учитываются. Представляется, что добросовестный собственник лишается права на доступ к правосудию, лишается права защищать свое право собственности в состязательном процессе.

УДК 343.511

Ю.А. Тарасова (SPIN-код 3321-7919),

Е.Д. Абрамова

Сызранский филиал Самарского государственного экономического
университета
(Сызрань, Россия)

Y.A. Tarasova, E.D. Abramova

Syzran Branch of Samara State University of Economics
(Syzran, Russia)

ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВО В РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

COUNTERFEITING IN RUSSIA: CRIMINAL LAW ASPECT

Авторы исследуют эволюцию ответственности за изготовление и сбыт поддельных денег. Рассматриваются санкции за данное преступление, содержащееся в современном законодательстве. Делается вывод о гуманизации ответственности за фальшивомонетничество. Предлагаются меры превентивной работы с населением для предотвращения данного преступления.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, уголовная ответственность, изготовление, хранение, перевозка и сбыт поддельных денег и ценных бумаг.

The authors explore the evolution of responsibility for making and marketing counterfeit money. The sanctions for this crime contained in modern legislation are considered. It is concluded that responsibility for counterfeiting is humanized. Measures of preventive work with the population are proposed to prevent this crime.

Keywords: counterfeiting, criminal liability, production, storage, transportation and sale of counterfeit money and securities.

Фальшивомонетничество всегда было актуальной проблемой для государства. Данное правонарушение подрывает финансовую стабильность, ведет к неконтролируемому росту массы денег в обороте, необеспеченной выпуском продукции. Фальшивомонетничество способствует криминализации целых отраслей экономики, росту количества иных преступлений. Губительное действие фальшивомонетничества использовалось противниками России в годы Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны, когда на территорию глубокого тыла забрасывались фальшивые деньги. В условиях военного конфликта России и Украины угроза дестабилизации экономики путем массового вброса фальшивых денег представляется более чем возможной.

Обеспечение финансовой стабильности является одной из основных задач государства, поэтому все государства ведут борьбу с данным правонарушением, постоянно усовершенствуют способы защиты национальной валюты от подделок, актуализируют уголовное законодательство для наиболее полного отражения и учета всех обстоятельств и признаков данного деяния.

В российской истории борьба с фальшивомонетничеством осуществлялась на уровне государства практически с момента начала централизованной чеканки денег, т. е. с реформы Елены Глинской. Основные этапы эволюции наказания за данное правонарушение можно обобщить в виде таблицы 1.

Таблица 1. Этапы эволюции наказания за фальшивомонетничество в законодательстве России [2]

Нормативно-правовой акт	Состав преступления	Санкции
«Соборное уложение» 1649г.	Преступлением считалось как фальсификация монет, так и порча драгоценного металла путем добавления к серебру меди, олова или свинца.	Высшей мерой наказания являлось заливание расплавленного металла в горло виновным.
«Артикул Воинский» 1715г.	Объективной стороной преступления считались такие действия, как: изготовление монеты государственным чеканом, примесь другого неблагородного металла в состав монеты, уменьшение стандартного веса монеты. Недонесение о фальшивомонетничестве.	Лишение чести и имущества. Смертная казнь (сжигание).
«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845г.	Подделка металлических денег, выпуск или привоз русской монеты, произведенной в других странах. Подделка и участие в изготовлении иностранных монет.	В первом случае преступлений назначалась каторга сроком 8-12 лет. Во втором случае – каторга 4-6 лет.
«Уголовное уложение» 1903г.	Подделка: 1) российской монеты, хотя бы и из металла узаконенной для неё пробы, или государственного	Каторга на срок до восьми лет или заключение в исправительном доме.

	кредитного билета; 2) российской государственной процентной бумаги, купона или талона от неё, или билета государственного кредитного установления, или иной ценной государственной бумаги, наказывался каторгою на срок до двенадцати лет.	
Советский Уголовный кодекс 1922г.	Подделка или сбыт в виде промысла поддельных денежных знаков.	Расстрел с возможностью учета смягчающих обстоятельств, которые могли понизить наказание до лишения свободы с изоляцией на срок не ниже 2 лет с конфискацией имущества.
Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (ст. 87)	Изготовление с целью сбыта, а также сбыт поддельных государственных казначейских билетов, билетов Государственного банка СССР, металлической монеты, государственных ценных бумаг или иностранной валюты.	Лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества.
Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ст. 186)	Изготовление в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте, а равно хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт.	Принудительные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на срок до восьми лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до пяти лет, или без такового.

Проанализировав таблицу, можно заметить, что постепенно, с выходом нового закона, наказания за преступления, связанные с подделкой денег, гуманизируются. Так, например, если в Соборном уложении 1649 г. высшей мерой наказания являлось заливание расплавленного металла в горло виновным, что влекло неминуемую смерть, то в Уголовном кодексе РСФСР

1960 г. (ст. 87) санкция была в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества, а в настоящем Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ст. 186) преступника могут наказать принудительными работами или лишением свободы со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до пяти лет, или без такового.

Гуманизацию наказания за преступление в сфере фальшивомонетничества можно проследить и на примере судебной практики.

В деле, которое рассматривалось в Центральном районном суде г. Читы Забайкальского края, подсудимый совершил приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального Банка Российской Федерации номинальной стоимостью 5000 рублей в количестве 20 штук.

Подсудимый вину признал и суду пояснил, но от дачи показаний отказался, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ. Опрошенные свидетели также подтвердили, что приняли у обвиняемого поддельные деньги, не зная о том, что те являются фальшивыми.

Данное лицо привлекли к уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 186 УК РФ. На основании п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ суд признал смягчающие вину обстоятельства – явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ – признание вины, раскаяние в содеянном, наличие заболеваний. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено. Учитывая наличие смягчающих наказание обстоятельств, суд при назначении наказания применил правила ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Суд приговорил данное лицо признать виновными в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.186 УК РФ, и назначить наказание в виде лишения свободы сроком на 3 (три) года. На основании ст. 73 УК РФ наказание считать условным с испытательным сроком 3 года.

Таким образом, можно заметить, что, несмотря на тяжесть данного преступления, суд, учитывая смягчающие обстоятельства, отягчающие отсутствуют, назначил достаточно гуманное наказание.

На сегодняшний день законодательное регулирование ответственности за фальшивомонетничество осуществляется на основе ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг». А.О. Салтыкова отмечает, что в данной статье четыре действия влекут за собой практически одинаковую ответственность, при этом они могут значительно отличаться по своим вредным последствиям для общества. В частности, хранение поддельных денежных знаков может не сопровождаться целью их сбыта [3]. В таком случае, по мнению И.И. Кучерова, уголовная ответственность исключается [4].

Следует отметить, однако, что законодатель, не включив в статью оговорку о цели хранения, изначально считает, что хранение поддельных денег сопряжено с прямым умыслом их дальнейшего использования. Поэтому правоохранителям не требуется достоверно установить наличие умысла на сбыт при обнаружении хранения. Также, по мнению многих юристов, хранение фальшивых денег без цели сбыта уже предполагает, что эти деньги можно сбыть в любой момент, т. е. данное хранение уже подразумевает наличие умысла на сбыт купюр. Отдельно следует выделить случай, когда лицо не знает, что хранит поддельные деньги. В такой ситуации при установлении у себя таковых ему лучше сразу обратиться в правоохранительные органы.

Превентивные меры по борьбе с фальшивомонетничеством могут включать оповещение населения о том, как отличить поддельные деньги от настоящих. Рублевые банкноты обладают особенными элементами защиты, которые сложно и иногда даже невозможно подделать. Данные элементы включают в себя: цветопеременную краску; водяные знаки; скрытые радужные полосы; увеличенный рельеф; кипп-эффект; микроперфорацию; защитную нить; микротекст и защитные волокна. Специалисты советуют убедиться в наличии не менее трех элементов защиты, чтобы удостовериться в подлинности купюры.

Таким образом, фальшивомонетничество является одной из важных проблем для нашего государства. Преступления, связанные с фальсификацией денег, а именно изготовление, приобретение, хранение, перевозка с целью сбыта и сбыт поддельных банкнот, могут дестабилизировать финансовую систему России. Поэтому важно соблюдать превентивные меры по предотвращению подобных преступлений и пресекать их.

1. Уголовный кодекс РФ. Ст. 186 //СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a102e84cc9f4d4ebfb14bbd474c1bbdaaf4cb1bf/ (дата обращения: 22.03.2024).

2. *Байдужа Д.Е., Крюкова А.А.* Возникновение и развитие фальшивомонетничества // Форум молодых ученых. 2017. №11 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-falshivomonetnichestva> (дата обращения: 22.03.2024).

3. *Салтыкова А.О.* Фальшивомонетничество: способы предотвращения и ответственность // Молодой ученый. 2022. № 22 (417). С. 382.

4. *Кучеров И.И.* Порча денег и фальшивомонетничество: правовая сторона явлений и ответственность // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/porcha-deneg-i-falshivomonetnichestvo-pravovaya-storona-yavleniy-i-otvetstvennost> (дата обращения: 22.03.2024).

УДК 341; 346.6

О.Н. Толочко

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN-код [3454-2720](#)

O.N. Tolochko

Belorussian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗЕЛЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В ЕАЭС

LEGAL ASPECTS OF GREEN FINANCING OF ENERGY PROJECTS IN THE EAEU

Анализируются актуальные проблемы правового регулирования зелёных финансов на уровне ЕАЭС. Обосновывается важность международного сотрудничества и унификации законодательства о зелёных кредитах, зелёных облигациях, верификации проектов, отчетности и т. д. Предлагаются правовые меры по совершенствованию норм права ЕАЭС и законодательства Республики Беларусь в области финансирования зелёных энергетических проектов.

Ключевые слова: *зелёное финансирование, право ЕАЭС, переход к зелёной энергетике, зелёные облигации, верификация, таксономия.*

Current problems of legal regulation of green finance at the EAEU level are analyzed. The importance of international cooperation and unification of legislation on green loans, green bonds, project verification, reporting, etc. is substantiated. Legal measures are proposed to improve the legal norms of the EAEU and the legislation of the Republic of Belarus in the field of financing green energy projects.

Keywords: *green finance, EAEU law, transition to green energy, green bonds, verification, taxonomy.*

Переход к зелёной энергетике, основанной на принципах устойчивого развития, охраны окружающей среды и смягчения негативного антропогенного воздействия на климат, требует привлечения значительного объёма государственных и частных инвестиций. Общественная значимость зелёных энергетических проектов обуславливает необходимость разработки механизмов целевого финансирования проектов, направленных на развитие возобновляемой энергетики, снижение энергоэффективности и декарбонизацию. Мировая финансовая система перестраивается на зелёные рельсы с тем, чтобы государства и субъекты хозяйствования были прямо

заинтересованы в снижении выбросов парниковых газов и достижении целей Парижского соглашения по климату 2015 г.

Основными инструментами зелёного финансирования в настоящее время являются целевые зелёные, т. е. ориентированные на экологические проекты, облигации и кредиты. Условиями реализации таких инструментов является выполнение получателем денежных средств определенных показателей. В Республике Беларусь рынок зелёного финансирования находится в стадии формирования. До последнего времени активную роль в финансировании климатических проектов играли международные финансовые организации – Международный банк реконструкции и развития, Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, которые, однако, прекратили финансирование новых проектов в Беларуси. В настоящее время кредитную поддержку экологических проектов малых и средних предприятий осуществляет ОАО «Банк развития Республики Беларусь». Определённый опыт в зелёном финансировании имеют некоторые коммерческие банки. Основными направлениями государственных зелёных инвестиций являются энергоэффективность и энергосбережение, транспорт и инфраструктура. Однако этого явно недостаточно. В 2021 г. Министерством финансов Республики Беларусь, Международным финансовым центром «Астана» и Евразийским банком развития было подписано Рамочное соглашение о сотрудничестве, нацеленное на содействие Республике Беларусь в привлечении «зеленого» финансирования на платформе Международного финансового центра «Астана» с участием Центра зеленых финансов МФЦА [1]. К реализации проекта по созданию универсальной зелёной торговой платформы приступила Белорусская валютно-фондовая биржа [2]. Нам представляется, что развитию такого сотрудничества и в целом росту рынка зелёных финансов способствовало бы внесение изменений в ст. 79 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» [3], подобных тому регулированию, которое принято в разделе 4 Экологического кодекса Республики Казахстан [4].

Важной задачей является совершенствование национального законодательства о критериях присвоения зелёного статуса проектам, о мониторинге и т. д., а также унификация соответствующих норм в рамках ЕАЭС.

Для разработки качественного и эффективного законодательства о зелёном финансировании целесообразно использовать наилучшие зарубежные практики, в том числе принятые за пределами ЕАЭС, что позволит, когда сложатся объективные обстоятельства, быстро выйти на международные рынки зелёного финансирования.

Как свидетельствует опыт Швеции и Нидерландов [5], а также Российской Федерации [6], позитивную роль в привлечении средств может сыграть вовлечённость органов местного управления и самоуправления.

Представляется целесообразным внести изменения в Закон Республики Беларусь о местном управлении и самоуправлении 2010 г. [7], позволяющие органам местного управления и самоуправления привлекать финансирование зелёных проектов, в том числе путём эмиссии зелёных облигаций. Для этого в рассматриваемый Закон следует добавить ст. 57¹ «Участие Советов, исполнительных и распорядительных органов в финансировании проектов по развитию возобновляемых источников энергии, повышению энергоэффективности и снижению выбросов парниковых газов», в которой закрепить компетенцию местных органов по разработке, отбору, стимулированию и мониторингу проектов, направленных на достижение указанных целей, в том числе возможность выпуска зелёных облигаций для привлечения средств граждан и юридических лиц. Для стимулирования выпуска зелёных облигаций местными органами управления и самоуправления можно ввести государственное субсидирование купонных выплат, что сделает данный инструмент экономически выгодным и привлекательным для местных властей.

В целом, государства – участники ЕАЭС активно развивают рынки зелёных финансов, однако имеются довольно существенные расхождения в нормативном правовом регулировании и степени реализации.

Очевидно, что в условиях ограниченности внутренних ресурсов привлечение инвестиций для зелёной трансформации энергетического сектора требует выхода на внешние рынки капиталов. В силу этого обстоятельства развитие зелёного финансирования в рамках национального правового поля не является оптимальным решением проблемы. Наиболее перспективным в современных условиях видится унификация законодательства государств – членов ЕАЭС и формирование общего союзного рынка зелёных финансов – облигаций, кредитов и т. д. Кроме того, зелёное финансирование заявлено в качестве одного из приоритетов Евразийского банка развития [8]. Банк имеет опыт финансирования проектов по развитию низкоуглеродной энергетики, в частности, он кредитовал строительство солнечной электростанции в Астраханской области (Россия), гидроузла Полоцкой ГЭС (Беларусь), расширения и реконструкции Экибастузской ГРЭС (Казахстан) и др. Критериями отбора проектов, принимаемых к финансированию или рефинансированию, является соответствие их Целям устойчивого развития 7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надёжным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» (проекты по развитию возобновляемых источников энергии) и 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» (проекты по энергоэффективности) [9].

Необходимо совершенствовать правовую базу ЕАЭС в части развития рынков зелёного финансирования. В настоящее время наибольшим опытом и инструментарием в этой области обладают Московская биржа и

казахстанские KASE (Казахстанская фондовая биржа) и AIX (Международная биржа Астана). Белорусская валютно-фондовая биржа только начинает эту работу. Необходимо налаживать взаимодействие по размещению зелёных финансовых продуктов на всех биржах государств-членов, а также, в условиях сокращения сотрудничества с европейскими финансовыми корпорациями, выходить на азиатские рынки зелёного финансирования. Наиболее перспективным с этой точки зрения является Китай. Евразийская экономическая комиссия могла бы взять на себя часть работ, связанных с выполнением формальных процедур и защитой интересов эмитентов на внешних рынках, поскольку делать это в одиночку государствам-участникам гораздо сложнее.

Развитие рынков зелёного финансирования предполагает создание единых для ЕАЭС систем таксономий зелёных проектов и зелёного финансирования, адаптированных к специфике национального законодательства и экономики государств-участников. Как уже отмечалось, в мире разработаны и функционируют все необходимые инструменты, и наиболее эффективным путём является принятие одного или ряда международных стандартов зелёного финансирования. Помимо значительного упрощения подготовительных работ, принятие признанных международных стандартов и правил облегчит вход на иностранные рынки и, соответственно, привлечение иностранных инвестиций. Проблемным моментом на этом пути является текущая ситуация финансовых ограничений в отношении России и Беларуси, поэтому создание рынка зелёного финансирования на интеграционном уровне представляется одним из перспективных способов встроиться в глобальную систему зелёных инвестиций.

Для реализации этой задачи необходимо, прежде всего, подготовить специалистов, имеющих необходимые компетенции в работе с экологическими инвестиционными проектами и финансовыми инструментами, включая подготовку необходимых документов, помощь в верификации проектов, составлении отчётов и др. Такая подготовка, на наш взгляд, должна вестись на базе Евразийского банка развития с использованием опыта Казахстана, России, возможно, с привлечением китайских, других иностранных специалистов, а также представителей таких международных межправительственных организаций, как Сеть центральных банков и надзорных органов для экологизации финансовой системы (NGFS), Сеть устойчивых финансов Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO) и Международная ассоциация рынков капитала (ICMA).

Развитие рынка зелёных финансов невозможно без согласования с международными стандартами системы нефинансовой отчетности предприятий, поскольку и эмиссия зелёных облигаций, и зелёное кредитование предполагают значительное повышение информационной

открытости для роста доверия со стороны инвесторов. За основу можно взять стандарты Глобальной инициативы по отчетности (Global Reporting Initiative, GRI), которые используются предприятиями более чем в 100 государствах [10].

Таким образом, под влиянием глобальных вызовов происходит формирование правовой и институциональной структуры рынка зелёного финансирования энергетических проектов ЕАЭС. В государствах–членах процесс проходит неравномерно, наиболее продвинулись в этом направлении Казахстан и Российская Федерация.

Финансирование энергетического перехода – общая задача для всех государств–членов ЕАЭС, и объединение усилий на этом направлении позволит реализовать такой переход максимально выгодно и эффективно.

1. Зелёные облигации // Министерство финансов Республики Беларусь. – URL: https://www.minfin.gov.by/ru/securities_department/green/bonds/ (дата обращения: 17.02.2024).

2. *Сабилу С.В* Беларуси развивается зелёное финансирование проектов / *С. Сабилу* // Нефтехимия. – URL: <https://belchemoil.by/news/ecology/v-belarusi-razvivaetsya-zelenoe-finansirovanie-proektov> (дата обращения: 17.02.2024).

3. Об охране окружающей среды: Закон Республики Беларусь 26 ноября 1992 г. № 1982-XII // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19201982> (дата обращения: 17.02.2024).

4. Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI «Экологический кодекс Республики Казахстан» // Юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520&doc_id2=39768520#activate_doc=2&pos=158;-96&pos2=2477;-88. (дата обращения: 17.02.2024).

5. *Журавская К.* Рынок зеленых облигаций: глобальные тренды и особенности в европейских странах / *К. Журавская* // Банकाўскі веснік. – № 10 (711). Кастрычнік 2022. С. 55.

6. Об утверждении решения об эмиссии первого выпуска облигаций Городского облигационного займа для населения: пост. Правительства Москвы 23 мая 2023 г. № 823-ПП // Зелёные облигации Москвы для населения. – URL: <https://greenbonds.moscow/> (дата обращения: 17.02.2024).

7. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь 4 января 2010 г. № 108-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11000108> (дата обращения: 17.02.2024).

8. Стратегия Евразийского банка развития 2022–2026 // Евразийский банк развития. – URL: https://eabr.org/upload/EDB_Strategy_for_2022-2026-RU.cleaned.pdf (дата обращения: 17.02.2024).

9. Политика Евразийского банка развития по выпуску «зеленых» и социальных долговых инструментов: Приложение № 2 к Протоколу заседания Правления Евразийского банка развития от 16 сентября 2021 года № 891 // Евразийский банк развития. С. 8. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/724/ESG-Bonds_04.10.2021_3_rus.cleaned.pdf (дата обращения: 17.02.2024).

10. GRI [Electronic resource]. – URL: <https://www.globalreporting.org/about-gri/> (датаобращения: 17.02.2024).

УДК 343.8

А.А. Урусов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 1262-4866

A.A. Urusov

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ ПРИ ЗЛОСТНОМ УКЛОНЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

THE PRINCIPLE OF PROPORTIONALITY IN CASE OF MALICIOUS EVASION FROM SERVING A CRIMINAL SENTENCE

Рассматриваются вопросы, связанные с исследованием практики исполнения уголовных наказаний без изоляции осужденных от общества. Особое внимание отводится анализу решения проблемы ответственности осужденных при злом уклонении от отбывания наказаний в виде обязательных работ и исправительных работ.

Ключевые слова: *исправительные работы, обязательные работы, злом уклонение от отбывания наказания, принцип пропорциональности, лишение свободы.*

The presented materials address issues related to the study of the practice of executing criminal penalties without isolating convicts from society. Special attention is paid to the analysis of solving the problem of responsibility of convicts in case of malicious evasion from serving sentences in the form of compulsory labor and correctional labor.

Keywords: *correctional work, mandatory work, malicious evasion of serving a sentence, the principle of proportionality, deprivation of liberty.*

Основным направлением реформирования современной уголовной политики Российской Федерации является реализация на практике принципов гуманизма, справедливости и экономии репрессий, закрепленных в уголовном законодательстве и уголовно-правовых науках. Проходящие реформы находят свое отражение в нормативных правовых актах, отражающих сущность национальной практики обеспечения общественной безопасности граждан и общества от криминальных посягательств.

Несмотря на то, что с момента введения в действие УК РФ [1] и УИК РФ [2] прошло уже более четверти века, по-прежнему не утихают споры относительно регламентации ряда уголовно-правовых институтов и содержания отдельных норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Как показывает анализ юридической и специальной литературы, серьезная полемика развернулась вокруг проблем исполнения уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества.

Многолетний опыт применения уголовных наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ позволяет подвести итоги практики назначения и исполнения данных видов наказания. По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние 10 лет удельный вес осужденных к обязательным работам увеличился в 1,5 раза, а удельный вес осужденных к исправительным работам в структуре назначенных судами наказаний значительно сократился, и темп снижения составил 23 % [3]. При этом за последние пять лет существенных изменений в практике назначения уголовных наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ не произошло (см. таблицу 1.).

Таблица 1.

Уголовно-правовая характеристика назначения федеральными судами общей юрисдикции представлений уголовных наказания в виде обязательных работ и исправительных работ [4]

	2018г.	2019г.	2020г	2021г	2022г
Всего осуждено к обязательным работам	11807 7	10256 6	96188	93402	89593
Удельный вес обязательных работ в структуре назначенных судами наказаний	17,4 %	16,8 %	17,4%	15,8%	14,9%
Всего подано ходатайств в суд о замене обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК РФ)	29525	29245	25790	27147	28441
удельный вес ходатайств от общего числа осужденных к обязательным работам	25%	28,5%	26,8%	29%	31,7%
Удельный вес удовлетворенных ходатайств о замене обязательных работ	53,2%	50,8%	47,9%	47,1%	46,1%
Всего осуждено к исправительным работам	57321	51712	42789	48111	50521
Удельный вес исправительных работ в структуре назначенных судами наказаний	8,3%	8,5%	7,7%	8,2%	8,4%
Всего подано ходатайств в суд о замене исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ)	39676	41377	36749	37735	39473
удельный вес ходатайств от общего числа осужденных к исправительным работам	69,2%	80%	85,9%	78,4%	78,1%
Удельный вес удовлетворенных ходатайств о замене исправительных работ	57,1%	54%	51,6%	50,5%	50%

К одной из причин снижения удельного веса назначения данных видов наказания в судебной практике можно отнести проблему трудоустройства осужденных. Как отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, суды при назначении уголовных наказаний обязаны учитывать трудоспособность правонарушителя, наличие или отсутствие у него основного места работы, а также возможность его трудоустройства и другие обстоятельства, связанные с исполнением уголовного наказания [5].

В юридической литературе указывается большой круг проблем, связанных с назначением и исполнением уголовных наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ. Остановимся на рассмотрении только одной проблемы, связанной с ответственностью осужденного за злостное уклонение от отбывания данных видов наказания.

Большое количество осужденных к обязательным работам и исправительным работам отличаются устойчивой антиобщественной направленностью, они стремятся уклониться от отбывания уголовного наказания. Как показывает практика, каждый третий осужденный к обязательным работам и больше половины лиц, отбывающих исправительные работы, неоднократно нарушает порядок и условия отбывания данных видов наказания, и только к половине из них суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции заменяет обязательные работы или исправительные работы на лишение свободы (см. Таблицу 1.).

В большинстве судебных решениях указывается, что применение в отношении осужденного столь суровой меры, как замена обязательных или исправительных работ на лишение свободы, преждевременно и что необходимо предоставить ему возможность доказать свое исправление. Суды принимают данные решения несмотря на то, что по месту жительства осужденные характеризуются отрицательно, злоупотребляют спиртными напитками, неоднократно нарушают трудовую дисциплину.

Анализируя деятельность уголовно-исполнительных инспекций, можно отметить, что назначенное судом наказание не исполняется осужденным ввиду ряда обстоятельств, к которым необходимо отнести и неэффективную работу должностных лиц, и отсутствие результативных нормативно закрепленных регуляторов поведения лиц, отбывающих наказание, и нежелание осужденным исполнять возложенные на него ограничения. Указанные проблемы решить только уголовно-правовыми средствами невозможно, однако они, по нашему мнению, являются отправной точкой для построения эффективной системы государственного реагирования на все случаи неисполнения приговора. Согласимся с позицией С.И. Ивановой, указывающей, что такие нормативные предписания являются необходимым атрибутом самообеспечения уголовного законодательства, без которого выносимые судами обвинительные приговоры превратились бы в «пустое сотрясение воздуха» [6].

Существующая практика привлечения осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, вызывает многочисленную дискуссию. Большинство авторов, участвующих в дискуссии по данной проблеме, указывают на то обстоятельство, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ на лишение свободы применяется «...льготный порядок исчисления сроков» [7], т. е. время наказания, от которого уклонялся осужденный, засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день лишения свободы за восемь часов обязательных работ (ч. 3 ст. 49 УК РФ) или за три дня исправительных работ (ч. 4 ст. 50 УК РФ).

Проводя замену обязательных работ или исправительных работ на лишение свободы, мы забываем о целях наказания, которые достигаются во время исполнения наказания. Термин «время исполнения наказания» напрямую связан с двумя понятиями «срок наказания» и «продолжительность наказания». Если при исполнении исправительных работ данные теоретические понятия практически совпадают в календарном исчислении, то для обязательных работ они имеют значительное отличие. Это связано с тем, что исправительное воздействие на осужденного продолжается в течение всего периода времени, когда осужденный привлекается к обязательным работам. Проиллюстрируем данное утверждение переводением срока наказания для обязательных работ в продолжительность карательного воздействия на осужденного. Так как обязательные работы исчисляются в часах, то их необходимо перевести в календарное исчисление. Используя правило, изложенное в ч. 2 ст. 27 УИК РФ, определяем, что продолжительность обязательных работ может протекать до 40 недель при назначении максимального срока наказания (480 ч. делим на 12 ч., получаем 40 недель), что составляет более 9 месяцев. Если же применить ч. 3 ст. 49 УК РФ, то продолжительность карательного воздействия составит только 2 месяца.

Заменяя исправительные работы или обязательные работы на лишение свободы, законодатель определяет, что на осужденного будет оказано больше мер карательного воздействия, чем при первоначально назначенном наказании. Данное утверждение оспаривают ряд авторов в своих работах. Они высказываются, что замена обязательных работ или исправительных работ на лишение свободы приводит к неоправданно сверхмалым срокам наказания [8].

При осуществлении замены обязательных работ на лишение свободы сокращается продолжительность первоначального наказания в четыре раза, а для исправительных работ – в три раза. Тем самым сокращается продолжительность исправительного и предупредительного воздействия на осужденного, время контроля и надзора за осужденным со стороны органа, исполняющего наказания. При этом условия исполнения наказания в виде

лишения свободы и меры карательного воздействия не увеличиваются в равной пропорции к предыдущему наказанию.

При замене обязательных работ на лишение свободы возникает ещё одна проблема, связанная с конструкцией ст. 56 УК РФ. Как правило, неотбытый срок обязательных работ при злостном уклонении от отбывания наказания составляет менее 480 часов. Применяя правила замены наказаний, изложенные в ч. 3 ст. 49 УК РФ, срок лишения свободы будет менее двух месяцев, а ч. 2 ст. 56 УК РФ определяет, что лишение свободы назначается на срок от двух месяцев. Необходимо отметить, что законодатель по каким-то причинам не использовал правило законодательной конструкции нормы для ст. 56 УК РФ, которая была использована для ч. 1 ст. 54 УК РФ. В данной норме регламентируется положение об установлении сроков уголовного наказания в виде ареста и указывается, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца.

В научных работах предлагают различные варианты решения данных проблем. Одни авторы предлагают модифицировать правило замены наказаний и изменить соотношение указанных наказаний к лишению свободы [9]. Другие предлагают факт злостного уклонения от отбывания наказания криминализировать и закрепить его как самостоятельный состав преступления в Особенной части УК РФ [10].

Не будем оспаривать вышеперечисленные точки зрения и предложим свой вариант решения указанной проблемы, применив для привлечения к ответственности осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания, принцип пропорциональности. Данный принцип заключается в том, что при злостном уклонении от отбывания наказания необходимо производить замену на более строгий вид наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, по которой лицо привлекается к уголовной ответственности пропорционально неотбытому сроку обязательных работ или исправительных работ.

Для наглядности реализации принципа пропорциональности рассмотрим на конкретном теоретическом примере. Так как обязательные работы и исправительные работы, как правило, назначаются за преступления небольшой тяжести, то пример будет построен по санкции ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража».

Например, гражданин «А», осужденный по ч. 1 ст. 158 УК РФ к обязательным работам, злостно уклоняется от отбывания наказания, неотбытый срок наказания составляет 220 часов обязательных работ. По правилам ч. 3 ст. 49 УК РФ обязательные работы заменяются на 27 дней лишения свободы. Если же производить замену обязательных работ, применяя принцип пропорциональности, то они должны быть заменены исходя из санкции ч. 1 ст. 158 УК РФ в пределах от 11 месяцев до 2 лет лишения свободы. Наглядно данный пример проиллюстрирован в рисунке 1.

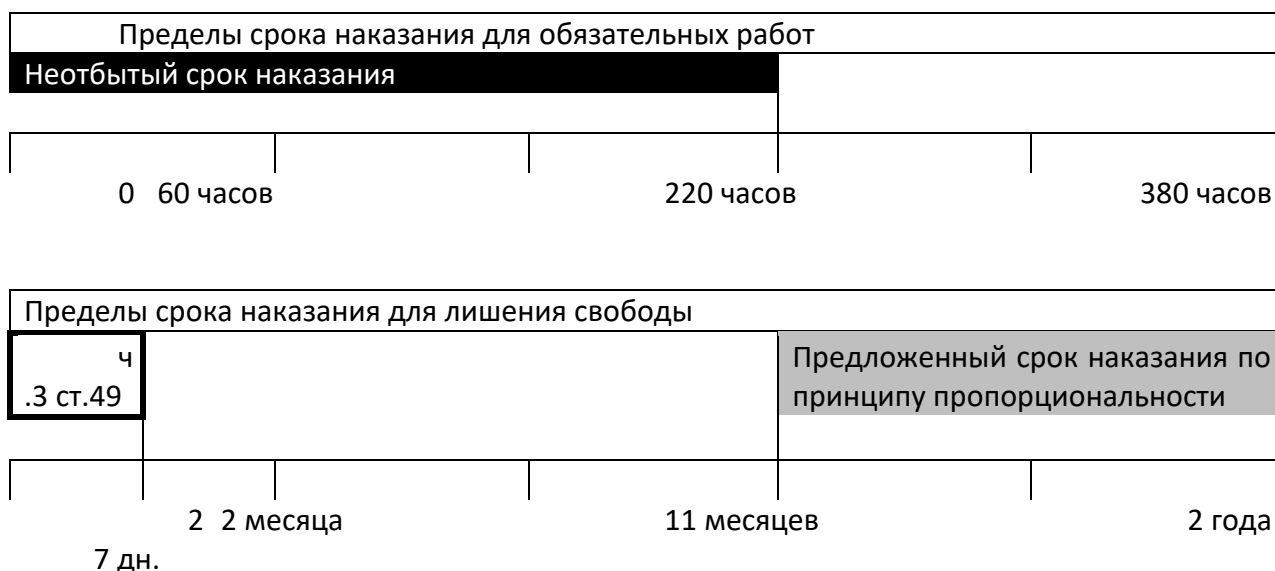

Рис. 1. Санкция ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража» и правила замены неотбытого срока обязательных работ на лишение свободы, реализуя принцип пропорциональности

Принцип пропорциональности значительно повысит сроки лишения свободы, т. е. и ответственность осужденного за злостное уклонение от назначенного ему наказания, а также предоставит возможность судам реализовать принципы индивидуализации уголовной ответственности и экономии репрессии.

1. Здесь и далее УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Здесь и далее УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Сводные статистические сведения о судебной деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012 – 2022 г.г. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступ. – <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 10.01.2024).

4. Там же.

5. П. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Иванова С.И.* Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 3 – 6.

7. *Дворянсков И.В.* К вопросу об уголовной ответственности за злостное уклонение от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 13 - 14.

8. Уткин В.А. Предпосылки развития альтернативных санкций: «медиана» проекта // Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы: сб. материалов междунар. конф. М., 2002. С. 22 – 31.

9. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М., 2013. С. 32.

10. Дворянсков И.В. Указ. соч.

УДК 349.6

О.А. Хотько

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN-код [5171-0236](#)

O.A. Khotsko

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ
ТРАНСПОРТА НА УРОВНЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ**

**LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF TRANSPORT ACTIVITIES IN
THE CONTEXT OF SOLVING THE TASKS OF TRANSPORT
DECARBONIZATION AT THE LEVEL OF REGIONAL INTERSTATE
ASSOCIATIONS**

Рассмотрены проблемы правового регулирования транспортной деятельности с учетом обеспечения экологической безопасности при её осуществлении в актах региональных объединений с участием Республики Беларусь. Определены направления совершенствования законодательства в данной сфере, что будет отвечать целям экологического законодательства, комплексности решения задач декарбонизации транспорта.

Ключевые слова: декарбонизация, правовое регулирование, транспортная деятельность, Евразийский экономический союз, Союзное государство, законодательство, безопасность, обеспечение экологической безопасности, интеграционные процессы

The article examines the problems of legal regulation of transport activities, taking into account the provision of environmental safety during its implementation in acts of regional associations with the participation of the Republic of Belarus. Directions for improving legislation in this area have been identified, which will meet the goals of environmental legislation and the complexity of solving the problems of decarbonization of transport.

Keywords: *decarbonization, legal regulation, transport activities, Eurasian Economic Union, Union State, legislation, safety, ensuring environmental safety, integration processes*

На современном этапе развития отношений в сфере транспортной деятельности на уровне региональных объединений возникает немало вопросов, включая реализацию транспортной политики. Интеграционные процессы имеют особое значение для Республики Беларусь, при этом и Россия и Беларусь принимают фактически равное участие в решении вопросов относительно декарбонизации транспорта как значимой правовой проблемы в свете глобальных вопросов экологической безопасности. Актуальность данной проблематики заключается в том, что в сложившихся условиях научно-технического прогресса и ряда иных факторов условием устойчивого развития, как верно обозначается в юридической литературе, является «противодействие изменениям климата и адаптация к ним» [1], что требует взвешенного законодательного подхода к вопросам национального углеродного регулирования на уровне не только национального, но и регионального характера. Такие проблемы необходимо решать сообща в свете невозможности преодолеть один из самых главных возникающих вызовов перед экономической деятельностью самостоятельно без взаимного сотрудничества государств. Кроме того, своевременность рассмотрения поднятой в исследовании проблематики обусловлена тем, что данным сложным вопросам принадлежит особое значение в свете расширения транспортных коридоров в рамках интеграционных объединений и за их пределами, установления торгово-экономических связей и реализации совместных проектов. При этом стоит помнить, что результатами отрицательного воздействия транспорта являются не только смертность и травматизм в результате дорожно-транспортных происшествий, но и климатические изменения [2].

Глава белорусского государства А.Г. Лукашенко 1 декабря 2023 г. в докладе на Всемирном саммите по борьбе с изменением климата под эгидой Организации Объединенных Наций, который проходил в рамках 28-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP-28), обозначил следующее: необходимо «первое – вносить вклад в решение вопросов климатической безопасности за все столетия бездумного отношения к природе, во-вторых, усилить поддержку развивающихся стран и государств с переходной экономикой; третье – перестать «высказывать «озабоченности» и начать действовать во имя сохранения жизни на Земле» [3].

В первую очередь стоит сказать, что в основе любого интеграционного объединения находятся экономические интересы государств, но согласимся с А.В. Егоровым в том, что «никакие интеграционные мероприятия экономического плана не принесут успеха, если мы забудем об интеграции социальных сфер» [4]. В то же время устойчивое развитие обеспечивают

экономический рост, социальное благополучие и обеспечение экологической безопасности. Что касается роли и значения союзов с участием Республики Беларусь, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко представил характеристику интеграционных объединений следующим образом: «Самое продвинутое – это Союз Беларуси и России. Это глубокое, продвинутое интеграционное образование. Второй уровень – это Евразийский экономический союз. И третий уровень – Содружество Независимых Государств» [5], подчеркнув, что глубина интеграции на трех уровнях является разной [6]. В целом, соглашаясь с вышеуказанной позицией, отметим, что согласованную политику в области экологически безопасной деятельности на сегодняшний день активно проводит Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК). Соответственно, в вопросах декарбонизации транспорта особое место в выработке исследуемой позиции принадлежит непосредственно Евразийскому экономическому союзу (далее – ЕАЭС).

Так, министр по торговле ЕЭК А. Слепнев, выступая на сессии «Рынок углеродных единиц» в ходе третьего Глобального финансового форума *Ecumene 2023*, отметил, что баланс национального и общесоюзного климатического регулирования может быть достигнут «путем формирования целого набора опций в виде обязательных норм, модельного регулирования, добровольных механизмов» [7], указав, что нужно наращивать движение в данной сфере и определить отрасли экономики, для которых могут быть установлены специальные требования в ЕАЭС для защиты климата. Министр по энергетике и инфраструктуре ЕЭК А. Кожошев, принимая участие в заседании 86-й сессии Комитета по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН, посвященной декарбонизации транспорта, обозначил, что цифровизация и климатическая повестка являются современными трендами ЕАЭС, а «наши общие усилия позволят нам замедлить развитие климатического кризиса» [8].

Использование транспортных средств требует ответственного отношения и соблюдения законодательства не только касающегося транспортной деятельности, но и взаимосвязанных с ним в силу комплексности транспортных правоотношений, что получило достаточно подробное закрепление в актах ЕАЭС. Отметим, что в ЕАЭС с 2022 г. действует решение, по которому гражданам, постоянно проживающим в Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан и Кыргызской Республике, предоставляется освобождение от уплаты таможенной пошлины в отношении электромобилей, ввозимых в государства-члены ЕАЭС, по 31 декабря 2025 г. Акт направлен в том числе на снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду. Вместе с тем требуется обеспечение схожего нормативного закрепления в государствах-членах ЕАЭС в целях снижения выбросов парниковых газов, а

также создание системы климатического мониторинга как способа достижения углеродной нейтральности.

Декарбонизация выступает приоритетной задачей и не может рассматриваться как моментальное решение проблемы минимизации вредного воздействия на окружающую среду. Такой комплекс мероприятий, характеризующийся целенаправленными усилиями по повышению роли низкоуглеродной энергетики (декарбонизация – от английского слова «decarbonization»), важен для того, чтобы обеспечить возможными способами достижение нулевого уровня выбросов парниковых газов, хотя и подразумевает вклад огромных инвестиций. В частности, в транспортном секторе необходимо предпринимать шаги по внедрению экологичного общественного транспорта, а именно его замену на транспортные средства, использующие электроэнергию, что уже реализуется в белорусских городах (электробусы используются в Жодино и Шклове для обслуживания пассажиров не только на городских, но и пригородных маршрутах). Так, вопросы декарбонизации энергетики и транспорта получают всё большее развитие после вступления в силу Парижского соглашения по климату в 2026 г. в свете изменений климата, связанных с концентрацией CO₂ в атмосферном воздухе.

Несмотря на интенсивное развитие инноваций и цифровых технологий, сотрудничество государств на региональном уровне в области разработки «зеленых технологий» в сфере транспорта находится на стадии системного формирования. Ключевыми задачами скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС выступает выработка планов и координация общих усилий государств-членов по реализации «зеленых» проектов, что отвечает целям устойчивого развития и «зеленой» экономики; определению мер обеспечения состояния защищенности окружающей среды с учетом принципов безопасности, экологичности и других. На сегодняшний день положительной тенденцией регулирования в рассматриваемой сфере следует считать выработку мер на уровне права ЕАЭС, а именно принятие Коллегией ЕЭК на заседании 14 ноября 2023 г. рекомендации о Концепции внедрения принципов зеленой экономики в Евразийском экономическом союзе, в которой впервые закреплены общие принципы «зеленой» экономики в рамках ЕАЭС, имеющие связь с реализацией транспортной политики. В документе закреплены четыре принципа зеленой экономики в ЕАЭС. Одним из них выступает привлекательность «зеленых» проектов в государствах-членах ЕАЭС, основная цель которых состоит в значительном сокращении негативного воздействия на окружающую среду и снижении выбросов парниковых газов. Также государствам-членам ЕАЭС предлагается разрабатывать национальные правила в сфере климатического регулирования и осуществлять обмен опытом и наработанной практикой национальных систем. Именно экономическая эффективность предусматривается в качестве приоритета при выборе подходов, а также

технологий для реализации в ЕАЭС «зеленых» проектов. Целесообразным видится предоставление информации государствами-членами ЕАЭС друг другу по применению решений, позволяющих достигать сокращения негативного воздействия на окружающую среду, в том числе снижения выбросов парниковых газов, экономически целесообразными способами. Такие управленческие решения именуются как наилучшие доступные технологии, которые рассматриваются как основа для взаимного информирования участниками ЕАЭС по национальным системам климатического регулирования. Таким образом, эколого-безопасная транспортная деятельность подлежит регулированию в рамках евразийского пространства и на национальном уровне. Особую роль играют согласованные подходы в реализации национальных политик государств-членов ЕАЭС, в том числе и создание нового интеграционного направления «зеленой трансформации» в сфере транспортной деятельности, что позволит обеспечить как безопасность её осуществления, так и как продолжение экологической политики, проводимой на национальном уровне [9].

В результате проведенного научного анализа правовых норм можно сделать вывод о том, что приоритетом для государств-членов ЕАЭС выступает развитие правового регулирования в сфере декарбонизации транспорта и в целом климатической повестки, что направлено на обеспечение задач экологической устойчивости посредством разработки актов межгосударственных объединений и гармонизации актов государств-членов. Правовое регулирование транспортной деятельности, неизбежно влияющей на состояние окружающей среды, следует осуществлять, учитывая экологические интересы общества в благоприятной окружающей среде.

Стоит обратить внимание, что в интеграционных межгосударственных объединениях, таких как Союзное государство, Содружество независимых государств, также необходимо создание системы более совершенного законодательства, касающегося безопасности транспортной деятельности с учетом декарбонизации при эксплуатации различных видов транспорта. Это целесообразно с точки зрения результативного действия правовых норм, направленных на реальные изменения в достижении гарантирования реализации прав человека. Соответственно, приоритетным представляется совершенствование актов в рамках рассматриваемых вопросов в национальном законодательстве и актах государств-членов ЕАЭС в целях разработки сходного правового регулирования для усиления обеспечения экологической безопасности на евразийском пространстве.

1. Толочко О.Н. Изменение климата как угроза глобальному миропорядку и устойчивому развитию // Обеспечение прав и свобод человека в информационном обществе / Г.А. Василевич и др.; под ред. Г.А. Василевича ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск :Колорград, 2022. С. 297.

2. *Капский Д.В.* Транспорт в планировке городов: уч. пособие. Минск : БНТУ, 2023. С. 14.
3. Давайте действовать. Рабочий визит Президента Беларуси в Объединенные Арабские Эмираты // Государство для народа. Инф. бюллетень Администрации Президента Респ. Беларусь. 2024. № 1. С. 6.
4. *Егоров А.В.* Сравнительное правоведение в Республике Беларусь: интеграционно-правовые основания. Минск : БГЭУ, 2023. С. 199.
5. Союз Беларуси и России будет более мощным, продуманным и продвинутом, чем Евросоюз [Электронный ресурс] // URL:<https://www.belta.by/president/view/sojuz-belarusi-i-rossii-budet-bolee-moschnym-produmannym-i-prodvinutym-chem-evrosojuz-474514-2021/> (дата обращения: 27.03.2024).
6. Там же.
7. Андрей Слепнев: «Необходимо найти баланс национального и общесоюзного климатического регулирования» [Электронный ресурс] // URL:<https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-neobkhodimo-nayti-balans-natsionalnogo-i-obshchesoyuznogo-klimaticheskogo-regulirovan/>(дата обращения: 20.02.2024).
8. Арзыбек Кожошев рассказал в ЕЭК ООН о работе по декарбонизации транспорта в ЕАЭС к 2050 году [Электронный ресурс] //URL:<https://eec.eaeunion.org/news/arzybek-kozhoshev-rasskazal-v-eek-oon-o-rabote-po-dekarbonizatsii-transporta-v-eaes-k-2050-godu/>(дата обращения: 27.03.2024).
9. *Хотько О.А.* К вопросу регулирования безопасности транспортной деятельности в актах права ЕАЭС в свете внедрения принципов «зеленой» экономики // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: сб.науч.ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл.ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2024. С. 312–316.

Ю.С. Черепанцева

Оренбургский институт (филиал) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(Оренбург, Россия)
SPIN-код 4027-3284

Yu. S. Cherepantseva

Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA)
(Orenburg, Russia)

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И ЕЁ РОЛЬ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ПОСТРАДАВШИХ
ОТ РАДИАЦИИ ГРАЖДАН**

**JUDICIAL PRACTICE AND ITS ROLE IN IMPROVING LEGISLATION
ON SOCIAL PROTECTION OF CITIZENS AFFECTED BY RADIATION**

На основании анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по делам о социальной защите граждан, пострадавших вследствие воздействия радиации, выявляется роль судебной практики в совершенствовании социального законодательства.

Ключевые слова: законодательство, социальная защита пострадавших от радиации, судебная практика, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, совершенствование законодательства.

Based on the analysis of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on cases of social protection of citizens affected by radiation exposure, the role of judicial practice in improving social legislation is revealed.

Keywords: legislation, social protection of victims of radiation, judicial practice, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, improvement of legislation.

Действие законодательства о социальной защите граждан, пострадавших от негативного воздействия радиации, неоднократно подвергалось изменениям, вызываемым различными факторами. Однако несоответствия и проблемы применения тех или иных правовых норм в большинстве своем выявлялись благодаря обращению граждан в суды за защитой нарушенных прав. Реализация гражданами своего конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) способствует формированию судебной практики, в том числе и по делам о

защите прав пострадавших в результате неблагоприятного воздействия радиации.

По мнению большинства исследователей, судебная практика, как источник права, не относится к категории закона, так как не обладает его чертами. Формулируемые судом правоположения действующих норм не изменяют, но наполняют её конкретным содержанием. При этом приоритет закона судебной практикой не нарушается [1].

Большинство исследователей сходны во мнении, что судебная практика становится новым и весьма важным источником российского права [2]. Кто-то прямо признаёт это. Однако ввиду своей сложности, однозначность решения этого вопроса пока невозможна. По этому вопросу мы разделяем точку зрения тех, кто признаёт за судебной практикой существенное влияние, оказываемое на совершенствование и развитие законодательства [3].

Важным аспектом в понимании проблемы влияния судебной практики на совершенствование законодательного регулирования является возможность разграничения её на виды. Так, принято выделять интерпретационную и правоприменительную практику [4]. Если первая представляется собой результат деятельности высших судебных инстанций (например, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ), то вторая – решения судов общей юрисдикции, а также Постановления Верховного Суда РФ, принятые по конкретным делам в порядке надзора и в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Основное различие этих видов заключается в том, что интерпретационная может существовать самостоятельно, в отличие от правоприменительной, которая подразумевает толкование как самостоятельную стадию.

Проявление интерпретационной практики подчеркивается Л.В. Лазаревым в деятельности Конституционного суда РФ (далее – КС РФ), формирующего правовые позиции. Он рассматривает их как результат судебного истолкования, правовые основания итогового решения КС РФ, имеющие общий и обязательный характер [5]. Содержащаяся в его решениях интерпретация конституционно-правовых принципов и норм в итоге становится системой правовых аргументов, лежащих в основе решения.

Воздействие КС РФ на законодательное регулирование традиционно принято рассматривать как опосредованное и непосредственное.

Функционируя независимо от других судов, не будучи связанным с их решениями, КС РФ реализует опосредованное воздействие (нормотворчество), что выражается в том, что принятые им решения являются обязательными к исполнению судебными органами. Тем самым обеспечивается единообразие судебной практики путем нового конституционно-правового смысла в примененных или подлежащих

применению правовых норм. Кроме того, КС РФ задает направление законодателю для совершенствования правового регулирования.

В случае признания неконституционной норма того или иного акта утрачивает свою юридическую силу. В этом выражается непосредственное нормотворчество КС РФ, которое привело к тому, что КС РФ называют «негативным законодателем».

Примеры указанных вариантов воздействия на законодательство можно проследить в различных актах КС РФ по вопросам социальной защиты пострадавших от радиации. Так, если в постановлениях КС РФ, обжалуемые гражданами нормы признаются неконституционными, то в определениях подтверждается соответствие оспариваемой нормы Основному закону. Однако есть примеры определений, где не только подтверждается конституционно-правовой смысл законодательной нормы, её соответствие выраженным ранее правовым позициям КС РФ, но и вырабатываются рекомендации судам, с целью обеспечения единства судебной практики. Так, в Определении от 4 октября 2005 г. № 36-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «о социальной защите граждан, пострадавших от воздействия радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и в статью 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «о социальной защите граждан, пострадавших от воздействия радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» указывается, что в случае, если применение вводимого оспариваемыми нормами порядка индексации компенсационных выплат приводит к уменьшению – для указанного периода – размера таких выплат, рассчитанных в соответствии с ранее действовавшим критерием индексации (на основе величины прожиточного минимума в субъекта Российской Федерации), суды должны применять благоприятный для получателей данных выплат критерий их индексации.

В части постановлений КС РФ выработаны рекомендации законодателю по внесению изменений в действующее правовое регулирование, с целью обеспечения пострадавшим гражданам реализации их прав на социальную защиту (например, Постановление от 24 октября 2012 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1,2 и 4 части второй статьи 19 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки Т.С. Чаплыгиной»).

В отдельных постановлениях КС РФ можно проследить выявление неопределенности нормативного содержания, что также отражается на уровне гарантированности прав пострадавших и требует незамедлительного принятия мер, направленных на устранение этой неопределенности. Например, в Постановлении от 16 марта 2011 г. № 11-П «По делу о проверке

конституционности положения части четвертой статьи 11 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки В.Н. Фоминой» на признание положения части четвертой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» не соответствующим Конституции Российской Федерации, её ст. 19 (ч. 1 и 2), 39 (ч. 1) и 42, в той мере, в какой его предписания в силу неопределенности их нормативного содержания допускают в системе действующего правового регулирования различный подход к установлению ежемесячной денежной компенсации на приобретение продовольственных товаров членам семей умерших инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы, если при жизни кормильцев эта выплата им не предоставлялась.

Интересными с точки зрения правовой природы представляются постановления КС РФ, в которых одновременно с признанием неконституционными отдельных положений законодательства о социальной защите пострадавших одновременно вырабатывается и механизм применения дефектных правовых норм. Это означает, что на весь период, пока не будут внесены соответствующие изменения в законодательство, применению подлежит акт КС РФ, в котором восполняется этот пробел.

В качестве примера такого акта КС РФ можно назвать Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности пункта 9 части первой статьи 27.1 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки А.Н. Меджидовой», в котором помимо признания рассматриваемой нормы неконституционной и рекомендаций о совершенствовании п. 9 ч. 1 ст. 27.1 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», даны развернутые указания на применяемые до момента внесения изменений, положения. Так, предусмотрено, что ежемесячная денежная выплата детям второго поколения (внукам) граждан, указанных в п. 1, 2, 3 и 6 ч. 1 ст. 13 данного Закона, назначается при условии подтверждения факта радиоактивного облучения вследствие чернобыльской катастрофы одного из родителей таких детей. После вступления в силу соответствующих изменений вопрос о назначении ежемесячной денежной выплаты детям второго поколения (внукам) граждан, указанных в п. 1, 2, 3 и 6 ч. 1 ст. 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», решается на их основании.

Назначенная детям второго поколения (внукам) граждан, указанных в п. 1, 2, 3 и 6 ч. 1 ст. 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», до вступления в силу настоящего Постановления ежемесячная денежная выплата продолжает выплачиваться до наступления оснований прекращения её выплаты в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Из приведенных выше актов Конституционного Суда РФ очевидно их значение для совершенствования законодательства о социальной защите пострадавших от радиации. При этом оно проявляется в том, что не соответствующие конституционно-правовому смыслу нормы признаются недействующими. Кроме того, высший судебный орган дает единое толкование неопределенных правовых дефиниций. Наряду с этим КС РФ создает и временное правовое регулирование, ввиду невозможности законодателя в кратчайшие сроки устранить выявленные несоответствия и обеспечить скорейшее восстановление нарушенных прав.

В процессе осуществления текущей деятельности районные, областные, краевые, верховные суды республик в составе РФ выявляют большое количества несовершенства, пробелов и коллизий, требующих своего разрешения и устранения с целью повышения эффективности действующего правового регулирования. Однако говорить о том, что практика таких судов отражается в виде непосредственных изменений действующего законодательства, на наш взгляд, неверно. Поэтому основная роль, на наш взгляд, принадлежит Верховному Суду Российской Федерации.

Позиции Верховного Суда РФ в обеспечении социальной защищенности пострадавших от радиации граждан нашли свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 35 (с изм. и доп. от 05.04.2005г., 11.05.2007г.) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», которое стало ответом на многочисленные вопросы, возникающие у судов при рассмотрении дел инвалидов-чернобыльцев. Нельзя не отметить и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2005 № 26 «О вопросе, возникшем после принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 5 апреля 2005 г. Постановления № 7 «О внесении изменений и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», которое уточняло применение базового

Постановления № 35. Особая роль пленумов, а также обзоров судебной практики Верховного Суда РФ выражается в преодолении сложности и противоречивости согласования законодательных и подзаконных актов при разрешении судами дел по искам пострадавших от радиации граждан. Являясь ориентиром, Пленумы Верховного Суда РФ способствуют снижению количества обращений. В то же время нельзя не отметить, что Верховный Суд РФ уже много лет не обобщает судебную практику по таким категориям дел, что, конечно же, не повышает эффективность защиты прав пострадавших.

Таким образом, следует признать, что судебная практика способна устранить нестабильность законодательства, неясность его требований и противоречивость правовых предписаний. И её роль в совершенствовании законодательства о социальной защите прав граждан, пострадавших от неблагоприятных последствий экстраординарной техногенной аварии XX в., не может подвергаться сомнению. Её можно признать своеобразным двигателем в области реформирования действующего законодательства, совершенствуя российскую правовую систему социальной защиты лиц, пострадавших от воздействия радиации.

1. *Кудачина Т. У.* Роль судебной практики в совершенствовании законодательства о предпринимательской деятельности // Развитие территорий . 2018. № 4 (14). С. 40.

2. *Филиппова М. В.* Роль судебной практики в регулировании социально-обеспечительных отношений // Российский ежегодник трудового права. 2014. № 10. С. 641.

3. *Филиппов В. Н.* Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в совершенствовании трудового законодательства (к 20-летию Трудового кодекса Российской Федерации) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 166. DOI:10.17323/2072-8166.2023.2.165.189

4. *Зайцева Е. С.* Судебная практика как источник изменения законодательства, законодательного регулирования и его пределов // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 280.

5. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Городец, 2003. С. 74.

М.В. Шайкова

ФГБОУ «Юго-Западный государственный университет»
(Курск, Россия)
SPIN-код 5188-9952

M.V. Shaikova

Southwestern State University
(Kursk, Russia)

БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ⁷

SAFETY OF MINORS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Цифровые технологии, развивающиеся в настоящее время, несут пользу для развития несовершеннолетних, но с каждым годом тотальная погруженность подростков в цифровой мир несет много проблем, связанных с физическим и психическим здоровьем и развитием подростков. В социальных сетях несовершеннолетние подвержены опасному контенту. Именно в социальных сетях происходит первое знакомство несовершеннолетних с деструктивными направлениями, способствуя различным асоциальным поступкам.

Ключевые слова: несовершеннолетний, интернет-пространство, социальные сети, деструктивная информация.

Digital technologies currently developing are beneficial for the development of minors, but every year the total immersion of adolescents in the digital world brings many problems: related to the physical and mental health and development of adolescents, minors are exposed to dangerous content on social networks. It is in social networks that minors are first introduced to destructive trends, contributing to various antisocial behaviors.

Keywords: minor, Internet space, social networks, destructive information.

Изучение личности несовершеннолетнего представляет повышенный интерес, поскольку происходит выявление и оценка особенностей механизма его поведения, обнаружение специфических причин, порождающих различные виды поведения. В то же время изучение личности подростка дает ключ для выработки воспитательно-предупредительных мер, особенно индивидуального характера, и предоставляет возможность прогнозирования будущего поведения несовершеннолетнего [1].

Мы поддерживаем точку зрения А.М. Тутатчиковой, что на стадии формирования личности у подростка формируется правосознание и самооценка. Понятие долга, совести, товарищества, смелости и т. п. переосмысливаются исходя из групповых ценностей, жизненные цели

⁷ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 0851020220-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

смещаются в сторону психологического комфорта в группе, сиюминутного потребительства. При совершении аморального поступка подросток облагораживает мотив, искажает оценку поведения потерпевших [2].

Несовершеннолетние стремятся познавать мир во всех его проявлениях и совершают различные поступки: как нормативные, так и отрицательные, т. е. стараются стать более взрослыми. Поэтому копируют поведение старших по возрасту: начинают курить, употреблять спиртные напитки, различные психоактивные вещества и т. д. В этом возрасте в поведении у подростков появляется отрицание морали, установкам и ценностям нормативного поведения.

В процессе развития подросток переживает определенные кризисные периоды, характеризующиеся качественно новыми скачками в развитии его психики и организма, приводящие к формированию определенных психологических новообразований. Отдельного внимания заслуживает вовлечение несовершеннолетних в различные деструктивные группы. Родителям необходимо знать, как дети втягиваются в этот деструктив. Несовершеннолетним, зарегистрированным в социальных сетях, не обязательно быть подписанным на различные деструктивные группы, чтобы получать опасный социальный контент. Достаточно, чтобы на эти группы был подписан кто-то из его друзей, поэтому при каждом заходе в социальную сеть подросток будет видеть отрицательный контент, записи своих друзей, реальных и мистических. Довольно часто к подросткам добавляются в друзья незнакомые люди для того, чтобы зарядить их опасным контентом. К тому же многие деструктивные направления делают «интересные, захватывающие» ролики. В Тик Токе и В Контакте таких роликов множество, листая ленту, в начале подросток не способен понять, кто и зачем делал ролик. Несовершеннолетний вовлекается в сюжет ролика и начинает копировать поведение тех, кто его окружает в социальных сетях, тем самым появляется возможность различных манипуляций с несовершеннолетним и подросток становится жертвой.

В деструктивных группах идет реклама различных зависимостей: вейпов, курительных и жевательных никотиносодержащих смесей, айкосов, электронных сигарет и т. д. В школьных группах сейчас продвигается снюсы и его производные (они могут быть в виде леденцов, кусочков фруктов, пропитанных никотином). Основным средством снюсов – юмор и юмористические школьные паблики. Несовершеннолетние являются их главными потребителями. Именно несовершеннолетние становятся целевой аудиторией по формированию различных видов аддикций и деструктивного поведения. Деструктивные убеждения, которые закладываются в подростковом возрасте, остаются на всю жизнь и способствуют развитию и формированию различных видов девиантного и делинквентного поведения.

Личность подростка, склонного к деструктивному поведению, характеризуется низким уровнем социализации и отражает пробелы и недостатки в трех основных сферах его воспитания: в семье, в школе и т. д. В то же время на личность трудного подростка, как правило, излишне большое влияние оказывает особая сфера — улица, двор, различные виды референтных групп. На формирование личности несовершеннолетних огромное влияние оказывают школа и ближайшее окружение. Также отдельно выделяется приспособляемость подростка к существующему социуму, плохая или недостаточная заинтересованность в общественной деятельности. Попросту подросток старается только для себя, не принимая нормы общества, и не стремится быть полезным вне своего микросоциума.

У несовершеннолетних ещё физически не сформированы нравственные качества, которые позволяют им безопасно находиться в токсичной интернет-среде. Подросток всегда будет легкой жертвой администраторов деструктивных групп, манипуляторов и других асоциальных личностей. Варианты потребления информации несовершеннолетними в сообществах социальных сетей являются самыми опасными. Подростки подписываются на группы, которые популярны, а самые популярные массовые сообщества сегодня самые деструктивные. У подростков присутствуют в структуре личности 2 возрастные несовместимые потребности: быть как все и в то же время быть не как все. Деструктивные группы используют подростковые возрастные потребности в своих целях. Сегодня в социальных сетях террористическое государство Украина вербует несовершеннолетних для совершения преступлений. Подростки попадают под влияние кураторов и их используют для сбора информации, фото и видеофиксации мест временной дислокации объектов ВС РФ, склоняют к совершению террористических акций в учебных заведениях, так называемые колумбайн и скулшутинг.

Считаем, что поведенческие особенности несовершеннолетних формирующиеся под воздействием деструктивной информации интернет-среды следующие: снижение способности самостоятельно думать и принимать решения; отсутствие всякой ответственности; отсутствие авторитета среди значимых взрослых; обесценивание морали и общечеловеческих ценностей; выраженная симпатия подростков к антигероям; выраженное стремление несовершеннолетних к разрушению своей личности (психики, окружения, идей, морали т. д.) [3].

По нашему мнению, сегодня существует проблема деструктивного погружения несовершеннолетних в цифровую среду, которая включает два аспекта: физическое и психическое здоровье несовершеннолетнего, связанное с его десоциализацией; распространение деструктивного контента в социальных сетях, который отрицательно влияет на психику подростка, способствуя формированию различных видов девиантного поведения.

Поэтому необходимы знания особенностей формирования и развития личности подростков, а также изучение их социума и информативного пространства, в котором современные несовершеннолетние проводят большую часть времени. Необходимо выработать комплексный подход к правильному решению воспитательно-предупредительных задач по предупреждению и профилактике дезаптивного поведения в социальных сетях. Целью профилактики дезаптивного поведения должны стать все виды индивидуальной профилактики: криминологическая, психологическая, медицинская, педагогическая и социальная.

1. *Шайкова М.В.* Психолого-криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников / М.В. Шайкова // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2(5). С. 85-88. EDN TXZOXZ.

2. *Тутатчикова А.М.* Изучение процесса формирования правосознания, психофизиологических особенностей несовершеннолетних подростков в оказании системы социально-профилактических мер и комплексной работы всех субъектов воспитания / А. М. Тутатчикова // NovaUm.Ru. 2018. № 13. С. 195-199. EDN OUCSPF.

3. *Афанасьев А.* Дети интернета. Что смотрят и кто ими управляет. Издание второе, дополненное и исправленное. М: Издательство «Наше завтра», 2022. С. 165.

УДК 340

А.В. Шаронов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)

SPIN-код: 4987-3186

A.V. Sharonov

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

CONCEPTUAL FOUNDATIONS CRIMINAL LAW POLICY

Концептуальные основания уголовно-правовой политики имеют нормативный характер. Имеются три уровня концептуальных оснований: международный, региональный и федеральный. Они являются в достаточной мере разработанными. Их надо учитывать при реализации конкретных уголовно-правовых мер в каждом заданном направлении.

Ключевые слова: концепция, доктрина, стратегия, уголовная политика, уголовно-правовая политика.

The conceptual foundations of the criminal law policy are normative in nature. There are three levels of conceptual foundations: international, regional and federal. They are sufficiently developed policies. They must be taken into account when implementing specific criminal law measures in each given direction.

Keywords: concept, doctrine, strategy, criminal policy, criminal law policy.

В качестве операционального нами избрано такое определение уголовно-правовой политики – это разработка и осуществление директивно-руководящих идей, системы официально принятых в государстве взглядов, установок, требований в противодействии преступности, обращении с криминалитетом, защите потенциальных и реальных жертв и населения в целом от преступлений и иных общественно опасных деяний, обеспечении криминологической безопасности личности, общества и государства. Следует учесть, что концептуальные основания уголовно-правовой политики всегда имеют нормативный характер. Иными словами, они имеют документальную основу в виде нормативных правовых актов различного уровня. Это, во-первых. Во-вторых, важно определиться с понятийным аппаратом, поскольку наряду с концепцией используются понятия доктрины и стратегии. Сравнение документов, озаглавленных как концепция, доктрина, стратегия не выявляет принципиальных различий в их содержании. Поэтому каждый из них может быть включен в концептуальную базу.

Имеются три уровня концептуальных оснований: международный, региональный и федеральный.

1. К международному уровню оснований уголовно-правовой политики относится ряд конвенций:

1.1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950). В ней содержится ряд основополагающих положений. Это право на жизнь: В соответствии со ст. 2 никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. В то же время в этой статье делается существенная оговорка – лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы: а) для защиты любого лица от противоправного насилия; б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа. Статья 5 запрещает пытки, ст. 4 – рабство и принудительный труд, ст. 5 незаконное задержание или заключение под стражу (арест) гражданина. Эти и другие положения Конвенции составляют основу уголовно-правовой политики на все времена, основания вечные и непреложные.

1.2. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984). В ней обращают на себя внимание п. 2 ст. 2 «Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток» и п. 3 «Приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток».

1.3. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988). Здесь важное внимание уделяется уголовно-правовому значению криминологических признаков, в частности, участие правонарушителя в международной организованной преступной деятельности; применение правонарушителем насилия или оружия; вовлечение или использование несовершеннолетних.

1.4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). Статья 34 устанавливает, что государства - участники обязуются защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. В этих целях государства - участники, в частности, принимают на национальном двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения: а) склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности; б) использования в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике; с) использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах.

1.5. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000). Здесь полной реализации требуют меры, предложенные в ст. 12 «Конфискация и арест».

1.6. Конвенция ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003), которая, в частности, в ст. 20 предлагает рассмотреть вопрос об уголовном преследовании за незаконное обогащение, т. е. значительного увеличения активов публичного должностного лица, превышающего его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать.

2. К региональному уровню оснований уголовно-правовой политики относятся:

2.1. Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами. В ней принципиальное значение имеет ст. 7 «Незаконное навязывание услуг, вербовка, предложение или требование неправомерных преимуществ» при трансплантации человеческих органов.

2.2. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма. Однако эта Конвенция в значительной мере утратила свое

значение, поскольку Россию исключили из международных организаций финансовой разведки ГРЕКО, Эгмонт.

В то же время в связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы Россией денонсированы следующие международные договоры: Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию.

2.3. Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 «О сотрудничестве таможенных служб по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей».

2.4. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г.

2.5. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г.

2.6. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 г.

2.7. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма 2009 г.

3. Федеральный уровень оснований уголовно-правовой политики образуют:

3.1. Доктрина продовольственной безопасности 2020 г. (проблема безопасности пищевой продукции).

3.2. Доктрина энергетической безопасности 2019 г. (преступления и иные правонарушения в сфере энергетики).

3.3. Доктрина информационной безопасности 2016 г. (противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации).

3.4. Концепция внешней политики РФ 2016 г. (обеспечение безопасности Российской Федерации, её суверенитета во всех сферах и территориальной целостности);

3.5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы (развитие механизмов и средств профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации и коррупционных нарушений в сфере миграции, включая совершенствование мер ответственности за нарушение названного законодательства и законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции).

3.6. Концепция противодействия терроризму в РФ 2009 г. (выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение террористических актов и иных преступлений террористического характера).

3.7. Концепция общественной безопасности 2013 г. (принятие и сопровождение комплексных целевых программ, направленных на обеспечение общественной безопасности, в том числе федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых программ по профилактике правонарушений, социальных и межнациональных конфликтов, предупреждению, ликвидации и (или) минимизации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера).

3.8. Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г. (Деструктивные силы за рубежом и внутри страны предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере).

3.9. Национальная стратегия противодействия коррупции 2010 г. (Признание коррупции одной из системных угроз безопасности Российской Федерации).

3.10. Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. (подверженность финансовой системы спекулятивному иностранному капиталу, а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы);

3.11. Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г. (существенная криминализация и наличие теневого рынка в сфере природопользования).

Разумеется, перечень соответствующих документов, равно как и актуальных цитат из них, может быть продолжен. Важно уяснить самое главное: концептуальные основания уголовно-правовой политики являются в достаточной мере разработанными. Поэтому вряд ли правы те авторы, которые утверждают, что современные составляющие уголовной политики государства не отвечают национальным интересам [1]. Поверхностным представляется суждение о необходимости создать концептуальные основы российской уголовной политики [2]. Из всего вышесказанного видно, что такие основы существуют, их просто надо видеть. Не следует также путать концепцию уголовной политики с социально-правовой технологией [3]. Концептуальные основания уголовно-правовой политики необходимо учитывать при реализации конкретных уголовно-правовых мер в каждом заданном направлении.

1. Яковенко П.А. Концептуальные ориентиры уголовной политики современной России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3. С. 47.

2. Коваленко Т.С. Российская уголовная политика и проблемы ее реализации // Российский следователь. 2019. № 8. С. 38 – 41; Коробеев А.И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3. С. 247–249.

3. Кубов Р.Х. Развитие уголовной политики на современном этапе // Российский следователь. 2009. № 2. С. 11-14.

УДК 346.62

В.И. Яковлев

Белгородский государственный университет (НИУ БелГУ)

(Белгород, Россия)

SPIN-код [2974-8974](#)

V.I. Yakovlev

Belgorod State University (NRU BelSU)

(Belgorod, Russia)

РЕЙТИНГОВАНИЕ КАК ФАКТОР МЯГКОЙ СИЛЫ В РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

RATING AS A FACTOR OF SOFT POWER IN THE REGULATION OF ECONOMIC RELATIONS

В последние десятилетия в политическом и юридическом сообществе с все большей интенсивностью обсуждается концепция «мягкой силы» интерполируемой государствами в различных секторах экономики и в социальной сфере. Представляется, что с учетом оказываемого на экономические отношения фактора составления различных рейтингов деятельность соответствующих агентств является проявлением «мягкой силы». Уделено внимание значимости объективного отражения рейтинговыми агентствами используемых при составлении рейтингов критериев.

Ключевые слова: мягкая сила, рейтинговые агентства, кредитные рейтинги, критерии рейтингования.

In recent decades, the concept of «soft power» interpolated by States in various sectors of the economy and in the social sphere has been discussed with increasing intensity in the political and legal community. It seems that, taking into account the factor of compiling various ratings on economic relations, the activities of the relevant agencies are a manifestation of «soft power». The publication pays attention to the importance of objective reflection by rating agencies of the criteria used in the preparation of ratings.

Keywords: soft power, rating agencies, credit ratings, rating criteria.

В юридической науке наблюдается широкий спектр взглядов на понимание мягкой силы и её роль в регламентации общественных отношений.

Так, А.А. Тотмосов, рассматривая аспекты свободного ценообразования при заключении гражданско-правовых договоров, указывает, что государство, не только позволяя своим гражданам свободно распределять свои ресурсы, но и защищая их от не всегда добросовестных действий участников оборота, выступает в роли мягкой силы [1].

Исследуя особенности проявления пробелов в правовом регулировании в условиях цифровизации, А.В. Ульянов со ссылками на множество других исследователей употребляет уже термин «мягкое право» и утверждает, что децентрализация правового регулирования позволяет развивать концепцию полисистемности права. Мягкое право может входить не только в состав внутригосударственного права, но и в систему права, не связанную с конкретным государством [2].

Считаем необходимым согласиться с мнением авторов монографии, посвященной антикоррупционному комплаенсу, считающих, что в рамках международно-правового регулирования соответствующих отношений основными источниками выступают представляющие собой нормы мягкого права международные стандарты и руководства [3].

Не акцентируя внимание на обладающей довольно высокой степенью дискуссионности самой конструкции «мягкого права», отмечаем, что, в частности, упоминаемые в качестве его источников стандарты и руководства, в особенности выработанные различными неправительственными и межправительственными организациями, и содержат в себе элементы мягкого воздействия. И направленность такового обуславливается именно теми источниками, из которых осуществляется финансирование их деятельности.

Хотим также обратить внимание на существенные отличия в подходах к озвучиваемым на социально-политическом уровне определениям «мягкой силы», характерным для западного сообщества и содержащимся в позитивном праве нашей страны.

Признаваемый основоположником концепции «мягкой силы» (softpower) американский политолог Джозеф С. Най излагает её суть в формулировках, позволяющих вкладывать в явление очень широкий смысл «мягкая сила в отличие от жесткой позволяет добиваться желаемых результатов на основе привлекательности» [4].

На уровне нормативного регулирования в нашей стране определение «мягкой силы» было сформулировано в утратившей свою силу Концепции внешней политики РФ от 12 февраля 2013 г. как применяемого для решения внешнеполитических задач комплексного инструментария использования

альтернативных классической дипломатии методов и технологий, направленных на использование телекоммуникационных технологий, возможностей гражданского общества, правозащитных организаций и т. д.

Несложно обратить внимание на степень конкретизации формулировок, использованных в двух приведенных дефинициях. Предложенное американским политологом определение сформулировано настолько завуалировано, что не возникает никаких ассоциаций с тем инструментарием, исполнителями и средствами воздействия, которые будут использоваться при реализации «мягкого» воздействия.

Представляется, что вариативность присутствует не только в формулировке определения мягкой силы, но и в самом подходе, используемом при её применении, и немаловажное значение в формировании «привлекательности» уделяется деятельности различных рейтинговых агентств.

В этих условиях отсутствие информации об используемых для рейтингования критериев, позволяющих установить применяемые объективные данные при распределении компаний, влечет высокую вероятность подвергнуться манипулированию и, как следствие, базировать свою хозяйственную деятельность на не обладающих достоверностью сведениях.

Предлагаем обратиться к публикуемым кредитным рейтингам государств с учетом присутствия объективных данных об их экономике, включающих величину государственных долгов, ВВП, их соотношение и т. д.

Так, по опубликованному биржевым порталом Take-profit.org кредитным рейтингам от трех ведущих рейтинговых агентств S&P Global Ratings, Moody's и Fitch США занимают тринадцатое место с показателем не ниже AA+, в то время как Китай находится на тридцать второй позиции с показателем A+, уступая такому экономическому гиганту, как Эстония [5].

Использование перечисленных нами выше объективных данных об экономических показателях названных экономик свидетельствует, что США и Китай соревнуются между собой за первое место по уровню ВВП, а Эстония по этому показателю находится в районе сотой позиции, при этом государственный долг США превышает показатель ВВП в полтора раза, а Китая составляет около шестидесяти процентов от него. Примечательно, что, несмотря на то, что с января 2019 г. до настоящего времени госдолг США вырос с 22 до 33 трлн долл. (в полтора раза), их кредитный рейтинг фактически не изменился. Говоря об изменениях, мы имеем в виду добавление некоторыми агентствами негативного прогноза к его динамике.

Учитывая то обстоятельство, что кредитные рейтинги широко используются инвесторами при построении своих инвестиционных стратегий, напрашивается вполне логичное предположение об активном использовании данного механизма для формирования именно той

«привлекательности», которая, по выражению Дж.С. Ная, и составляет суть «мягкой силы».

С учетом того, что на нормативном уровне [6] предписывается соответствие кредитных организаций, в которых допускается размещение средств бюджета и внебюджетных фондов, ряду дополнительных требований, которые, в частности, как раз и предусматривают соответствие установленным рейтинговыми организациями критериям. В нашей стране на законодательном уровне осуществлено регулирование деятельности кредитных рейтинговых агентств [7].

В принятом только в 2015 г. и, по мнению многих ученых [8], трендовым, но и несколько запоздалым применительно к разработанному Европейским союзом Регламенту [9] законодательном акте достаточно подробно закрепляются требования не только к самому кредитному рейтинговому агентству, касающиеся его структуры, органов управления и работающих в нем экспертов, но и в отношении предоставления информации об используемых для составления рейтингов методиках оценки и влияющих на итоговые рейтинги критериях, а также основаниях и порядке их пересмотра.

Считаем вполне соответствующим действительности предположение о том, что принятие упомянутого нами Регламента ЕС стало следствием мирового финансового кризиса, триггером которого стало состояние американского финансового рынка, кредитные организации которого рейтинговались всё теми же упомянутыми нами выше рейтинговыми агентствами, обладающими очень высокой финансовой устойчивостью.

Очевидно, что как государственным деятелям, так и предпринимателям, ведущим свое дело в странах ЕС, стало необходимым ориентироваться на информацию о состоянии соответствующей кредитной организации на основе составленных на понятных для них и объективно предоставляемых рейтинговыми агентствами критериях оценки.

Предположительно те же предпосылки лежат и в основе разработки отечественного закона, направленного на регламентацию деятельности соответствующих рейтинговых агентств.

При этом присутствует целый ряд иных широко используемых в хозяйственной деятельности рейтингов составляемых как отечественными, так и иностранными агентствами, в отношении которых нормативные предписания о раскрытии методологии рейтингования отсутствуют, и предоставление доступа к совокупности оцениваемых критериев и их удельной массе в итоговой оценке осуществляется благодаря волеизъявлению самого составляющего рейтинг субъекта.

Представляется, что обеспечивающим и интересы самих рейтинговых агентств, и пользующихся результатами их деятельности потребителей было бы системное со стороны органов государственной власти составление перечня структурных, значимых рейтингов, используемых в хозяйственной

деятельности и принятие в отношении составляющих их агентств нормативных актов, регламентирующих их деятельность, уделив особое внимание вопросам объективности предоставляемой в качестве рейтингов информации и открытости используемых при её систематизации методов.

Остальные не вошедшие в предполагаемый перечень агентства могут предоставлять соответствующую информацию по своей инициативе.

Немаловажно также обеспечить через реализацию просветительских проектов информирование заинтересованных лиц о сути и значении того или иного рейтинга и тех последствиях, которые влечет за собой применение при принятии соответствующих решений содержащихся в нем данных.

1. *Томтосов А.А.* Цена гражданско-правового договора: монография. М.: Юстицинформ, 2023. С. 89.

2. *Ульянов А.В.* О реализации норм «мягкого права» в Российской Федерации // Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Д.Р. Алимova, С.А. Афанасьева, Л.Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

3. *Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А.* Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография // СПС КонсультантПлюс. 2020.

4. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004. P. 10 .

5. Кредитный рейтинг стран от биржевого портала Take-profit.org // <https://take-profit.org/statistics/credit-rank/> (дата обращения 29.03.2024).

6. О порядке размещения средств федерального бюджета, средств единого казначейского счета, резерва средств на осуществление обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и иных средств на банковских депозитах: Постановление Правительства РФ от 24.12.2011 № 1121 (ред. от 15.05.2023) // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 161.

7. О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 № 222-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4348.

8. *Ручкина Г.Ф.* Кредитные рейтинги банков как показатель надежности (объективность или запрос финансового рынка) // Банковское право. 2020. № 6. С. 7 - 19.

9. О кредитных рейтинговых агентствах: Регламент № 1060/2009 Европейского парламента и Совета Европейского Союза // <http://eur-lex.europa.eu>

УДК347.471

А.И. Андриенко

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)
SPIN-код 8198-3000

A.I. Andrienko,
Tyumen State University
(Tyumen, Russia)

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ:
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**CURRENTTRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIALLY
ORIENTEDNON-PROFIT ORGANIZATIONS: LEGAL SUPPORT**

Статья выявляет проблемы, связанные с многоаспектностью статусов социально ориентированных некоммерческих организаций. Особое внимание уделяется новой тенденции перехода социально ориентированных НКО в категорию социальных НКО, отмеченной в Послании Президента РФ Федеральному собранию в 2024 г. Предлагаются пути решения выявленных проблем, направленных на упрощение процедур признания НКО социально ориентированными.

Ключевые слова: *общественные объединения, социально ориентированные некоммерческие организации, благотворительные организации, добровольческие организации, поставщики социальных услуг, исполнители общественно полезных услуг, социальные некоммерческие организации, гражданское общество.*

The article identifies problems associated with the multidimensional status of socially oriented non-profit organizations. Particular attention is paid to the new trend of transition of socially oriented NPOs to the category of social NPOs, noted in the message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2024. Ways to solve the identified problems are proposed, aimed at simplifying the procedures for recognizing NPOs as socially oriented.

Keywords: *public associations, socially oriented non-profit organizations, charitable organizations, voluntary organizations, social service providers, providers of socially useful services, social non-profit organizations, civil society.*

Социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО) являются активными участниками гражданского общества, осуществляют колоссальную работу по решению социальных проблем [1]. С каждым годом их влияние на развитие общества и государства увеличивается. На деятельность СОНКО есть запрос как снизу – от самих

граждан, желающих осуществлять социально полезную деятельность, так и от государства.

В течение десятилетия произошла трансформация правового статуса СОНКО, расширение как прав данных организаций, так и обязанностей в связи с участием их в делах государства. Выявление и анализ актуальных тенденций развития СОНКО способствует повышению их эффективности и воздействия на общество, а также способствует формированию благоприятной среды для их деятельности. В связи с этим целью настоящей статьи является анализ текущих тенденций развития СОНКО для определения тех областей правового закрепления статуса СОНКО, которые требуют дополнительного внимания.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ 2024 г. прозвучали слова «социальные некоммерческие организации» [2]. Это подчеркивает тенденцию к трансформации статуса СОНКО в социальные некоммерческие организации. Такое упоминание на высшем государственном уровне не только подтверждает признание значимости деятельности социальных некоммерческих организаций, но и указывает на стремление государства усилить их участие в социальной сфере, обеспечивая более широкую платформу для их вклада в развитие гражданского общества и укрепление социальной поддержки населения. Это также отражает глобальные тенденции к усилению социальной ответственности и вовлеченности некоммерческого сектора в процессы социального обслуживания и поддержки, подчеркивая необходимость адаптации законодательной базы и государственной политики к новым вызовам и потребностям общества.

Между тем, анализ федерального законодательства показывает, что одна некоммерческая организация (далее – НКО) может одновременно функционировать в нескольких качествах: как социально ориентированная НКО, исполнитель общественно-полезных услуг, добровольческая организация, благотворительная организация, поставщик социальных услуг [3]. Кроме того, СОНКО может быть создана в форме общественного объединения (может быть общественной организацией или общественным движением), что в свою очередь налагает на неё дополнительные обязанности, определенные Федеральным законом «Об общественных объединениях» [4].

Эта многоаспектность статусов НКО, хотя и открывает широкие возможности для их деятельности, в то же время порождает ряд сложностей и вызовов. Основной проблемой становится сложность нормативного регулирования и управления такими организациями. Разнообразие статусов требует от НКО соблюдения различных законодательных требований, что повышает административную нагрузку и требует более широкой компетенции членов НКО в вопросах управления и юриспруденции.

Кроме того, множественная роль НКО может привести к неоднозначному восприятию таких организаций со стороны государственных органов и общественности, что влияет на доверие и эффективность взаимодействия. Увеличение объема и сложности отчетности, необходимой для доказательства соответствия требованиям разных статусов, повышает риск ошибок и злоупотреблений. В научной литературе выделяются и иные проблемные аспекты правового регулирования статуса СОНКО [5].

Решение этих проблем требует от государства, общества и самих НКО совместных усилий по оптимизации нормативной правовой базы, упрощению требований к определению статуса СОНКО, который позволил бы последним наиболее полно и эффективно реализовывать свой потенциал в интересах общества.

Данный тезис подтверждается также положением СОНКО, сложившимся в последние годы. Анализ ситуации с СОНКО в период с 2020 по 2023 гг. выявил важность и необходимость перехода к более тесному взаимодействию с НКО, имеющими широко сформулированные цели. Опыт пандемии COVID-19 и специальной военной операции показал, что именно те СОНКО, которые смогли оперативно и эффективно включиться в решение актуальных социальных задач, оказались наиболее востребованными. Их деятельность, нацеленная на оказание помощи пострадавшим от пандемии и в условиях СВО, подчеркивает корреляцию между широкими целями этих организаций и потребностями общества в кризисных ситуациях [6].

Уже сложившаяся за 14 лет практика взаимодействия с СОНКО, а также наличие организаций, которые доказали свой вклад в развитие гражданского общества и решение социальных проблем, аргументируют необходимость упрощения критериев для признания НКО социальными. Такой подход позволит более широкому кругу НКО получать статус социальной организации и, как следствие, больше ресурсов для реализации своих проектов. Важным аспектом является оценка деятельности НКО не только на основе формальных критериев, таких как наличие определенных видов деятельности в уставе, но и учитывая их фактический вклад в общественную жизнь.

Всего за 14 лет в ст. 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в части определения видов деятельности было внесено 12 изменений. Данные изменения с отставанием приводили законодательство в соответствие с существующими общественными отношениями. На данный момент список видов деятельности СОНКО на федеральном уровне состоит из 18 пунктов, каждый из которых также содержит несколько различных видов деятельности. Дальнейшее увеличение данного списка приведет лишь к увеличению объема закона, затормозит процессы поддержки СОНКО, чья деятельность необходима на текущий момент. Видится необходимым пересмотр законодательных требований к определению статуса СОНКО. Поддержка тех СОНКО, которые имеют широкие цели деятельности,

позволит оперативно включать третий сектор в помощь в тех сферах общественной жизни, где она требуется незамедлительно.

Выдвинутое предложение подтверждается и тем фактом, что с 2020 г. включение СОНКО в реестр ИОПУ стало осуществляться в том числе на основании данных о победе в конкурсе грантов Президента РФ. Определение статуса НКО в зависимости от того, какой реальный вклад в развитие гражданского общества они сделали – хороший пример. Такое положение позволяет государству поддерживать те организации, которые деятельно доказали свои желание и возможность участвовать в решении социальных проблем.

На основе анализа деятельности СОНКО и их значимого вклада в решение актуальных социальных задач, особенно в условиях пандемии COVID-19 и специальной военной операции, предлагается внести изменения в действующее законодательство, направленные на упрощение критериев признания НКО социальными организациями. Необходимо осуществить ревизию и оптимизацию нормативных требований к статусу социальной НКО, с целью расширения доступа к государственной поддержке и ресурсам, а также учет фактической деятельности НКО в интересах общества при оценке их соответствия критериям социальной направленности.

В целях совершенствования правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, учитывая необходимость упрощения процедур признания НКО социально ориентированными организациями и расширения их доступа к государственной поддержке, предлагается внести изменение в ст. 31.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях», исключающее обязательность указания в уставе некоммерческой организации конкретных видов деятельности, признаваемых законодательством Российской Федерации социально ориентированными, а также установить, что признание некоммерческой организации социально ориентированной может осуществляться на основании фактически реализуемых ею программ и проектов, направленных на достижение общественно значимых целей.

1. *Аленькин И.В.* Общественные объединения в системе конституционно-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук : М., 2019. 329 с.

2. Послание Президента Федеральному Собранию. 2024 год // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 28.03.2024).

3. О некоммерческих организациях :Федер. Закон Рос. Федерации от 12.01.1996 № 7-ФЗ // Рос. Газ. 1996. 24 января; О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) :Федер. закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3340; Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации :Федер. закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 7007; *Дворников А.Е.* Благотворительные организации как отдельный вид негосударственных социально

ориентированных некоммерческих организаций, оказывающих социальную помощь и поддержку гражданам и обществу в целом // Перспективы развития социальной работы, социальной педагогики и образования в Смоленском регионе с позиции будущих специалистов: Сборник научных трудов преподавателей и студентов. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2023. С. 17-23.

4. Об общественных объединениях: Федер. Закон Рос. Федерации от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Рос. газ. 1995. 25 мая.

5. *Сойфер Т.В.* Социально ориентированные некоммерческие организации: проблемы правового регулирования // Гражданское право. 2023. № 5. С. 22-26.

6. *Сунцов А.П.* Приоритетные направления деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в современных условиях: правовое регулирование и практика // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. № 2. С. 112-117.

УДК 340

К.И. Баканов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код [7923-3606](#)

K.I. Bakanov

F.M. Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

NEAR-TERM PROSPECTS INSTITUTE OF JUDICIAL REPRESENTATION

Посвящена раскрытию ближайших перспектив института судебного представительства, триггером которых стала инициация Верховным судом Российской Федерации изменения гражданского процессуального законодательства в части закрепления за судебным представителем наличия высшего юридического образования как обязательного квалификационного требования, при отсутствии которого с момента законодательных изменений лица, не обладающие высшим юридическим образованием, не смогут являться участником гражданского судопроизводства в качестве судебного представителя.

Ключевые слова: институт судебного представительства, перспективы развития, высшее юридическое образование.

The article is devoted to the disclosure of the immediate prospects of the institution of judicial representation, the trigger of which was the initiation by the Supreme Court of the Russian Federation of changes in civil procedure legislation in terms of securing higher legal

education for a judicial representative, as a mandatory qualification requirement, in the absence of which, from the moment of legislative changes, persons who do not have higher legal education will not be able to participate in civil proceedings as a judicial representative.

Keywords: *institute of judicial representation, development prospects, higher legal education.*

В соответствии с п. 3 ст. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 32 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Постановление) в положение Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующее профессиональный ценз для судебного представителя, внесены изменения, исключающие возможность лицам, не имеющим высшего юридического образования, принимать участие в гражданском судопроизводстве в качестве судебного представителя.

Необходимо отметить, что по настоящее время такой федеральный закон не принят.

Вместе с тем его ближайшее принятие не оставляет никаких сомнений – «фундамент» такого нововведения в будущем был основан ещё в 2018 г., когда профессиональный ценз для судебного представителя был закреплён на законодательном уровне безусловно в рамках арбитражного судопроизводства и условно в рамках административного и гражданского судопроизводства, чем, в свою очередь, предполагалась и демонстрировалась поэтапность законодательного перехода к полной профессионализации судебных представителей.

В подтверждение вышеописанному тезису служит концептуальное поддержание необходимости перехода к профессиональному судебному представительству, отражённое в заключении Правительства Российской Федерации на проект федерального закона, внесший соответствующие изменения в 2018 г.

В пояснительной записке к Постановлению отражено, что законодательное изменение направлено на реализацию конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи с учетом предусмотренных законом случаев оказания квалифицированной юридической помощи гражданам бесплатно, и, соответственно, оно не ограничивает доступность правосудия для граждан, поскольку бремя возмещения судебных расходов, включая расходы на оплату услуг представителей, по правилам судопроизводства возлагается на проигравшую сторону.

Справедливо отметить, что у представленной правовой концепции имеются немало критиков с вполне аргументированной и достойной вниманием логикой.

Г.М. Давидян утверждает, что для такой важной и нужной для общества и государства профессии только образовательного ценза недостаточно. Общественная значимость профессии юриста не позволяет ограничивать требования к ней только образовательными цензами [1].

В действительности судить о профессионализме судебного представителя, и, как следствие, достижении показателя высоких оценок оказания квалифицированной юридической помощи, только полагаясь на факт наличия высшего юридического образования, некорректно в связи с недостаточностью принятия во внимание всех качеств, которые бы могли характеризовать судебного представителя как лица, способного оказать квалифицированную юридическую помощь.

Так, немаловажным фактором является наличие опыта у судебного представителя в представлении интересов в суде; продолжительности такого опыта; соответствия такого опыта поставленным к разрешению задачам; самообразования.

В.М. Жуйков, осуществляя трудовую деятельность в Верховном Суде Российской Федерации, отмечал, что некоторые представители без юридического образования бывают более профессиональны, чем дипломированные юристы, и профессиональное представительство важно сохранить в качестве права, а не превращать его в обязанность [2].

Об интересном наблюдении в рамках личного опыта рассмотрения дел поделился А.А. Соловьев, который отметил, что при рассмотрении налоговых споров адвокаты и сотрудники юридических компаний по уровню профессиональной подготовки зачастую существенно уступают специалистам в финансовой сфере. Весьма компетентны работники организаций, которые занимаются финансовым аудитом, имеющие высшее экономическое, а не юридическое образование [3].

Есть и более смелые предположения таких законодательных инициатив.

Так, М.Л. Скуратовский в одной из своих работ отметил, что дипломированное представительство рассчитано только на участие в судебных заседаниях, собственно говоря, есть предположение, что и вводится в закон такая сомнительного правового качества норма с одной целью – отсечь от участия в процессах (заседаниях) словоохотливых и говорливых не по существу неюристов [4].

Также ряд ученых в области юриспруденции полагают, что введение безусловного образовательного ценза для судебных представителей ограничит доступ к правосудию.

Одни из таких (О.Н. Городонова, А.А. Макарушкова) утверждают, что ценз, предъявляемый к представителю, в виде наличия высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности будет ограничивать доступ граждан к правосудию [5].

С.С. Казиханова, Д.Ю. Ионова в своих научных трудах пришли к выводу, что введение профессионального ценза способно лишь в какой-то мере решить вопрос с получением квалифицированной юридической помощи и одновременно с этим существенно ограничить обеспечение доступа к судопроизводству [6].

Представленные тезисы исходят из того, что, по мнению авторов идей, получение квалифицированной юридической помощи должно соотноситься исключительно с волей доверителя и его финансовыми возможностями, а не с введением образовательного ценза.

Вместе с тем, подводя черту под принятыми решениями в области законодательных инициатив, применительно к институту судебного представительства, составляющими реформу процессуального законодательства в ближайших перспективах его развития, отчетливо прослеживается вывод, что она направлена на реализацию конституционного права граждан на получение юридической квалифицированной помощи.

Также процесс законодательных изменений в рассматриваемой области абсолютно естественен с точки зрения необходимости приведения нормативных положений смежных процессуальных норм к единообразию.

С.А. Халатов в своих трудах отметил, что, поскольку процессуальное право, более чем какое-либо иное, наделено свойствами внутренне согласованной системы, заимствование какого-либо одного существенного признака из другого типа процесса должно влечь за собой значительное изменение всего процесса [7].

1. *Давидян Г.М.* Перспективы реформы правовой профессии в России. М.: Юстицинформ, 2019.

2. *Румак В.* Так называемая оптимизация – это путь в никуда. Интервью с В.М. Жуйковым. / Закон. 2018. № 1. С. 6-17.

3. *Соловьев А.А.* Высшее юридическое образование как обязательное квалификационное требование к судебным представителям // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 3. С. 98-106.

4. *Скуратовский М.Л.* О «пользе» высшего образования // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 47-63.

5. *Городнова О.Н., Макарушкова А.А.* Проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 103-115.

6. *Казиханова С.С., Ионова Д.Ю.* Профессионализация судебного представительства или еще раз к вопросу о доступности правосудия // Хозяйство и право. 2023. № 11. С. 77-92.

7. *Халатов С.А.* Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: НОРМА, 2002. С. 205.

Т.А. Горупа

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
(Брест, Республика Беларусь)
SPIN-код 1229-0180

T.A. Harupa

Brest State A. Pushkin University
(Brest, Republic of Belarus)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

**LEGAL REGULATION OF INDIVIDUAL LABOR
RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN
FEDERATION: GENERAL AND SPECIFIC**

Статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Теоретико-методологические и прикладные основы правового обеспечения социальной сферы как основы экономической безопасности государства в условиях региональной интеграции» (номер госрегистрации 20231010 от 22.06.2023).

На основе общенаучной и юридической методологии проведено сравнительно-правовое исследование индивидуальных трудовых отношений в Республике Беларусь и Российской Федерации. Автор констатирует отличительные свойства белорусской модели, которая базируется преимущественно на контрактной системе найма, на наличие большего объема прав нанимателей на расторжение трудового договора (контракта), чем аналогичная модель российского законодательства.

Ключевые слова: *трудовой договор, трудовой контракт, работник, наниматель, работодатель, социальная сфера, трудовые отношения.*

In this article, the author, based on general scientific and legal methodology, conducted a comparative legal study of individual labor relations in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The author states the distinctive properties of the Belarusian model, which is based primarily on the contract hiring system, and the existence of a greater scope of rights of employers to terminate an employment agreement (contract) than a similar model of Russian legislation

Keywords: *employment contract, labor contract, employee, employer, social sphere, labor relations*

Занятость граждан есть важная составляющая экономической безопасности как отдельного государства, так и интеграционного союза государств. Соответственно эффективность правового регулирования

трудовых отношений будет прямо влиять на национальную и региональную безопасность. Свобода передвижения лиц в интеграционных союзах предполагает необходимость создания соответствующего законодательства государств-членов, гарантирующих не только свободное пересечение границ, но и трудовые права.

Республика Беларусь и Российская Федерация активно сотрудничают в рамках таких интеграционных объединений, как Союзное государство, Евразийский экономический союз и Содружество независимых государств. Соответственно выявление общих и особенных черт трудового законодательства двух стран является актуальным и значимым для более эффективного обеспечения свободы передвижения лиц в рамках таких интеграционных объединений. Можно согласиться с экономистами, что трудовая миграция, с одной стороны, позволяет «снизить напряженность на рынках труда стран-доноров, а с другой – обеспечить необходимой рабочей силой экономики стран реципиентов» [1].

Трудовые отношения двух стран урегулированы на законодательном уровне в соответствующих кодексах. В частности, Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) и Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее – ТК РБ). Данные кодифицированные акты создавались на базе ещё советской научной школы трудового права, поэтому имеют ряд общих моментов относительно выделения субъектов, объектов правового регулирования, институтов коллективных и индивидуальных трудовых отношений.

Вместе с тем необходимо указать на отличительные свойства двух кодифицированных актов.

Во-первых, это структура актов. Трудовой кодекс Республики Беларусь закрепляет порядок правового регулирования первоначально индивидуальных, а потом коллективных отношений. В свою очередь Трудовой кодекс России, наоборот – первоначально коллективных, потом индивидуальных. Несмотря на то, что нормы одного нормативного правового акта имеют одинаковую силу, его структура показывает приоритетность и важность для общества институтов, урегулированных первыми разделами (главами).

Во-вторых, это различные подходы к систематизации общих начал (принципов) трудового законодательства. Если в Трудовом кодексе Российской Федерации принципы систематизированы в ст. 2, то в Трудовом кодексе Республики Беларусь принципы содержатся в различных статьях и главах акта, поэтому их система является предметом научной дискуссии. Более того, необходимо обратить внимание на такой российский принцип, как свобода труда, которая включает и право на труд. В Республике Беларусь право на труд закрепляется на уровне Конституции Республики Беларусь (ст. 41), и оно положено в основу современной идеологии трудовой политики, направленной на профилактику тунеядства и в целом негативное отношение

к трудоспособным гражданам, не занятым в экономике, что закрепляет п. 7 Декрета Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О содействии занятости населения» [2], поэтому свобода труда не имеет правового закрепления.

В рамках нашего исследования необходимо провести краткий сравнительно-правовой анализ трудового договора как основания возникновения, изменения и прекращения индивидуальных трудовых отношений.

Трудовые кодексы обеих стран закрепляют соответствующие нормы в отдельных разделах (Раздел II ТК РБ и Раздел III ТК РФ) и главах (Глава 2-4 ТК РБ и Главы 10-13 ТК РФ). Общим для обоих кодексов является определение наиболее важных аспектов порядка заключения договора, его содержание и форма, виды, также порядок его изменения и прекращения.

Вместе с тем необходимо указать на наиболее отличительные черты правового регулирования. Так, в Республике Беларусь практически во всех сферах жизнедеятельности, для занятия любой должности применяется контрактная система найма на основании Главы 18¹ ТК РБ, которая определяет основания заключения контракта по соглашению сторон при приеме на работу; с работником, с которым заключен трудовой договор на неопределенный срок, срочный трудовой договор; в иных случаях, предусмотренных законодательными актами.

В России напротив, когда заключается срочный трудовой договор необходимо указать обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного трудового договора в соответствии с законом (ч. 3 п. 2 ст. 57 ТК РФ). При этом суды, строго выполняя нормы закона «при установлении факта многократности заключения срочных трудовых договоров на непродолжительный срок для выполнения одной и той же трудовой функции суд вправе с учетом обстоятельств каждого дела признать трудовой договор заключенным на неопределенный срок» (п. 14 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [3]). В Республике Беларусь наниматели практически перестали заключать трудовые договоры на неопределенный срок, что явно понижает статус работника в понимании российских граждан. Это неоднократно являлось предметом негативных оценок со стороны российских ученых-юристов (к примеру, Е.М. Бужакова [4]), так как контракт как вид срочного трудового договора в большей степени выгоден нанимателю, который может по истечении срока не заключать новый контракт. Для работника это очень высокая степень нестабильности.

Следующим важным аспектом для сравнительного исследования являются основания прекращения трудового договора (контракта) по инициативе нанимателя (работодателя).

Трудовые кодексы двух стран (ст. 81 ТК РФ и ст. 42, 47 ТК РБ) закрепляют такие идентичные основания, как ликвидация организации либо прекращение деятельности индивидуального предпринимателя либо лицами, осуществляющими отдельные виды деятельности (к примеру, нотариусы), сокращение численности или штата работников, несоответствия работника занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, препятствующей продолжению данной работы, однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей и др.

Вместе с тем имеются и принципиальные отличия в основаниях прекращения трудового договора по инициативе нанимателя. Законодательство Республики Беларусь предоставляет больший объем прав нанимателю, чем аналогичное законодательство Российской Федерации, относительно оснований расторжения трудового договора. Назовем некоторые из таких отличий.

Во-первых, несоответствия работника занимаемой должности служащего (профессии рабочего) или выполняемой работе вследствие состояния здоровья, препятствующего продолжению данной работы (п. 3 ст. 42 ТК РБ).

В РФ подобные факты являются основанием расторжения договора не по инициативе работодателя, а основанием прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (п. 5 ст. 83 ТК РФ).

Во-вторых, неисполнения без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание (п. 6 ст. 42 ТК РБ). При этом в российском варианте, в отличие от белорусского, должна быть неоднократность неисполнения работником трудовых обязанностей (п. 5 ст. 81 ТК).

В-третьих, однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей (п. 7 ст. 42 ТК РБ) в белорусском законодательстве имеет существенно отличное содержание.

В частности, прогулом признаётся отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня без уважительных причин (в России – четырех часов подряд либо отсутствия на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (её) продолжительности (подп. а) п. 6 ст. 81 ТК РФ).

К грубым нарушениям работником своих трудовых обязанностей белорусский кодекс также относит отсутствие на работе в связи с отбыванием административного взыскания в виде административного ареста, препятствующего исполнению трудовых обязанностей; нарушение производственно-технологической, исполнительской или трудовой дисциплины, повлекшего причинение организации ущерба в размере, превышающем три начисленные среднемесячные заработные платы работников Республики Беларусь; принуждение работников к участию в

забастовке, создание другим работникам препятствий для выполнения их трудовых обязанностей, призыва работников к прекращению выполнения трудовых обязанностей без уважительных причин; участие работника в незаконной забастовке, а также при иных формах отказа работника от выполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) без уважительных причин.

В-четвертых, причинение работником в связи с исполнением трудовых обязанностей государству, юридическим и (или) физическим лицам имущественного ущерба, установленного вступившим в законную силу решением суда (п. 8 ст. 42 ТК РБ).

Кроме того, имеются и другие отличия белорусского и российского кодексов. К примеру, это нарушение руководителем организации без уважительных причин порядка и сроков выплаты заработной платы и (или) пособий (п. 1²ст. 47 ТК РБ), возникновение (установление) обстоятельств, препятствующих осуществлению педагогической деятельности или педагогической деятельности в сфере физической культуры и спорта (п. 7 ст. 47 ТК РБ) и др.

Таким образом, вышеназванные отличия в правовом регулировании индивидуальных трудовых отношений в Республике Беларусь от Российской Федерации свидетельствуют о своеобразии белорусской модели, которая базируется преимущественно на контрактной системе найма, на наличие большего объема прав нанимателей на расторжение трудового договора (контракта), чем аналогичная модель российского законодательства.

На наш взгляд, для эффективного правового регулирования индивидуальных трудовых отношений как в Республике Беларусь, так и Российской Федерации, несмотря на наличие не только общих, но и особенных черт, вполне возможно использовать частнопредметный потенциал трудового права. Должное место в системе правового регулирования должен занимать не только принцип свободы договора, но и принцип пропорциональности прав и обязанностей его сторон. В связи с чем трудовое законодательство государств-членов Союзного государства должно пропорционально закрепить права нанимателей (работодателей) на одностороннее расторжение трудового договора (контракта) и аналогичные права работников. Данные принципы должны быть положены в основу гармонизации трудового законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь.

1. Баскакова М.Е. Проблемы формирования и развития общего рынка труда на пространстве ЕАЭС // Развитие сферы труда в России: истоки проблем, современные тренды и вызовы глобализации: сборник / под ред. И.В. Соболевой и А.П. Седлова. М.: ИЭ РАН, 2019. С. 23-259.

2. Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О содействии занятости населения»: сайт. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=pd1500003>. (дата обращения: 20.03.2024).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/ (дата обращения: 20.03.2024).: 08.03.2024.

4. Божукова Е.М. Сравнительный анализ срочных трудовых договоров в белорусском и российском законодательстве / Е.М. Божукова // Новый юридический вестник. Международный научный журнал. № 7 (14). 2019. С. 28.

УДК 347.9

А.А. Белецкая

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)
SPIN-код 3829-4553

A.A. Beletskaiia

Belgorod State National Research University,
(Belgorod, Russia)

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE ROLE OF FORENSIC EXPERTISE IN THE ARBITRATION PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Рассматриваются особенности осуществления экспертизы в рамках арбитражного процесса, изучаются особенности правового регулирования деятельности экспертов и порядок назначения экспертиз. Анализируется актуальная судебная практика по спорным вопросам рассматриваемой темы. Выдвигаются предположения о возможном развитии данного института в рамках арбитражного процесса.

Ключевые слова: *арбитражный процесс, судебная экспертиза, судебная практика, эксперт.*

The article discusses the specifics of the examination in the framework of the arbitration process. The features of the legal regulation of the activities of experts and the procedure for appointing examinations are studied. The current judicial practice on controversial issues of the topic under consideration is analyzed. Assumptions are made about the possible development of this institution within the framework of the arbitration process.

Keywords: *arbitration process, judicial examination, judicial practice, expert.*

Институт судебной экспертизы является одним из наиболее активно развивающихся в современном арбитражном процессе. Как отмечалось рядом отечественных правоведов, долгие годы судебные экспертизы были уделом именно уголовного судопроизводства, в рамках гражданского процесса и арбитражного процесса долгое время не придавалось должного значения данному виду доказательств [1]. В последние годы перед арбитражными судами ставится всё больше новых задач, разобраться в сущности которых крайне проблематично без участия лица, обладающего специальными познаниями в данной области. Отечественный правовед Е.Р. Россинская рассматривает судебную экспертизу в качестве одного из видов процессуального использования специальных знаний [2].

Необходимо отметить, что особенности проведения судебной экспертизы регулируются как нормами АПК, так и Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Многообразие разновидностей судебной экспертизы порождает также и многообразие источников правового регулирования данной деятельности.

Согласно нормам АПК судебная экспертиза в рамках арбитражного процесса может быть осуществлена как в результате ходатайства сторон разбирательства, так и по инициативе арбитражного суда.

На наш взгляд, следует остановиться на этом моменте чуть подробнее, приведя пример из судебной практики.

Так, 7 апреля 2023 г. Арбитражный суд Красноярского края вынес нашумевшее решение (решение АС Красноярского края от 07.04.2023 по делу № А33-31075/2022) по делу Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 23 по Красноярскому краю (истец) против ООО «ЁБИДОЁБИ» (ответчик). Истец требовал от ответчика изменить фирменное название, поскольку оно имеет созвучие со словами ненормативной лексики, имеющими непристойное содержание, а также противоречит общественным интересам и принципам морали. Ответчик иск признать отказался, сославшись на то, что в содержании названия не имеется ненормативной лексики.

Что крайне интересно – как истцом, так и ответчиком в суд были направлены ходатайства о назначении по делу судебной экспертизы. В ходе судебного заседания стороны также поддержали свои ходатайства. Однако суд в удовлетворении ходатайства отказал, основываясь на том, что суд, рассматривая ходатайство о проведении судебной экспертизы, имеет своей целью разрешение тех вопросов, постановка которых необходима в целях полного и всестороннего рассмотрения дела, а также при условии, что суд не имеет возможности сделать выводы относительно тех обстоятельств, для которых требуются специальные познания.

По мнению суда, вопросы, рассматриваемые экспертом, должны носить существенный характер для рассматриваемого дела. Как следствие,

суд обращает внимание на то, что удовлетворение требования о проведении судебной экспертизы не порождает обязанности суда удовлетворить данное ходатайство.

В ходе дальнейшего рассмотрения дела суд пользовался методами буквального толкования наименования общества с ограниченной ответственностью, доктринальными источниками и юридической литературой, а также Правилами русской орфографии и пунктуации, утв. в 1956 г. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР.

В результате рассмотрения было принято решение, согласно которому ООО «ЁБИДОЁБИ» обязали привести фирменное наименование в соответствие с требованиями законодательства Российской Федерации.

На наш взгляд, решение суда об отказе в удовлетворении ходатайства о проведении судебной экспертизы является неоднозначным. Безусловно, судом была проделана огромная работа по толкованию и изучению лингвистического значения названия организации, однако остается открытым вопрос об установлении объективной судебной истины по делу. Основатель рассматриваемого ООО уже заявил о намерениях продолжить судебные прения, указывая на необходимость проведения лингвистической экспертизы. Полагаем, что в вышестоящей инстанции ответчик будет ссылаться именно на факт отказа в проведении судебной экспертизы как ущемление установленных законом процессуальных прав.

Таким образом, вопрос об установлении обязательного характера проведения судебной экспертизы при взаимном ходатайстве сторон с последующим возложением всех расходов на проигравшую сторону является актуальным.

1. *Глебова Ю.Я., Река И.Ю.* Место и роль судебной экспертизы в арбитражном процессе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019.№ 4. С. 101.

2. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2018. С. 15.

Д.А. Белецкий

Омская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации
(Омск, Россия)

D.A. Beletsky

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
(Omsk, Russia)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ДОГОВОРОВ АВТОРСКОГО НАДЗОРА И ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ

DISTRIBUTION OF DESIGNS OF AGREEMENTS FOR CONTRIBUTOR SUPERVISION AND PAID SERVICES

Проанализированы проблемы соотношения договора возмездного оказания услуг и авторского надзора. Сделан вывод, что данные договорные конструкции отличаются по целому ряду оснований: направленностью интереса сторон, предмету, существенным условиям, субъектному составу и возможности одностороннего отказа от договора.

Ключевые слова: договор, авторский надзор, возмездное оказание услуг, авторское право, производство архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, смежные договорные конструкции.

The article analyzes the problems of the relationship between the contract for paid services and designer's supervision. The author concluded that these contractual structures differ on a number of grounds: the direction of interest of the parties, subject matter, essential conditions, subject composition and the possibility of unilateral refusal of the contract.

Keywords: contract, designer's supervision, paid provision of services, copyright, work of architecture, urban planning and landscape art, related contractual structures.

Действующее законодательство предоставляет автору произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства право на осуществление авторского надзора за процессом реализации его проекта [1]. Сам порядок осуществления авторского надзора устанавливается федеральным органом исполнительной власти по архитектуре и градостроительству.

Вместе с тем анализ норм, регламентирующих осуществление авторского надзора, не позволяет достоверно установить, на основании какого гражданско-правового договора осуществляется авторский надзор. Так, нормативно-правовые акты содержат лишь указание на то, что авторский надзор осуществляется на основании договора [2] (контракта)[3].

Изучение юридической литературы позволяет прийти к выводу об отсутствии среди ученых единого мнения относительно обозначенного вопроса.

В частности, одни ученые считают, что авторский надзор осуществляется на основании договора строительного подряда [4], другие предлагают включить авторский надзор в содержание договора на выполнение проектных и изыскательских работ [5]. Некоторые правоведы полагают, что авторский надзор является одним из видов услуг, оказываемых автором проекта застройщику, на основании договора [6].

В судебной практике также отсутствует единый подход к пониманию правовой природы договора, на основании которого осуществляется авторский надзор.

Так, одни суды считают, что авторский надзор осуществляется на основании договора подряда [7], другие – возмездного оказания услуг [8], иные просто указывают, что авторский надзор осуществляется на основании договора (контракта) [9], не вдаваясь в анализ его правовой природы.

Вместе с тем отсутствие правовой определенности в конкретном договоре не может не оказывать негативного влияния на развитие правовой системы и общественных отношений.

Данные обстоятельства предопределяют необходимость научного осмысления договорной модели, заключаемой сторонами при осуществлении авторского надзора, и отграничении его от иных, смежных договорных конструкций. Решение обозначенной задачи будет способствовать систематизации действующего законодательства и упрочнению гражданского оборота.

Чаще всего в юридической литературе высказываются о том, что авторский надзор является услугой, оказываемой автором проекта, и, соответственно, осуществляется на основании договора возмездного оказания услуг [10]. Некоторые суды также придерживаются данной позиции [11]. Вместе с тем эта точка зрения видится небесспорной по следующим основаниям.

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что данные договорные конструкции отличаются по своему предмету. Из содержания ст. 779 ГК РФ следует, что предметом договора возмездного оказания услуг выступает действия или деятельность, при этом осуществлять эти действия (деятельность) в большинстве случаев может любое лицо. В это же время предметом договора авторского надзора выступает специальная деятельность автора произведения в период его практической реализации, в ходе которой автор осуществляет контроль за тем, чтобы в процессе реализации не был искажен его творческий замысел.

Таким образом, в то время как предметом договора возмездного услуг могут выступать любые действия (любая деятельность), предметом авторского надзора выступает деятельность по осуществлению надзора

за тем, чтобы в процессе практической реализации произведения не были допущены произвольные отступления от замысла автора.

Следующим аргументом может выступить то обстоятельство, что данные договора отличаются целями, преследуемыми сторонами. Так, по общему правилу договор возмездного оказания услуг заключается для удовлетворения потребностей заказчика, т. е. вектор смещен именно в его сторону. В это же время, хотя при заключении договора авторского надзора стороны и преследуют свои собственные интересы (автор произведения стремится к тому, чтобы не было нарушено его право на неприкосновенность произведения, а заказчик заинтересован в итоге получить тот «продукт», который он приобрел), но направленность их интересов сводится к единому знаменателю, заключающемуся в недопущении искажения творческого замысла автора в процессе его практической реализации.

Ещё одной отличительной чертой данных договоров выступает то, что они отличаются своими существенными условиями. В то время как для заключения договора возмездного оказания услуг достаточно согласовать лишь предмет обязательства, для заключения договора авторского надзора также необходимо прийти к соглашению по поводу цены договора.

Также нельзя не акцентировать внимание на различия в субъектном составе данных договорных конструкций. По общему правилу, в качестве исполнителя по договору возмездного оказания услуг может выступать любое лицо (здесь мы имеем в виду отсутствие специальных требований к такому субъекту и возможность выбирать из множества лиц, предлагающих аналогичные услуги). В то же время, учитывая личный неимущественный характер права на осуществление авторского надзора, его тесную связь с личностью автора и, как следствие, непередаваемость, право на осуществление авторского надзора принадлежит исключительно автору произведения, что исключает возможность осуществления авторского надзора иным лицом, помимо автора реализуемого произведения, т. е. личность лица, имеющего право на осуществление авторского надзора, заранее predetermined.

Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что согласно действующему законодательству стороны договора возмездного оказания услуг могут в любой момент отказаться от исполнения договора. В это же время в договоре авторского надзора должен действовать принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения взятых на себя обязательств.

Как справедливо отмечено в научной литературе, мотивы законодателя при закреплении права на односторонний отказ могут быть разнообразными: экономическое неравенство сторон, фидуциарный характер сделки, а также бессрочный характер договора [12].

Однако авторский надзор не подпадает ни под одну из перечисленных категорий.

Так, нельзя утверждать, что в договоре авторского надзора одна из сторон имеет явное экономическое или переговорное преимущество, поскольку, как правило, обе стороны данного договора являются профессиональными участниками рынка.

Также отметим, что договор авторского надзора не является фидуциарным. Анализ мнений ученых цивилистов позволяет сделать вывод, что именно утрата доверия в осуществлении полномочий контрагентом в предоставленных ему пределах является основанием для расторжения договора [13]. Вместе с тем, хотя доверие и является важным элементом договора авторского надзора, тем не менее оно не носит столь существенного значения, при котором сделка заключается исключительно на доверии.

Кроме того, учитывая тот факт, что авторский надзор является личным неимущественным правом автора произведения и, соответственно, может осуществляться исключительно автором произведения, утверждать, что договор является фидуциарным просто невозможно, поскольку у заказчика отсутствует возможность выбрать себе контрагента.

Односторонний отказ от исполнения договора авторского надзора в связи с его бессрочностью не может быть применим в связи со срочным характером данного договора.

На основании приведенного выше можно подытожить, что авторский надзор не может осуществляться на основании договора возмездного оказания услуг.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ; Федеральный закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации».

2. Письмо Минстроя России от 15.10.2020 № 41307-ИФ/09 «По вопросу разграничений функций и определения затрат на осуществление строительного контроля и авторского надзора».

3. Свод правил СП 246.1325800.2016 «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» утвержден Приказом Минстроя России № 98/пр от 19.02.2016 «Об утверждении свода правил «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений».

4. *Воронина М.Д.* Права автора произведения архитектуры на авторский контроль и надзор // *Архитектура, градостроительство и дизайн.* № 3. 2021. С. 37.

5. *Знаменский Г.Л.* Ответственность по договору на выполнение проектных и изыскательских работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 10.

6. *Кайль А.Н.* Право и порядок осуществления авторского надзора при строительстве объектов недвижимости // *Закон.* 2007. № 12. С. 193.

7. Решение Арбитражного суда Магаданской области от 15 июля 2020 г. по делу № А37-561/2020.

8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 октября 2010 № 15300/08; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 29 сентября 2020 г. № 06АП-4027/20 по делу А37-561/2020.

9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 июля 2021 г. № 09АП-29540/21 по делу № А40-214029/2020.

10. *Алексеев М.С., Арутюнян Л.В., Васильева А.В. и др.* Юридический справочник застройщика, 6-я ред. / под ред. Д.С. Некрестьянова. СПб., 2021. С. 191; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой): в 2 т. (постатейный) / С.А. Горленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий и др., отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. Т. 1.

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 сентября 2015 г. № Ф05-11703/15 по делу № А40-147861/2014; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13 июня 2018 г. № Ф02-1618/18 по делу № А33-4697/2017; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 сентября 2019 г. № Ф10-4434/19 по делу № А68-13621/2018.

12. *Милохова А.В.* Односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг: его пределы и условия реализации // *Законы России: опыт, анализ, практика* № 12. 2017. С. 53-58.

13. *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. Спб., 1911. С. 208; *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. Л.: ЛГУ, 1958. С. 734-735.

УДК 346.5

Ю.Н. Белова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)
SPIN-код 9848-6960

J.N. Belova

Peoples' Friendship University of Russianamed after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

**ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКУПКИ
У ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА: ОТ ДОКТРИНЫ ЗАЩИТЫ
СЛАБОЙ СТОРОНЫ ДО ПОНУЖДЕНИЯ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДОГОВОРА**

**LEGAL MECHANISMS FOR PURCHASING FROM A SINGLE SUPPLIER:
FROM THE DOCTRINE OF PROTECTING THE WEAK SIDE TO COERCION
TO CONCLUDE A CONTRACT**

Автор статьи анализирует правовые особенности закупки у единственного поставщика среди других способов закупки, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, а также исследует проблему заключения договора с единственным поставщиком. Предлагается применять обоснованный подход к выбору способа закупки, в том числе исходя из принципа исключительности закупки у единственного

поставщика, а также максимально отказаться от неопределенности при заключении договора с единственным поставщиком.

Ключевые слова: закупочная деятельность, единственный поставщик, конкурентная закупка, эффективность закупочной деятельности, несостоявшиеся торги, заключение договора, слабая сторона, понуждение к заключению договора.

The author of the article analyzes the legal features of purchasing from a single supplier among other procurement methods carried out by certain types of legal entities, and also examines the problem of concluding a contract with a single supplier. The author proposes to apply a reasonable approach to choosing a procurement method, including based on the principle of exclusivity of procurement from a single supplier, as well as to avoid uncertainty as much as possible when concluding a contract with a single supplier.

Keywords: procurement activities, the only supplier, competitive procurement, efficiency of procurement activities, failed tenders, conclusion of a contract, weak side, coercion to conclude a contract.

Одним из поводов обращения к вопросу рассмотрения особенностей заключения договора с единственным поставщиком в рамках Закона о закупках [1] явилось отсутствие четкого нормативного урегулирования данного вопроса. Интересы участника конкурентной закупки раскрыты в Законе о закупках через создание возможностей ознакомления с условиями закупки, участия в её проведении, обжалования её итогов, но в отношении участия единственного поставщика в закупочной деятельности заказчика Закон о закупках говорит весьма уклончиво, ссылаясь на положение о закупочной деятельности заказчика. Статус закупки у единственного поставщика среди других способов закупок является максимально неопределенным, отданным на откуп самих заказчиков, из чего можно было бы предположить, что этот способ закупки в большей степени соответствует одной из основных целей Закона о закупках – «своевременному и полному удовлетворению потребностей» заказчика. При этом нельзя не отметить, что цели закупочной деятельности, применительно к складывающимся в закупочной деятельности отношениям, не могут рассматриваться по отдельности. Цель соблюдения конкуренции при осуществлении закупочной деятельности может являться не только мерой поддержки потенциальных участников рынка, но и возможностью для заказчика удовлетворить свои потребности по минимальной цене на самых благоприятных условиях, в случае с единственным поставщиком - не выполняется.

В подтверждение изложенной выше точки зрения о том, что регулятор не раскрывает содержание закупки у единственного поставщика, является и тот факт, что он не выделяет такой самостоятельный способ закупки, как закрытая закупка у единственного поставщика – по аналогии с закрытыми конкурентными способами закупки [1].

Согласно отчету Минфина РФ по результатам мониторинга закупок отдельными видами юридических лиц за I-III квартал 2023 г., в структуре закупок число конкурентных способов закупок (56 %) с небольшим отрывом

превышает неконкурентные (44 %) [2], что говорит об огромном значении закупок у единственного поставщика в общем массиве складывающихся по результатам закупочных процедур правоотношений.

Путем судебного толкования норм Закона о закупках Верховный суд РФ установил, что любая закупка у единственного поставщика должна иметь под собой основание, предусмотренное положением о закупочной деятельности заказчика. При этом «вольная» на осуществление заказчиком любых закупок у единственного поставщика является недопустимой. Также Верховный суд РФ высказал позицию в отношении того, при каких обстоятельствах и исходя из каких потребностей заказчика целесообразно производство закупки у единственного поставщика, указав на необходимость «разумных и объективных причин», объясняющих неэффективность конкурентной процедуры, в том числе в силу срочности, обстоятельств непреодолимой силы, узкой направленности закупки, а также в отдельных случаях по результатам несостоявшейся конкурентной закупочной процедуры [3].

В нормативной базе можно встретить отдельные акты – дозволения, разрешающие производить закупку отдельных групп товаров, работ, услуг у единственного поставщика. В Законе о закупках такое разрешение было установлено после начала СВО в отношении всего необходимого для выполнения гособоронзаказа и создания соответствующих запасов. В 2024 г. была предусмотрена возможность закупки российского программного обеспечения у единственного поставщика, который является его разработчиком [4].

Отдельного внимания заслуживает вопрос дробления закупок в целях избежания необходимости организации конкурентной закупки, фактически переводя её в разряд малой закупки у единственного поставщика, что содержит в себе негативные последствия, связанные как с ограничением конкуренции, недостижением того экономического эффекта, на который заказчик мог рассчитывать при целой закупке [5]. Определённым регулятором и средством борьбы с указанным явлением стало введение заказчиками перечня одноименных товаров и установление объема закупки по ним в пределах квартала.

Ещё одним проблемным вопросом, который не находил однозначного ответа до момента его разрешения Конституционным Судом РФ, было установление обязанности по заключению договора с единственным участником конкурентной закупки как с единственным поставщиком. Конституционный Суд РФ указал на недопустимость произвольного решения заказчика, по общему правилу установил обязанность заказчика заключить такой договор, а в случае, если положение о закупочной деятельности заказчика содержит обязанность произвести повторную закупку – совершить указанное действие [6]. По мнению А.И. Фролова, заключение договора с единственным участником торгов представляется юридически гуманным с точки зрения защиты «слабой стороны правоотношений» [7]. Так как для

заказчика данная закупка может не дать желаемый экономический эффект, справедливым для обеих сторон будет ситуация, при которой участник закупки будет изначально ознакомлен с «правилами игры».

А.К. Шереметьева и В.Д. Галиева отмечают, что предоставленная заказчиком свобода выбора оснований осуществления закупочной деятельности у единственного поставщика «идет в разрез с общими принципами данной деятельности», и только установление единых оснований и порядка их применения по аналогии с Федеральным законом № 44-ФЗ приведет к большей эффективности закупочной деятельности [8]. По мнению К. Чагина, Закон о закупках предъявляет к заказчику единственное требование в отношении закупок у единственного поставщика – наличие закрытого перечня оснований для проведения такой закупки, что представляется резонным при условии их обоснованности условиям хозяйственного оборота конкретного заказчика [9].

Исходя из изложенного, представляется, что закупка у единственного поставщика является скорее исключением из правила осуществления закупки конкурентным способом, и даже в случае, если положением о закупках предусмотрено то или иное основание закупки у единственного поставщика, существует вероятность, что поведение заказчика может быть расценено как уклонение от конкурентных процедур и злоупотребление правом. Таким образом, в большинстве случаев для заказчика закупка у единственного поставщика это не обязанность, а строго регламентированное право.

Поставщик может вступить в отношения с заказчиком, ещё не обладая всей информацией о том, что он является не просто контрагентом заказчика по договору, но и единственным поставщиком в рамках его закупочной процедуры. Первоначальный объем информации, необходимый заказчику в виде согласия исполнить определенное обязательство по цене с указанием срока, зачастую является для заказчика достаточным для формирования протокола закупочной комиссии о его выборе. При этом указанный протокол и впоследствии направленный в адрес поставщика договор могут не иметь обязывающего эффекта для потенциального единственного поставщика.

О.С. Иоффе рассматривал обращение, которое не содержало в себе существенных условий договора «вызовом на оферту, который ни к чему не обязывает того, кто его сделал» [10]. В случае, если положением о закупочной деятельности заказчика не установлен порядок заключения договора с единственным поставщиком, первоначальные действия заказчика по выстраиванию отношений с потенциальным единственным поставщиком можно рассматривать как «вызов на оферту» и нельзя считать направлением оферты в правовом смысле.

В то время как победитель конкурентной закупки заключает договор на сформированных заказчиком условиях, будучи с ним ознакомленным, присоединяется к договору, хотя напрямую и не участвует в формировании

условий такого договора, единственный поставщик может оказаться в ситуации, при которой он узнает о выборе его заказчиком в качестве единственного поставщика и одновременно получает проект договора. Д.И. Мейер считал, что если лицо «определяет свою волю в настоящем, а юридические последствия её пока неизвестны, то такая сделка заключается условно» [11].

Слабой стороной договора, заключенного с единственным поставщиком, может быть признана сторона, которая находится в неравных возможностях по отстаиванию своего права на установление «симметричных» прав и обязанностей. В указанных условиях заключение договора на невыгодных условиях сталкивается с принципом свободы договора [12].

Исходя из анализа положений заказчиков, можно сделать вывод, что большее значение в положении уделяется вопросам установления оснований для проведения закупки у единственного поставщика, а не порядку заключения с ним договора или ознакомлению с условиями договора и документации (при её наличии). Так, например, Положение о закупке Госкорпорации «Роскосмос» не описывает процесс заключения договора с единственным поставщиком, а к условиям, подлежащим корректировке в проекте договора, заключаемого по итогам закупки у единственного поставщика, относит «реквизиты единственного поставщика, условия, которые направлены на улучшение условий исполнения договора для заказчика, а также информацию о стране происхождения товара» [13].

Подводя итоги, можно отметить, что в целях эффективности закупочной деятельности заказчику необходимо применять обоснованный подход к выбору способа закупки, в том числе исходя из принципа исключительности закупки у единственного поставщика против конкурентных способов закупки, а также выстраивать отношения с потенциальным единственным поставщиком таким образом, чтобы у него не возникало сомнений в его статусе. Причиной неопределенности правоотношений, складывающихся в ходе закупки у единственного поставщика, является предоставленная заказчику регулятивная свобода, которой он зачастую злоупотребляет.

1. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

2. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/10/main/Monitoring_3_kvartal_2023_n.pdf

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.09.2021 N 306-ЭС21-13429 по делу N А57-6544/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ

16.05.2018) «Бюллетень Верховного Суда РФ». N 2. Февраль. 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Письмо Минфина России N 24-00-07/22259, Минцифры России N СК-П11-22106, ФАС России N ПИ/20386/24 от 13.03.2024 «Об осуществлении отдельными видами юридических лиц закупки российского программного обеспечения у его разработчика в качестве единственного поставщика (исполнителя, подрядчика)» // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Тарасов М.Ю., Ступаченко Е.В.* Закупка у единственного поставщика: вопросы правоприменительной практики и совершенствования законодательства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 220-224.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2022 N 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 432, пункта 1 статьи 438, пункта 4 статьи 445, пункта 5 статьи 447 и пункта 4 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. *Фролов А.И.* Правовые последствия несостоявшихся торгов // Хозяйство и право. 2023. N 5. С. 34 – 44// СПС «КонсультантПлюс».

8. *Шереметьева А.К., Галиева В.Д.* Исключительность неконкурентных процедур как форма защиты публичных интересов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2(218). С. 172-174.

9. *Чагин К.* Закупки у единственного поставщика по Закону N 223-ФЗ // Прогосзаказ.рф. 2019. N 11. С. 40 - 49.// СПС «КонсультантПлюс».

10. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 27

11. *Мейер Д.И.* Избранные труды в трех томах, Том 1, М.: Изд-во «Статут», 2022

12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ, ст.ст. 421, 428// СПС «КонсультантПлюс».

13. Положение о закупке товаров, работ, услуг Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» (утв. наблюдательным советом Госкорпорации «Роскосмос», Протокол от 25.08.2020 N 38-НС) (ред. от 26.12.2023)// СПС «КонсультантПлюс».

Э.Б. Бобровницкая
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

E.V. Babraunitskaya
Belarusian State University,
(Minsk, Republic of Belarus)

ВОЗМЕЗДНОЕ ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

PAID PROVISION OF MEDICAL SERVICES IN THE REPUBLIC OF BELARUS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Изучается историко-правовое развитие возмездного оказания медицинских услуг на белорусских землях с XI в. по настоящее время. Делается вывод о том, что, несмотря на достаточную распространенность оказания платной медицинской помощи, договорная конструкция данных правоотношений сложилась лишь с принятием Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» в 1993 г. и Гражданского кодекса Республики Беларусь в 1998 г.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинская услуга, врач, частнопрактикующий врач, здравоохранение, договор возмездного оказания медицинских услуг.

The article studies the historical and legal development of paid provision of medical services on Belarusian lands from the 11th century to the present. It is concluded that despite the sufficient prevalence of paid medical care, the contractual structure of these legal relations emerged only with the adoption of the Law of the Republic of Belarus "About the healthcare" in 1993 and the Civil Code of the Republic of Belarus in 1998.

Key words: medical care, medical service, doctor, private practitioner, healthcare, contract for paid provision of medical services.

Не вызывает сомнения факт, что во все времена человечество особо нуждалось в деятельности врачей в случае возникновения заболевания, получения травмы. Отдельного внимания заслуживает историко-правовое развитие оказания платной медицинской помощи.

Одно из первых упоминаний о медицинской помощи, оказываемой на возмездной основе, содержится в Краткой редакции Русской Правды, которая распространяла свое действие на старобелорусские территории. Статья 2 данного правового акта устанавливала обязанность «обидчика» за причинение телесных повреждений уплатить 3 гривны потерпевшему, а также выплатить вознаграждение лекарю [1]. Указанная норма свидетельствует о возмездном характере деятельности врачей.

Дальнейшее развитие государства и права на белорусских землях непосредственно связано с образованием Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и изданием Первого Статута ВКЛ в 1529 г., Второго Статута ВКЛ в 1566 г. и Третьего Статута ВКЛ в 1588 г. Несмотря на то, что в названных сводах законов не было уделено внимание отдельной правовой регламентации возмездного оказания помощи лекарями, в артикуле 7 раздела 12 Статута ВКЛ 1588 г. имеется упоминание о возмездном оказании помощи лекарями. Данная норма гласит, что в случае, если человек простого происхождения нанесет еврею телесные повреждения, причиняющие существенный вред здоровью, то должен за это заплатить «навязку». Однако если этот человек в силу тяжелого материального положения не в состоянии заплатить навязку, то подлежит наказанию в виде заключения, а также обязан «заплатить лекарю за лекарства» [2]. Наличие такой нормы также свидетельствует о том, что лекари оказывали помощь на возмездной основе.

Статуты ВКЛ не содержат норм, указывающих напрямую на договорную конструкцию правоотношений, возникающих из оказания медицинской помощи лекарями. При этом в Статуте ВКЛ 1588 г. наравне с конкретными обязательственными правоотношениями (вытекающими, например, из договора купли-продажи, мены, аренды, займа) упоминаются и иные обязательства о совершении различного рода действий, при этом не называется их исчерпывающий перечень [3]. В качестве примера можно привести артикул 18 раздела 7, посвященный порядку исполнения обязательств в случае смерти лица, взявшего на себя такое обязательство, в котором в качестве необходимых к совершению действий были названы также и «другие разные дела и случая, о чем бы то ни было» [4].

В 1795 г. в результате третьего раздела Речи Посполитой был завершен процесс присоединения белорусских земель к Российской империи, что ознаменовало распространение на них российского законодательства. При этом до 1831 г. Статут ВКЛ 1588 г. действовал в Витебской и Могилевской губерниях, а до 1840 г. – в Виленской, Минской и Гродненской губерниях. В этой связи дальнейшее становление возмездного оказания медицинских услуг непосредственно было связано с развитием законодательства Российской империи.

Одним из первых правовых актов Российской империи XVIII в., в котором упоминается взимание платы за оказание медицинской помощи, является Сенатский указ «Об учреждении школы в Санкт-Петербурге и Москве для обучения повивальному искусству; о снабжении в сем искусстве бабками под именем присяжных», принятый 29 апреля 1754 г. [5]. В соответствии с данным указом женщины, обладающие необходимыми навыками и знаниями в области акушерства, именуемые «бабками», после подтверждения своей «квалификации» докторами и лекарями и принесения «присяги» именовались «присяжными бабками» и получали право принимать роды. Вознаграждение «присяжным бабкам» определялось так

называемым «рописанием». С рожениц в обязательном порядке взималась в казну оплата за оказанную помощь.

В дополнение к вышеупомянутому указу был принят 30 марта 1755 г. Сенатский указ «О поручении Губернским Канцеляриям сбора с родильниц, установленного для усовершенствования повивального искусства» [6].

В 1857 г. был принят Устав врачебный – первый системообразующий правовой акт в Российской империи, регламентирующий организацию врачебной деятельности. Он состоял из трех книг: Учреждения врачебные, Устав медицинской полиции, Устав судебной медицины. Глава 2 Учреждений врачебных предусматривала деятельность не только государственных врачей, но и «вольнопрактикующих» врачей. В соответствии со ст. 136 Учреждений врачебных в случае нехватки штатных государственных врачей «Губернское начальство» наделялось правом возлагать их обязанности на «вольнопрактикующих» врачей [7].

Важно отметить, что медицинская помощь в рассматриваемый период оказывалась преимущественно на возмездной основе государственными больницами. По этой причине в конце XIX в. особо остро встал вопрос о повышении доступности медицинской помощи, в том числе за счет преобразования её в полностью бесплатную. Возмездный характер медицинской помощи осуждался медицинским сообществом, называя её «налогом на несчастье», так как он лишал особо незащищенные слои населения возможности получить помощь. Это поспособствовало появлению в Российской империи категорий лиц, которые были освобождены от платы за лечение. Расходы на лечение таких лиц брало на себя государство или местные органы самоуправления. Так, на основании ст. 281 Устава врачебного (редакция 1905 г.) медицинская помощь оказывалась бесплатно неимущим лицам, а также больным в случае острых эпидемических заболеваний [8].

Следующий этап развития возмездного оказания медицинской помощи связан с образованием СССР в 1922 г. В первые годы советского периода ещё сохранялось право осуществлять частную медицинскую практику, что, в свою очередь, свидетельствует о сохранении платной медицинской помощи. Так, согласно п. 2 постановления Совета Народных Комиссаров ССР Белоруссии от 10 ноября 1922 г. «О порядке учета квалифицированного медицинского персонала и приобретения им права на профессиональную работу» лица, не зарегистрированные в установленном порядке Наркомздравом для осуществления медицинской деятельности, не были вправе приниматься «ни на какую службу по их специальности в государственные и частные учреждения», а также не вправе публиковать «предложения своего профессионального труда» [9]. Также врачи, осуществляющие частную медицинскую практику, упоминаются в постановлении Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР от 14 сентября 1926 г. «Об утверждении Положения о профессиональной работе

медицинского персонала и о борьбе с незаконным врачеванием» [10]. Из указанной нормы можно сделать вывод, что в тот период медицинскую помощь оказывали не только государственные больницы, но также частные организации и частнопрактикующие врачи. При этом правоотношения, складывающиеся между врачами, оказывающими медицинскую помощь на возмездной основе, не имели закрепленную в гражданском законодательстве того времени договорную конструкцию.

Законом СССР от 19.12.1969 «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» в ст. 3, а также Законом Белорусской ССР от 04.12.1970 «О здравоохранении» в ст. 5 устанавливалась только бесплатная медицинская помощь, оказываемая только государственными учреждениями [11]. Это означает, что здравоохранение в БССР и в других социалистических республиках произошел переход на государственную систему здравоохранения с исключением возможности оказания медицинской помощи на возмездной основе. Такая система действовала вплоть до обретения союзными республиками суверенитета и принятия ими новых законов о здравоохранении.

Верховным Советом Республики Беларусь 18.06.1993 был принят Закон № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении), статья 15 которого предусматривала возможность оказания платных медицинских услуг, не включенных в финансируемые государством программы здравоохранения [12]. Важно отметить, что п. 2 ст. 733 Гражданского кодекса Республики Беларусь, принятого Палатой представителей 28 октября 1998 г., предусматривает распространение положений главы 39 на договоры возмездного оказания медицинских услуг [13].

Согласно ст. 15 Закона о здравоохранении в действующей редакции медицинские услуги сверх установленного государством гарантированного объема бесплатной медицинской помощи являются дополнительными и оказываются государственными учреждениями здравоохранения на платной основе на основании письменных договоров [14]. То есть в настоящее время четко сформировалась договорная конструкция правоотношений, складывающихся в связи с оказанием медицинских услуг на возмездной основе.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что правоотношения по возмездному оказанию медицинской помощи прошли долгий путь развития и становления. В период Российской империи медицинская помощь оказывалась на возмездной основе как государственными больницами, так и частнопрактикующими врачами. При этом отдельным категориям граждан в силу их тяжелого материального положения лечение предоставлялось бесплатно. В 20-е гг. XX в. после образования СССР наряду с государственной сохранялась система «частного» здравоохранения. В конце 1960-х гг. произошел переход на государственную бесплатную

систему здравоохранения. Лишь с принятием Закона о здравоохранении в Республике Беларусь в 1993 г. была возобновлена платная медицина, осуществляемая наряду с бесплатной. Правовым основанием оказания платных медицинских услуг выступает договор возмездного оказания услуг.

1. Краткая Русская Правда. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/RP/krp.htm> (дата обращения: 18.03.2024).

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент./Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін і інш. БелСЭ, 1989. С. 442.

3. *Беляев М.П., Элязян А.Ш.* Обязательственные отношения в гражданском праве Великого княжества Литовского // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4. С. 126.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент./Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін і інш. БелСЭ, 1989. С. 442.

5. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. XIV. СПб., 1830. С. 55.

6. Там же. С. 339.

7. Свод Законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1857. С. 26.

8. *Егорышева И.В.* Проблема доступной медицинской помощи в дореволюционной России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 1. С. 57.

9. Постановление Совета Народных Комиссаров ССР Белоруссии от 10 ноября 1922 г. «О порядке учета квалифицированного медицинского персонала и приобретения им права

на профессиональную работу». URL: <http://actbssr.pravo.by/WorkDoc/ShowDoc?RegNum=Y22288000> (дата обращения: 18.03.2024).

10. Постановление Совета Народных Комиссаров Белорусской ССР от 14 сентября 1926 г. «Об утверждении Положения о профессиональной работе медицинского персонала и о борьбе с незаконным врачеванием». URL: <http://actbssr.pravo.by/WorkDoc/ShowDoc?RegNum=Y22610100> (дата обращения: 18.03.2024).

11. Закон СССР «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» от 19.12.1969 URL: <https://docs.cntd.ru/document/9021016> (дата обращения: 18.03.2024); Закон Белорусской ССР «О здравоохранении» от 04.12.1970 URL: <http://actbssr.pravo.by/WorkDoc/ShowDoc?RegNum=Y07011000> (дата обращения: 18.03.2024).

12. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 июня 1993 г., № 2435-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

13. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

14. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 июня 1993 г., № 2435-XII в ред. Закона от 25 окт. 2023 г. № 308-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

Е.Н. Гладкая

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN-код 9795-4709

E.N. Gladkaya

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
(Minsk, Republic of Belarus)

**ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

**LIMITS OF LEGAL INFLUENCE ON THE ECONOMIC ACTIVITIES OF
NON-PROFIT ORGANIZATIONS**

Обозначена недостаточность и размытость пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций. Учитывая значение некоммерческих организаций в формировании имиджа Республики Беларусь в качестве социального государства, предложены меры по оптимизации такого правового воздействия.

***Ключевые слова:** пределы правового воздействия, некоммерческие организации, хозяйственная деятельность, социально-ориентированное предпринимательство.*

The work identifies the insufficiency and vagueness of the limits of legal influence on the economic activities of non-profit organizations. Taking into account the importance of non-profit organizations in shaping the image of the Republic of Belarus as a social state, measures have been proposed to optimize such legal influence.

***Keywords:** limits of legal influence, non-profit organizations, economic activity, socially oriented entrepreneurship.*

В соответствии со ст. 1 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство. Неслучайный порядок слов в приведенной норме указывает на то, что Республику Беларусь прежде всего необходимо рассматривать как социальное государство, а уже потом как правовое. В данном контексте необходимо отметить, что в Беларуси вопросам развития социальной сферы перманентно уделяется значительное внимание, а достигнутые результаты являются предметом гордости.

Государство, как основной регулятор общественных отношений в социальной сфере, выступает движущей силой в решении возникающих социальных вопросов. Опорой ему служат частные партнеры – коммерческие организации, созданные в соответствии с законодательством Республики Беларусь, либо индивидуальные предприниматели Республики

Беларусь, с которыми заключено соглашение о государственно-частном партнерстве (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон «О государственно-частном партнерстве»)).

Некоммерческие организации в силу Закона «О государственно-частном партнерстве» не рассматриваются в качестве частных партнеров, что, по нашему мнению, является законодательным упущением. В результате сформировавшегося подхода институт государственно-частного партнерства, урегулированный нормами Закона «О государственно-частном партнерстве», охватывает лишь часть отношений в сфере публично-частного партнерства (данному институту в национальном праве Республики Беларусь не выработано единообразного понимания – *прим. автора*).

Представляется, что некоммерческие организации, создаваемые для достижения социальных и иных общественно значимых целей (п. 3 ст. 46 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь)), в силу своего правового статуса и правового режима деятельности даже в большей степени, нежели коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, выступают в роли частных партнеров государства в решении социальных задач (в том числе путем осуществления хозяйственной деятельности (предпринимательского и непредпринимательского характера)). Поясним данный тезис на примере профессиональных союзов.

В соответствии со ст. 27 Закона Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах» (далее – Закон «О профессиональных союзах») профсоюзы в соответствии с их уставными целями и задачами имеют право в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, формировать необходимые фонды солидарности и иные фонды. Следовательно, профессиональные союзы вправе создавать необходимые фонды, например, для участия в правоотношениях, складывающихся по поводу функционирования инновационной инфраструктуры (ст. 25 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»), финансирования сферы инноваций и формирования внебюджетных централизованных инвестиционных фондов (Указ Президента Республики Беларусь от 7 августа 2012 г. № 357 «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов»), научной инфраструктуры и проведения научных исследований (ст. 3 и 6 Закона Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-XIII «О научной деятельности»), функционирования инфраструктуры малого и среднего предпринимательства (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 148-З «О поддержке малого и среднего предпринимательства») и др. Кроме того:

– на основании норм Указа Президента Республики Беларусь от 6 мая 2010 г. № 240 «Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами» и Закона «О профессиональных союзах» профессиональные союзы являются субъектом общественного контроля;

– в силу ст. 12 Закона «О профессиональных союзах» профессиональные союзы вправе участвовать в качестве полномочных представителей работников в «<...> приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества, иметь своих представителей в создаваемых комиссиях по приватизации государственного имущества и по преобразованию государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»;

– в соответствии со ст. 64 Кодекса Республики Беларусь о культуре профессиональные союзы могут выступать в роли спонсоров культуры;

– на основании ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-3 «О государственно-частном партнерстве» профессиональные союзы могут выступать в качестве консультанта проекта государственно-частного партнерства или кредитора частного партнера;

– в соответствии со ст. 1, 7 и 9 Закона Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-3 «О социальном обслуживании» профессиональные союзы могут выступать в качестве производителя социальных услуг или субъекта, осуществляющего финансирование и (или) оказывающего безвозмездную (спонсорскую) помощь в области социального обслуживания;

– вправе выступать в качестве субъекта правоотношений в области социального предпринимательства и т. д.

В этой связи рациональным полагаем определять смысл и содержание общественных отношений в сфере публично-частного партнерства на основе норм международного правового акта рекомендательного характера – Модельного закона СНГ «О публично-частном партнерстве». В соответствии со ст. 1 указанного Модельного закона под публично-частным партнерством следует понимать «юридически оформленное на определенный срок, основанное на объединении ресурсов (денежных средств и иного имущества, профессиональных и иных знаний, опыта, навыков и умений) и распределении рисков (в том числе рисков финансирования, строительства, обеспечения доступности или спроса в отношении объекта публично-частного партнерства или соответствующих публичных услуг и связанных с ними рисков) взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров в целях решения государственных, муниципальных и иных общественно-значимых задач, находящихся в сфере публичного интереса и контроля». Наряду с этим, в силу ст. 14 Модельного закона СНГ «О публично-частном партнерстве», под частным партнером в рамках публично-частного партнерства следует понимать «индивидуального предпринимателя, национальное юридическое лицо, иностранное юридическое лицо или

действующих без образования юридического лица на основании соглашения двух и более юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей (с учетом ограничений, установленных законодательством государства)»).

В Республике Беларусь проводится широкомасштабная работа по совершенствованию правового регулирования предпринимательской деятельности. С этой целью был разработан проект Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам предпринимательской деятельности» (далее – законопроект). В настоящее время законопроект принят во втором чтении депутатами Палаты представителей Республики Беларусь. Несмотря на закрепление новых подходов к правовому регулированию предпринимательской деятельности, в том числе путем изменения состава её субъектов, законопроектом не затрагиваются вопросы правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, направленной на получение дохода. Наряду с этим законодательством Республики Беларусь только поверхностно определен правовой режим такой деятельности. Дискуссионным, на наш взгляд, является сведение деятельности некоммерческих организаций, направленной на получение дохода, к предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 46 ГК Республики Беларусь). В данной части отметим следующее: если применительно к хозяйственной деятельности некоммерческих организаций предпринимательского характера в ГК Республики Беларусь сделана попытка установить общие начала для определения её правового режима, то хозяйственная деятельность некоммерческих организаций, носящая непредпринимательский характер, вообще выпала из области правового регулирования.

Разнообразие организационно-правовых форм некоммерческих организаций, как прямо названных в ГК Республики Беларусь, так и иных, вытекающих из существа законодательства Республики Беларусь (в юридической литературе именуется как «нестандартные» [1] (например, научные организации, коллегии адвокатов и прочие)), актуализирует необходимость выработки единых подходов в решении вопроса об определении правового режима доходной деятельности указанных организаций, учитывая их социальную ориентированность. Как представляется, решение обозначенного вопроса лежит в области разработки специализированного Закона Республики Беларусь о некоммерческих организациях, в котором эти самые единые подходы могли бы быть предусмотрены. Пока же вынуждены констатировать, что недостатки правового регулирования в данной части компенсируются некоммерческими организациями на локальном уровне путем издания соответствующих локальных актов (так проявляется вынужденное саморегулирование некоммерческими организациями своей доходной деятельности с целью нивелирования имеющихся пробелов в законодательстве). В данной части также требует решения проблема

закрепления в законодательстве Республики Беларусь дублирующих друг друга организационно-правовых форм некоммерческих организаций (в частности, таких как «общественная организация», «общественное объединение», «ассоциация», «союз»). В основу решения обозначенной проблемы может быть положена авторская концепция, согласно которой «общественные объединения» и «общественные организации» предложено рассматривать как общее и частное. В таком случае ассоциации, союзы, религиозные организации, политические партии и движения следует считать формами общественных организаций [2]. Принятие во внимание предложенного концепта позволит избежать путаницы существующей в настоящее время в правоприменительной деятельности.

Проблема ненадлежащего правового регулирования хозяйственной деятельности некоммерческих организаций (как предпринимательского, так и непредпринимательского характера) обостряется в контексте развития теории о социально-ориентированном предпринимательстве (некоммерческие организации в зависимости от организационно-правовой формы могут выступать как субъектами вторичного, таки субъектами социального предпринимательства [3]) и отсутствии комплексных правовых исследований на данную тематику. В целом следует отметить, что общественные отношения с участием некоммерческих организаций достаточно редко выступают предметом правовых исследований. Как представляется, роль некоммерческих организаций в формировании имиджа Республики Беларусь в качестве социального государства недооценена отечественными учеными.

Опираясь на ст. 13 Конституции, в соответствии с положениями которой государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной деятельности, подп. 45.3 п. 45 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, согласно которому взят курс на развитие организационно-правовых форм предпринимательской и иной экономической (хозяйственной) деятельности, а также на основании вышеуказанного, мы приходим к выводу о необходимости пересмотра существующих пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций путем выработки конкретных мер по его (правового воздействия) оптимизации. В настоящее время такие пределы носят недостаточный и зачастую размытый характер, что не позволяет некоммерческим организациям в полной мере реализовывать свой потенциал в качестве субъектов социально-ориентированного предпринимательства.

Таким образом, с целью оптимизации правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций предлагается: 1) пересмотреть перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций для исключения имеющегося дублирования; 2) сформулировать

единые подходы к правовому регулированию хозяйственной деятельности некоммерческих организаций, имеющей предпринимательский и, что важно, непредпринимательский характер; 3) рассмотреть возможность разработки проекта Закона Республики Беларусь «О некоммерческих организациях» и отражения в нем уточненных пределов правового воздействия на хозяйственную деятельность некоммерческих организаций.

-
1. *Конаневич Ю.Г.* Юридические лица : монография. Минск, 2018. С. 63–64.
 2. *Гладкая Е.Н.* Правовой статус профессиональных союзов как субъектов гражданского права по законодательству Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2022. С. 15, 17; Страновой маркетинг : монография / Н.Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н.Л. Бондаренко. Минск, 2022. С. 302–312.
 3. *Гладкая Е.Н.* Признаки вторичного предпринимательства некоммерческих организаций и его место в системе предпринимательства в целом // Актуальные проблемы гражданского права. 2023. № 2 (22). С. 110–124.

УДК 343.852

В.А. Гончарова

Томский государственный университет
(Томск, Россия)
SPIN-код 1084-9207

V.A. Goncharova

Tomsk State University
(Tomsk, Russia)

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ИЛИ ИНУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ**

**PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHTS OF PERSONS ENGAGED IN
BUSINESS OR OTHER ECONOMIC ACTIVITIES WHEN ELECTING A
MEASURE OF PRESTRUCTIVENESS IN THE FORM OF DETENTION**

***Исследование выполнено за счет гранта Российского научного
фонда №22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>***

На основе анализа обновленного в 2023 г. уголовно-процессуального законодательства, касающегося вопросов избрания меры пресечения в виде заключения под стражу предпринимателей, а также правоприменительной практики делается

вывод о необходимости формулирования Верховным Судом РФ актуальных разъяснений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Ключевые слова: заключение под стражу, предпринимательская деятельность, гуманизация уголовного судопроизводства, мера пресечения, судебная практика, дифференциация уголовного судопроизводства.

Based on an analysis of the criminal procedural legislation updated in 2023 regarding the selection of a preventive measure in the form of detention of entrepreneurs, as well as law enforcement practice, it is concluded that it is necessary for the Supreme Court of the Russian Federation to formulate current clarifications of Part 1.1 of Art. 108 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: detention, entrepreneurial activity, humanization of criminal proceedings, preventive measures, judicial practice, differentiation of criminal proceedings.

В 2023 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 13.06.2023 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» правовое регулирование заключения под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, претерпело существенные изменения, целью которых явилась в первую очередь минимизация случаев возможного назначения данной принудительной меры указанным субъектам. Одновременно с этим ст. 108 УПК РФ дополнилась ч. 3.1, возлагающей на следователя, дознавателя обязанность при возбуждении перед судом ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ряда поименованных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ преступлений обосновывать отсутствие связи между такими преступлениями и осуществляемой подозреваемым, обвиняемым предпринимательской или иной экономической деятельностью. Изменению подверглась и ст. 99 УПК РФ, ныне предписывающая, что в случае избрания предпринимателю меры пресечения в обязательном порядке рассматривается возможность назначения такого её вида, который позволит продолжить осуществление им данной деятельности.

Как отмечается в пояснительной записке к Федеральному закону от 13.06.2023 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», причиной описанных нововведений стал общий рост количества случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также необходимость и актуальность реализации в Российской Федерации системных мер, направленных на исключение избыточного уголовно-правового воздействия в отношении предпринимателей [1]. Принятие законопроекта, по мнению его разработчиков, позволит расширить гарантии лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, в ходе осуществления уголовного преследования [2].

Следует заметить, что впервые особые правила применения указанной принудительной меры в отношении предпринимателей появились в УПК РФ ещё в 2010 г. в связи с принятием Федерального закона от 07.04.2010 №60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепившего невозможность заключения под стражу лиц, совершивших определенные указанные нормой преступления в сфере предпринимательской деятельности. В дальнейшем положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ неоднократно менялись, дополняясь, по существу, лишь в части перечня составов соответствующих преступлений.

Существенным образом анализируемая норма обновилась в 2019 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 02.08.2019 № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: вместо указания на сферу предпринимательской деятельности в законодательстве появилось актуальное и в настоящее время указание на субъекта – предпринимателя, члена органа управления коммерческой организацией и т. д., подозреваемого или обвиняемого в определенном преступлении, совершённом в связи с предпринимательской деятельностью.

Вносимые с 2010 г. в уголовно-процессуальное законодательство изменения, как и в целом особый режим избрания принудительных мер для предпринимателей, традиционно положительно оцениваются в литературе [3]. Однако, как представляется, реализации положительного потенциала ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ препятствует используемая в ней ещё с 2019 г. терминология: дело в том, что по смыслу этой нормы она применяется к предпринимателям не просто в силу их статуса, а лишь в случае, если определенные преступления совершены ими в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности [4]. Анализ правоприменительной практики устойчиво свидетельствует об отсутствии у судов единства именно в понимании как связи с предпринимательской деятельностью большинства поименованных в ст. 108 УПК РФ преступлений, таких критериев, на основе которых следует определять её наличие. Неразрешенность указанных вопросов фактически нивелирует отмеченный ранее положительный потенциал положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, создает реальные проблемы в обеспечении прав лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную экономическую деятельность, при избрании в их отношении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, всё чаще в качестве препятствия для применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ Верховный Суд РФ рассматривает хищение в ходе совершения соответствующего преступления определенным ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ лицом средств государственного или муниципального бюджета (кассационное определение ВС РФ от 10 августа 2021 года № 78-УД21-19-К3, определение

ВС РФ от 13 марта 2024 года по делу № 5-УД24-4-К2). Приведенная позиция высшей судебной инстанции более соответствует ранее действующей редакции п. 8 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», содержащей ссылку на понятие предпринимательской деятельности, закрепленное в ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), и в частности, на её рисковый и самостоятельный характер, но не актуальной редакции указанного пункта, не вводящего подобных условий для целей применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Наиболее же распространенным правоприменительным нарративом региональных судов является и вовсе отказ от использования положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и указание на невозможность их применения в том или ином случае по разным причинам (апелляционное постановление Московского городского суда от 17 августа 2022 г. № 10-17104/2022, апелляционное постановление Калининградского областного суда от 25 августа 2023 г. по делу № 3/1-55/2023, апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 7 апреля 2020 г. по делу № 3/2-154/2020, 22к-929/2020 и др.). Нередко при обосновании своих выводов суды ссылаются на постановления о привлечении в качестве обвиняемых (апелляционное постановление Московского городского суда от 16 февраля 2022 г. № 10-3051/2022), иные материалы; при этом содержание ходатайств следователей и дознавателей в части определения деятельности подозреваемого или обвиняемого как не связанной с предпринимательской или иной экономической не подвергается какой-либо критической оценке.

Решения же, где суды отмечают недостаточное исследование фактических обстоятельств для целей неприменения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и встают на сторону обвиняемых и подозреваемых, встречаются крайне редко (постановление Президиума Камчатского краевого суда от 22 мая 2019 г. № 44у-17/2019, апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28 июля 2023 г. по делу № 3/2-272/2023).

Всё изложенное не может быть оценено положительно: как справедливо отмечают К.В. Камчатов и А.Л. Аристархов, «отсутствие четких критериев дифференциации сферы предпринимательской деятельности, в которой совершены противоправные действия, может либо исключить возможность применения особенностей уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей, либо необоснованно допустить таковую» [5].

В то же время следует признать, что одной из возможных причин подобного ограниченного и «осторожного» применения судами ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ может являться и некое заключенное в ней противоречие: установление связи совершённого предпринимателем преступления с его деятельностью на стадии избрания меры пресечения, спустя непродолжительный период после возбуждения уголовного дела в целом представляется достаточно затруднительным.

Можно заключить, что, несмотря на осуществленные изменения правового регулирования правила избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, всё также толкуются судами неоднозначно.

Существующие проблемы при этом касаются не только собственно установления связи совершённого преступного деяния и осуществляемой подозреваемым или обвиняемым деятельности – анализ ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ свидетельствует о недостаточной ясности и в соотношении понятий предпринимательской и иной экономической деятельности в целом.

Таким образом, попытки оградить представителей предпринимательского сообщества от чрезмерно сурового уголовного преследования путем соответствующих дополнений и изменений законодательства, касающегося заключения под стражу, наталкиваются на три неразрешенные проблемы: проблемы терминологического, процессуального характера, и как следствие, общую проблему обеспечения должной дифференциации данного вида производства как такового [6].

Единственным возможным вариантом решения обозначенных проблем видится внесение изменений в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». Эти изменения, прежде всего, должны быть направлены на возвращение к прежней редакции данного пункта, фактически и применяющейся в настоящее время, и сделанное в соответствии с ним указание на невозможность квалификации в качестве предпринимательской лишь той деятельности, которая связана с хищением государственного и муниципального имущества. Требуется также формулирование четких и недвусмысленных критериев, на которые могли бы опираться следователь и дознаватель, определяя на стадии заявления ходатайства об избрании меры пресечения связь совершённого преступления и осуществляемой подозреваемым или обвиняемым предпринимательской и иной экономической деятельности.

Закрепление указанных положений в виде разъяснений высшей судебной инстанции сделает возможным реальное достижение целей, преследуемых законодателем при формулировании ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, и в конечном итоге – позволит защитить особые интересы предпринимателей при избрании им мер пресечения.

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Там же.

3. *Авдеева Е.В.* Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 245 с.; *Афанасьева С.И., Малыгин К.В.* Заключение под стражу по экономическим преступлениям: общие начала и особенности применения // Пермский юридический альманах. № 4. 2021. С. 566-578; *Зайцев О.А.* Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 10 // СПС «КонсультантПлюс»; *Михеенкова М.А.* Использование мер процессуального принуждения в отношении предпринимателей // Закон. 2021. №5 // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Гончарова В.А.* О различиях в подходах к определению предпринимательской деятельности в отраслях частного и публичного права // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. Е.С. Болтанова, Н.Г. Галковская, Г.Л. Осокина, Г.Г. Пашкова, И.В. Чаднова. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. Ч. 94. С. 17-18.

5. *Камчатов К.В., Аристархов А.Л.* Вопросы защиты прав предпринимателей и пути их решения в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Химичева О.В., Химичева Г.П.* Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 35.

С.В. Грибанова
Ивановский государственный университет
(Иваново, Россия)
SPIN-код 8680-0839

S.V. Gribanova
Ivanovo State University
(Ivanovo, Russia)

**НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ СДЕЛКА И НЕЗАКЛЮЧЕННЫЙ ДОГОВОР:
ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ЕЁ РАЗРЕШЕНИЕ В СУДЕБНОЙ
ПРАКТИКЕ**

**INVALID TRANSACTION AND AN UNFINISHED CONTRACT: THE
PROBLEM OF DIFFERENTIATION AND ITS RESOLUTION IN JUDICIAL
PRACTICE**

На основании изучения гражданского законодательства, практики его применения и доктринальной литературы сделан вывод о том, что недействительный и незаключенный договор представляют собой различные правовые категории, которые не должны отождествляться, ибо верное понимание отличий позволит грамотно использовать юридическую терминологию и правильно толковать и применять нормы гражданского права, относящиеся к договорам и сделкам.

Ключевые слова: *договор, сделка, недействительный договор, незаключенный договор, существенные условия, юридический факт, правовые последствия*

Based on the study of civil legislation, the practice of its application and doctrinal literature, it is concluded that invalid and non-concluded contracts represent different legal categories that should not be identified, because a correct understanding of the differences will allow you to correctly use legal terminology and correctly interpret and apply the norms of civil law related to contracts and transactions.

Keywords: *contract, transaction, invalid contract, non-concluded contract, essential conditions, defects*

Договор как правовая категория многоаспектен, на что неоднократно указывалось в работах классиков отечественной цивилистики, и действующий Гражданский кодекс употребляет этот термин в различных значениях: как предпосылка для возникновения, изменения или прекращения гражданского правоотношения (юридический факт, договор – сделка), как выросшее из этой предпосылки правоотношение (договор – обязательство) и как форма, свойственную этому правоотношению (договор – документ) [1].

Договор, будучи двух- или многосторонней сделкой, представляет собой волевой акт волеизъявления нескольких участников,

взаимонаправленных и согласованных друг с другом. Договор можно считать заключенным, если волю на его заключение изъявили все его стороны. На этапе заключения договора все усилия сторон сосредотачиваются на формировании содержания будущего гражданского правоотношения. Если соглашение удалось достичь, существующий юридический факт приводит к возникновению договорного правоотношения, содержание которого составляют права и обязанности сторон. Соответственно, договор как юридический факт – это причина, а обязательства – это следствие этой причины. Если какое-либо существенное условие договора не согласовано сторонами, договор не может считаться состоявшимся, договор-правоотношение как совокупность субъективных гражданских прав и обязанностей не возникает. Существенные договорные условия моделируют правоотношение и являются необходимыми, но не всегда достаточными для заключения договора-сделки. Достижение соглашения по одним условиям договора (объективным) обязательно необходимо, согласование других (субъективных) остается на усмотрение сторон.

В отличие от несостоявшегося договора недействительный договор – это 1) свершившийся юридический факт – сделка, для права она существует, способна повлечь, хотя и отличные от ожидаемых, правовые последствия; 2) в исключительных случаях подлежит конвализации; 3) может быть преобразована в другой договор, если соответствует предъявляемым к нему требованиям. К незаключенному договору такие правовые инструменты, как конверсия и консолидация, неприменимы, с ним не может быть связано никаких правовых последствий. Исключение составляет исполненный несостоявшийся договор, предоставление по которому надлежит квалифицировать как неосновательное и подлежащее возврату.

Идея разграничения недействительных и несуществующих сделок, возникшая в западноевропейской доктрине, со временем утвердилась и в российском гражданском праве. В известной работе Н.В. Рабинович утверждает, что «недействительная сделка – это состоявшаяся как явление объективной действительности сделка, но лишенная законом правовой силы из-за присущих ей недостатков. Обессилить же состоявшуюся сделку, по мнению ученого, невозможно именно потому, что она никогда не существовала и существовать не могла [2]. Справедливости ради отметим, что есть и противники идеи противопоставления недействительных сделок несуществующим, считающие что это проблема надуманная и не имеет достаточного теоретического обоснования. Так, по мнению А.Г. Карапетова, недействительная сделка не производит свойственного здоровой сделке правового эффекта и с точки зрения права не существует. Если с недействительной сделкой закон и связывает определенные правовые последствия, то это уже иной юридический факт, вполне действительный и существующий [3].

Несмотря на отсутствие должной научно-теоретической разработки

категорий «недействительность» и «незаключенность» договора, указанная терминология активно используется в законодательстве в отношении двух- и многосторонних сделок. Результатом проведенной в 2015 г. реформы обязательственного права стали нормы, ограничивающие применение к договорам правил о недействительности сделок (п. 1 ст. 431.1), и правила оспаривания договоров, признания их незаключенными (п. 3 ст. 432).

Согласно п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса договор считается состоявшейся сделкой, если между сторонами достигнуто соглашение по всем её существенным условиям. В связи с этим перед доктриной и в правоприменительной деятельности возникает важная задача – выявление перечня объективно-существенных условий для поименованных видов договоров, что не всегда успешно реализуется. В большинстве случаев для различных видов договоров, имеющих позитивное регулирование, определяющие или существенные для содержания договора условия прямо названы и с их несогласованием закон прямо связывает незаключенность договора. Так, для договора купли-продажи объективно значимым является условие о товаре, его наименовании и количестве. Если стороны не пришли к соглашению о количестве товара, подлежащего передаче покупателю, в силу прямой законодательной оговорки договор не считается заключенным (п. 2 ст. 465). Аналогичное правило установлено в отношении договора имущественного найма, для которого условие об объекте найма – это существенное условие, и если договор не содержит данных, которые с достаточной степенью определенности позволяют определить имущество, предоставляемое во временное владение/пользование арендатору, договор нельзя считать состоявшимся (п. 3 ст. 607). Иногда в нормативном правовом акте термин «существенные условия» не употребляется, но указывается на обязательность согласования условия. Например, ст. 555 Гражданского кодекса РФ предписывает в договор продажи недвижимости включать цену имущества и вводит запрет на её определение по правилам п. 3 ст. 424.

Таким образом, в нормах об отдельных видах договоров те или иные условия могут быть поименованы по-разному, как существенные или необходимые. В любом случае они подлежат согласованию при заключении договора. Для непоименованных договоров, отличающихся отсутствием перечня обязательных условий, необходимые условия приобретают особое значение и отражают их специфику. Для договоров, название которых происходит от латинского «res» (реальный договор), недостаточно прийти к соглашению относительно существенных условий, необходим ещё и факт передачи вещи.

Отметим, что не всегда сам законодатель последователен, и в процессе толкования нормативных положений не появляется полной ясности, в каких случаях несоблюдение тех или иных требований закона влечет недействительность, а в каких – незаключенность договора. Так, в соответствии с общей нормой, применимой ко всякому договору,

соглашение сторон по существенным условиям договора должно облекаться в установленную для этого соглашения форму (п. 1 ст. 432). Если интерпретировать это правило буквально, то договор, не оформленный надлежащим образом, не может считаться заключенным. Но такой вывод противоречит общим правилам гражданского законодательства о форме сделок, которые устанавливают дифференцированный подход к определению последствий несоблюдения письменной формы сделки. Пороки формы договора по общему правилу не приводят к его квалификации в качестве необязательного к исполнению соглашения. В таком случае наступают процессуально-правовые последствия нарушения норм материального права: стороны лишены права при возникновении разногласий относительно факта заключения договора и его условий ссылаться на показания свидетелей, что, несомненно, усложняет процесс доказывания, но на действительность и существование договора не влияет. Несоблюдение письменной формы приводит к недействительности договора только тогда, когда это прямо предусмотрено законом или по этому условию контрагенты достигли согласия (п. 3 ст. 163).

Если стороны своим соглашением решили усложнить форму договора по сравнению с той, которая установлена для такого договора законом, договор будет заключен лишь при условии придания соглашению установленной формы. Таким образом, формулировка п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса «в подлежащих случаях» согласуется с положением абз. 2 п. 1 ст. 434. Однако Верховный суд в одном из постановлений, посвященном заключению договора и его толкованию, предлагает считать договор заключенным и отправляет искать ответ на вопрос о последствиях несоблюдения формы договора или к специальным правилам гражданского законодательства об отдельных видах договоров или при их отсутствии – к общим правилам о сделках вопреки тому, что предусмотрено в абз. 2 п. 1 ст. 434 [4].

В отношении отдельных видов договоров в нормах права всё ещё встречаются и указания о том, что он может считаться заключенным только с момента государственной регистрации (п. 2 ст. 651; п. 2 ст. 658). Ещё до реформы это правило суды понимали как действующее в отношении третьих лиц, для которых сделка будет иметь правовой эффект только с момента её государственной регистрации. Для сторон связанность договорными узлами наступает с момента заключения и он действует для них и при отсутствии государственной регистрации [5]. Соответственно, для третьих лиц долгосрочный договор аренды здания или сооружения будет считаться заключенным с момента регистрации. К такому договору будут подлежать применению правила о неизблемости договора при смене собственника (ст. 617); о преимущественных правах арендатора (ст. 621); о защите прав титульного владельца (ст. 305).

Таким образом, обращение к гражданскому законодательству и сформировавшейся практике его применения позволяет нам прийти к выводу, что в российской цивилистике не сложилось стройной концепции незаключенности договора, иногда наблюдается простое отождествление незаключенности и недействительности договора, один и тот же дефект (например, подложная подпись на документе) может приводить к различному правовому результату [6]. Между тем, ещё в 2009 г. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что суд должен, рассматривая дело о взыскании по договору, оценивать обстоятельства, свидетельствующие о заключенности и действительности договора, независимо от того, заявлены возражения или встречный иск [7]. При наличии спора о действительности или заключенности договора суд исходит из презумпции заключенности и действительности договора, разумности и добросовестности участников договорных отношений, пока не доказано иное. При наличии нескольких различных вариантов толкования договорных условий суд избирает тот, который будет направлен на сохранение сделки.

В Обзоре судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными от 25 февраля 2014 г. № 65, в п. 1 отмечается, что к незаключенному договору неприменимы правила гражданского законодательства об основаниях недействительности сделок, т. е. незаключенный договор не может признаваться недействительным в силу того, что такой договор не существует не только для права, но и фактически [8]. Такой подход подвергается безжалостной критике, в частности, в работах профессора В.В. Витрянского на том основании, что зиждется на неправильной последовательности оценивания договора-сделки и договора-правоотношения. С точки зрения ученого, при рассмотрении спора о недействительности договора как сделки суд не должен исследовать содержание правоотношения, в том числе на предмет наличия соглашения сторон по всем существенным условиям договорного обязательства.

Полагаем, что на законодательном уровне важно четко обозначить основания для признания договора недействительным или незаключенным, чтобы устранить недопонимание того, какие аспекты договора нуждаются в оценке при решении вопроса о его существовании и действительности, которое нередко демонстрирует нам судебная практика. Правила о сделках, их недействительности применимы к договорам лишь subsidiarily при отсутствии специальных норм, регулирующих заключение договора, и норм, определяющих правовые основания недействительности договора.

1. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Госюриздат, 1975. С. 26.

2. *Рабинович Н.В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 21.

3. Сделки, представительство, исковая давность: Постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: «М-Логос», 2018. С. 325.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 №49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2. П. 3.

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. № 1. 2012. П. 14.

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.01.2003 №6498/02 по делу № А50-14081/2000-Г-12; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2019 № 5-КГ19-25 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

7. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9. П. 1.

8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4. П. 1.

9. *Витрянский В.В.* Недействительность договора и оспаривание договора: проблемы судебного толкования // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 35- 50.

УДК 347

Ю. Дигмар
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)

Y. Digmar
Kazan (Volga Region) Federal University
(Kazan, Russia)

ЗАЩИТА ИНТЕРЕСОВ БЕНЕФИЦИАРОВ МНОГОУРОВНЕВОЙ КОРПОРАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

PROTECTION OF INTERESTS OF MULTILEVEL CORPORATE STRUCTURE BENEFICIARIES

Обоснование наличия у бенефициаров законного экономического интереса в контроле над хозяйственным обществом и получении прибыли от его деятельности при непрямом владении, а также признание правопорядком данного интереса влекут необходимость имплементации в существующие способы правовой охраны средств защиты указанных интересов, в том числе путем предоставления бенефициарам ограниченного объема корпоративных прав.

Ключевые слова: бенефициар, многоуровневая корпоративная структура, защита интересов, корпоративные права.

The beneficiaries are considered to have legitimate economic interest in controlling and profiting from the company, of which they are not direct participants or shareholders. The rule of law, by acknowledging that interest, is destined to implement protection mechanisms into the existing frame of protection methods, e.g. by providing them with limited number of certain corporate rights.

Keywords: beneficiary, multilevel corporate structure, protection of interests, corporate rights.

Многоуровневая корпоративная структура создается в силу различных причин: для упрощения управленческих процессов, для сокрытия конечных выгодоприобретателей, оптимизации внутригрупповых денежных потоков и распределения фискальной нагрузки и т. п. Однако при текущем регулировании подобная структура в случае корпоративного конфликта несет в себе высокий риск негативных последствий для конечных бенефициаров. Как обоснованно отметил С.Л. Будылин, «чем длиннее цепочка владения, тем слабее его правовой контроль над деятельностью общества, находящегося на другом конце цепочки» [1].

Несмотря на то, что само понятие «бенефициар» широко используется в правоприменительной практике по корпоративным спорам, а также по банкротным спорам, осложненным корпоративным элементом, его нормативная дефиниция приведена лишь в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»: под бенефициарным владельцем понимается физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом – юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента (абз. 13 ст. 3 упомянутого Закона).

Гражданское и специальное корпоративное законодательство не содержит термина «бенефициар» или «бенефициарный владелец» в рассматриваемом нами контексте, используя вместо указанного термина описательную характеристику данного лица.

Так, п. 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ раскрывает лишь строго ограниченный объем правомочий и обязанностей бенефициара, который (1) имеет фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе давать указания лицам, названным в п. 1 и 2 ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ; (2) обязан действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно; (3) несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу.

Раскрывая возможность применения данной нормы при решении вопроса о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной

ответственности, Верховный Суд РФ в п. 3 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» также дает наиболее обобщенное описание содержания данного термина. Под бенефициаром понимается лицо, обладающее значительным влиянием при принятии существенных деловых решений в деятельности юридического лица и имеющее фактическую возможность давать юридическому лицу обязательные для исполнения указания, а также иным образом определять его действия.

В приведенных разъяснениях также подчеркивается, что наличие или отсутствие прямого или опосредованного участия в капитале общества либо в его управлении для квалификации лица в качестве бенефициара правового значения не имеет.

Обобщение вышеуказанных положений норм материального права и разъяснений позволяет утверждать, что бенефициар характеризуется через (1) степень влияния (по отношению к бенефициару это характеристика доли (объема) опосредованного участия в капитале общества); (2) должное поведение (долженствование по отношению к обществу); (3) ответственность при нарушении обязанности должного поведения (долженствование в пользу общества). Однако, как видно из указанной парадигмы, каких-либо обязанностей общества и его органов управления в пользу или по отношению к бенефициару не предусмотрено.

Таким образом, действующее законодательное регулирование умалчивает о наличии либо отсутствии, во-первых, каких-либо встречных обязанностей общества и органов управления по отношению к бенефициару, во-вторых, механизмах защиты интересов бенефициара при эксцессе органов управления, т. е. при выходе их за пределы указаний бенефициара, ненадлежащем выполнении данных указаний или абсолютном их невыполнении. Корпоративное законодательство не содержит положений, предусматривающих наличие у бенефициаров корпоративных прав. Тем не менее в судебной практике за фактическими бенефициарами признаётся наличие интереса в отношении контролируемого ими юридического лица [2]. С учетом изложенного защита бенефициаров на текущий момент может осуществляться лишь через защиту их законного интереса, который состоит в возможности определять действия юридического лица и получать выгоду от его деятельности (франц. *bénéfice* – прибыль).

Из принципа гражданского права «всё, что не запрещено, разрешено» следует, что в отсутствие прямого запрета на бенефициарное владение правопорядок признаёт его существование и, соответственно, законный экономический интерес бенефициара (как и любого другого участника гражданского оборота) подлежит судебной защите [3] и должен обрести правовую охрану через создание средств правовой защиты.

Это, в первую очередь, следует из необходимости обеспечить баланс прав и обязанностей участников корпоративных отношений, и, коль скоро бенефициары могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности, то и правопорядок обязан предоставить им соответствующие средства защиты. Данное умозаключение коррелирует с выводами, представленными в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П и от 16.11.2021 г. № 49-П. Иной подход ведет к очевидному дисбалансу и необоснованному лишению бенефициара права на защиту признаваемого правопорядком интереса притом, что правом на подачу иска в соответствии с ч. 1 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ обладает заинтересованное лицо (т. е. лицо, имеющее законный интерес).

Корпоративное законодательство вплоть до настоящего времени не содержит положений, признающих судебную форму защиты интересов бенефициаров. И вплоть до 2016 г. указанным лицам, опосредованно, через «цепочку» хозяйственных обществ, владеющим хозяйственным обществом, правоприменительная практика отказывала в защите, обосновывая это отсутствием у бенефициара статуса участника (акционера) (к примеру, Определение ВАС РФ от 14.04.2010 № ВАС-4225/10).

Сдвиг в пользу признания за бенефициарами права на судебную защиту нарушенного интереса произошел после Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 по делу № 305-ЭС15-14197 и получил свое продолжение в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487.

Несмотря на то, что правоприменительная практика в большинстве своем не признаёт за бенефициарами корпоративных прав, обосновывая возможность их приобретения лишь при владении определенным количеством долей (акций определенного типа) (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.04.2017 г. по делу № 309-ЭС14-923), отдельного внимания заслуживает прямое допущение на уровне Верховного Суда РФ возможности истребования бенефициаром информации о деятельности общества (п. 7 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) в случае, если иным образом защитить права бенефициара невозможно.

Таким образом, наличие неопределенности (а иногда и противоречивости) позиций, выраженных в правоприменительных актах, показывает несовершенство действующего правового регулирования: с одной стороны, за бенефициарами признаётся охраняемый законом интерес, с другой стороны – у них отсутствуют корпоративные права, которые позволяли бы эффективно данный интерес защищать. С учетом того, что

перечень оснований, позволяющих участнику корпорации предъявлять иски от её имени, является ограниченным, как и перечень видов таких исков (Определение Конституционного Суда РФ от 13.02.2024 № 240-О), права бенефициаров оказываются ещё более ограниченными, поскольку отсутствует выбор вариантов защиты.

Полагаем, что неэффективность или полное отсутствие судебной защиты интересов бенефициаров многоуровневой корпоративной структуры не должны быть следствием законодательного пробела или широкой дискреции суда. Напротив, существующую судебную форму защиты корпоративных прав участников (акционеров) целесообразно дополнить механизмами защиты интересов бенефициаров, предоставив им ограниченный объем корпоративных прав.

Правовое обоснование данного тезиса вытекает из экономической составляющей подобных корпоративных правоотношений. Коль скоро бенефициаром признаётся лицо, опосредованно влияющее на деятельность общества и получающее прибыль от данного общества, т. е. по определению В.А. Канашевского, являющееся фактическим («экономическим») собственником компании [4], отсутствует какое-либо разумное обоснование необходимости лишения бенефициаров права судебной защиты, – интересы общества и бенефициара неразрывно связаны между собой аналогично тому, как связаны интересы общества с интересами участников (акционеров) при прямом владении (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.08.2016 по делу № 305-ЭС16-3884).

По аналогии закона косвенный иск как механизм защиты интересов общества может в том числе применяться бенефициаром, но в строго определенных (ограниченных) случаях, когда защита иными способами невозможна или существенно затруднена, в том числе в ситуации корпоративного конфликта, когда иные участники (акционеры) дочернего или материнского общества, органы их управления допускают нарушение прав и законных интересов дочернего общества путем вывода активов, сокрытия информации, действий при наличии конфликта интересов и т. д.

На текущий момент судебная практика фактически признаёт за бенефициарами правомочия, предусмотренные абз. 2 и 3 п. 1 ст. 65.2 Гражданского кодекса РФ. Однако, как уже ранее указывалось, сколь-нибудь экономически оправданного обоснования того, почему бенефициары лишены прав, указанных в абз. 4–6 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, в правоприменительной практике не имеется, притом что предпринимательское право регулирует экономические отношения, связанные непосредственно с осуществлением предпринимательской деятельности [5].

Единственное, что приводится в качестве оправдания приведенной позиции – принадлежность корпоративных прав лишь участникам

(акционерам) общества, что, на наш взгляд, не может служить достаточным основанием для ограничения прав бенефициаров.

1. *Будылин С.Л.* Дело об общем собрании и обманутом бенефициаре, или Аспекты деофшоризации. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31.03.2016 № 305-ЭС15-14197 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 6. С. 9 - 13.

2. *Шиткина И.С.* Бизнес современной России: новые проблемы и пути их преодоления // Право и бизнес. 2023. № 3. С. 4 - 15.

3. *Латынин О.А.* Судебная защита законного экономического интереса // Российский судья. 2021. № 10. С. 7 - 12.

4. *Канашевский В.А.* Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 27 - 38.

5. *Надежин Н.Н.* Развитие идей о правовом обеспечении предпринимательской деятельности в период перехода к рыночной системе хозяйствования // Предпринимательское право. 2023. № 1. С. 49 - 55.

УДК 346

Н.С. Киселев

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)
SPIN-код 5307-3370

N.S. Kiselev

Kazan (Volga region) Federal University
(Kazan, Russia)

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ
КОМПЕНСАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE
OF COMPENSATION RELATIONS UNDER THE LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Автор анализирует различные подходы к определению правовой природы компенсационных отношений и приходит к выводу о том, что такие отношения могут быть квалифицированы как внедоговорные обязательственные, не ограниченные рамками гражданско-правового регулирования. Автор демонстрирует межотраслевую природу компенсационных обязательств на примере компенсационного фонда саморегулируемой организации, а также указывает на

наличие норм, регулирующих компенсационные обязательства, в различных отраслях российского права.

Ключевые слова: компенсация, компенсационные обязательства, внедоговорные обязательства, межотраслевая природа, баланс интересов.

The author analyzes various approaches to determining the legal nature of compensation relations and comes to the conclusion that such relations can be qualified as non-contractual obligations, not limited by the framework of civil law regulation. The author demonstrates the intersectoral nature of compensation obligations using the example of the compensation fund of a self-regulatory organization, and also points to the existence of rules governing compensation obligations in various branches of Russian law.

Keywords: compensation, compensation obligations, non-contractual obligations, intersectoral nature, balance of interests.

Компенсация как элемент правовой действительности – это значимый инструмент восстановления социальной справедливости. Данный институт ориентирован на восполнение возможных затрат, потерь и ущерба, имеющих объективный и часто материальный характер.

Переход к рыночной экономике и экспоненциальное развитие товарно-денежных отношений и предпринимательства, учитывая рисковый характер предпринимательской деятельности, объясняет стремление законодателя включить институт компенсации во множество нормативных правовых актов. Стремление предоставить дополнительные гарантии защиты прав участникам различных правоотношений, обладающих разным правовым статусом, привело к бессистемному использованию термина «компенсация» и производного от него прилагательного «компенсационный», включению их в нормативно-правовые акты различной отраслевой принадлежности. В связи с этим в юридической науке отсутствует единая точка зрения относительно правовой природы отношений, связанных с компенсацией.

Так, профессор В.А. Белов придерживается следующей точки зрения: «Если обязательства — это оковы права, которые должник сам на себя своими целенаправленными действиями налагает, то обязанности возмещения и компенсации вреда обязательствами не являются, ибо никто не причиняет вред для того, чтобы обязаться его возместить (компенсировать)» [1]. Аналогичной точки зрения придерживается профессор Ю.В. Монастырский [2].

Н.К. Басманова также отделяет отношения возмещения и компенсации от обязательств, указывая, что обязательства выступают правовой формой удовлетворения взаимных имущественных интересов, а правоотношения возмещения и компенсации — правовой формой разрешения конфликта имущественных интересов. По её мнению, правоотношения возмещения и компенсации – относительные гражданские правоотношения, возникающие в случае причинения вреда правомерными или неправомерными

действиями либо событиями (поведением, не подконтрольным сознанию и воле лица), содержание которых составляет обязанность одного лица возместить либо компенсировать вред, понесенный другим лицом, и право последнего требовать предоставления такого возмещения (компенсации) [3].

Следует отметить, что приведенные точки зрения характеризуют отношения возмещения и компенсации в гражданско-правовом аспекте, не раскрывают их межотраслевую природу. Данный подход определяет компенсацию как средство защиты гражданского права и меру гражданско-правовой ответственности, применяемую при наличии деликта (причинении вреда).

Отличный взгляд на правовую природу отношений компенсации прослеживается в научных трудах профессора Т.В. Дерюгиной. Она квалифицирует их как гражданско-правовые обязательственные отношения, однако не относит их ни к разновидности деликтных обязательств, ни к внедоговорным обязательствам в целом. Среди конституирующих признаков компенсаторных обязательств Т.В. Дерюгина выделяет:

- основания для исполнения обязательства (в компенсаторном обязательстве ущерб компенсируется в случаях, предусмотренных законом или договором, в деликтном обязательстве причинение вреда порождает прямую обязанность его возмещения во всех случаях);

- субъект, выплачивающий компенсацию, не является субъектом, нарушившим право;

- объем исполнения обязательства (компенсаторное обязательство направлено на компенсацию потерь, размер которых, в отличие от деликтных обязательств, может не восстанавливать положение кредитора в полном объеме).

Т.В. Дерюгина допускает возникновение компенсационных обязательств из договора. В качестве примера она указывает, что развитие компенсаторного обязательства начинается с момента наступления страхового случая, предусмотренного договором страхования. В возникшем компенсаторном обязательстве, страховщик не является субъектом, нарушившим субъективное право страхователя, его поведение правомерно, тем не менее именно он компенсирует убытки, возникшие в имущественной сфере, либо возмещает вред, причиненный жизни и здоровью. При этом параллельно существует деликтное обязательство, где есть лицо, причинившее вред, и потерпевший [4].

А.Дж Джанян считает, что гражданско-правовые обязательства могут быть дифференцированы на договорные, компенсаторные и внедоговорные обязательства. В основу системы компенсаторных обязательств он аналогично Т.В. Дерюгиной закладывает специфические свойства в части целеполагания – связанные с восстановлением права, подвергнутого нарушению, и объемом такого восстановления; принципиальные отличия в

статусе компенсирующего субъекта, который не может быть субъектом причинения вреда [5].

Утверждение о том, что компенсационные отношения являются обязательственными, соответствует законодательному определению обязательства, изложенного в ст. 307 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). Согласно данной норме, в силу обязательства должник обязан совершить в пользу кредитора определенное действие либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Следовательно, компенсационные отношения являются обязательственными, поскольку в них всегда корреспондируют обязанность должника произвести компенсацию и право кредитора требовать оно. Указание на то, что основания возникновения компенсационных обязательств не сводятся к деликту, также соответствует нормам ГК РФ, поскольку ст. 307 ГК РФ содержит отсылку на ст. 8 ГК РФ, где перечень оснований возникновения обязательств является открытым. В данной связи справедливо утверждение А.Е. Шерстобитова о трансформации обязательств, представляющих в настоящее время систему, построенную на иерархическом принципе корреспонденции общих и частных прав и обязанностей [6].

При этом позиция, согласно которой компенсационные обязательства могут возникать из договора, является дискуссионной. Статья 423 ГК РФ указывает на презумпцию возмездности договора, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное. Ранее указанный договор страхования обладает обеспечительной правовой природой, но не компенсационной, его предназначение – предотвращение будущих убытков и потерь при условии оплаты страховой премии. При этом сама идея того, что за получение компенсации лицо должно осуществить какое-либо встречное предоставление в адрес компенсирующего лица (должника) противоречит назначению института компенсации как инструмента восстановления социальной справедливости. Безвозмездный договор также предполагает наличие взаимных прав и обязанностей, что не свойственно компенсационным обязательствам, где компенсирующее лицо не вправе каким-либо образом влиять на реализацию лицом права на компенсацию, в отличие от договора дарения, договора ссуды и им подобных.

Также следует отметить, что в рамках современной правовой действительности компенсационные обязательства не ограничиваются гражданско-правовой сферой, которой свойственно равенство участников регулируемых отношений. Продемонстрировать межотраслевую природу компенсационного обязательства можно на примере такого правового конструкта, как «компенсационный фонд».

В рамках действующего законодательства, регулирующего отдельные виды предпринимательской деятельности, в качестве одного из условий

осуществления соответствующей деятельности указывается вступление в саморегулируемую организацию (СРО) и внесение взносов в её компенсационный фонд. Согласно ст. 13 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» компенсационный фонд СРО создается с целью обеспечения имущественной ответственности членом СРО перед потребителями произведенных ими товаров (работ, услуг) и иными лицами. Таким образом, при ненадлежащем исполнении членом СРО договора или возникновения у него внедоговорных обязательств из причинения вреда, наряду с существующими договорными и возникшими внедоговорными обязательствами, в предусмотренных законом случаях у потерпевшего лица возникает право обратиться за компенсационной выплатой в СРО. При этом обязательства членом СРО по формированию компенсационного фонда и компенсационные обязательства СРО при предъявлении к ней требования о компенсационной выплате невозможно однозначно квалифицировать как гражданско-правовые.

СРО является некоммерческой корпоративной организацией (в форме ассоциации или союза), представляющей собой объединение субъектов предпринимательской и (или) профессиональной деятельности, основанное на членстве, решение о вступлении в СРО субъекты принимают своим самостоятельным волеизъявлением. Формирование компенсационного фонда является обязанностью членом СРО, предусмотренной как законом, так и уставом. Данные отношения имеют корпоративную природу, связаны с членством в профобъединении, но при этом направлены на обеспечение обязательств членом СРО, непосредственно связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности. Неисполнение обязанности по формированию компенсационного фонда влечет исключение из членом СРО, а в случае обязательного саморегулирования такое исключение означает невозможность вступления в СРО в течение определенного периода времени и, соответственно, ограничение права осуществления отдельного вида деятельности.

Таким образом, отношения по формированию компенсационного фонда за счет членских взносов и осуществлению компенсационных выплат из него регулируются как нормами права корпоративного, являющегося подотраслью гражданского права, так и нормами права предпринимательского, которому присуще наличие комплексного правового регулирования, предметом которого в том числе являются вертикальные отношения.

Отдельные нормы, посвященные компенсационным обязательствам, также содержатся в трудовом праве, праве социального обеспечения, иных отраслях права. Следовательно, нельзя отрицать, что институт компенсации носит межотраслевой характер, содержится как в отраслях публичного, так и частного права, а также в комплексных отраслях.

Подводя итог, отметим, что компенсационные отношения – разновидность внедоговорных обязательственных отношений, обладающих межотраслевой природой, в настоящее время выходящие за рамки гражданско-правового регулирования. Исполнение компенсационных обязательств различными субъектами права, независимо от сферы их правового регулирования, является гарантом восстановления социальной справедливости, одним из способов обеспечения баланса публичных и частных интересов, а их нормативное упорядочивание на уровне закона – одним из показателей модели социально-правового государства.

1. Белов В.А. Гражданское право: Особенная часть: учебник. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. С. 265.

2. Монастырский Ю.Э. Возмещение убытков в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Севастополь, 2020. С. 12.

3. Басманова Н.К. Сущность и особенности возникновения правоотношений возмещения и компенсации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 5.

4. Дерюгина Т.В. О компенсаторных обязательствах и их месте в системе гражданско-правовых обязательств // Гражданское право. 2021. № 6. С. 24 – 27.

5. Джанян А.Дж. К вопросу о правовой природе соглашения о возмещении потерь // International Law Journal. 2023. Том 6. № 3. С. 98 – 103.

6. Шерстобитов А.Е. Модернизация ГК РФ в сфере обязательственного права: концептуальные подходы и их реализация // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930-2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 323 – 348.

УДК 347.92

А.Н. Кукарцева

Национальный исследовательский Томский государственный
университет
(Томск, Россия)
SPIN-код 8621-3011

A.N. Kukartseva

National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russia)

СУПЕРСЕРВИС «ПРАВОСУДИЕ ОНЛАЙН»: ПЕРЕЗАГРУЗКА

SUPER SERVICE «JUSTICE ONLINE»: REBOOT

Анализируется процесс разработки и внедрения суперсервиса «Правосудие онлайн». Проанализировано исходное описание суперсервиса и его фактическое

состояние на момент запуска. Концепция сервиса оценивается положительно. Однако воплощение идей и принципов этой концепции в жизнь, но требует дальнейшей работы.

Ключевые слова: правосудие онлайн, суперсервис, монсервис, веб-конференция, Госуслуги, унификация.

The article examines the development and implementation process of the «Justice Online» super-service. It analyzes the original description of the super-service and its actual state at the launch. The concept of the service is viewed positively, but its realization requires further work.

Keywords: Justice Online, super-service, mono-service, web conference, Gosuslugi, standardization.

В российской судебной системе активно развивается технологическая инфраструктура, целью которой является внедрение и использование многообразных форм онлайн-коммуникаций в рамках судебного процесса [1]. В настоящее время широкое использование получили способы дистанционного участия в судебном процессе (видео-конференц-связь, веб-конференция), обращение в суд в электронном виде, использование электронных подписей и т. п. [2].

Судебная власть и законодатель последовательно проявляют активный интерес к цифровым технологиям, при этом зачастую выступая в роли инициатора инноваций. Это формирует благоприятные условия для развития «индустрии автоматизированных юридических услуг в России» [3] и в целом повышения доступности правосудия.

Сегодня всё чаще говорят, что разработан и готов к эксплуатации суперсервис «Правосудие онлайн», размещенный на портале «Госуслуги». Начало его разработки было положено ещё в 2018 г. созданием специализированной комиссии [4].

Идея создания суперсервисов была озвучена в рамках концепции перехода от «Сервисного государства 1.0» к версии 2.0, которую можно назвать амбициозной даже по сегодняшним меркам (федеральный проект «Цифровое государственное управление») [5]. Сервисное государство 2.0. предполагает в том числе полный переход на электронный документооборот, комплексное решение жизненных ситуаций гражданина на основании автоматизированных бизнес-процессов или сервисов, как следствие, использование суперсервисов для типовых государственных услуг, функций и процессов.

В исходном варианте правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности определено 25 приоритетных жизненных ситуаций, для которых к 2021 г. было запланировано создание суперсервисов [6]. Суперсервисы по объему услуг условно можно противопоставить монсервисам.

Моносервисами называют составные части суперсервисов – услуги по конкретным жизненным ситуациям (регистрации брака, ребенка, транспортного средства, распоряжению материнским капиталом и др.). Также суперсервисами называют инструменты информационного обмена для предоставления приоритетных государственных и муниципальных услуг [7]. Отдельные авторы видят их как одно из направлений использования технологий искусственного интеллекта [8].

Судебная защита прав и законных интересов стала одной из таких приоритетных жизненных ситуаций, а суперсервис «Правосудие онлайн» запланирован как пилотная платформа цифрового правосудия. Ответственным за его разработку назначен Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

Это направление развития было поддержано Президиумом Совета судей Российской Федерации, подчеркнута необходимость разработки решений на уровне государственной политики [9].

Для обеспечения онлайн-коммуникации с судами было запланировано создание судебного портала для обеспечения работы суперсервиса, который мог бы обеспечить дистанционный доступ участников судебного процесса в соответствии с процессуальным законодательством к материалам судебных дел [10]. Впоследствии было принято решение о размещении суперсервиса на портале «Госуслуги».

Ряд предложенных опций суперсервиса «Правосудие онлайн» по существу имел служебно-вспомогательный характер (автоматическое определение подсудности, направление и получение документов и уведомлений в электронном виде, получение доступа к материалам дела для ознакомления, расчет и оплата государственной пошлины, удаленное участие в судебных заседаниях с возможностью идентификации по биометрическим данным, консультативное сопровождение пользователя интерактивным помощником) [11]. Согласно концепции разработчиков суперсервиса, создание проектов судебных актов включало использование технологии искусственного интеллекта.

Анонсировалось, что суперсервисы будут развиваться постепенно. В середине 2019 г. на портале «Госуслуги» появился раздел с прототипами и описанием суперсервисов [12]. Тогда же запуск суперсервиса «Правосудие онлайн» был запланирован в 2021 г. Но о начале его разработки было объявлено только в 2020 г. [13]. Поэтому в 2021 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ перенесло срок на конец 2022 г. [14]. Затем было объявлено, что в полном объеме все заявленные функции суперсервиса станут доступны в 2024 г., но отдельные его составляющие будут тестироваться и вводиться в эксплуатацию поэтапно [15]. В отчетном докладе на X Всероссийском съезде судей председатель Совета судей РФ сообщил, что запуск суперсервиса «Правосудие онлайн» запланирован на 2024 г. [16].

В настоящее время судебная система оснащена автоматизированными информационными системами и сервисами, обеспечивающими в том числе электронный документооборот в судах общей юрисдикции, в деятельности мировых судей, арбитражных судах [17]: в 2006 г. начал функционировать информационный портал ГАС «Правосудие» (sudrf.ru), в 2010 г. была создана и с 2011 г. начала функционировать система «Мой Арбитр» (kad.arbitr.ru), в 2015 г. запущен проект создания Комплексной информационной системы судов общей юрисдикции города Москвы (КИС СОЮ) (mos-gorsud.ru), с 2017 г. начал работу интернет-портал ГАС «Правосудие» (www.ej.sudrf.ru).

С учетом уже существующих систем действия, связанные с созданием суперсервиса, можно оценить как разрозненные. Так, в 2020 г. была реализована возможность отслеживания и проверки судами факта оплаты государственной пошлины [18]. Также после объявления о создании суперсервиса началась разработка специализированных судебных чат-ботов для поддержки пользователей [19]. В 2022 г. в судах общей юрисдикции появилась возможность уведомлять участников процесса, направлять судебные акты и запросы с использованием сервиса «Заказные электронные письма» [20]. Первоначально было заявлено о том, что сервис будет располагаться на платформе портала «Госуслуги». Однако во всех планово-финансовых документах указано, что реализация суперсервиса «Правосудие онлайн» будет осуществляться путем доработки системы ГАС «Правосудие» [21]. В обновленной версии документа федерального проекта «Информационная инфраструктура» в рамках национальной программы «Цифровая экономика» было принято решение о прекращении финансирования деятельности, направленной на поддержку информационно-коммуникационной инфраструктуры участков мировых судей [22].

Следовательно, в настоящее время сложно утверждать, что реализация суперсервиса приведет к улучшению доступности его услуг, уменьшению административных препятствий, снижению временных, материальных и финансовых издержек на оказание и получение услуг, а также к повышению уровня удовлетворенности граждан.

Суперсервис, существующий в настоящее время на портале «Госуслуги», позволяет направлять в суд обращения в электронном виде, судьбу которых пользователь впоследствии отслеживает преимущественно на сайте соответствующего суда. Следовательно, его характеристики больше соответствуют определению монсервиса.

Вместе с тем сама идея суперсервиса может быть рассмотрена как первый шаг к более тщательной унификации процессуальных процедур и процессуального законодательства на фоне процессов цифровизации правосудия. Суперсервис формирует алгоритм действий, связанных с обращением лиц к правосудию. И само его существо предполагает, что этот алгоритм будет общим.

Полноценный запуск суперсервиса может служить мотивацией для разрешения проблем, связанных с источниками процессуального права, относящимися к действиям в цифровом пространстве, или по меньшей мере для формирования концепции его развития.

Поэтому в целом идея создания суперсервиса может стать опорой для создания унифицированного подхода к эволюции процессуального законодательства в данной области, который может быть отражен в концепции развития законодательства в сфере цифрового взаимодействия с судами [23].

Ключевая задача, для которой суперсервис «Правосудие онлайн» необходим уже сейчас — это обеспечение веб-конференции для судов общей юрисдикции и мировых судей. Поскольку именно в этих судах отсутствует единая платформа или сервис, обеспечивающий дистанционное участие в процессе вне стен суда.

В остальном на сегодняшний день это только дополнительный способ подачи обращений и документов в суды общей юрисдикции и мировым судьям, который дублирует уже имеющийся сервис. Это приводит к тому, что рядовой пользователь, боясь ошибиться в выборе сервиса [24], будет действовать по старинке, т. е. подавать документы в бумажном виде.

1. Бурдина Е.В., Чижов М.В. Организационно-правовые модели судебной деятельности в условиях платформизации правосудия: опыт России и других стран БРИКС // Журнал российского права. 2023. N 10. С. 116-129 // СПС КонсультантПлюс.

2. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 N 251«Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС КонсультантПлюс; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 N 252«Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС КонсультантПлюс; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.09.2017 N 168«Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС КонсультантПлюс.

3. *Distant & DigitalLegalTech*: от справочных систем к космическим правилам дорожного движения // Закон.ру : сайт. 2024. URL: https://zakon.ru/blog/2021/09/28/legaltech_ot_spravochnyh_sistem_k_kosmicheskim_pravilam_dorozhnogo_dvizheniya (дата обращения: 25.03.2024).

4. Определены составы правкомиссии по цифровому развитию и ее президиума // Экспертный центр электронного государства (Digital Russia): сайт. 2024. URL: <https://d-russia.ru/opredeleny-sostavy-pravkomissii-po-tsifrovomu-razvitiyu-i-ee-prezidiuma.html> (дата обращения: 23.03.2024).

5. Костылева Т. «ПРОФ-ИТ.2018»: региональные льготы IT-компаниям, импортозамещение, государственные «супер-сервисы», бизнес и «Цифровая экономика» // Экспертный центр электронного государства (Digital Russia): сайт. 2024. URL: <https://d-russia.ru/prof-it-2018-regionalnye-lgoty-it-kompaniyam-importozameshhenie->

gosudarstvennye-super-servisy-biznes-i-tsifrovaya-ekonomi%E2%80%A6 (дата обращения: 23.03.2024).

6. Одобрен перечень приоритетных «суперсервисов» // Экспертный центр электронного государства (Digital Russia): сайт. 2024. URL: <https://d-russia.ru/odobren-perechen-prioritetnyh-superservisov.html> (дата обращения: 23.03.2024).

7. Стратегическая карта Казначейства России на 2020-2024 годы (Портфель проектов Федерального казначейства на 2020-2024 годы) (утв. Федеральным казначейством 31 января 2020 г.) // СПС КонсультантПлюс.

8. *Попова Н.Ф.* Возможности и проблемы использования интеллектуальных систем в государственно-управленческой деятельности // Административное право и процесс. 2021. N 5. С. 38-42 // СПС КонсультантПлюс.

9. Постановление Президиума Совета судей РФ от 2 декабря 2019 г. N 798 «О суперсервисе «Правосудие онлайн»// СПС КонсультантПлюс.

10. «Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации» (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 N 9-П) // СПС КонсультантПлюс.

11. *Борисова В.Ф.* Электронные платформы правосудия по гражданским делам: состояние, риски, перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 4. С. 13-17 // СПС КонсультантПлюс.

12. Суперсервисы // Кемеровский муниципальный округ: сайт. 2024. URL: <https://www.akmrko.ru/naselenie/gosuslugi/superservis.php> (дата обращения: 22.03.2024).

13. *Ткачева Н.В.* Информационные технологии и технические средства в производстве суда первой инстанции по уголовным делам // Российский судья. 2023. N 6. С. 33-37 // СПС КонсультантПлюс; Глава ВС РФ рассказал о цифровой трансформации российского правосудия // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. 2024. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30378/ (дата обращения: 22.03.2024); *Габов А.В.* Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. N 1. С. 208-235// СПС КонсультантПлюс.

14. Минцифры скорректировало план по внедрению суперсервиса «Правосудие онлайн» // Правосудие онлайн : сайт. 2024. URL: <https://pravosudieonline.ru/minczifry-skorrektirovalo-plan-po-vnedreniyu-superservisa-pravosudie-onlajn/> (дата обращения: 23.03.2024).

15. *Голубцов В.Г.* Инфраструктурные» обязательства государства по внедрению элементов электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2022. N 2. С. 31-46 // СПС КонсультантПлюс.

16. *Решетняк В.И.* Использование современных информационных технологий для повышения доступности правосудия и уровня защиты прав граждан // Законность. 2023. N 5. С. 49-53 // СПС КонсультантПлюс; *Бурдина Е.В., Чижов М.В.* Организационно-правовые модели судебной деятельности в условиях платформизации правосудия: опыт России и других стран БРИКС // Журнал российского права. 2023. N 10. С. 116-129 // СПС КонсультантПлюс.

17. В Мосгорсуде состоялось совещание по вопросам межведомственного взаимодействия московских судов и Росказначейства // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: сайт. 2024. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/v-mosgorsude-sostoyalos-soveshname-po-voprosam-mezhvedomstvennogo-vzaimodejstviya-moskovskih-sudov-i-roskaznachejstva> (дата обращения: 24.03.2024).

18. План деятельности Федерального казначейства на 2020 год (утв. Минфином России 28.02.2020) // СПС КонсультантПлюс.

19. *Кабацкая Е.А.* Использование искусственного интеллекта как средства оптимизации судебной деятельности // Российский судья. 2023. N 10. С. 51-55 // СПС КонсультантПлюс.

20. Ярошенко Т.В. Электронные доказательства и электронная форма судопроизводства по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. N 4. С. 22-26 // СПС КонсультантПлюс.

21. Приказ Минфина России от 29.11.2019 N 207н «Об утверждении кодов (перечней кодов) бюджетной классификации Российской Федерации, относящихся к федеральному бюджету и бюджетам государственных внебюджетных фондов Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2020 N 57094) // СПС КонсультантПлюс; Приказ Минфина России от 17.05.2022 N 75н «Об утверждении кодов (перечней кодов) бюджетной классификации Российской Федерации на 2023 год (на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов)» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.07.2022 N 69202) // СПС КонсультантПлюс; Приказ Минфина России от 01.06.2023 N 80н «Об утверждении кодов (перечней кодов) бюджетной классификации Российской Федерации на 2024 год (на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов)» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.07.2023 N 74543) // СПС КонсультантПлюс; Информация Минфина России «Сопоставительная таблица целевых статей расходов, применяемых при исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации в 2022 году, к применяемым в 2023 году и плановом периоде 2024 и 2025 гг.» // СПС КонсультантПлюс.

22. Власти отказались от миллиардного проекта по выводу мировых судей в онлайн // Сетевое издание «СNews» («СиНьюс»): сайт. 2024. URL: https://gov.cnews.ru/news/top/2023-09-04_vlasti_otkazalis_ot_milliardnogo (дата обращения: 23.03.2024).

23. Жуйков В.М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве // Журнал российского права. 2010. N 7. С. 5-17 // СПС КонсультантПлюс.

24. Голубцов В.Г. Инфраструктурные обязательства государства по внедрению элементов электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2022. N 2. С. 31-46 // СПС КонсультантПлюс.

О.М. Куницкая
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN-код 9474-5056

O.M. Kunitskaya
Belarusian State University
(Minsk, Republic Belarus)

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

ACQUISITION OF RIGHTS TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS AS A METHOD OF INVESTMENT

На основе теории институционализации и систематизации отраслей законодательства и отраслей права формализуется такой институт инвестиционного права, как способы осуществления инвестиций. Показана комплексность данного института на примере осуществления инвестиций приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: *инвестиции; способы осуществления инвестиций; приобретением прав; объекты интеллектуальной собственности; имущественные права; институт инвестиционного права.*

Based on the theory of institutionalization and systematization of branches of legislation and branches of law, such an institution of investment law is formalized as ways of making investments. The complexity of this institution is shown using the example of investment through the acquisition of rights to intellectual property.

Keywords: *investments; ways of making investments; acquisition of rights; objects of intellectual property; property rights; Institute of Investment Law.*

При решении вопроса о правовой институционализации инвестиционного права важно выработать оптимальную и универсальную его структуру и определения в нем места тех или иных нормативных массивов. Одним из таковых является правовое регулирование способов осуществления инвестиций.

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) «устанавливает правовые основы и осуществления инвестиций на территории Республики Беларусь».

Сам термин «осуществление инвестиций» Закон не определяет. Инвестиции означают объекты гражданских прав с определенными критериями (характеристиками), позволяющими их отнести к инвестициям и приводится их открытый перечень (ст. 1 Закона об инвестициях). Одним из

ключевых признаков является «вложение объекта гражданских прав». Уяснить данное действие помогает отдельная норма указанного Закона о способах осуществления инвестиций (ст. 4 Закона об инвестициях), среди которых названо «приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности» (далее – ОИС). Как указывалось нами ранее, исследуемый способ осуществления инвестиций несколько ограничен рамками «приобретения прав на объекты ОИС». В инвестиционном законодательстве Республики Беларусь соотношение между экономическими и правовыми аспектами осуществления инвестиций в интеллектуальную собственность учтено в недостаточной степени [1].

Исходя из указанных нормативных положений, можно утверждать, что лицо, которое приобрело право на ОИС, одновременно приобретает статус инвестора и всю предусмотренную Законом об инвестициях совокупность прав и обязанностей инвестора, гарантий прав инвестора, а также мер по защите инвестиций.

Как нам представляется, учитывая определение понятия «инвестиции», все способы осуществления инвестиций, означая суть организованного состояния выполнения определенных действий, должны иметь *общие характеристики*, раскрывающие их содержание. Действия по осуществлению инвестиций: 1) направлены на достижение инвестиционной цели (получение прибыли (доходов) и (или) достижение иного значимого социально-экономического результата); 2) совершаются с помощью вкладываемых объектов гражданских прав, принадлежащих инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться ими; 3) происходят в конкретные объекты осуществления инвестиций (для каждого способа установлены конкретные объекты осуществления инвестиций); 4) выполняет инвестор (инвесторы) и на территории Республики Беларусь [2].

Указанные элементы лежат в основе исследуемого способа и через них устанавливаются связь и общие черты с иными способами осуществления инвестиций. Признаки действия по вложению, а именно «приобретения прав», и объекта осуществления инвестиций, а именно «объекта интеллектуальной собственности», выражают особенности осуществления инвестиций данным способом. Правовые формы для этого способа осуществления инвестиций инвестиционным законодательством не установлены. Конкретные виды договоров, которые могут опосредовать приобретение прав на ОИС, регулируются гражданским законодательством.

В настоящее время в Республике Беларусь сфера интеллектуальной собственности имеет двухуровневую систему регулирования с наличием общего регулирования в соответствующем разделе Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 июля 1998 г. (далее – ГК) и специальным регулированием (Законы Республики Беларусь: от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»; от 17

мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах»; от 3 января 2023 г. «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» и др.).

В зависимости от порядка возникновения прав на них ОИС подразделяют на: 1) объекты авторского права (п. 1 ст. 992, 993 ГК); 2) объекты смежных прав (ч. 1 ст. 994 ГК); 3) объекты права промышленной собственности (ст. 998 ГК). Правовое положение данных объектов может отличаться друг от друга или иметь некоторые особенности.

Относительно того, какие конкретно действия составляют «приобретение прав», отметим, что ст. 981 ГК предусматривает основания «возникновения прав» на ОИС: факт их создания либо предоставление правовой охраны в установленном порядке.

Использование другими лицами ОИС допускается только с согласия правообладателя. Он вправе передать это право другому лицу полностью или частично, разрешить другому лицу использовать объект интеллектуальной собственности и вправе распорядиться им иным образом, если это не противоречит закону.

Передача/переход имущественных прав на ОИС от правообладателя происходит: 1) по договору, 2) по наследству и 3) в порядке правопреемства при реорганизации юридического лица – правообладателя (ст. 984 ГК).

К договорам, *связанным* с приобретением прав на объекты интеллектуальной собственности, относятся: договор уступки исключительного права, лицензионный договор и договор о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности [3].

Подпадая под регулирование инвестиционного законодательства, лицо, осуществляющее вложение инвестиций в ОИС данным способом, становится инвестором с соответствующим правовым статусом (включая обладание правом на льготы и (или) преференции, иные меры государственной поддержки).

Для того чтобы создание/возникновение, передачу/переход имущественных прав на ОИС считать осуществлением инвестиций, необходимо, чтобы данные действия обладали определенными характеристиками:

1) приобретает право на ОИС инвестор. По определению из Закона об инвестициях инвестор – это лицо, осуществляющее (осуществившее) инвестиции на территории Республики Беларусь: 1) гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь; 2) индивидуальный предприниматель; 3) юридическое лицо Республики Беларусь (п. 4 ст. 1 Закона об инвестициях). Какой-то специальной регистрации или выполнение иных действий для признания данных лиц инвесторами законодательством не предусмотрено;

2) инвестор должен вложить свое имущество (объекты гражданских прав) или, другими словами, обменять принадлежащие ему на законном основании объекты гражданских прав (например, денежные средства, акции, иное движимое или недвижимое имущество) на право на ОИС, что предполагает возмездный характер такого «вложения – приобретения»;

3) цель вложения – инвестиционная: инвестор вкладывает свое имущество в ОИС с целью получения прибыли (доходов) и (или) достижение иного значимого социально-экономического результата, иными целями, не связанными с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Что касается перехода прав на ОИС по договору, то к договору, предусматривающему предоставление исключительных прав в период его действия другому лицу на ограниченное время, применяются правила о *лицензионном договоре* (ст. 985 ГК). К договору, предусматривающему передачу исключительных прав другому лицу в полном объеме на весь срок действия исключительного права, применяются правила о *договоре уступки исключительного права* (ст. 984¹ ГК).

По *договору о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности* автор может принять на себя обязательство создать в будущем результат интеллектуальной деятельности и предоставить заказчику, не являющемуся его работодателем, исключительные права на использование этого результата (ст. 986 ГК).

В случае с лицензионным договором сторона, правообладатель – лицензиар, предоставляет другой стороне, инвестору – лицензиату, разрешение использовать соответствующий ОИС. Согласно п. 1 ст. 985 ГК если обе стороны являются коммерческими организациями, то не допускается безвозмездное предоставление права использования ОИС, если иное не установлено законодательными актами.

Для того чтобы считать такое приобретение права на ОИС осуществлением инвестиций, здесь потребуется от лицензиата приобретение только для инвестиционной цели.

Как нам представляется, инвестиционное законодательство здесь может применяться в том случае, если, как указывалось выше, способы создания/возникновения, передачи/перехода имущественных прав на ОИС соответствуют определенным характеристикам, свойственным в совокупности способам осуществления инвестиций (по субъекту, объекту, цели и др.).

В этой связи для инвестора первостепенное значение приобретает, на какие права и гарантии прав, меры государственной поддержки он может рассчитывать. Именно в данном вопросе должна быть проявлена практическая реализация норм инвестиционного законодательства о привлечении инвестиций, создании благоприятных условий для этого и т. п. Именно здесь должно проявляться всё то, что декларируется нормами

инвестиционного законодательства, включая документы программного характера об инвестиционной политике.

В соответствии со ст. 13 Закона об инвестициях инвесторы вправе использовать льготы и (или) преференции, иные меры государственной поддержки, при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики). Они определены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 мая 2016 г. № 372 «О приоритетных видах деятельности (секторах экономики) для осуществления инвестиций». Также следует учитывать, что только инвестор, реализующий инвестиционный проект, может рассчитывать на оказание мер государственной поддержки. Инвестор, обосновывая в инвестиционном проекте документально выполнение определенных условий осуществления инвестиций, может рассчитывать на оказание мер государственной поддержки.

Таким образом, правовые формы приобретения прав на ОИС определены правом интеллектуальной собственности. Для оказания инвестору мер государственной поддержки следует осуществлять инвестиции приобретением прав на ОИС в приоритетных видах деятельности (секторах экономики) и реализовывать инвестиционный проект, в котором обосновывается определенная совокупность правовых условий приобретения прав на ОИС.

К правоотношениям по поводу ОИС инвестиционное законодательство может применяться в том случае, если способы создания/возникновения, передачи/перехода имущественных прав на ОИС в совокупности соответствуют определенным характеристикам, свойственным способам осуществления инвестиций (по субъекту, объекту, цели).

Данные положения обосновывают комплексность правового регулирования способов осуществления инвестиций.

1. *Куницкая О.М.* Приобретение прав на объекты интеллектуальной собственности в системе способов осуществления инвестиций // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Вып. 3 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2023. С. 18-25. С. 24

2. *Куницкая О.М.* Теоретические и правовые проблемы способов осуществления инвестиций в Республике Беларусь // Труд. Профсоюзы. Общество. 2023. № 3. С. 52-60. С. 54.

3. *Бакиновская О.А.* К вопросу о классификации договоров в сфере осуществления инвестиций [Электронный ресурс] // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. Ин-т МВД, 2020. С. 15-20. С. 19

Н.Н. Курова (SPIN-код 8947-4366), **А.С. Андриющенко**
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)

N.N. Kurova, A.S. Andryushchenko
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
(Syktyvkar, Russia)

СПЕЦИФИКА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, ПРИБЫВШИХ В РОССИЮ ИЗ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

SPECIFICS OF LABOR ACTIVITY OF FOREIGN CITIZENS WHO ARRIVED IN RUSSIA FROM THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Выявляются особенности и проблемы правового регулирования трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в Россию из стран Евразийского экономического союза, обосновывается необходимость установления особого контроля за их пребыванием с целью «работа» не только со стороны правоохранительных, но и налоговых органов.

Ключевые слова: трудовая деятельность, иностранные граждане, Евразийский экономический союз.

The article identifies the features and problems of legal regulation of the labor activities of foreign citizens who arrived in Russia from the countries of the Eurasian Economic Union, substantiates the need to establish special control over their stay for the purpose of «work» not only by law enforcement agencies, but also by tax authorities.

Keywords: labor activity, foreign citizens, Eurasian Economic Union.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 5 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане, прибывшие в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, вправе пребывать на территории России 90 суток в течение каждого периода в 180 суток [1]. Во время своего пребывания указанные граждане имеют статус временно пребывающего на территории РФ. После снятия временных ограничений по въезду в РФ из-за пандемии Covid-19 и временного сокращения притока иностранной рабочей силы [2] снова увеличился приток временно пребывающих иностранных граждан в связи с открытием транспортного сообщения между Россией и зарубежными странами [3].

С 29 декабря 2021 г. в законодательство о правовом положении иностранных граждан Федеральным законом от 01.07.2021 № 274-ФЗ были внесены изменения, согласно которым иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Российскую Федерацию после 29 декабря 2021 г., подлежат прохождению медицинского освидетельствования и обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографированию [4].

Данную процедуру обязаны проходить все иностранные граждане, прибывшие на территорию России, не имея при этом разрешительных документов на право проживания в РФ. Исключение составляют лица без гражданства, имеющие временное удостоверение личности лица без гражданства на территории РФ, а также иностранные граждане, являющиеся гражданами Республики Беларусь; иностранные граждане, являющиеся должностными лицами международных организаций, въехавших в Российскую Федерацию с целью исполнения своих должностных обязанностей, и члены их семей; иностранные граждане, не достигшие 6-летнего возраста; иностранные граждане, признанные беженцами либо получившие временное убежище на территории РФ. Помимо этого, согласно принципу взаимности, от прохождения указанных процедур освобождаются иностранные граждане, являющиеся главами дипломатических представительств и главами консульских учреждений иностранных государств в Российской Федерации, членами дипломатического персонала, консульскими должностными лицами, а также членами административно-технического персонала дипломатических представительств или консульских учреждений иностранных государств в Российской Федерации. Полный перечень лиц, подпадающих под исключение, перечислен в п. 22 ст. 5 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Все остальные временно пребывающие иностранные граждане обязаны проходить медицинское освидетельствование и обязательную дактилоскопическую регистрацию за определенный срок, который законодатель определил разным в зависимости от цели въезда на территорию РФ. В случае, если иностранный гражданин въехал на территорию РФ без цели осуществления трудовой деятельности, обязанность по прохождению дактилоскопической регистрации и медицинскому освидетельствованию у такого лица составит в течение 90 дней с даты въезда на территорию РФ. Однако если иностранный гражданин прибыл в РФ с целью «работа», то время для выполнения обязательных требований у него составит 30 дней.

Данные различия в выполнении указанных процедур обусловлены тем, что преимущественно на территорию нашего государства пребывают иностранные граждане именно с целью осуществления трудовой деятельности. Поэтому для лучшего контроля со стороны органов исполнительной власти в сфере внутренних дел за пребыванием

иностранных граждан, прибывших на территорию РФ с целью «работа», и нивелирования рисков распространения опасных для общества инфекционных заболеваний сроки целесообразно сокращены для прохождения медицинского освидетельствования, дактилоскопирования и фотографирования [5]. Кроме того, для упрощенного контроля за законностью осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами такие сроки удобны, так как иностранный гражданин в любом случае обязан в 30-дневный срок получить документы для осуществления трудовой деятельности. Однако это не распространяется на иностранных граждан, прибывших из стран Евразийского экономического союза. Для граждан, имеющих гражданство Армении, Казахстана и Киргизии, такие документы не требуются. Для осуществления трудовой деятельности им необходим только трудовой договор. Именно поэтому данная категория лиц намного чаще совершает административные правонарушения, связанные с непрохождением медицинского освидетельствования, нежели остальные прибывшие в Россию иностранные граждане с целью осуществления трудовой деятельности.

Обозначенный выше тезис вытекает из проведенного анализа судебной практики Сыктывкарского городского суда за 2023 г. В результате анализа получены следующие статистические данные привлечения иностранных граждан к административной ответственности за нарушение иммиграционных правил: из 36 проанализированных кейсов 23 рассмотрены в отношении иностранных граждан, прибывших из стран ЕврАзЭС [6].

Статистика рассмотренных материалов подтверждает проблему неосведомленности иностранных граждан, прибывших из стран ЕврАзЭС, о необходимости прохождения обязательного медицинского освидетельствования иностранными гражданами, прибывшими на территорию Российской Федерации после 21.12.2021.

Указанная негативная практика появляется из-за того, что граждане стран-участников ЕврАзЭС не обращаются в территориальные органы исполнительной власти в сфере внутренних дел для получения патента либо разрешения на работу, а значит, не каждый из них осведомлен о необходимости исполнения обязательства о прохождении медицинского освидетельствования, дактилоскопирования и фотографирования.

Представляется, что для решения указанной проблемы необходимо внесение императивного требования для работодателей осуществлять контроль наличия у иностранного работника документа, подтверждающего прохождение медицинского освидетельствования, фотографирования и дактилоскопирования лица. Данный механизм уже показал свою эффективность на примере действующего законодательства по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины [7].

Договор о Евразийском экономическом союзе предоставляет гражданам стран – участников въезжать на территорию РФ и пребывать на ней, в случае указания цели въезда «работа», на основании заключенного трудового договора (гражданско-правового договора) [8]. Однако законодатель не конкретизирует, кто должен являться работодателем у такого иностранного гражданина, предоставляя ему право выбора. Данное решение не противоречит нормам Конституции РФ и законам России, согласно которым на территории Российской Федерации действует принцип свободы труда, позволяющий гражданам выбирать место работы [9].

При этом, предоставляя такую возможность иностранным гражданам, законодателем не учтен факт злоупотребления данной нормой права. Иностранные граждане, прибывшие из стран ЕврАзЭС, создают трудовые отношения со своими родственниками, проживающими на территории РФ, однако не входящих в перечень лиц, с помощью которых можно подать заявления на разрешительные документы в упрощенном порядке. Данные договоры носят формальный характер, где предметом договора выступает, к примеру, уборка помещения, в котором проживает иностранный гражданин.

Создавая фиктивные договоры, иностранные граждане продлевают свое пребывание на территории России, а реальную цель их нахождения в российском государстве определить органам исполнительной власти в сфере внутренних дел становится затруднительно. Таким образом иностранные граждане развивают теневую экономику, в случае если фактически мигрант трудится в нескольких местах одновременно, но без письменно оформленных трудовых отношений. Нередко иностранные граждане продлевают указанные договоры либо заключают их на неопределенный срок для длительного нахождения на территории РФ, становясь при этом фактически неподконтрольными для органов, исполняющих контрольные (надзорные) функции за пребыванием иностранцев на территории России.

С целью решения обозначенной выше проблемы необходимо установить особый контроль за пребыванием иностранных граждан, прибывших из стран – участников ЕврАзЭС с целью «работа» не только со стороны правоохранительных, но и со стороны налоговых органов. Во-первых, необходимо конкретизировать минимальное вознаграждение за труд иностранного гражданина, установив его в размере минимальной заработной платы по субъекту РФ, где иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность. Во-вторых, видится необходимым внести в ст. 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» норму, обязывающую работодателей представлять в адрес федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или его уполномоченный территориальный орган сведения об исполнении ими обязательств по выплате заработной платы данным иностранным гражданам не позднее последнего рабочего дня месяца, следующего за отчетным кварталом с приложением соответствующих документов,

подтверждающих уплату налога с начисленной заработной платы. Подобная норма уже имеется в рассматриваемом законе, она регламентирует особенности осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами (ст. 13.2).

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

2. Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2020 год // Интернет-портал СНГ URL: <https://www.clck.ru/36YguP> (дата обращения: 01.03.2024).

3. О Перечне иностранных государств, в отношении которых сняты введённые Российской Федерацией временные ограничения на транспортное сообщение: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2022 № 1253-р (ред. от 05.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 22. Ст.3712.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»: федеральный закон от 01.07.2021 № 274-ФЗ // Российская газета. 2021. 5 июля.

5. *Андрющенко А.С., Курова Н.Н.* Проблемы осуществления государственного контроля за пребыванием иностранных граждан на территории Российской Федерации в свете новелл миграционного законодательства // Вестник. Государство и право. № 3(34). С. 11.

6. Постановления суда по делам об административных правонарушениях от 20.10.2023 № 5–2009/2023; от 04.10.2023 № 5-1879/2023; от 02.10.2023 № 5-1870/2023; от 16.09.2023 № 5-1746/2023; от 13.09.2023 № 5-1720/2023; от 04.09.2023 № 5-1657/2023; от 23.08.2023 № 5-1597/2023; от 16.08.2023 № 5-1542/2023; от 16.08.2023 № 5-1540/2023; от 16.08.2023 № 5-1538/2023; от 15.07.2023 № 5-1336/2023; от 21.06.2023 № 5-1125/2023; от 14.06.2023 № 5-1065/2023; от 08.06.2023 № 5-1032/2023; от 08.06.2023 № 5-1031/2023; от 15.04.2023 № 5-678/2023; от 15.04.2023 № 5-675/2023; от 28.03.2023 № 5-564/2023; от 17.03.2023 № 5-507/2023; от 17.03.2023 № 5-506/2023; от 16.03.2023 № 5-494/2023; от 11.03.2023 № 5-470/2023; от 11.03.2023 № 5-469/2023; от 11.03.2023 № 5-468/2023; от 15.02.2023 № 5-309/2023; от 01.02.2023 № 5-215/2023; от 21.01.2023 № 5-147/2023; от 21.01.2023 № 5-146/2023; от 21.01.2023 № 5-145/2023; от 20.01.2023 № 5-136/2023; от 18.01.2021 № 5-122/2023; от 17.01.2023 № 5-117/2023; от 12.01.2023 № 5-85/2023; от 12.01.2023 № 5-83/2023; от 12.01.2021 № 5-82/2023; от 11.01.2023 № 5-73/2023. Документы опубликованы не были. Режим доступа: <https://www.syktsud--komi.sudrf.ru> (дата обращения: 01.03.2024).

7. О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 27.08.2022 № 585 (в ред. от 27.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 35. Ст.6071.

8. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (в ред. от 24.03.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», 2024.

9. О занятости населения в Российской Федерации: федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ // Российская газета. 2023. 19 дек.

Е.В. Белицина (SPIN-код [5258-7197](#)),
О.В. Протопопова (SPIN-код [3377-6831](#))

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

E.V. Belitsina, O.V. Protopopova
Peoples' Friendship University of Russianamed after Patris Lumumba
(Moscow, Russia)

**МЕСТО УСЛОВИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СРЕДИ ИНЫХ УСЛОВИЙ
ДОГОВОРА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА**

**THE PLACE OF THE LIABILITY CLAUSE AMONG OTHER TERMS OF THE
CONTRACT FOR THE PERFORMANCE OF EXPERIMENTAL DESIGN WORK IN THE
FIELD OF STSTE DEFENSE ORDER**

Рассматриваются общие и специфические подходы к вопросам установления условий об ответственности сторон договора на выполнение опытно-конструкторской работы в сфере государственного оборонного заказа с точки зрения их существенности и обязательности, рассматривается обоснованность и допустимость применения мер ответственности, основанных на дополнительных нормативных актах, анализируется судебная практика.

Ключевые слова: договор, заказчик, исполнитель, ответственность, существенные условия, обязательные условия, контрактная система, опытно-конструкторская работа, государственный оборонный заказ.

The article discusses general and specific approaches to the issues of establishing conditions on the liability of the parties to the contract in terms of their materiality and obligation, examines the validity and admissibility of the application of liability measures based on additional regulations, analyzes judicial practice.

Keywords: contract, customer, contractor, liability, essential conditions, mandatory conditions, contract system, development work, state defense order.

Базовые инструменты правового регулирования договоров в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ) основаны прежде всего на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, положениях Федеральных законов N 44-ФЗ «О контрактной системе закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Закон о контрактной системе) [1] и N 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (Закон о ГОЗ) [2]. По мнению Е.А. Свиных,

возникающие при формировании и выполнении государственного оборонного заказа правоотношения должны быть определены в виде «компонента контрактной системы» [3], ведь государственный оборонный заказ, как и вся контрактная система, по сути является «объектом сложного комплексного правового регулирования» [4]. В научной среде специалисты наблюдают определенные негативные тенденции и предпосылки в сфере правового регулирования государственного оборонного заказа, выражающиеся в отсутствии эффективности регламентации, образовании «деструктивных правовых механизмов, препятствующих нормальному функционированию правоотношений» [5]. При этом отмечается проблема разрозненности и бессистемности правового регулирования и, как следствие, возникновение внутренних и внешних противоречий и коллизий.

Одной из таких проблемных точек является вопрос правового регулирования ответственности сторон договора на выполнение опытно-конструкторских работ (ОКР) в сфере ГОЗ. Одним из видов гражданско-правовой ответственности является ответственность за нарушение договорных обязательств. В деловой практике возможность привлечения должника к ответственности возникает как за неисполнение, так и ненадлежащее исполнение обязательств. Такая возможность может быть реализована через: возмещение убытков, взыскание неустойки, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами и т. д. Законодатель закрепил обязанность должника возмещать убытки, которые причинены неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, в том числе когда это повлекло его досрочное прекращение, также законом предусмотрена возможность требования возмещения реального ущерба и упущенной выгоды (ст. 15, ст. 393, 393.1 ГК РФ) [6].

Ответственность сторон договора на выполнение опытно-конструкторских работ в сфере государственного оборонного заказа имеет ряд особенностей. В текущих реалиях требуется видоизменение и ужесточение правовых норм, касающихся юридической ответственности исполнителей всех уровней ГОЗ, которые должны стать гарантом безусловного, своевременного и качественного выполнения государственных заданий, оставаясь при этом в правовом поле. При этом законодателем принимаются меры по усилению ответственности исполнителей в сфере государственного оборонного заказа. Ответственность, являясь мерой государственного принуждения, направлена, прежде всего, на защиту интересов государства, вследствие нарушений исполнителем условий государственного контракта, а также на возможное устранение возникших неблагоприятных последствий.

Так, участники ГОЗ [7] могут нести гражданско-правовую, дисциплинарную, уголовную и административную ответственность. При этом Закон о контрактной системе [8] обязывает в императивном ключе предусматривать в договорах положения об ответственности сторон за

неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств. Одновременно общие нормы Главы 38 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), регулирующие правоотношения, возникающие из договоров на выполнение опытно-конструкторских работ, не содержат специальных норм, посвященных ответственности за неисполнение или просрочку исполнения обязательства. Такая ответственность установлена в соответствии с положениями, сформулированными в главе 25 ГК РФ [9]. При этом напомним, что законодатель возлагает ответственность за нарушение условий договора на исполнителя ОКР, если только он не докажет отсутствие своей вины [10]. Это положение отсылает нас только к п. 1 ст. 401 ГК РФ, что позволяет усомниться в намерениях законодателя распространить на данные отношения действие п. 3 ст. 401 ГК РФ, исключая тем самым повышенную ответственность и даже пренебрегая понятием предпринимательских рисков. Подобная точка зрения находит поддержку в работах некоторых цивилистов [11], считающих, что такое ограничение обуславливается эвристическим характером деятельности при выполнении опытно-конструкторских работ.

Среди условий договора выделяются существенные, отсутствие которых влечет правовое последствие в виде признания договора незаключенным. Законодатель определяет [12] существенными условия о предмете договора, а также такие условия, которые указаны в соответствующем законе или ином нормативно-правовом акте как существенные или необходимые для договоров данного вида, с учетом условий, по которым стороны признают о необходимости достижения соглашения [13]. Для подрядоподобных договоров, к которым определен круг исследователей [14] относит договор на выполнение опытно-конструкторской работы, безусловным существенным условием является его предмет. При этом сложившаяся судебная практика признаёт одним из существенных условий для договоров данного вида – срок исполнения обязательств [15]. Иные существенные условия для договоров ОКР, в том числе об ответственности сторон договора, законодателем не приводятся. Однако роль института ответственности в договорном праве является не менее важной, чем прямо поименованные законодателем существенные условия договоров. Логичным представляется вопрос: может ли условие об ответственности сторон договора являться существенным по смыслу ст. 432 ГК РФ? Так, например, прямое указание на существенность условий об ответственности сторон за несоблюдение сроков исполнения обязательств установлено Постановлением Правительства от 27.12.2004 № 861 [16] при заключении договора по технологическому присоединению к электрическим сетям. Для государственного оборонного заказа здесь работает Постановление Правительства № 1275 от 26.12.2013 [17], в соответствии с положениями которого условия об ответственности заказчика

и исполнителя включаются в контракт с учетом соответствующих положений государственного контракта по ГОЗ.

Интересен момент фактически перекрестного правового регулирования этого вопроса. Например, Закон о контрактной системе [18] включает в тело договора обязательное условие об установлении ответственности через дополнительный нормативно-правовой акт, а сам «дополнительный нормативно-правовой акт» [19] указывает на обязанность включения условий об ответственности сторон за ненадлежащее исполнение обязательств в соответствии со специальным Законом (№ 44-ФЗ).

Также здесь мы можем проследить тенденцию, при которой сторона по договору, принимая предлагаемые в императивном порядке условия, фактически лишаясь права на внесение изменений в текст заключаемого договора, «подключается» к договору присоединения [20]. Эту точку зрения разделяет Д.А. Поляков [21], указывая на невозможность влияния исполнителя на содержание условий договора. Следовательно, в некоторых случаях на поставленный вопрос можно ответить утвердительно.

Возникает следующий вопрос: являются ли обязательные условия договора существенными? Судебная практика [22] указывает на существенность условий об ответственности в силу указанного выше закона [23]. Подобную позицию также поддерживают некоторые исследователи этой проблематики [24]. При этом с правоприменительной точки зрения если стороны не достигают соглашения по обязательным условиям, приравненным к существенным, то такой договор должен автоматически считаться незаключенным. Существует и противоположное мнение [25]: обязательные условия — это подлежащие включению в договор условия, которые могут и не относиться к существенным.

Исполнитель опытно-конструкторской работы несет ответственность за качество и сроки выполняемых работ, за нецелевое использование финансовых средств, выплачиваемых заказчиком, за ненадлежащее качество работ, выполненных соисполнителями, а в случае просрочки исполнения обязательств и в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения заказчик направляет исполнителю требование об уплате штрафных санкций в размере, определенном в специальном порядке отдельным нормативным актом. Для государственного оборонного заказа таким нормативным актом будет Постановление Правительства № 1042 от 30.08.2017 [26], указывающее порядок определения в договоре размеров штрафных санкций, начисляемых за любое нарушенное обязательство, за исключением несвоевременного исполнения. Такое переложение правового регулирования на подзаконный нормативный акт, по нашему мнению, фактически является формальным выходом за пределы общих норм права. Эта точка зрения также находит свое подтверждение в работах цивилистов [27], полагающих, что вынуждение конгломерата правоприменительных органов в различных областях хозяйствования работать над восполнением

пробелов в проблематике применения мер ответственности носит ситуативный характер, хотя и ориентированный на акты высших судебных инстанций – «специфических правовых регуляторов, обладающих определенной степенью обобщенности и легитимности» [28], но не являющийся в полной мере системным и универсальным для применения. При этом нельзя не поддержать мнение [29], что установленная мера ответственности в таком случае будет законной, а не договорной, так как перечень нарушений и его размер определен нормативно-правовым актом, а не договором. Штрафные санкции при этом, несомненно, являются дополнительными по отношению к основному договорному обязательству, т. е. отсутствие в договоре условий об ответственности сторон или её размере не повлечет недействительности такого договора. Следовательно, ответственность сторон договора, не являясь по своей сути поименованным существенным условием договора, несомненно, оказывает значительное влияние на юридическую технику правоприменения, может выступать существенным и требовать обязательного включения в договор.

Таким образом, присоединяясь к мнению О.А. Беляевой о необходимости применения «специфического инструментария правовой модерации» [30] в сфере ГОЗ, в целях преодоления пробелов права, исключения возможности субъективного толкования существующих норм, в развитие правового регулирования отношений, возникающих из договоров на выполнение опытно-конструкторских работ в массиве ГОЗ, считаем необходимым дальнейшее ведение изучения, практической проработки и оценки возможности включения положений об ответственности в число существенных условий договора на выполнение ОКР.

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 275-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О государственном оборонном заказе»// официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2012.

2. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.04.2013.

3. *Свининых Е.А.* Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд как юридическая категория // Современное право. 2016. N 7. С. 85–89.

4. *Джанаев Ч.Б., Воскобойников В.П.* О некоторых вопросах соотношения законодательства о публичных закупках и законодательства о государственном оборонном заказе // Публичные закупки: проблемы правоприменения: Материалы VII Междунар. конф. (13–14 июня 2019 г., МГУ им. М.В. Ломоносова). М., 2019. С. 70.

5. *Беляева О.А., Кабытов П.П., Кузнецов В.И.* Правовое регулирование государственного оборонного заказа: цивилистический и административно-правовой аспекты // Журнал российского права. 2019. N 9. С. 60 //DOI: 10.12737/jrl.2019.9.5 (www.doi.org).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. N 32. Ст. 3301; Российская газета. N 238–239. 1994. 8 дек.
7. Ст. 15 Федеральный закон от 29.12.2012 N 275-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О государственном оборонном заказе»// официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.12.2012.
8. П. 4 ст. 34 Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.04.2013.
9. Ст. 401 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. N 32. Ст. 3301; Российская газета. N 238–239. 1994. 8 дек.
10. Ст. 777 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023)// официальный интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 13.06.2023).
11. *Рябова С.Э.* Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при осуществлении научно-исследовательской, конструкторской и технологической деятельности: автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 24.
12. Ст. 432 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022)// Собрание законодательства РФ. N 32. Ст. 3301 // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Белицина Е.В.* Дуалистическая правовая природа договора на выполнение опытно-конструкторских работ // Сборник материалов международной научной конференции «Правоприменение в публичном и частном праве». Омск: Издательство ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2023. С. 288.
14. *Закржевская И.В.* Договор на осуществление научно-исследовательской деятельности, выполнение опытно-конструкторских и технологических работ: диссертация кандидата юридических наук / И.В. Закржевская. Челябинск, 2009. 216 с.; *Калмыков Ю.Х.* Правовое регулирование хозяйственных отношений. Вопросы гражданского законодательства. Саратов, Изд-во Саратовского. университета, 1982. 204 с.
15. Постановление ФАС Московского округа от 27.02.2014 N Ф05-29/2014 по делу N А40-40884/13// СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.07.2015 N Ф05-8712/2015 по делу N А40-409/14// СПС КонсультантПлюс; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2015 N 09АП-22977/2015-ГК по делу N А40-89200/14 // СПС КонсультантПлюс.
16. Подп. в) п.16 Постановления Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024)// официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> - 23.01.2023// СПС КонсультантПлюс.
17. П. 4 и П. 25 Положения «О примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2013 N 1275// СПС КонсультантПлюс.

18. П. 8 ст. 34 Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.04.2013.

19. П. 24 Положения «О примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2013 N 1275// СПС КонсультантПлюс.

20. Ст. 428 ГК РФ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022)// «Собрание законодательства РФ». 1994. N 32. Ст. 3301// СПС КонсультантПлюс.

21. *Поляков Д.А.* Правовое регулирование договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 18 с.

22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.04.2019 N Ф05-3082/2019 по делу N А40-170542/2018// СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.03.2021 N Ф03-6232/2020 по делу N А59-7610/2019// СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2023 N Ф05-4317/2023 по делу N А40-113560/2022// СПС КонсультантПлюс; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2022 N 09АП-52339/2022 по делу N А40-256294/2021// СПС КонсультантПлюс.

23. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 08.04.2013

24. *Аутлева Р.В.* Отдельные проблемные вопросы взыскания неустойки в современном арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. N 1. С. 36 – 41; *Демидова Г.С., Осипов А.А.* О некоторых правовых проблемах, возникающих при выполнении строительно-монтажных работ для государственных (муниципальных) нужд // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 10. С. 42 – 48; *Джиоева Е.Г.* Особенности гражданско-правовой ответственности сторон по государственному и муниципальному контракту // Российская юстиция. 2016. N 12. С. 5 – 8.

25. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. 848 с.

26. Постановление Правительства РФ от 30.08.2017 N 1042 (ред. от 02.08.2019) «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. N 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. N1063» // официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.09.2017.

27. *Кирпичев Е.А.* Санкции за нарушение контрактов по законодательству о контрактной системе // Публичные закупки: проблемы правоприменения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Юстицинформ, 2014. С. 43; *Головизнин А.В.* Неустойка как мера гражданско-правовой ответственности в контрактных отношениях поставок товаров (выполнения работ,

оказания услуг) для государственных или муниципальных нужд: анализ правоприменения // Право и экономика. 2019. N 3. С.59.

28. *Семякин М.Н.* Цивилистическая практика в Российской Федерации: проблемы гносеологии, методологии и правоприменения: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского института управления - филиала РАНХиГС, 2015. С. 11.

29. *Чваненко Д.А.* Неустойка по государственному контракту: анализ спорных вопросов // Юрист. 2015. N 14. С. 23.

30. *Беляева О.А., Кабытов П.П., Кузнецов В.И.* Правовое регулирование государственного оборонного заказа: цивилистический и административно-правовой аспекты // Журнал российского права. 2019. N 9. С. 65 //DOI: 10.12737/jrl.2019.9.5 (www.doi.org).

УДК 347.1

С.Д. Рабина

помощник нотариуса нотариального округа, г. Санкт-Петербург
(Санкт-Петербург, Россия)
SPIN-код 1504-1427

S.D. Rabina

assistant notary of the notary district of St. Petersburg
(Saint Petersburg, Russia)

**ПРАВО ЧЛЕНОВ СЕМЬИ УМЕРШЕГО ДОЛЖНИКА НА ЖИЛОЕ
ПОМЕЩЕНИЕ, ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ПРИГОДНЫМ ДЛЯ
ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ**

**THE RIGHT OF FAMILY MEMBERS OF A DECEASED DEBTOR
TO A DWELLING THAT IS THE ONLY ONE SUITABLE
FOR PERMANENT RESIDENCE**

Рассмотрена проблема сохранения прав наследников и членов семьи наследодателя, признанного банкротом, на единственное пригодное для проживания жилое помещение, принадлежащее наследодателю. Предложены изменения и дополнения в действующее законодательство.

Ключевые слова: *банкротство гражданина, наследство, единственное жилье, интересы кредиторов, наследники, члены семьи наследователя-банкрота.*

The author considers the problem of preserving the rights of heirs and family members of the testator declared bankrupt to the only habitable living space belonging to the testator. Amendments and additions to the current legislation are proposed.

Keywords: *bankruptcy of a citizen, inheritance, sole residence, interests of creditors, heirs, family members of the bankrupt heir.*

В последние годы актуализировались вопросы защиты жилищных прав участников наследственных правоотношений в рамках дела о банкротстве наследодателя, к числу которых можно отнести наследников и иных членов семьи умершего должника. При банкротстве наследственной массы есть вероятность обращения взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение наследодателя и членов его семьи. Действующее законодательство ставит судьбу единственного пригодного для проживания жилого помещения в зависимость от судебного усмотрения и не содержит четких критериев, позволяющих сохранить жилое помещение за наследниками и членами семьи наследодателя.

Банкротство наследственной массы является специальным случаем банкротства гражданина, который регламентируется ст. 223.1 пар. 4 гл. X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). В имущество наследодателя могут включаться и долги наследодателя. Наследник отвечает по ним в пределах стоимости перешедшего наследства. В наследственную массу может быть включено жилое помещение, которое является единственным пригодным для проживания помещением как наследодателя, так и его наследников.

Общее правило об исполнительском иммунитете установлено в абз. 2 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11. 2002 № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ), по которому имущественный иммунитет действует на единственное жилье, принадлежащее гражданину-должнику и членам его семьи. Пункт 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве определяет, что из конкурсной массы должно быть исключено имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии со ст. 446 ГПК РФ.

Согласно п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве «жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в законе имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание, а также земельные участки, на которых расположены указанные объекты, за исключением случаев, если они являются предметом ипотеки и на них в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание, **могут быть включены в конкурсную массу** по решению арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве». Помимо обременения жилого помещения ипотекой, требование залогодержателя должно быть включено в реестр требований кредиторов должника. Однако законодатель предусматривает исключение из данного правила. Имущество не включается в конкурсную массу: **1) до истечения срока принятия наследства**, если в жилом помещении (его частях) **проживают лица, имеющие право на обязательную долю** в наследстве гражданина, и для них

такое жилое помещение (его части) **является единственным пригодным для постоянного проживания помещением**; 2) **по истечении срока принятия наследства**, если такое имущество является единственным пригодным для постоянного проживания **помещением для наследника**.

«Круг наследников, которые проживают в жилом помещении, являющемся для них единственным жильем, зависит от принятия наследства: если наследство принято, а среди наследников нет наследника, имеющего право на обязательную долю, имущество должно быть включено в конкурсную массу» [1]. «До истечения срока принятия наследства защищаются права проживающих в помещении обязательных наследников, а после его истечения – права любых наследников, даже не проживающих в помещении, но не имеющих другого пригодного для постоянного проживания помещения» [2].

Действующие правила исполнительского иммунитета в парадигме положений Закона о банкротстве наследственной массы не делают исключения для части имущества, соответствующей обязательной доле в наследстве. Однако зарубежное законодательство содержит подобные правила, например, § 327 германского Положения о несостоятельности [3] устанавливает, что обязательные наследники являются кредиторами наследственной массы. «Отечественное законодательство учитывает право на обязательную долю только в контексте требования о том, чтобы не выселять члена семьи наследодателя из единственного пригодного для проживания жилого помещения» [4], обязательные наследники кредиторами наследственной массы не становятся.

В абз. 5 п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве законодатель не указывает, должны ли входить наследники в круг членов семьи умершего и должны ли такие наследники совместно с наследодателем проживать. Вероятно, такая редакция выбрана неслучайно, ведь наследодатель мог оставить завещание и определить наследников, не являющихся членами его семьи, но являющихся близкими людьми для наследодателя, например, сожитель (так называемый «гражданский супруг») наследодателя. Но наследодатель мог иметь иных потенциальных наследников, совместно проживавших с наследодателем, которые были отстранены от наследования завещанием и не имеют право на обязательную долю (например, совершеннолетние дети от «гражданского супруга» наследодателя). При этом такое жилое помещение может являться единственным пригодным для проживания таких лиц, так как они являются членами семьи наследодателя.

Получается, что рассматриваемая норма Закона о банкротстве является более узкой, чем положения ст. 446 ГПК РФ, так как последняя говорит про членов семьи, а Закон о банкротстве говорит о наследниках. Как разъяснено в Определении Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О, положения ст. 446 ГПК РФ направлены на защиту конституционного права на жилище не только самого должника, но и **членов его семьи**. Таким образом,

положения п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротства должно быть изменено и приведено в логическое единство с положением ст. 446 ГПК РФ. Исполнительский иммунитет распространяется на лиц, проживавших с наследодателем и продолжающих проживать в данном жилом помещении [5].

Решая судьбу единственного жилья, законодатель учитывает целый ряд факторов (наличие обязательных наследников, истечение срока принятия наследства), однако факт принятия наследства не обозначен как имеющий значение для определения возможности исключения жилого помещения из конкурсной массы.

Факт принятия наследства наследником показывает, что у наследника есть намерение обладать данным имуществом. Если наследник наследство не принимает, он не выражает свою волю на его приобретение. Данное положение касается и обязательных наследников, ведь право на обязательную долю реализуется только в случае выражения воли наследника на её приобретение. Однако телеологическое толкование п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве показывает, что введение законодателем такой нормы является реализацией конституционно закрепленного права граждан на жилище, достойную жизнь. Учет факта принятия наследниками наследства для возможности исключения из конкурсной массы единственного пригодного для проживания жилого помещения противоречит целям законодателя и социальной политике государства.

Таким образом, необходимо внести изменения в абз. 3 п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве, дополнить словами «независимо от факта его принятия», «членов семьи должника, проживающих в данном помещении» и изложить в следующей редакции: «Имущество, указанное в абзаце 2 настоящего пункта, не включается в конкурсную массу:.....

по истечении срока принятия наследства, установленного законодательством Российской Федерации, **независимо от факта его принятия**, если такое имущество является единственным пригодным для постоянного проживания помещением для наследника **и членов семьи должника, проживающих в данном помещении**».

1. *Кириллова Е.А.* Институт банкротства наследственной массы в российском гражданском праве: проблемы практики // Нотариус. 2018. № 2. С. 26.

2. *Рудик И.Е.* Особенности банкротства наследственной массы // Наследственное право. 2016. № 4. С. 31.

3. Положение о несостоятельности от 5 октября 1994 г. // Германское право. М., 1999. Ч. 3. С. 128 - 220.

4. *Останина Е.А.* Банкротство наследственной массы: в поисках баланса между интересами кредиторов и наследников // Судья. 2017. № 6. С. 60.

5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 июля 2021 года № Ф07-4930/2021 по делу № А56-52892/2019.

А.В. Рябусова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
(Омск, Россия)
SPIN-код 4460-6134

A.V. Ryabusova

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

ОБЖАЛОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЙ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

APPEALING CERTAIN CATEGORIES OF DECISIONS OF THE COURT OF FIRST INSTANCE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURES

На основании анализа отечественного законодательства, позиций Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ, судебной практики объясняется необходимость корректировки подхода к обжалованию ряда определений суда первой инстанции. Предлагается внесение изменений, касающихся апелляционного обжалования ряда определений суда.

Ключевые слова: *определения суда, апелляционное обжалование, определение о назначении экспертизы, определение об оставлении без движения, определение об отводе (самоотводе), условия обжалования.*

Based on an analysis of domestic legislation, the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, and judicial practice, the need to adjust the approach to appealing a number of rulings of the trial court is explained. The author proposes to introduce changes regarding the appeal of a number of court rulings than proposed by the legislator.

Keywords: *court rulings, appeal, ruling on the appointment of an examination, ruling on leaving without movement, ruling on challenge (self-recusal), conditions of appeal.*

Общее правило обжалования определений суда закреплено в нормах ч. 1 и 2 ст. 188 АПК РФ [1].

Положение, изложенное в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», содержит детальный перечень определений, возможность обжалования которых не предусмотрена отдельно от акта, которым дело разрешается по существу [2].

Если обратиться к ГПК РФ, то ч. 1 ст. 331 аналогичным образом регулирует вопрос обжалования определений суда первой инстанции [3].

Пункт 67 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» разъясняет, что в суд апелляционной инстанции обжалуются определения суда первой инстанции, возможность обжалования которых специально предусмотрена ГПК РФ, а также определения, которые исключают возможность дальнейшего движения дела.

Определения, обжалование которых не предусмотрено ГПК РФ специально в отдельных нормах и которые не исключают возможность дальнейшего движения дела, исходя из положений ч. 3 ст. 331 ГПК РФ не могут быть обжалованы отдельно от решения суда первой инстанции [4].

Конституционный суд РФ неоднократно подчеркивал, что право обжалования является структурной составляющей фундаментального права на судебную защиту.

Обжалование определений суда первой инстанции возможно при наличии законодательно установленных условий.

В настоящее время в судопроизводстве преобладает тенденция к упрощению всех процедур [5].

Исследователи высказываются о том, что анализировались возникающие в судебной практике ситуации, при которых разрешение важных в деле вопросов буквально «упирается» в невозможность обжалования конкретного судебного определения [6].

Именно поэтому мной предлагается внесение поправок в статьи процессуальных кодексов посредством корректировки подхода к условиям для обжалования определений суда первой инстанции и введения категории «оказание влияния на существо итогового судебного акта».

Изучая правовое регулирование отдельных процессуальных институтов, хотелось бы остановиться на конкретных видах определений суда первой инстанции с целью предложения поправок в законодательство в части апелляционного обжалования.

Определения о назначении и отказе в назначении судебной экспертизы по общему правилу не подлежат самостоятельному обжалованию, за исключением ранее упомянутых случаев, нашедших отражение в судебной практике: п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 N 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» [7] и «Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011) [8].

Позиции, выработанные судебной практикой, отчасти находятся в противоречии с нормами процессуального закона, что является недопустимым.

Причиной, побуждающей к такому обжалованию, служат допущенные судом при назначении экспертизы нарушения [9].

Интересным в контексте обжалования определений суда о назначении судебной экспертизы является дело, рассмотренное Куйбышевским районным судом г. Омска № 2-5168/2019. При рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции было удовлетворено ходатайство о назначении судебной экспертизы [10].

При определенных условиях, как в настоящем деле, такое процессуальное действие является законным. На мой взгляд, вынесение определения об удовлетворении ходатайства о назначении судебной экспертизы в суде апелляционной инстанции носит исключительный характер. Именно поэтому такое определение должно выноситься с указанием мотивов его принятия. Более того, с предусмотренной возможностью самостоятельного обжалования.

На мой взгляд, действующее правовое регулирование в данной части имеет некоторые пробелы.

В качестве примера приведу дело, рассмотренное Арбитражным судом Омской области № А46-23361/2019. В решении по этому делу суд только указал, что «в данном случае необходимость проведения экспертизы отсутствует, поскольку, по мнению суда, значимые для дела обстоятельства установлены судом на основании совокупности иных относимых и допустимых доказательств» со ссылкой на соответствующие нормы права. В суде апелляционной инстанции при обжаловании решения суда первой инстанции по данному делу было повторно заявлено ходатайство о назначении судебной экспертизы [11].

Полагаю, что возможность самостоятельного обжалования определения об отклонении ходатайства о назначении экспертизы могло сократить срок рассмотрения дела, а мотивированное определение в форме отдельного процессуального акта дало бы возможность сторонам скорректировать правовую позицию по делу.

Суды нередко подробно не мотивируют в итоговом судебном акте решение об отклонении ходатайства о назначении экспертизы либо в качестве мотивов принятого решения приводят только лишь нормы права без соответствующих собственных выводов, что противоречит нормам ст. 225 ГПК РФ, 185 АПК РФ.

Конституционный суд неоднократно указывал на то, что назначаемая судом экспертиза является одним из средств доказывания, а её результаты оцениваются по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании всех имеющихся в деле доказательств, что подлежит отражению в решении, где приводятся мотивы [12].

За редким исключением в итоговых судебных актах детально объясняются причины отказа в удовлетворении судебной экспертизы и

дается оценка судом этих обстоятельств. В качестве примера могу привести дело № А46-22400/2019 [13]. В определении (дело о банкротстве) суд отказал в удовлетворении ходатайства о назначении почерковедческой экспертизы при этом представленные на экспертизу документы проанализировал самостоятельно: «Исходящие письма имеют единый формат, стиль и оформление и исполняются на фирменных бланках. Банк в официальной переписке использует шрифт формата Times New Roman, при этом текст представленного документа исполнен в другом формате. Для Банка несвойственно использование в деловой переписке сокращений в наименовании контрагентов и орфографических ошибок, как в представленном письме».

Говоря о возможности введения обжалования определений, указанных в настоящей работе, следует помнить и о разумных сроках производства по делу, и о процессуальной экономии.

Необходимо обеспечить баланс интересов между правами лиц, участвующих в деле, и не дать законодательную возможность необоснованного затягивания судопроизводства, например, путем установления сокращенных сроков для обжалования отдельных категорий определений.

Предлагается определения о назначении и об отказе в назначении судебной экспертизы относить к определениям, возможность обжалования которых напрямую предусмотрена законом, установив срок для обжалования, не превышающий десяти дней со дня вынесения данного определения. Для реализации данного положения определения о назначении и об отказе в назначении судебной экспертизы следует изготавливать в виде отдельного процессуального документа, предъявляя к нему требования обоснованности и мотивированности.

Определения суда об оставлении искового заявления без движения и определений суда о возвращении искового заявления подлежат аналогичному правовому регулированию в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

В данном случае невозможность обжалования определений суда об оставлении искового заявления без движения может существенно увеличить срок рассмотрения дела, повлечь нарушение принципа разумного срока судопроизводства и привести к нарушению ещё одной составляющей права на судебную защиту – это право на доступ к правосудию.

Определения об отводе (самоотводе) судьи изготавливаются в форме отдельного процессуального акта с указанием мотивов принятого решения, такие определения всё же не подлежат обжалованию, что также затрагивает право лиц, участвующих в деле на независимое, объективное и беспристрастное рассмотрение дела и влияет на реализацию принципа состязательности.

Однако в одном из Определений Конституционный суд РФ высказал позицию, что невозможность обжалования определения судьи об отказе в удовлетворении отвода не приводит к неправомерному ограничению конституционного права на судебную защиту [14].

Говоря о возможности введения обжалования указанных определений, следует помнить о разумных сроках производства по делу, о процессуальной экономии, о противодействии злоупотреблению правом лицами, участвующими в деле. Необходимо обеспечить баланс интересов между правами лиц, участвующих в деле, и не дать законодательную возможность необоснованного затягивания судопроизводства.

Определения о назначении и об отказе в проведении судебной экспертизы; определения об оставлении искового заявления без движения; определения об отводе (самоотводе) судьи предлагается относить к определениям, возможность обжалования которых напрямую предусмотрена законом. Изменения должны коснуться статей, регулирующих указанные процессуальные действия. В качестве «баланса» необходимо установить сокращенный, в десять дней, срок обжалования таких определений.

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

2. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 12 // Российская газета. 2020. № 156.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 // Российская газета. 2021. № 144.

5. Шарипова А.Р. Единые стандарты судебных актов в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводствах // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2(50). С. 123.

6. Терехова Л.А. Условия обжалования определений в гражданском процессе // Вестник Омского университета. Серия Право. 2020. Т. 17. № 3. С. 48.

7. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе: Постановление Пленума ВАС РФ от 04 апреля 2014 г. № 23 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

8. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 3.

9. Райников А.С. Основания обжалования определения о назначении экспертизы в арбитражном процессе: тенденции судебной практики // Молодежь и системная модернизация страны. Сборник научных статей 4-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. 2015. С. 82.

10. Решение от 18 декабря 2019 г. Куйбышевского районного суда города Омска по делу от 18 декабря 2019 г. № 2-5168/2019. URL.: <http://kuybcourt.oms.sudrf.ru/> (дата обращения: 14.09.2023).

11. Решение от 27 февраля 2020 г. Арбитражного суда Омской области по делу № А46-23361/2019. URL.: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.09.2023).

12. По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр "Судебная экспертиза"»: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 43-П // СЗ РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 6116.

13. Решение от 8 февраля 2021 г. Арбитражного суда Омской области по делу № А46-22400/2019. URL.: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.09.2023).

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Черкуновой Натальи Алексеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 331 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 457-О. URL.: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27022020-n-457-o/> (дата обращения: 12.12.2023).

УДК 347.4

Т.Р. Садетдинов

Казанский (Приволжский) Федеральный университет
(Казань, Россия)

T.R. Sadetdinov

Kazan (Volga region) Federal university
(Kazan, Russia)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

THE LEGAL NATURE OF THE CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID EDUCATIONAL SERVICES

Характеризуются отличительные черты договора возмездного оказания образовательных услуг. Анализируется его гражданско-правовая природа. Описываются отличия данного договора от смежных. Характеризуется сущность образовательной услуги, её ключевые признаки.

Ключевые слова: образование, возмездное оказание услуг, договор, правовая природа, предмет договора, образовательная услуга.

The article characterizes the distinctive features of the contract for the provision of paid educational services. Its civil law nature is analyzed. The differences between this agreement

and related ones are described. The essence of the educational service and its key features are characterized.

Keywords: *education, paid provision of services, contract, legal nature, subject of the contract, educational service.*

Ежегодно ценность высшего образования в Российской Федерации неуклонно возрастает. Это подтверждается возросшим числом абитуриентов ведущих российских вузов. Так, «ректоры ведущих вузов рассказывают, что число желающих получить высшее образование растет. Так, в НИУ ВШЭ («Вышку») было подано 91 тысяча заявлений абитуриентов – на 10 % больше, чем в прошлом году. В МАИ собирались поступать 17 тысяч выпускников школ против 12 тысяч годом ранее. В Московском финансово-юридическом университете (МФЮА) рост составил более чем 20 %» [1]. В связи с этим возрастает востребованность платных образовательных услуг, поскольку бюджетное финансирование образования неспособно удовлетворить общественный запрос на получение образования в наиболее популярных сферах общественной жизни, таких как: юриспруденция, IT- образование, медицина. Таким образом, видится необходимым детальное правовое регулирование отношений в сфере оказания возмездных образовательных услуг, для чего, в свою очередь, следует охарактеризовать их правовую природу.

Договор возмездного оказания образовательных услуг является консенсуальным, двусторонне обязывающим, возмездным.

Отношения по оказанию возмездных образовательных услуг регулируется рядом нормативно-правовых актов: Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.09.2020 № 1441 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг». Кроме того, немаловажную роль в регулировании образовательных отношений, в том числе возмездных, играют Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) и локальные акты высших образовательных учреждений.

Говоря о правовой природе договора, невозможно не обратить внимания на его предмет. Предметом обзереваемого договора является образовательная услуга. Необходимо отметить, что дискуссионным является вопрос о сущности образовательной услуги.

Согласно п. 1 ст. 101 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «...платные образовательные услуги представляют собой осуществление образовательной деятельности по заданиям и за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг». В п. 17 ст. 2 установлено, что «образовательная деятельность – деятельность по реализации образовательных программ». Пункт 9 ст. 2 закрепляет, что «образовательная программа – комплекс основных

характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты) и организационно-педагогических условий, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, оценочных и методических материалов, а также в предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях в виде рабочей программы воспитания, календарного плана воспитательной работы, форм аттестации». Таким образом, законодатель, говоря о сущности образовательной услуги, акцентирует внимание на возмездной реализации образовательных программ с присущими им основными характеристиками и организационно-педагогическими условиями.

В свою очередь, доктринальное понимание образовательной услуги концентрируется на её сущностных характеристиках, свойственных ей как объекту гражданских прав.

Одним из ключевых признаков любой услуги является отсутствие какого-либо вещественного результата, она является нематериальной, неосязаемой. Тем не менее её результат выражается в оказании положительного эффекта на индивида. С подобной точкой зрения также согласен А.Ю. Копылов: «Услуга сводится к совершению ряда действий или осуществлению определенной деятельности, при этом, конечно, будет иметь место определенный результат, но не в овеществленной форме, а в виде определенного полезного (положительного) эффекта, для получения которого и заключается договор о её оказании» [2].

Особенно ярко данный признак проявляет себя в отношении образовательной услуги. Как известно, целью оказания образовательной услуги является получение знаний её заказчиком. Но знания, получаемые в рамках образовательного процесса, нельзя отождествлять с понятием «информация»: они значительно шире, чем информация, поскольку содержат жизненный и профессиональный опыт преподавателя и эмоциональное отношение обучающегося к образовательному процессу.

Кроме того, в ГК РФ предусмотрен самостоятельный договор, имеющий сходство с договором на оказание возмездных услуг регулирования, но результатом исполнения которого является овеществленный результат — это договор подряда.

Необходимо отметить, что документ об образовании, выдаваемый в конце обучения, также является нематериальной ценностью, удостоверяющей получение обучающимся полезного эффекта от оказанной услуги, тем не менее этот документ не может считаться результатом оказания данной услуги. С этой позицией согласна, например, Д.Л. Кондратюк: «Образовательная услуга является нематериальной. Это свойство любого предмета договора по оказанию возмездных услуг. Сущность образовательной услуги не меняется даже в тех случаях, когда завершение образовательного процесса предполагает выдачу

обучающемуся документа о завершении образования – диплома, сертификата и т. д. Названный документ является нематериальной ценностью, которая неразрывно связана с личностью человека, указанного в тексте документа. То, что исполнитель выдал заказчику названный документ, подтверждает существование нематериального положительного результата от оказания образовательной услуги. И этот результат выражается в форме полученных потребителем знаний, навыков и умений» [3].

Вторым значимым признаком образовательной услуги является то, что она состоит из большого числа операций, которые последовательно сменяют друг друга. Последовательность оказания образовательной услуги обеспечивает целостность образовательного процесса. В процессе оказания образовательной услуги обучающиеся изучают ряд предметов, каждый из которых в дальнейшем оказывает влияние на изучение оставшихся. Таким образом, правильная последовательность операций имеет первостепенное значение в образовательном процессе.

Третьим признаком образовательной услуги является синхронность её оказания образовательным учреждением в лице преподавателя и получения обучающимся. В рамках образовательного процесса постоянно происходит взаимодействие преподавателя и обучающегося, в связи с этим исполнителю по договору возмездного оказания образовательных услуг необходимо содействие получателя образовательной услуги для полного исполнения своих обязательств по договору. Данную позицию поддерживает С.А. Поликарпов: «...характерной чертой образовательной услуги является то, что без встречных действий со стороны обучающегося её результат не может быть достигнут» [4].

Четвертым признаком услуги является её неотделимость от источника, что придает ей эксклюзивность.

О значимости связи услуги и источника её оказания говорит ст. 780 ГК РФ, согласно которой «если иное не предусмотрено договором возмездного оказания услуг, исполнитель обязан оказать услуги лично». Эксклюзивность образовательной услуги проявляется как во влиянии преподавательского состава на образовательный процесс в целом, так и во влиянии конкретного преподавателя на преподаваемый им предмет.

Эксклюзивность образовательной услуги напрямую влияет на её ценность как объекта гражданских прав, поскольку профессионализм и авторитет преподавателей напрямую увеличивает престиж образовательного учреждения, что, в свою очередь, увеличивает стоимость оказываемых им образовательных услуг.

Пятым признаком услуги – её несохраняемость, которая является одной из причин неустойчивости качества услуг. Услугу невозможно сохранить, поскольку, как было сказано выше, услуга представляет собой не конкретный материальный результат, а некий полезный эффект, который может выражаться в полезном воздействии на тело и разум человека.

Данный признак также актуален и при оказании образовательных услуг. Учебное заведение не может одновременно предоставлять образовательные услуги большему числу обучающихся, чем позволяют возможности преподавательского состава, вместимость учебных кабинетов и т. п.

Несохраняемость образовательной услуги приводит к неустойчивости её качества. При заключении договора возмездного оказания образовательных услуг стороны не могут знать о конечном результате оказанной услуги: на качество услуги влияет не только деятельность исполнителя, но и действия обучающегося, его интеллектуальные и личностные качества. В связи с этим даже лучшие учебные заведения не могут гарантировать уровень качества образовательной услуги, поскольку успешность её оказания напрямую зависит от участия обучающегося в образовательном процессе.

Таким образом, определение образовательной услуги, которым оперирует законодатель, кардинально отличается от сущности образовательной услуги как объекта гражданских прав. Тем не менее считаем, что для полного понимания правовой природы договора возмездного оказания образовательных услуг и внесения дальнейших изменений в образовательное законодательства необходимо использовать как законодательное, так и доктринальное определение образовательной услуги.

Ещё одним отличительным признаком правовой природы возмездного оказания образовательных услуг является особый субъектный состав и то, что зачастую данный договор заключается в пользу третьего лица. Согласно п. 1 ст. 430 ГК РФ: «Договором в пользу третьего лица признаётся договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу». Помимо заказчика и исполнителя в договоре присутствует особый субъект – обучающийся. Специфика данного договора, особенно при оказании возмездных образовательных услуг в сфере высшего образования, заключается в том, что к обучающемуся предъявляется ряд требований, таких как прохождение обязательных аттестаций, наличие образования предыдущего уровня и т. д., при несоответствии которым исполнитель отказывает заказчику в заключении договора. Кроме того, к обучающемуся может быть применена дисциплинарная ответственность, в том числе в виде отчисления. Основания применения данного вида ответственности разнообразны, О.В. Маньков и В.А. Пелипенко выделяют следующие: «Отчисление возможно в случае недобросовестного отношения к обучению, невыполнения требований учебной программы, практических занятий, академическая неуспеваемость» [5].

На основании вышеизложенного отметим, что договор возмездного оказания образовательных услуг обладает уникальной правовой природой и специфическими чертами, которыми он отличается не только от других договоров особенной части ГК РФ, но и выделяется на фоне многообразия договоров по оказанию услуг.

1. *Юршина М.В.* Рост по всем показателям: подведены итоги приемной кампании в вузы// URL: <https://profile.ru/society/rost-po-vsem-pokazatelyam-podvedeny-itogi-priemnoj-kampanii-v-vuzy-1384134/> (дата обращения: 12.03.2024).

2. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е.С. Болтанова, Н.В. Багрова, Т.Ю. Баришпольская [и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук Е.С. Болтановой. М. : ИНФРА-М, 2022. С. 170. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1840455> (дата обращения: 12.03.2024).

3. *Кондратюк Д.Л.* Особенности правового регулирования оказания платных образовательных услуг в системе высшего образования России // Образование и право. 2020. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-okazaniya-platnyh-obrazovatelnyh-uslug-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-rossii> (дата обращения: 13.03.2024).

4. *Поликарпов С.А.* Образовательная услуга как особый предмет договора возмездного оказания образовательных услуг/С.А. Поликарпов// Вестник МФЮА. 2017. №1. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-usluga-kak-osobyi-predmet-dogovora-vozmeznogo-okazaniya-obrazovatelnyh-uslug> (дата обращения: 13.03.2024).

5. *Манько О.В., Пелипенко В.А.* Правовые последствия нарушения договора об оказании образовательных услуг/О.В. Манько, В. А. Пелипенко // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6–5 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-posledstviya-narusheniya-dogovora-ob-okazanii-obrazovatelnyh-uslug-1> (дата обращения: 01.03.2023).

В.П. Скобелев

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)
SPIN-код 7528-3842

V.P. Skobelev

Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)

**О РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ
В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**ON THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN PRINCIPLES OF JUSTICE
IN THE CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Показано, как в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь реализованы принципы законности, а также независимости судей и подчинения их только закону. Обосновано, что данные принципы выступают той основой, на которой формируется весь остальной массив процессуальных норм и институтов.

***Ключевые слова:** гражданское судопроизводство, принципы правосудия, независимость судей, законность, процессуальная норма, процессуальный институт.*

The article shows how the principles of legality, as well as the independence of judges and their subordination only to the law, are implemented in the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus. It is substantiated that these principles act as the basis on which the rest of the array of procedural norms and institutions is formed.

***Keywords:** civil proceedings, principles of justice, independence of judges, legality, procedural norm, procedural institution.*

11 марта 2024 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), который заменит собой Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК). КГС вступает в силу с 1 января 2026 г. Вместе с тем к анализу положений КГС целесообразно обратиться уже сейчас и начать его именно с тех предписаний КГС, которые имеют фундаментальное значение для соответствующей отрасли процессуального права, – принципов гражданского судопроизводства.

Принципам в КГС посвящена отдельная (вторая по счету) глава, которая носит наименование «Цели, задачи и принципы гражданского судопроизводства». Данная глава во многом базируется на нормах главы 2 «Принципы гражданского судопроизводства» ГПК и главы 2 «Основные

принципы судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела» ХПК, хотя в то же время по ряду аспектов (как структурных, так и содержательных) имеет от названных глав ГПК, ХПК и существенные отличия.

Значение закрепленных в КГС принципов судопроизводства сложно переоценить, они играют огромную роль и в формировании, и в функционировании, и в развитии процессуального права [1]. В том числе принципы как нормативные начала общего плана являются источником для разработки (формулирования) более конкретных норм – норм отдельных институтов и иных образований в рамках отрасли права, или, говоря иначе, принципы выступают той несущей конструкцией, на основе и вокруг которой формируется вся система гражданских процессуальных норм.

Согласно ст. 11 КГС судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону, они рассматривают и разрешают дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на свободу формирования их убеждения и волеизъявления. Очевидно, что именно принципом независимости судей и подчинения их только закону объясняется включение в КГС норм об отводах судей (глава 4 КГС) и о безусловной отмене решения суда в апелляционном порядке, если процедура рассмотрения заявления об отводе (самоотводе) судьи не была соблюдена (п. 2 ч. 4 ст. 579 КГС); о том, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (ч. 2 ст. 24, ч. 3 ст. 237 КГС); о вынесении судебного решения в условиях тайны совещания судей (ст. 284 КГС), запрете разглашать данную тайну при изложении судьей своего особого мнения (ч. 2 ст. 31 КГС), запрете допрашивать судью в качестве свидетеля относительно вопросов, возникавших с совещательной комнате (п. 4 ч. 2 ст. 81 КГС), и последствиях нарушения правил о тайне совещания в виде безусловной отмены в апелляционном порядке вынесенного при таком нарушении решения (п. 6 ч. 4 ст. 579 КГС); о возможности пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, если вступившим в законную силу приговором суда установлены преступные деяния судей, повлекшие за собой вынесение незаконного или необоснованного судебного постановления (п. 3 ч. 2 ст. 630 КГС).

Особое место среди гарантий независимости судей занимают нормы, определяющие степень обязательности указаний вышестоящей судебной инстанции, отменившей судебное постановление и направившей дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд. Данные указания обязательны для суда, который вновь будет рассматривать дело, однако суды кассационной и надзорной инстанции не вправе предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, о преимуществах одних доказательств перед другими, а также о том, какое судебное постановление должно быть принято при новом рассмотрении дела (ст. 610, 629 КГС). Думается, что независимости судей призваны способствовать и меры процессуального воздействия, причем как традиционные меры в виде

предупреждения и удаления из зала судебного заседания (п. 2, 3 ч. 2 ст. 123, ст. 126 КГС), так и совершенно новая мера, заключающаяся в ограничении выступления участника судебного разбирательства или лишения его слова (п. 1 ч. 2 ст. 123, ст. 125 КГС). Например, согласно п. 2 ч. 1 ст. 125 КГС лишение участника судебного разбирательства слова допускается, если он, в частности, «допускает грубые выражения или оскорбительные высказывания либо призывает к совершению противоправных деяний».

Принцип законности закреплен в ст. 12 КГС и представляет собой требование о необходимости правильного применения нормативных правовых актов. Данный принцип имеет процессуальную (правильное применение процессуальных норм) и материально-правовую (правильное применение материально-правовых норм) составляющие.

Процессуальная составляющая принципа законности обеспечивается прежде всего самим фактом существования КГС как детального и подробного регламента рассмотрения гражданских дел (КГС включает в себя 640 статей, что практически вдвое превышает объем ХПК и на порядок больше количества содержащихся в ГПК статей), который имеет безусловно обязательный характер не только для участников судопроизводства (иных попадающих в орбиту правосудия лиц), но и для судей (других должностных лиц судов). Но данная составляющая принципа законности, безусловно, имеет и более конкретные проявления. Так, ст. 579 КГС основания к отмене судебного решения судом апелляционной инстанции ввиду нарушения или неправильного применения норм процессуального права дифференцирует на условные (когда нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению дела по существу) и безусловные (когда решение подлежит отмене независимо от правильности разрешения им дела по существу). Эти же процессуальные нарушения согласно ст. 606 КГС служат поводом к отмене судебных решений и в кассационном порядке. Правила надзорного производства несколько иначе формулируют соответствующее основание к отмене судебных постановлений – нарушено единообразное применение судами правовых норм (п. 2 ст. 625 КГС), однако нет никаких сомнений в том, что оно тоже «работает» на обеспечение процессуальной законности.

С материально-правовой точки зрения принцип законности имеет множество проявлений по всему тексту КГС. В частности, это правила о подлежащих применению при разрешении дела источниках материального права (ст. 25 КГС), в том числе нормах иностранного права и обычаях международной торговли (ст. 26 КГС); о привлечении в процесс специалиста для выяснения вопросов существования и содержания норм иностранного права (ч. 3, 5 ст. 26, ст. 87 КГС); о необходимости приведения юридического обоснования требований при обращении в суды первой (п. 9 ч. 2 ст. 238 КГС) и апелляционной (п. 2 ч. 3 ст. 561 КГС) инстанций; о включении в число задач подготовки дела к судебному разбирательству осуществления правовой

квалификации отношений сторон и определения норм права, подлежащих применению при разрешении дела (п. 2 ч. 1 ст. 249 КГС), а в число задач судебного разбирательства – осуществления правильного выбора и применения соответствующих норм права (п. 3 ч. 2 ст. 254 КГС); о возможности обращения суда в Конституционный Суд Республики Беларусь с запросом о проверке конституционности подлежащего применению нормативного правового акта, сомнения в конституционности которого у суда возникли (ч. 2 ст. 12 КГС), и обязательном приостановлении на этот период производства по делу (п. 5 ч. 1 ст. 132 КГС); о предъявлении к судебным постановлениям требования законности (ч. 1 ст. 282 КГС), необходимости разрешения в совещательной комнате вопроса о том, какие акты законодательства должны быть применены по соответствующему делу (п. 5 ст. 285 КГС), и включении результатов разрешения данного вопроса в мотивировочную часть решения суда (ч. 1 ст. 289 КГС).

Вместе с тем в КГС присутствуют институты (нормы), которые в равной мере направлены на обеспечение как процессуальной, так и материально-правовой составляющих принципа законности. Сюда можно отнести институт участия в гражданском судопроизводстве прокурора (§ 3 главы 8 КГС), в том числе возможность инициирования должностными лицами прокуратуры пересмотра судебных постановлений в апелляционном (ч. 5 ст. 555, ч. 1 ст. 556 КГС), кассационном (ст. 599, 601 КГС), надзорном порядках (ст. 622 КГС), а также пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 1 ст. 632 КГС), причем даже в тех случаях (а в отношении кассационного, надзорного пересмотров и пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам такие случаи есть общее правило), когда соответствующие должностные лица прокуратуры участия в рассмотрении дела, по которому вынесено оспариваемое постановление, не принимали. В этой связи стоит заметить, что, по-видимому, именно тем обстоятельством, что деятельность прокурора в гражданском процессе представляет собой одно из проявлений принципа законности, можно объяснить отсутствие в главе 2 КГС, в отличие от главы 2 ГПК (см. ст. 23), упоминания о таком принципе, как прокурорский надзор в гражданском судопроизводстве.

Общий характер (т. е. преследующий цель гарантирования соблюдения и процессуальной, и материально-правовой составляющих принципа законности) имеют и предусмотренные КГС формы проверки судебных постановлений: апелляционное производство (глава 55 КГС), кассационное производство (глава 56 КГС), надзорное производство (глава 57 КГС) и производство по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам (глава 58 КГС). При этом стоит заметить, что разработчики КГС, по сравнению с ГПК, решили увеличить число проверочных стадий гражданского судопроизводства за счет кассационного способа проверки вступивших в законную силу судебных постановлений, базирующегося на одноименной проверочной форме из главы 32 ХПК. С

одной стороны, введение кассации, по-видимому, продиктовано желанием модернизировать функционирующее в настоящее время в гражданском процессе надзорное производство, так как судами кассационной инстанции станут президиумы судов областного уровня (см. ст. 590 КГС), т. е. нынешние первичные надзорные инстанции по гражданским делам. Но, с другой стороны, во введении кассации нельзя не усматривать и стремления усилить гарантии принципа законности, так как основания к отмене (изменению) судебных постановлений в кассационном порядке сформулированы как существенные нарушения норм материального и (или) процессуального права, предусмотренные ч. 2–4 ст. 579 КГС (ст. 606 КГС).

1. *Авдюков М.Г.* Принцип законности в гражданском судопроизводстве / М.Г. Авдюков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 11; *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее / А.Ф. Воронов. М.: Изд. Дом «Городец», 2009. С. 6–10; *Гражданский процесс. Общая часть: учеб.* / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: Изд. Центр БГУ, 2020. С. 50; *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учеб. пособие / Г.Л. Осокина. М.: Юристъ, 2004. С. 106–107; *Пучинский В.К.* Принципы буржуазного гражданского процессуального права / В. К. Пучинский // *Гражданский процесс зарубежных стран* / В.К. Пучинский; под ред. В.В. Безбаха. М.: Зерцало, 2007. С. 40–41; *Решетникова И.В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И.В. Решетникова, В.В. Янков. М.: Норма, 1999. С. 96–98; *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т.В. Сахнова. М.: ВолтерсКлувер, 2008. С. 85–86 с.

Е.С. Трезубов

Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)
SPIN-код [3027-3186](#)

E.S. Trezubov

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРВИЧНОГО ВСТРЕЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF PRIMARY COUNTERCOLLATERAL IN THE COMMERCIAL PROCEDURE

Выявляются критерии признания надлежащими встречных обеспечительных мер, представляемых истцом в арбитражном процессе. Определено, что такие меры должны создавать гарантийный эффект на случай возникновения охранительного правоотношения на случай фактического юридического состава: принятия судом мер по обеспечению иска, проигрыша истца в деле, возникновения убытков у ответчика, наличия причинно-следственной связи между принятием мер по обеспечению иска и убытками ответчика. Констатируется необходимость нормативного определения срока, на который должно предоставляться встречное обеспечение истцом. Также обосновывается необходимость исключения права суда истребовать от истца встречное обеспечение по собственной инициативе как излишне дискреционного полномочия. Первичное встречное обеспечение должно предоставляться истцом самостоятельно или испрашиваться ответчиком, ходатайство которого необходимо рассматривать в судебном заседании с вызовом сторон.

Ключевые слова: *обеспечение иска, встречные обеспечительные меры, первичное встречное обеспечение, правомерное причинение вреда, личное обеспечение.*

The criteria for recognizing counter-interim measures submitted by the plaintiff in the arbitration process as appropriate are identified. It is determined that such measures should create a guarantee effect in the event of a protective legal relationship in the event of the actual legal composition: the court takes measures to secure the claim, the plaintiff loses the case, the defendant incurs losses, there is a cause-and-effect relationship between the adoption of measures to secure the claim and losses defendant. The need for a regulatory definition of the period for which counter-security must be provided by the plaintiff is stated. It also substantiates the need to exclude the right of the court to demand counter-security from the plaintiff on its own initiative as an excessively discretionary power. Primary countersecurity must be provided by the plaintiff independently or requested by the defendant, whose request must be considered in a court hearing with the parties summoned.

Keywords: *security for a claim, counter-injunctions, primary counter-security, lawful infliction of harm, personal security.*

В соответствии с ч. 1 ст. 94 АПК РФ первичное встречное обеспечение может быть предоставлено истцом с целью возмещения возможных для ответчика убытков путем внесения на депозитный счет суда денежных средств в размере, предложенном судом, либо предоставления банковской гарантии, поручительства или иного финансового обеспечения (в т. ч. независимой гарантии) на ту же сумму. Размер встречного обеспечения может быть установлен в пределах от 50 до 100 % имущественных требований истца, указанных в его заявлении, а также суммы процентов от этих требований. Если судом рассматривается требование неимущественного характера, или иск не подлежит оценке, размер встречного обеспечения определяется судом исходя из величины возможных убытков ответчика от принятия мер по обеспечению иска, как разъяснено в п. 47 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 1.06.2023 г. [1].

В случае представления встречного обеспечения истцом самостоятельно, его вид, размер и содержание определяет истец сам. Если же вопрос истребования встречного обеспечения от истца инициируется ответчиком или судом, то размер и срок предоставления встречного обеспечения указывается в определении арбитражным судом. Как разъяснено в п. 46 Постановления Пленума ВС РФ № 15 от 1.06.2023 г., первичное встречное обеспечение должно являться достаточной гарантией возмещения убытков ответчика, в противном случае оно будет признано судом ненадлежащим. Встречное обеспечение не может являться достаточной гарантией возмещения убытков, в частности, из-за невозможности его быстрой реализации, несоразмерного характера, сомнений в добросовестности гаранта.

Кауза встречного обеспечения заключается в создании условий, при которых бы обеспечивался баланс интересов сторон разбирательства за счет увеличения вероятности принятия или сохранения мер по обеспечению иска и за счет реализации гарантийной функции на случай реализации ответчиком права на возмещение убытков от принятых мер по обеспечению иска, предусмотренного ст. 98 АПК РФ.

В рамках настоящей публикации сосредоточимся на оценке критериев, которым должно соответствовать первичное встречное обеспечение. Как было указано, основными видами первичного встречного обеспечения является внесение денежных средств на депозитный счет суда, предоставление поручительства, независимой, в том числе банковской, гарантии. С учетом озвученной каузы и необходимости проверки критериев эффективности представляемого истцом встречного обеспечения необходимо учитывать, что за счет предоставляемых охранительных средств обеспечивается будущее деликтное правоотношение – обязательство по возмещению убытков от принятых мер по обеспечению иска в случае проигрыша истца в деле. В определениях СКЭСВС РФ от 06.05.2016 № 308-ЭС15-18503 [2] и от 25.08.2023 № 307-ЭС19-8097(5) [3] указано, что правила о

возмещении вреда от принятых мер по обеспечению иска признаются частным случаем правомерного причинения вреда. Такая квалификация, хотя и является спорной, заставляет задуматься о фигуре причинителя вреда и лица, санкционировавшего причинение этого вреда (не должен ли при такой квалификации вред возмещать суд за счет средств федерального бюджета?), но применяется лишь с одной целью – исключить из предмета доказывания по иску о взыскании убытков или выплате компенсации в связи с обеспечением иска необходимость установления виновности инициировавшего принятие обеспечительных мер лица.

Сама постановка вопроса о предварительном допущении причинения вреда посредством принятия мер обеспечения иска кажется неправильной, противоречит идее оценки соразмерности обеспечительной меры при разрешении заявления истца (ч. 2 ст. 91 АПК РФ). Мера по обеспечению иска не должна нарушать баланс интересов сторон, что и выясняет суд при разрешении заявления истца, поэтому говорить о санкционировании причинения вреда не приходится. Отсутствие необходимости доказывать наличие вины истца в причинении убытков ответчику, полагаем, объясняется её презюмированием, основанным на факте проигрыша в деле. К тому же для возмещения вреда требуется установить по общему правилу любую форму вины, а не только умысел, а констатировать наличие неосторожности можно в рамках реализации принципа состязательности и рискованных начал процессуальной деятельности [4].

Право на предъявление иска по правилам ст. 98 АПК РФ появится у ответчика только после вынесения судом в основном деле решения об отказе в удовлетворении требований, прекращении производства по делу, оставления заявления без рассмотрения. Таким образом, гарантийная функция встречного обеспечения должна позволять возместить вред, причиненный в связи с принятием мер по обеспечению иска, который ещё не причинен. Объективно оценить размер будущего вреда довольно сложно. Это не всегда может ответчик, и уж тем более не может суд, обладающий в силу ч. 1 ст. 94 АПК РФ правом самостоятельного истребования встречного обеспечения. Именно поэтому указанной выше нормой установлен размер встречного обеспечения – от 50 % до 100 % цены заявленных требований. Здесь дискреционные полномочия суда ограничены минимальными значениями, отступление от которых в большую сторону должно осуществляться при убежденности в вероятности возникновения вреда у ответчика. И обязанность доказывания необходимости применения большего размера встречного обеспечения должна лежать именно на ответчике. Если же встречное обеспечение предоставляется истцом по требованию, не подлежащему оценке, или при рассмотрении иска неимущественного характера, то устанавливать размер исходя из прогнозируемых для ответчика убытков, как предлагает Пленум ВС РФ, нельзя, по сути, такое разъяснение – призыв к «юридическому шаманизму»,

не более. Куда разумнее здесь будет ориентироваться на второй возможный способ восстановления права ответчика, предусмотренного ч. 2 ст. 98 АПК РФ, и определять размер встречного обеспечения исходя из размера компенсации – от 1 (10) тыс. руб. до 1 млн руб. Точность этого диапазона ничем не уступает базовым 50 – 100 % цены иска. Это цифры «из воздуха», оторванные от каузы встречного обеспечения.

Встречное обеспечение может быть предоставлено истцом в виде внесения денежных средств на депозитный счет суда. Хранение внесенных лицом денежных средств на депозитном счете суда осуществляется до распоряжения об их перечислении в соответствии с целевым назначением. Коль скоро денежные средства вносятся в качестве встречного обеспечения, то перечислены они могут быть на основании определения суда о возврате денежных средств или на основании определения о перечислении денежных средств ответчику в счет возмещения ему убытков по правилам ст. 98 АПК РФ. Сдерживающим фактором нахождения денежных средств на депозитном счете суда, таким образом, будет необходимость рассмотрения ходатайства истца или ответчика о перечислении этих денежных средств, и, если необходимость в существовании гарантийной функции всё ещё не отпала, суд должен отказывать истцу в возврате внесенных средств. Между тем, представим себе ситуацию, когда в деле истцом внесено встречное обеспечение и он проиграл в споре, через какой промежуток времени возникнет право ходатайствовать о возвращении внесенных денежных средств на депозитный счет суда? Должны ли мы выжидать срок исковой давности в три года? И нет ли вероятности того, что к моменту истечения этого срока денежные средства как не востребоваанные обратятся в доход государства? Действующее законодательство не дает ответа на этот вопрос. Полагаем, в условиях инфляционных процессов момент, с которого истец может реализовать свое право истребования внесенных денежных средств, должен быть довольно коротким, но установленным с учетом соблюдения баланса прав и законных интересов ответчика, имеющего право на предъявления иска о возмещении убытков.

По всей видимости, срок, на который предоставляется встречное обеспечение, должен включать в себя срок производства в суде первой инстанции (6 месяцев в деле искового производства по общим правилам ст. 152 АПК РФ), срок вступления решения в законную силу (месячный срок подачи апелляционной жалобы по общим правилам ст. 259 АПК РФ), срок рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции (общий трехмесячный срок, установленный в ст. 267 АПК РФ), срок на обращение ответчика с иском в порядке ст. 98 АПК РФ. Очевидно, давать ответчику возможность предъявить свой иск в трехлетний срок, и по этой причине не возвращать денежные средства с депозитного счета суда столько долго, неправильно. Поэтому законом должен быть установлен довольно короткий срок реализации права ответчика. Скажем, трехмесячный. Таким образом, 13

месяцев – внешне достаточный срок, на который предоставляется встречное обеспечение. Между тем, даже такая арифметика не безупречна – во-первых, это лишь общие сроки, иные будут устанавливаться в зависимости от категории дела, вида судопроизводства, конкретных обстоятельств спора, а во-вторых, сроки в арбитражном процессе исчисляются необъективно, в них не включается период отложения судебного разбирательства, и поэтому дело может рассматриваться более одного года в первой инстанции без нарушения сроков. Поэтому применительно к денежным средствам, внесенным на депозитный счет суда, разумнее в определении об их принятии указывать, что по заявлению истца встречное обеспечение может быть ему возвращено не ранее, чем через три месяца после вступления итогового судебного акта в законную силу (кроме отдельных случаев, когда кауза встречного обеспечения отпадет раньше, например, при утверждении судом мирового соглашения встречное обеспечение можно возвращать немедленно).

Поскольку встречное обеспечение может быть предоставлено в виде поручительства или независимой гарантии, а суду необходимо оценить критерии эффективности таких средств, т. е. проверить гарантийную функцию обеспечения, возникает ещё больше сложностей. Здесь нельзя предусмотреть срок личного обеспечения в зависимости от вынесенного судом акта, по правилам ст. 190 ГК РФ судебный акт нельзя рассматривать событием, которое неизбежно должно наступить. Поэтому срок придется определять периодом, иначе поручительство прекратится через два года после заключения договора поручительства (п. 6 ст. 367 ГК РФ), а гарантия вовсе не будет считаться выданной (п. 4 ст. 368 ГК РФ).

Существенными условиями договора поручительства и гарантии признаётся предмет сделки, т. е. существо денежно-эквивалентного предоставления, выплачиваемого кредитору, в силу наступления определенных обстоятельств (неисправности должника в основном обязательстве, в силу качества каузальности), который может быть определен как будущее вероятное обязательство по возмещению убытков ответчику от принятых в конкретном деле мер обеспечения иска. Поскольку размер ответственности поручителя и размер гарантии может определяться не только конкретной суммой, но и быть определяемым в силу качеств каузальности и акцессорности, этот размер можно поставить в зависимость от принятого в будущем судебного акта по делу о взыскании убытков в порядке ст. 98 АПК РФ.

Необходимо также устанавливать благонадежность гаранта. И поручительство, и гарантия – это формы личного обеспечения обязательств, и их гарантийная функция состоит в возможности удовлетворения требований кредитора за счет имущественной массы иного лица, не являющегося должником в обеспеченном обязательстве (иного кроме истца в основном деле лица). Договор поручительства должен заключаться между

ответчиком (кредитором) и поручителем, и раз ответчик уже согласился с предложенными условиями, суду не нужно проверять критерии достаточности и эффективности встречного обеспечения – всё это сделано заинтересованной стороной. Но гарантия – это односторонняя сделка, в отношениях по выдаче гарантии бенефициар (ответчик) не участвует. Поскольку гарантию может выдать любая коммерческая организация, избранная истцом, именно независимая гарантия стала самым популярным способом обеспечения обязательств для целей представления первичного встречного обеспечения. Оценить гарантийную функцию независимой гарантии – значит проверить платежеспособность гаранта, проанализировать его отчет о прибылях и убытках, расшифровки баланса об основных средствах предприятия, сведения о размере остатков на банковских счетах и стоимости активов предприятия. Именно это делают суды, оценивая эффективность независимой гарантии как встречного обеспечения [5].

Поскольку встречное обеспечение может быть дано и в иной форме финансового обеспечения, не исключается применение залога, обеспечительного платежа, непоименованных обеспечительных конструкций, для каждой из которых установлены свои критерии реализации гарантийной функции способа обеспечения. Необходимость оценки эффективности встречного обеспечения, таким образом, предопределяет применение норм материального права, формирование значительного локального предмета доказывания и совершение всех интеллектуальных и процессуальных действий в чрезвычайно сжатый, однодневный срок. Такое усложнение может быть допустимым в контексте судебной политики только в условиях процессуальной активности сторон, но не суда. Убеждены, что суд не должен иметь возможности истребовать первичное встречное обеспечение по собственной инициативе. Право истребования должно быть опосредовано ходатайством ответчика, обосновывающего каузу обеспечения (вероятность причинения убытков), размер обеспечения, участвующего в исследовании критериев эффективности гарантийной функции предоставляемого истцом обеспечения. И такое ходатайство, разумеется, нужно рассматривать не в однодневный, а в более длительный срок. Стороны должны осознавать последствия своих действий и вероятность наступления неблагоприятных последствий для них: истец – реальность предъявления к нему иска по правилам ст. 98 АПК РФ, а ответчик – риск повышения размера судебных издержек за счет платы за выдачу гарантии или поручительства и проведения дополнительных судебных заседаний. Сохранение же дискреционных полномочий суда по истребованию первичного встречного обеспечения видится нам избыточным.

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.05.2016 № 308-ЭС15-18503 по делу № А53-1835/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.08.2023 № 307-ЭС19-8097(5) по делу № А13-8408/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. *Звягина Н.С.* Обеспечительные меры как средство управления процессуальными рисками в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 12. С. 22.
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.09.2022 № Ф10-3454/2022 по делу № А35-3572/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347

А.А. Трофимов

Псковский государственный университет
(Псков, Россия)
SPIN-код1972-7350

A.A. Trofimov

Pskov State University
(Pskov, Russia)

СПОСОБЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ ЧАСТНОГО ПРАВА, ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

WAYS TO INDIVIDUALIZE PRIVATE LAW ENTITIES INTERACTING THROUGH DIGITAL PLATFORMS

Индивидуализация субъектов частного права в цифровой среде осуществляется посредством их идентификации и аутентификации. Рассмотрены способы идентификации и аутентификации лиц, участвующих в частноправовых отношениях с использованием цифровых платформ.

Ключевые слова: аутентификация, биометрическая идентификация, идентификация, субъекты частного права, цифровые платформы.

Individualization of subjects of private law in the digital environment is carried out through their identification and authentication. Methods for identifying and authenticating persons participating in private legal relations using digital platforms are considered.

Keywords: *authentication, biometric identification, identification, subjects of private law, digital platforms.*

Переход к цифровой экономике обусловил появление цифровых платформ. В Российской Федерации принята Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем [1]. Анализ её положений позволяет сделать вывод о том, что под цифровой платформой можно понимать ресурс в сети Интернет, позволяющий его пользователям взаимодействовать онлайн. Платформа (для внешнего мира) – это прежде всего сайт, интернет-ресурс [2]. К таким ресурсам можно отнести, например, маркетплейсы, финансовые и инвестиционные платформы и др.

Взаимодействие субъектов частного права с использованием цифровых платформ осуществляется в следующих частноправовых целях.

Во-первых, для совершения сделок. Например, порядок совершения финансовых сделок с использованием цифровых платформ предусмотрен Федеральным законом от 20.07.2020 № 211-ФЗ [3].

Во-вторых, для проведения собраний гражданско-правовых сообществ. Так, платформа «Госуслуги. Дом» [4] предназначена в том числе для проведения собраний собственников многоквартирных домов.

В-третьих, для обмена юридически значимыми документами в частноправовых отношениях. Например, к одной из функций платформы «Работа России» [5] относится электронный кадровый документооборот.

Использование цифровых платформ субъектами частного права актуализирует вопрос об их индивидуализации в цифровой среде. Дистанционный характер коммуникации в сети Интернет затрудняет процесс установления субъектов, взаимодействующих посредством цифровых платформ. Необходимо достоверно установить лиц, совершающих юридически значимые действия в цифровой среде (идентификация), и подтвердить, что такие действия совершены уполномоченными субъектами (аутентификация). В противном случае сделки, совершённые субъектами частного права с использованием цифровых платформ, могут быть признаны недействительными, что негативно скажется на стабильности гражданского оборота.

Масштабная цифровизация приводит к появлению научного пласта для цивилистических исследований в области правосубъектности, определяющих применение новых инструментов идентификации и персонификации субъектов [6]. Разграничение субъектов частного права вне цифровой среды осуществляется посредством их индивидуализации. Процесс индивидуализации участников частноправовых отношений в цифровой среде, осуществляемый с применением информационных (цифровых) технологий, связан с их идентификацией и аутентификацией. В цифровом гражданском обороте используются цифровые способы идентификации и аутентификации субъектов гражданских правоотношений

[7].

Идентификация субъектов частного права в цифровой среде – это коммуникативный процесс, урегулированный нормами частного права, направленный на установление сведений о лицах, участвующих в гражданском обороте с использованием информационных (цифровых) технологий. На цифровых платформах субъекты частного права могут быть зарегистрированы в качестве физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. То есть идентификация лиц, пользующихся цифровыми платформами, связана с установлением их правового статуса. Для идентификации участников частноправовых отношений применяются идентификаторы – уникальные обозначения субъектов в цифровой среде.

Аутентификация субъектов частного права в цифровой среде – это коммуникативный процесс, урегулированный нормами частного права, направленный на определение подлинности действий участников частноправовых отношений, совершаемых с использованием информационных (цифровых) технологий. Для аутентификации субъектов частного права используются факторы аутентификации: фактор знания (известность субъекту конфиденциальной информации, используемой для аутентификации), фактор владения (фактическое обладание субъектом средством аутентификации), биометрический фактор.

Идентификация и аутентификация субъектов частного права, взаимодействующих с использованием цифровых платформ, осуществляется с применением четырёх основных способов.

Во-первых, с использованием информационных систем, например, ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (портал Госуслуг). Регистрируясь на портале Госуслуг, субъекты частного права представляют сведения, позволяющие достоверно их установить и определить их правовой статус. В настоящее время возможность авторизации с использованием портала Госуслуг реализована многими цифровыми платформами. Например, заключение договоров страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) осуществляется с использованием платформ страховых организаций. Вход в личный кабинет страхователь осуществляет с помощью портала Госуслуг, посредством которого осуществляется его идентификация и аутентификация.

Во-вторых, идентификация и аутентификация, осуществляемые в порядке, установленном правилами цифровых платформ. Условия регистрации субъектов частного права на цифровой платформе (создания учётной записи, личного кабинета и т. п.) осуществляется в соответствии с правилами, установленными такой платформой и изложенными в пользовательских соглашениях и иных документах, размещенных на платформе. При прохождении процедуры регистрации пользователи предоставляют цифровой платформе сведения, в том числе персональные

данные, посредством которых осуществляется их идентификация и аутентификация.

В-третьих, с применением сервисов цифровых экосистем. Цифровые экосистемы состоят из нескольких платформ, сосредоточенных вокруг основного сервиса [8]. Установление субъектов частного права и проверка сведений о них осуществляется посредством сервисов, входящих в состав экосистем и предназначенных для предоставления доступа пользователей к сайтам, приложениям и т. д. такой экосистемы. Данные сервисы предназначены для установления лиц, пользующихся платформами, входящими в состав экосистемы (их идентификации), и подтверждения совершаемых ими действий (их аутентификации), например, сервис СберID [9].

В-четвёртых, биометрическая идентификация и аутентификация. Поскольку данный способ идентификации и аутентификации основан на использовании персональных биометрических данных человека, он применяется исключительно в отношении субъектов частного права, являющихся физическими лицами. В то же время первые три способа идентификации и аутентификации, рассмотренные выше, могут быть применены как к физическим, так и к юридическим лицам.

Биометрическая идентификация и аутентификация субъектов частного права осуществляется с применением государственных и негосударственных (частных, корпоративных и т. д.) информационных систем. В качестве примера можно привести ГИС «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных». Её применение для идентификации и аутентификации субъектов частноправовых отношений допускается абз. 1 ст. 30 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 [10] и п. 5.8 ст. 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ [11].

Примером использования негосударственных систем служит применение программ биометрической идентификации и аутентификации, установленных на пользовательских устройствах, например, Face ID и Touch ID [12]. В настоящее время возможность биометрической идентификации и аутентификации с применением негосударственных систем реализована в банковской сфере. Так, идентификация и аутентификация с применением таких идентификаторов, как лицо человека или отпечаток его пальца, применяется при использовании мобильного приложения банка Тинькофф [13].

1. Минэкономразвития России: сайт URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platforn_i_ekosistem/?ysclid=lazqtvwt9z784536434 (дата обращения: 12.02.2024).

2. Габов А.В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ

(экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.02.2024).

3. Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.

4. Госуслуги.Дом: портал. URL: https://www.gosuslugi.ru/mp_dom (дата обращения: 15.02.2024).

5. Работа России: портал. URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/ekd-info> (дата обращения: 15.02.2024).

6. *Серова О.А.* Эволюция предметных исследований в области гражданского права: связь с новой технологической реальностью // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 85.

7. *Карцхия А.А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», 2019. С. 16.

8. *Лаптев В.А., Словяненко Н.И.* Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. М.: Проспект, 2021. С. 32.

9. Сбер ID: сайт. URL: http://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services/sberid (дата обращения: 16.02.2024).

10. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 12.12.2023) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

11. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3418.

12. Безопасность Face ID и Touch ID: сайт. URL: <https://support.apple.com/ru-ru/guide/security/sec067eb0c9e/web> (дата обращения: 19.02.2024).

13. Тинькофф: сайт. URL: <https://www.tinkoff.ru/bank/help/interfaces/bank-app/security/self-protect/> (дата обращения: 20.02.2024).

Издается в соответствии с оригиналом,
предоставленным организационным комитетом конференции

Дата выпуска: 10.07.2024
Тираж 8 копий. Объем 4,2 Мб

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 22-25-71, 22-25-61, 64-13-07